ГРИГУЛЕВИЧ

Нил Никандров

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга посвящена одному из наиболее выдающихся советских разведчиков. Выходец из скромной литовской караимской семьи, он с успехом защищал республику в Испании; участвовал в устранении Троцкого; был нашим резидентом в Латинской Америке во время Второй мировой войны, сорвав поставки стратегических грузов в фашистскую Германию.

После войны «работал» послом Коста-Рики в Италии и Югославии, был своим человеком в Ватикане, оставаясь сотрудником нелегальной разведки… Чрезвычайная одаренность помогла раскрыться ему «на пенсии»: он стал одним из крупнейших отечественных ученых-историков, лучшим знатоком проблем Латинской Америки и католической церкви, автором многих книг и статей (некоторые — под псевдонимом И. Лаврецкий), в том числе первой биографии на русском языке Эрнесто Че Гевары.

Вклад этого человека в успехи нашего государства по достоинству до сих пор оценить сложно. Первая серьезная попытка сделать это — предлагаемая читателю книга, написанная на большом массиве неизвестных материалов.

- Нил Никандров
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Глава I.
  - Глава II.
  - Глава III.
  - Глава IV.
  - Глава V.
  - Глава VI.
  - Глава VII.
  - Глава VIII.

- Глава IX.
- Глава X.
- Глава XI.
- Глава XII.
- Глава XIII.
- Глава XIV.
- Глава XV.
- Глава XVI.
- Глава XVII.
- Глава XVIII.
- Глава XIX.
- Глава XX.
- Глава XXI.
- Глава XXII.
- Глава XXIII.
- Глава XXIV.
- Глава XXV.
- Глава XXVI.
- Глава XXVII.
- Глава XXVIII.
- Глава XXIX.
- Глава XXX.
- Глава XXXI.
- ПОСТСКРИПТУМ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Р. ГРИГУЛЕВИЧА
- СПИСОК КНИГ, НАПИСАННЫХ И. Р. ГРИГУЛЕВИЧЕМ[99]
- БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

Нил Никандров
ИОСИФ ГРИГУЛЕВИЧ.
Разведчик, «которому везло»

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК
1167
(967)

ПРЕДИСЛОВИЕ

По-разному оставляют свои следы на земле люди ушедших поколений. Про одних не скажут «ни камень, ни крест, где легли», короткая память о других отмечена только надгробиями, убогими или помпезными — все равно. Третьи живут в своих творениях, материальных или духовных. Но благодарная память народов особо выделяет своих сынов, жизни и деятельности которых посвящаются самостоятельные книги и исследования. Из этих работ судьба плетет нескончаемый венок славы в виде книжной серии «Жизнь замечательных людей».

Сегодня в него вплетается повествование об Иосифе Ромуальдовиче Григулевиче, блестящем представителе бурного, грозного, героического двадцатого века.

Разведчик-нелегал, который стал послом иностранного государства в Италии и Ватикане, мог бы стать героем сериала, замешанного на авантюрном триллере, приключениях и эпизодах крутого боевика. Радом с ним потерялся бы знаменитый фильм «Семнадцать мгновений весны», сотворенный авторским воображением, замечательными актерами и одухотворенный чудесной музыкой. Биография Григулевича победила бы, потому что она состоялась в реальной жизни.

Крупный историк, автор более 30 книг и многих статей вызывал растерянное недоумение своих коллег по академическому цеху своей продуктивностью. Божья отметина не на каждом лбу ставится. Завистники распускали слухи, что И. Григулевич создал теневой цех, где батраки от науки горбатятся от зари до зари, строча бесчисленные книги, статьи, рецензии, очерки, выступления. Но те, кто знал всех тогдашних специалистов по истории Латинской Америки и католицизма, только посмеивались над злопыхателями. Наша историческая наука может только гордиться, что на ее тогдашнем однообразном холмистом ландшафте вдруг выросла могучая вулканическая гора.

Мне судьба подарила 30 лет близкого знакомства, почти неотличимого от дружбы, с Иосифом Григулевичем. Хотя разница в возрасте была не так велика — 15 лет, я неизменно называл его не иначе как Дон Хосе, а он по-отечески обращался ко мне «Коля», даже когда мне было под шестьдесят. Мы оба были разведчиками (в разное время) и профессиональными историками. Это роднило нас. Только у меня, как говорят, «труба была пониже и дым пожиже». Зато я был счастлив, поскольку уровень доверия между нами был выше, чем с большинством

людей из его окружения.

Как-то за праздничным столом в его квартире на Кутузовском проспекте я спросил его напрямую, насколько правдоподобны слухи о том, что он был коста-риканским послом в Италии и был награжден орденом Мальтийского креста самим папой римским. Дон Хосе улыбнулся, вышел в соседнюю комнату и через минуту вернулся. На его груди висел окруженный слухами и мистикой Мальтийский крест. «Почему же вы, создав такое блестящее прикрытие, проработали всего года два?» — не унимался я. Он вздохнул и, тяжело выдавливая из себя слова, сказал: «Это не мое решение и не моя вина. В воздухе не пахло никакой опасностью. Каким-то очень высокопоставленным людям пришло в голову отозвать часть разведчиков-нелегалов. Была ли это глупость или дурь с двойным дном, осталось для меня загадкой». В 1953 году в Москве погоду определяло дело Берии, в верхах партбюрократии слышался хруст ломаемых костей. А в народе метко говорят: «Паны ссорятся, а у холопов чубы трещат». В такой обстановке «бесследно» исчез посол Коста-Рики в Италии, Ватикане и Югославии Теодор Кастро, а в действительности наш разведчик-нелегал Григулевич (оперативный псевдоним «Макс»), который, бросив все, неся в корзиночке полугодовалую дочь Надежду, а в кармане Мальтийский крест, пересек австрийскую границу, чтобы добраться до ГДР.

Дон Хосе был великолепным рассказчиком. Он гипнотизировал аудиторию, и никто из слушавших его не мог наверняка ответить, что в его рассказах было правдой и где начинается художественный вымысел. В кругу профессиональных разведчиков не принято расспрашивать друг друга о работе. Табу накладывает специфика службы, ставшая особой этикой. Но в кругу офицеров, давно ушедших в отставку, нет-нет, да и вспомнятся наиболее врезавшиеся в память эпизоды. Одна из баек Дона Хосе мне показалась чудесной миниатюрой.

«Однажды сразу после войны молодой нелегал получил по радио приказ Центра привести в исполнение смертный приговор в отношении нашего военного преступника — пособника фашистов, бежавшего в США и проживавшего в отеле в Нью-Йорке. Приказ не обсуждается — он выполняется. Разведчик приобрел оружие и выехал в Нью-Йорк, изучил обстановку и даже посетил свою будущую жертву. Они вместе погоревали о горькой участи вынужденных эмигрантов.

В определенный им самим день исполнения приговора разведчик зашел в кафе и, заглянув в утреннюю газету, ошалел от бросившегося в глаза заголовка: «Вчера в отеле N. покончил с собой г-н Х., выдачи которого настойчиво добивались Советы». Не

веря своим глазам, разведчик помчался в отель, где получил полную информацию о происшедшем. Обычный случай: страх, депрессия, алкоголизм. Обескураженный, разведчик вернулся на свою базу, где его ждала телеграмма из Центра: «Поздравляем с успехом операции и высокой государственной наградой». Он в ответ доложил о своей непричастности к случившемуся и о правде, как она была. Через день пришла депеша: «Мы понимаем, что на Вас сказывается нервное перенапряжение. Вам предоставляется двухнедельный отпуск в курортном месте по Вашему выбору. Конец связи».

Шли годы. Дон Хосе уже был маститым ученым, членом-корреспондентом Академии наук, в глубине души он все-таки был готов в любой момент взяться за выполнение любых практических государственных заданий. Но аппаратчики со Старой площади молчали. Однажды, рассказывал Дон Хосе, ему позвонил очень важный чин «оттуда, сверху», и попросился на конфиденциальный разговор. Григ — а его звали и так — немедленно согласился. Сердце его затрепетало. А вдруг… А если… Тем более что важный чин выразил желание приехать на квартиру к нему. Они долго сидели, говорили обо всем, «вокруг да около», а Григ все ждал, когда же визитер перейдет к делу. Наконец тот, посопев от натуги, сказал: «Иосиф Ромуальдович, все знают, что у Вас денег куры не клюют от многочисленных гонораров, Вы не одолжите тысяч этак 50—60 на кооперативную квартиру для внебрачной дочери, а?» Возникла гоголевская немая сцена. Иллюзия умерла.

Но когда Дону Хосе уже перевалило за 70, а я к тому времени занимал пост заместителя начальника советской разведки, в нем однажды снова проснулся дух разведчика. Он вызвал меня на разговор и ошарашил предложением: «Видишь ли, Коля, через две недели через СССР в Японию будет проезжать господин N. (это был крупный известный политический деятель). Его самолет сделает техническую остановку в Новосибирске. Я бы мог вылететь туда и случайно встретиться с ним в VIP-зале аэропорта. Ваша задача (т.е. разведки) задержать самолет еще на час под предлогом устранения маленькой неисправности, а я за это время завербую его, опираясь на наше с ним общее прошлое. Успех гарантирую на сто процентов».

Я доложил об этом плане начальнику разведки, тот проконсультировался с кем-то выше, и было принято не разрушать легенду-загадку «Макса», не подвергать обоих старых друзей нелегкому испытанию стрессом. Когда я сообщил об этом Дону Хосе, он вздохнул и молвил: «Мы были романтиками разведки, а вы прагматики. Это — веление времени».

Писал Григулевич удивительно легко и быстро. Помню, его

наставник по нелегальной работе, генерал Н. А. Корзников, рассказывал, как он собрал группу кандидатов в разведчики и попросил их написать в течение двух часов своеобразный очерк на тему «Кофе», чтобы проверить их эрудицию и умение излагать письменно свои мысли. Григулевич без труда представил двадцатистраничное эссе, поразившее экзаменаторов глубиной знания предмета, изяществом слога и, главное, быстротой работы автора.

Героями его трудов всегда были люди неординарные, бунтари, новаторы, начиная с Франсиско Миранды и кончая Че Геварой и Сальвадором Альенде. В выборе тем видна глубокая жизненная позиция самого автора. Ему претил застой в политической, экономической или научной жизни. Например, наше идолопоклонство перед авторитетом суждений Карла Маркса создавало немало практических трудностей в работе нашей дипломатии в Латинской Америке. В 1858 году Карл Маркс написал на заказ ряд статей для Новой американской энциклопедии. Ему выделили букву «Б», и в том числе он составил биографию Симона Боливара. В том же году в письме к Энгельсу он дал довольно резкую характеристику Боливару. Сказались недостаточное знание истории Латинской Америки, революционная категоричность и непримиримость автора. Советские дипломаты были вынуждены придерживаться этой оценки и были вынуждены терпеть упреки в неграмотности. Только И. Р. Григулевич в своей монографии о Боливаре разрубил этот гордиев узел.

В кругу друзей мы нередко называли Григулевича шаровой молнией — столь велики были энергетический ресурс его личности и его поразительная пробивная способность. Ему, казалось, не стоило никаких усилий в трудные застойные годы выцарапать в ЦК КПСС служебные помещения для создаваемых новых изданий, получить фонды на бумагу для сборников, застолбить ресурсы типографий и так далее. Для него не было невозможного. Все как бы само собой падало с неба, хотя мы знали, сколько нервов и терпения стоило это самому Григу.

Жизнь научных работников в шестидесятых—восьмидесятых годах была затруднена весьма тернистыми путями, которыми должна была пройти рукопись до своей публикации, а без публикаций терялся весь смысл научного труда. Даже кандидатская диссертация не принималась к защите, если ее автору удавалось напечатать три авторских листа с изложением основных идей своего исследования. Скольким молодым специалистам-историкам, обществоведам, этнографам дал зеленый свет в науку своей поддержкой И. Р. Григулевич!

Дон Хосе был неизменно добродушным, веселым, жизнерадостным человеком. Никто не помнит его сердитым, раздраженным. Он чем-то напоминал Кола Брюньона — литературного героя одноименной повести Ромена Роллана. Уникальная внешность, в которой сочетались обаяние зрелого сына Южной Европы (Италии, Франции, Испании) с живостью латиноамериканца, располагала к нему любого собеседника с первого же момента знакомства. Он был остроумен, ироничен (в первую очередь по отношению к себе), любил шутку. Как-то его спросили, каким образом ему удалось преодолеть зависть соперников и быстро избраться с первого захода в члены-корреспонденты Академии наук. Он широко улыбнулся и сказал: «Надо было убедить всех выборщиков в том, что тяжело, даже безнадежно болен и не дотяну до очередных выборов, оставив свое место вакантным. Это лучший аргумент».

Предлагаемая читателям книга об Иосифе Ромуальдови-че Григулевиче отвечает наиболее высокому уровню современных знаний об этой многослойной личности, но это вовсе не означает, что этот источник вычерпан до дна. Вполне возможно, что по мере того как заговорят полным голосом архивы службы внешней разведки, понадобятся новые, дополненные издания этой книги. Поздравляю вас, дорогой читатель, с предстоящим погружением в жизнь действительно замечательного человека.

Н. Леонов,

доктор исторических наук,

генерал-лейтенант

Глава I.
ПРИКАЗ ИЗ МОСКВЫ

Шифровку из Нью-Йорка Иосиф Григулевич получил в последний день июня 1941 года. Серо-голубой квадратик бумаги ему вручил Маурисио Фридман, «почтовый ящик № 1» в Буэнос-Айресе. У Иосифа сомнений не было: Москва прерывает его затянувшийся «отпуск».

Полгода назад резидент ИНО НКВД в Нью-Йорке предупредил:

«Имей в виду, Фридман будет задействован только в чрезвычайной ситуации. А текущая переписка с Нью-Йорком — обычной почтой. Информацию будешь вписывать между строк симпатическими чернилами. Надеюсь, обучен этим хитростям?»

«Обучен», — сказал Иосиф, делая вид, что не заметил снисходительной интонации. Если бы знал московский товарищ, кто, в каких условиях и в ходе какой операции НКВД ознакомил его с техникой тайнописи в майские дни 1937 года…

«Вот и отлично, — резидент залпом допил кофе. — Одной заботой меньше. Ликбезом заниматься некогда. Времени катастрофически не хватает. Гитлер возомнил себя новым Наполеоном после легких побед на Западе. Скоро ринется на Восток. Война с ним неизбежна…»

В отделе планируют для тебя работу во Франции. Обзаведись аргентинскими документами и подходящим прикрытием. Немецкие оккупационные власти аргентинцев не трогают»…

* * *

Для советской разведки далекая Латинская Америка была в те годы периферийным полем деятельности. Охота за Троцким временно привлекла к ней внимание Кремля и ИНО НКВД. После ликвидации «Старика» латиноамериканские дела заботили только оперативных кураторов: требовалось без сучка и задоринки провести заключительный ее этап — рассредоточить исполнителей по безопасным «углам» подальше от Мексики. На всю Латинскую Америку только в Мехико действовала постоянная нелегальная точка. Грянула война, и Григулевич, как это не раз случалось в его жизни, оказался, по его словам, «нужным человеком в нужную минуту и в нужном месте». В Южной Америке он был единственным действующим сотрудником ИНО

НКВД. Центр, принимая решение о назначении Григулевича резидентом, полагался на отзывы Судоплатова[1] и Эйтингона[2]. Они были единодушными: надежен, инициативен, проверен в деле, политически грамотен. Поэтому недавно назначенный начальник разведки Павел Фитин без колебаний подписал приказ. А среди оперативных дел ИНО появился том с надписью «Резидент “Артур”»…

* * *

В первые дни после нападения Германии на Советский Союз по всем резидентурам — легальным и нелегальным — были разосланы директивы, переводящие их деятельность в режим военного времени. Перед Иосифом Григулевичем, среди прочих, были поставлены такие задачи:

«Примите меры по налаживанию всех видов диверсионной работы, чтобы воспрепятствовать транспортировке стратегических грузов из Аргентины для фашистской Германии.

Используйте любые другие возможности, включая создание рабочих комитетов, для сокращения и приостановления переброски в страны “оси” грузов, которые могут применяться для военных целей: продовольственных товаров, продукции сельского хозяйства и других материалов, которые в больших количествах вывозятся через Буэнос-Айрес.

Приступите к подбору и переброске надежной агентуры во вражеские и оккупированные врагом страны с разведывательными заданиями. Организуйте свою работу, используя возможности “земляков”».

В шифровке имелось примечание: «Вы награждены орденом Красной Звезды за выполнение специальных заданий в 1940 году».

* * *

Задания Центра показались Григулевичу чрезмерными, пугающе неподъемными. Но вскоре его гибкий, комбинационный ум напряженно работал, прикидывая последовательность действий, круг людей, к которым предстояло обратиться за помощью. Разрешение на использование «земляков» могло стать неплохим подспорьем, но он хорошо знал о засоренности аппаратов компартий в странах Латинской Америки полицейской агентурой и идеологически нестойкими элементами.

В указании Центра был пункт, который вызвал у Иосифа противоречивые чувства. Диверсионная работа. Вот где не помешал бы «ликбез». Он ничего не знал о минно-подрывном деле и технике саботажа. Приходится только жалеть, что в Испании, несмотря на все мольбы и просьбы, ему не довелось принять участие в партизанской войне. Иосиф всегда завидовал молчаливым неулыбчивым парням, уходившим в сумерках в тыл франкистов. Однако обращение к резиденту «Шведу», представителю НКВД в Испании, оказалось бесполезным. «А кто будет делать твою работу?» — только и спросил он и был, наверное, прав. Но диверсионной подготовки Иосиф так и не получил…

Григулевич вспомнил, что читал о немецких диверсиях в морских портах Соединенных Штатов в годы Первой мировой войны. Потрепанная книжка о похождениях кайзеровского агента попала ему в руки, когда он сидел в виленской тюрьме Лукишки в ожидании судебного процесса за революционную деятельность. Григулевич попытался отыскать в памяти имя автора: правильно, капитан Ринтелен, Франц фон Ринтелен, немецкий ас саботажа, который провел серию успешных диверсий в американских портах на атлантическом побережье. Надо срочно искать книгу у букинистов, глядишь, что-то пригодится из богатого опыта немецкой разведывательной службы…

Через партийного связника Иосиф запросил срочную встречу с Викторио Кодовильей[3], руководителем аргентинской компартии, которая в то время находилась на полулегальном положении. Зимой, а июнь в Южном полушарии — первый месяц зимы, в Буэнос-Айресе часто дует холодный юго-восточный ветер, который горожане зовут «памперо». Отправляясь на встречу, Григулевич облачился в темно-серый плащ. Свинцовое небо грозило затяжным дождем.

Кодовилья (партийный псевдоним «Медина») и Григулевич встретились на безлюдной улице в районе Вилья-Девото. Со стороны казалось, что хорошие знакомые неторопливо прогуливаются перед сном. Викторио, грузный, крупноголовый, с характерным жестом правой руки, словно отбивающей каждую фразу, был взволнован новостями из Советского Союза, но, как всегда, был конкретен и деловит. Он рассказал о программе действий, принятой на экстренном заседании руководства партии. Главная задача: создать широкий национальный фронт борьбы против нацизма и фашизма, оказывать помощь и поддержку советскому и другим воюющим с Гитлером народам, потребовать от правителей Аргентины разрыва отношений со странами «оси» и незамедлительного установления

дипломатических отношений с СССР…

«Выше голову, камарада Хосе, — сказал Кодовилья. — Напав по-разбойничьи на Россию, Гитлер подписал себе смертный приговор. Очень скоро он обломает себе зубы. Мы в Аргентине сделаем все возможное, чтобы ускорить его путь на виселицу. Для коричневой чумы есть только одно подходящее место — на свалке истории».

Григулевич знал, что возможности КПА не были безграничными. Кастильо, правитель Аргентины *de facto,* пришедший в Розовый дом после либерального президента Ортиса, резко ужесточил внутри- и внешнеполитический курс. Кастильо воспринимал акции солидарности КПА с Советским Союзом как попытку втянуть Аргентину в войну. Очередная победа Третьего рейха казалась делом трех-четырех недель: танковые колонны вермахта стремительно продвигались в глубь русской территории. По мнению Кастильо, коммунисты саморазоблачились в своем лицемерии. Еще недавно они защищали пакт о ненападении, подписанный Сталиным и Гитлером в 1939 году, называли войну в Европе империалистической, объявили себя «нейтралами». Однако как только возникла угроза существованию Советской России, компартия стала призывать к солидарности с западными союзниками, добиваться альянса с недавними политическими противниками внутри страны: радикалами, социалистами и даже консерваторами. Они же стали «носиться» с идеей создания Демократического фронта или Национального союза для противодействия наци-фашистам в самой Аргентине. Кастильо объявил: Аргентина будет сохранять свой нейтралитет любой ценой, чтобы не дать сражающимся державам повода для упреков в «симпатиях» к сопернику. И никаких публичных проявлений солидарности к Советскому Союзу! Никакой враждебности к Третьему рейху! Англия и Соединенные Штаты должны уважать позицию аргентинского правительства! Стратегия Аргентины определена раз и навсегда: быть над схваткой! В доказательство в Аргентине запретили показ фильма Чарли Чаплина «Великий диктатор»: оскорбительные выпады в адрес вождя победоносной Германии непозволительны!

* * *

Григулевич почти еженедельно встречался с Кодовильей, решая неотложные дела по подбору кадров для резидентуры, обсуждая очередные шаги по развертыванию движения

солидарности с СССР. По всей стране создавались комитеты по сбору средств для Красной Армии. Позже они были объединены в Демократическую конфедерацию помощи. Кодовилья был откровенен: «Не будем предаваться иллюзиям, Хосе. Война предстоит долгая и затяжная, кажется, что борьба ведется из последних сил, но Советский Союз выстоит. Нацисты ощущают себя хозяевами мира. В Аргентине последователи Гитлера ведут себя все наглее. Они повсюду—в государственном аппарате, в армии. Особенно зверствуют те, что работают в полиции. Проводят незаконные обыски, аресты, отправляют без всяких причин на крайний юг — в ссылку. Составляют списки коммунистов, подлежащих нейтрализации. Но Комитеты помощи мы продолжаем открывать, несмотря ни на что…»

По указанию Кодовильи для «Артура» изготовили на клочке шелковой материи «удостоверение личности», в котором партийным организациям предписывалось «оказывать помощь товарищу Антонио по линии спецработы». Григулевич установил рабочие контакты с Хуаном Хосе Реалем, франсиско Муньосом Диасом и Армандо Кантони, авторитетными деятелями КПА. Иосиф нуждался в их помощи по подбору людей в разведывательную сеть. Вскоре по распоряжению Кантони в столичных партячейках было проведено срочное анкетирование сотен товарищей. Из всей этой армии кандидатов особое внимание Григулевича привлекали итальянцы, немцы, греки, испанцы и французы. Требовалось наладить агентурную работу в иностранных колониях. Именно там можно было черпать кадры для заброски в Европу.

К Григулевичу стали поступать увесистые конверты с анкетами и автобиографиями. Иногда Кантони сам составлял характеристики на подходящих, с его точки зрения, людей. С некоторыми из них Иосиф беседовал лично, выдавая себя за партийного функционера. Если кандидат нравился, Григулевич собирал на него дополнительную информацию, выяснял уровень «идеологической зрелости», давал пробные поручения для выяснения деловых качеств. Других вариантов быстрого формирования информационной сети у Григулевича просто не было. И если кандидат спрашивал: «Для чего все это?» — Иосиф отвечал коротко: *«Рог la causa»* или *«Brigada perdida».* Дополнительных вопросов не возникало. Еще бы: тебя избрали для специальной сверхсекретной партийной работы! Это особая честь, высшее доверие!

Об указании Москвы по созданию диверсионной группы в КПА не знали, в том числе и Кодовилья. Тема была слишком деликатной.

* * *

Поздней ночью 2 июля резидент «Артур» в своей небольшой квартире на улице Суипача подготовил первое почтовое сообщение для отправки в Нью-Йорк. Начиналось оно словами: «Приступил к выполнению задания…»

Глава II.
ИОСИФ ГРИГУЛЕВИЧ: ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

Добросовестная реконструкция жизни любого человека — трудоемкая задача, и она осложняется куда больше, если речь идет о людях, имевших отношение к секретным миссиям, тайным операциям или шпионским скандалам. Мною двигало искреннее желание понять человека, которого в статьях и телепередачах, посвященных «разведчикам и шпионам», иногда как бы в насмешку называли «советским Лоуренсом», а иногда «безжалостным киллером Сталина», которого НКВД — МГБ перебрасывало с континента на континент для приведения в исполнение «смертных приговоров» врагам советского режима. И редко, очень редко Григулевича называли выдающимся разведчиком советской эпохи.

Сегодня очевидно, что многие клеветнические утверждения о нем не имеют никакого отношения к реальным фактам его разведывательной деятельности. Завидная работоспособность, неиссякаемая энергия и природная живость ума способствовали не только стремительному восхождению Грига (как нередко звали его друзья) по ступенькам научной карьеры после «ухода из разведки», но и вызывали необъявленную войну со стороны некоторых ревнивых коллег из академического мира. Именно в этой среде возникли липкие слухи о «профессиональном киллерстве» Григулевича, а также голословные «свидетельства» о том, что его научная карьера «подпиралась» могущественным Комитетом госбезопасности. В этих же кругах родился «тезис» о том, что он был всего лишь талантливым компилятором. Дескать, Григ использовал свои уникальные способности к языкам (он свободно владел испанским, французским, английским, итальянским, португальским, польским, литовским и некоторыми другими) для сбора материалов из малодоступных зарубежных источников, кое-как организовывал их в единое целое и таким образом «штамповал» одну книгу за другой.

Безусловно, Григулевич знал о подспудной клеветнической кампании недругов и отвечал на нее новыми книгами и исследованиями. Мощь его интеллекта, ренессансность натуры, напористость, равно необходимая для выживания и в капиталистическом и в советском обществе, помогли ему занять достойное место в научной и общественной жизни страны.

Особенно предвзято о Григулевиче стали писать после его смерти, в конце 80—90-х годах. На разоблачительно-непримиримом уклоне многих публикаций несомненно сказывались «злоба дня», новый идеологический заказ, понятное стремление к сведению счетов с прошлым, а то и личная закомплексованность авторов.

Я всегда внутренне передергиваюсь, когда просматриваю разбухшее досье газетно-журнальных вырезок о Григе.

«При одном упоминании имени Григулевича даже видавшие виды чекисты бледнели и разом замолкали, настолько зловещей была слава об этом человеке» — подобные штампованные фразы неизменно кочевали из статьи в статью.

Один из торопливых клеймителей как бы невзначай обронил: «Григулевич не писал в стол, предпочитая гонорары и почет при жизни. В последние годы он был не фанатиком коммунистической идеи, а, скорее, циничным и расчетливым наемником на фронте холодной войны». Суровые, хлесткие, безапелляционные слова. «Наймит», «шпион по особым поручениям Кремля», «опричник Сталина», «коминтерновский киллер» — разоблачители не жалели эпитетов.

«Ладно, можно согласиться, что с клеймом “коминтерновского киллера” мы несколько переборщили. Но махровым циником он все-таки был! — дружно восклицают оппоненты. — Его саркастические оценки советского режима и его “монолитного руководства” помнят многие! Он служил режиму, процветал за его счет и, тем не менее, вовсю поносил своего кормильца». О цинизме Григулевича особенно пылко говорили в перестроечную эпоху и в начале демократической, затем страсти и инквизиторский запал поутихли. Индивидуальный цинизм Иосифа Ромуальдовича не выдержал никакого сравнения с махровым цинизмом неолиберальной российской государственности. Самоирония, скепсис и демонстративный цинизм использовались Григом для самозащиты от массированного вторжения лжи и демагогии. Он видел, что советскономенклатурная система гнила изнутри, и понимал, что будущее не сулит ничего хорошего «мамонтам сталинской эпохи»…

Сын известного разведчика 20—40-х годов Наума Эйтингона, соратника Григулевича по нелегальной разведке, сказал однажды по поводу оскорбительных нападок в адрес своего отца и его друзей: «Это были люди долга и дисциплины, далекие от поиска личной выгоды. Можно по-разному оценивать их дела и убеждения, но нарушить присягу, стать клятвопреступником — для них было хуже смерти. Это сегодня мы с вами такие умные и

прозорливые и все события пятидесятилетней давности можем разложить по полочкам, порекомендовать, как и что надо было делать». Григулевич искренне верил в коммунизм, в пролетарский интернационализм, в превосходство советского строя над капиталистическим. Марксистско-ленинские чертежи не могли подвести, требовались самоотверженные, надежные и старательные исполнители…

Ореол «сверхсекретности» всегда окружал Григулевича. В его судьбе роковым образом отразилась трагедия разведки сталинской эпохи, когда ее заставляли исполнять не свойственные ей карательные функции, а при малейших признаках протеста и неповиновения безжалостно расправлялись с ослушниками. Григулевичу было о чем рассказать. Сейчас можно только гадать, не жалел ли он, прикованный к постели болезнью, о том, что так и не написал воспоминаний о своих «хождениях за три моря» по заданиям Коминтерна, НКВД и, без всякого сомнения, по велению своего неуемного сердца и беспокойного темперамента. Он выстрадал эту книгу, и создал бы ее на одном дыхании, страницу за страницей…

Из «открытых» автобиографий советского периода Григулевич тщательно устранял любые намеки на причастность к разведке. Даже в некрологах, появившихся в 1988 году, об этой стороне его жизни говорилось смутно, намеками, вполголоса. Каким был Иосиф Ромуальдович в «официозном» освещении?

В статье, опубликованной в журнале «Советская этнография»[4], о нем сообщались такие сведения: родился в Вильно (Вильнюсе) в семье служащего, учился сначала в Паневежской, потом в Виленской (литовской) гимназии имени великого князя Витовта. В 1926 году, еще гимназистом включился в подпольную комсомольскую работу, был арестован, отбыл тюремное заключение, после чего эмигрировал из Литвы. Перебрался в Париж, где сотрудничал с организациями коммунистической партии и Коминтерна. В период гражданской войны в Испании Григулевич принимал участие в военных действиях на стороне республиканцев. После поражения республики несколько лет находился за рубежом. Знание иностранных языков, деловитость и энергия, смелость и находчивость помогали ему выполнять ответственную работу. В конце 1953 года Иосиф Ромуальдович вернулся в Советский Союз, стал членом КПСС и занялся научной и литературной работой. В 1957 году увидела свет его первая научная монография «Ватикан. Религия, финансы, политика», которую Григулевич защитил как кандидатскую диссертацию. Через девять лет он получил докторскую степень, подготовив монографию «Культурная

революция на Кубе». Григулевич был избран членом-корреспондентом АН СССР, стал заслуженным деятелем науки РСФСР, кавалером многих боевых и трудовых орденов и медалей, в том числе Красного Знамени и Красной Звезды…

* * *

Казенные слова, мало что говорящие об этом человеке. Равнодушно-отстраненные, словно гипсовая маска с лица покойника. А ведь в каждой человеческой жизни интересны не только «этапные достижения», но и подробности, мимолетные детали, песчинки личных поступков.

Наверное, исчерпывающая правда о Григулевиче никогда не станет известна. И тут остается только порадоваться: для будущих биографов припасено немало сенсационных открытий. Можно лишь посетовать на то, что неумолимое время все безжалостнее стирает следы прошлого. Заброшены и зарастают травой железнодорожные вокзалы и речные дебаркадеры, видевшие молодого, энергичного Григулевича. Готовые к сносу, таращатся пустыми глазницами окна домов, в которых находились его явочные и радиоквартиры. С трудом прочитываются имена на скромных могилах и мраморных досках в колумбариях, где покоятся останки его соратников. По пальцам одной руки можно пересчитать тех, кто еще держится, доживая за восьмидесятилетним порогом свою жизнь. Автору этих строк было нелегко разговаривать с ними: они живут в прошлом, и умение молчать остается для них одним из главных достоинств.

Глава III. НАЧАЛО БИОГРАФИИ: ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКАЯ УВЕРТЮРА

Юозас Григулявичус (литовский вариант имени и фамилии) родился 5 мая 1913 года в городе Вильно Российской империи. В графе «национальность» во время своих зарубежных странствий он писал в соответствии с «легендой» — литовец, чилиец, мексиканец, костариканец. Когда же начался советский период его биографии (в 1953 году), Григулевич неизменно и не без гордости указывал в пресловутой пятой графе: «караим» или «еврей-караим».

Непосвященным он любил рассказывать, что караимы — одна из самых малочисленных народностей в Советском Союзе. По данным последней переписи, их не более трех тысяч человек, часть проживает в Крыму, часть в Литве и Польше. По версии Григулевича, караимы — потомки древнего народа Крыма — тавров, которые были порабощены и ассимилировались с тюркскими народами — гуннами и хазарами. Вероучение караимизм, то есть почитание Ветхого Завета, они переняли у хазар. Отсюда и название «караимы», которое происходит от арабского «кара» — читать (Священное Писание, Ветхий Завет). Хазары приняли караимскую веру в конце VIII — начале IX века. После разгрома хазарского царства часть исповедовавшей караимизм народности перебралась в Литву. Среди них были и предки Григулевича.

…Черно-белую фотографию, сделанную в конце 20-х годов, я рассматривал долго и пристально. Под раскидистым деревом — женщина с темно-русыми волосами в скромном платье — это Надежда Лаврецкая. Рядом с нею Иосиф — нескладный худой подросток. Ни тени тревоги на спокойных лицах. В этот период мать и сын вынашивали планы переезда в Аргентину, к отцу, уехавшему туда на заработки в 1924 году. Дела у аптекаря Ромуальда Григулевича, судя по письмам, обстояли не лучшим образом. Разбогатеть в далекой хлебной стране ему никак не удавалось. «Может быть, — часто повторяла мать, — нам будет легче, когда мы соберемся вместе?»

Они навели справки в пароходном обществе «Лиетгар», основанном в 1927 году на бельгийские капиталы отставным литовским генералом Жуковским. Общество владело двумя пароходами, «Паланга» и «Клайпеда», которые перевозили

литовских эмигрантов в Бразилию и Аргентину. Григулевичи с трудом набрали денег на билеты третьего класса и стали готовиться к отъезду. И тут неудача: заведующий эмигрантским отделом общества похитил кассу и исчез в неизвестном направлении. «Лиетгар» обанкротился, задаток Григулевичей пропал. Мечту о бескрайней пампе Аргентины пришлось временно оставить и вновь погрузиться в будни Паневежиса.

* * *

В те годы Литва была глухой европейской провинцией, а Паневежис — задворками, где никогда ничего не происходило. Впрочем, существовала политическая сила, которая вносила некоторое оживление в тусклую жизнь городка: коммунисты. В Паневежисе коммунистическая организация действовала вопреки всем постулатам марксизма. Фабрично-заводского пролетариата в классическом смысле в городе не было. Поэтому в партию принимали кустарей, извозчиков, торговцев и отдельных представителей трудовой интеллигенции. Большей частью это были выходцы из бедных еврейских семей.

Полиция систематически громила нелегальные ячейки, но они, как птица Феникс, упорно возрождались из пепла. В 20-е годы в агентурных сводках полиции Паневежис упоминался часто, может быть потому, что через город проходили конспиративные каналы связи литовской компартии с Восточной Пруссией, где коммунисты спасались от репрессий и печатали партийные газеты (до прихода к власти Гитлера литовским оппозиционерам жилось там сравнительно вольготно).

Вот типичные сообщения тайной полиции из Паневежиса:

Февраль 1927 года, сексот «Ажолас»:

«Сегодня вечером в пивной Климаса на Электрос гатве около американской гостиницы собралось несколько человек: ломовой извозчик Ицик (фамилия не известна), молодые евреи Ешке, Мендель, носильщик с золотыми зубами, кажется, Меламед, и два литовца — жестянщик Алексей Бружас, живущий на Рамигалос гатве, и какой-то незнакомец. Его-то и познакомил Бружас с упомянутыми евреями, уточнив, что это “свои люди”. Тогда Ицик стал “политико-вать”, заявляя, что отсутствие коммунистической власти — временное явление. По его словам, организация коммунистов крепка своим единством, и враги ничего с этим поделать не могут. Жена хозяина пивной услышала его вызывающие речи и предупредила, чтобы Ицик не болтал лишнее, ибо может загреметь в тюрьму. На это Ицик пренебрежительно

махнул рукой и сказал, что “никогда не попадется, потому что в стране безработица и так, как он, говорят тысячи людей”. Тем более что “весной будет переворот!” Какого рода переворот, он не уточнил».

Февраль 1927 года, сексот «Невядомскис»:

«На свадьбе Иосифа Юшки по настоянию большевика Черняускаса вместо литовского гимна играли “Интернационал”. Сильно выпив, он утверждал, что президент республики А. Сметона 3—4 дня тому назад был убит двумя выстрелами в упор и теперь лежит в каком-то морге. Монашки целуют его через стекло. Черняускас добавил, что любого, пришедшего на пост президента Литвы, ждет похожая судьба. Крестьяне очень разозлились на эти речи Черняускаса и едва его не поколотили».

Март 1927 года, сексот «Келяйвис»:

«8-го числа вышел из тюрьмы доктор Андрей Домашеви-чус, который был председателем Паневежского РК коммунистов. Денежный залог в 20 тыс. лит внес за него доцент А. Моравские. Местные коммунисты радуются. По этому случаю были распространены листовки под заголовком “Нельзя молчать!”. В них Литовская Красная помощь протестует против арестов, военно-полевых судов и расстрелов. В городе распространяются слухи о том, что народники и социал-демократы готовят восстание и захват власти. В этом они блокируются с коммунистами. Большинство воинских частей якобы настроено против правительства. Левым сочувствует 5-й полк, технический полк, значительная часть гусарского полка, почти весь унтер-офицерский состав…»

В этот же период в Литве разразился «шпионский скандал», за развитием которого с напряженным интересом следили мать и сын Григулевичи. В городе Ковно (Каунасе) охранкой был арестован генерал Константин Клещинский, русский по рождению, который с 1920 года служил в литовской армии и, благодаря личным способностям и профессионализму, сумел быстро продвинуться по служебной лестнице и стать начальником Генерального штаба. Литовские газеты «в профилактических целях» уделяли много внимания подробностям этого дела. «Изощренность советского агента не знала границ, — сообщала одна из газет. — Для передачи шпионских сведений Советам Клещинский использовал свои поездки на рыбалку. Лодочник, которого он нанимал, был посредником в этой преступной связи. Для этих же целей служили тайники на кладбищах и в церковных оградах. Благодаря предательской деятельности Кле-щинского в Кремле читали самые секретные материалы о внешней политике и вооруженных силах Литвы».

Для Иосифа уже в то время не было дилеммы — преступно или нет оказание помощи Советской России. С точки зрения презренных буржуа и обывателей, может быть, но с точки зрения человека, разделяющего позиции марксизма, «шпионаж» Клещинского был поступком самоотверженным, более того — героическим! После скорого и не слишком объективного суда генерал, несмотря на его несомненные заслуги в становлении и укреплении литовской армии, был расстрелян в назидание другим тайным пособникам Москвы. По слухам, генерал Клещинский держался стойко: за несколько мгновений до залпа он успел выкрикнуть: «Да здравствует Советская Россия!»

Иосиф принял участие в распространении листовки, подготовленной компартией, в которой утверждалось, что Клещинский не был шпионом, а лишь «сочувствующим» справедливому делу пролетариата…

Уже в гимназические годы у Григулевича проявились литературные склонности. Он писал не только революционные прокламации, но и стихи, а иногда и рассказы о жизни обывателей в литовских городках в духе раннего Горького.

«Художественных достоинств в этих рассказах-обличениях, наверное, было не слишком много, — вспоминал Григулевич, — но авторская позиция проявлялась отчетливо: «Никогда не буду влачить такое же жалкое существование, как эти покорные, безвольные, не способные к протесту люди!»

В поисках работы мать решила перебраться в Вильно, находившийся с 1920 года под польским управлением. Полонизация города шла полным ходом, и «лишние» литовцы, да еще с еврейскими корнями, не приветствовались. Каждые полгода Григулевичам приходилось продлевать разрешение «на жительство», и Иосиф воспринимал это как унизительную дискриминационную процедуру.

Неожиданно, как это всегда бывает, нагрянула беда и самым радикальным образом изменила судьбу парнишки с той идиллической черно-белой фотографии.

В середине декабря 1931 года за Иосифом пришли агенты польской «дефензивы». «Первый арест был для меня нелегким испытанием, — признавался он позднее, — хотя и не был неожиданным. Я видел слезы на глазах у матери и думал: “Опять к ней пришло горе. А скоро ли она услышит обо мне хорошие вести? Впереди тюрьма!” Шел обыск, но я думал: ни отступать, ни сворачивать в сторону не буду — надо идти дальше».

В эти же дни была брошена в тюрьму большая группа гимназистов и активистов компартии Западной Белоруссии (КПЗБ), которая нелегально действовала на территории Ви-

ленщины. Причина ареста была, в общем-то, смехотворной: члены нелегальной комсомольской организации рассовали по карманам пальто в общей раздевалке Виленской гимназии листовки, и директор М. Шикшнис тут же узнал об этом, поскольку доносительство в гимназии процветало.

Представление о «раннем» Григулевиче, его взглядах и убеждениях могут дать автобиографические заметки, опубликованные в Литве в сборнике «Революционное движение в Вильнюсском крае в 1920—1940 годах». Наверное, это был единственный период в жизни Григулевича, о котором он вспоминал без самоцензуры и ограничений, налагаемых подпиской о «неразглашении».

В окружении полицейских агентов, сверкая наручниками, Иосиф гордо, как и полагается несгибаемым революционерам, прошагал по городу в «дефензиву» на Свентоянскую улицу «для оформления», а потом в «централку» — дом предварительного заключения в Игнатьевском переулке. Допрашивал Григулевича некий Пясецкий, который специализировался на искоренении коммунистической крамолы в Вильнюсе. «Пясецкий начал с того, что он “все знает”: “Признайтесь, и мы забудем этот печальный инцидент. Польские власти относятся к литовцам дружески, более того — поляки и литовцы братья. Ах, ваши убеждения? Ну что ж, известное дело: кто в молодости не был социалистом, — даже маршалек (Пилсудский) им был; вы нам подтвердите то, что мы знаем, и сразу же окажетесь на свободе”. В ответ на “медовые” эти речи я категорически отрицал свою принадлежность к комсомолу или компартии и утверждал, что политикой не интересовался, а занимался только учебой».

Всего было арестовано 13 учащихся-литовцев, из которых большинство выпустили «на поруки». Из гимназистов за решеткой остались только двое — Д. Пумпутис, секретарь комсомольской организации, и Григулевич. Прямых улик против Иосифа не было, он успел уничтожить всю нелегальщину и комсомольские документы на квартире задолго до обыска. Обширный компрометирующий материал на него был получен от полицейской агентуры, «расколовшихся» гимназистов младших классов и из похищенных охранкой докладов вильнюсского окружкома партии в адрес ЦК КП Западной Белоруссии. В статистических справках о членах комсомольской организации в Вильнюсе неизменно значилось: караим — 1. Установить этого «караима» не представляло труда. Даже в читальне Товарищества белорусской школы, которая считалась «логовом коммунистов», нашелся у сыщика Пясецкого «человечек», который с живописными подробностями сообщил о крамольных речах

Григулевича.

Из «централки» Иосифа перевели в известную строгостью режима виленскую тюрьму Лукишки. Именно там, в апреле 1933 года, он узнал о смерти матери, близкого дорогого человека. «Огромное личное горе» — так вспоминал об этом Григулевич. Ничто не предвещало несчастья, оно обрушилось на него внезапно. Из заключения был освобожден один из сокамерников Григулевича. Зная, что у того нет своего угла в Вильнюсе, Иосиф посоветовал ему остановиться на квартире у матери. Первый же ее разговор с гостем, рассказавшим о тюрьме и бесчеловечных условиях содержания заключенных, оказался для Надежды Лаврецкой роковым. Она была настолько потрясена услышанным, что сердце не выдержало. Ей было 47 лет…

Иосиф остался один на один с суровой действительностью. Отец не мог помочь из далекой Аргентины ни материально, ни морально. Приехать он тоже не мог, поскольку и польские и литовские власти были прекрасно осведомлены: в дни большевистского переворота в Петрограде Григулевич-старший был среди красногвардейцев и принимал активное участие в установлении советской власти. Нелегальная городская организация комсомольцев взяла Иосифа под свою опеку, снабжала продуктами, небольшими денежными суммами для покупки необходимого в тюремном киоске.

В марте 1933 года следствие было закончено. «Дефензива за полтора года сделала все, — вспоминал Григулевич, — чтобы подвести нас под статью 102 русского дореволюционного кодекса, которым тогда пользовались пилсудчики. В обвинительном акте наша деятельность рассматривалась как подрывная и антигосударственная. Признаться, мне это импонировало. Я хорошо знал, что по указанной статье в свое время судили тысячи революционеров, боровшихся с царским режимом».

17 мая 1933 года в газете «Вильняус ритоюс» появилось сообщение «О судебном процессе над учащимися Вильнюсской литовской гимназии», в котором говорилось:

«12—13 мая с. г. в Вильнюсском окружном суде разбиралось дело по обвинению бывших учащихся гимназии имени Витаутаса Великого: Д. Пумпутиса, Ю. Григулявичуса, Ю. Айдулиса, К. Мацкявичуса и студента И. Каросаса. Все они обвинялись в принадлежности к коммунистической партии и в распространении идей коммунизма. Первых двух — Д. Пумпутиса и Ю. Григулявичуса — суд признал виновными и осудил на 2 года тюремного заключения условно. Трех остальных: Ю. Айдулиса, К. Мацкявичуса и студента И. Каросаса оправдали».

После разгрома Литовской советской республики суд над

молодыми коммунистами Виленщины был первым процессом такого рода и потому привлек немалое внимание литовской и польской общественности. Обвинителем на суде выступал прокурор пан Яштшембский, председательствовал судья пан Лимановский. Обвиняемых защищали адвокаты Петрусевич, Ясинский, Шишковский и Сукеницкая. По делу были опрошены 24 свидетеля. Подсудимые не скрывали левых убеждений, защищали свое право изучать общественно-социальные проблемы под марксистским углом зрения. Обвинитель Пиотровский (Григулевич назвал именно его, а не Яштшембского), «бывший белогвардеец, перешедший на службу к пилсудчикам», пытался доказать, что на скамье подсудимых находятся экстремисты и отщепенцы, представляющие реальную угрозу для безопасности Речи Посполитой. Адвокаты старались представить своих подзащитных идеалистами-правдоискателями, будущими светилами Литовского научного общества и литовской культуры. Выступил в свою защиту и сам Иосиф:

«Будучи ни в чем неповинным 19-летним парнем, я подвергся аресту и был посажен в тюрьму, где господствует произвол охранников, где к политическим заключенным относятся хуже, чем к уголовникам. Хотя я был подследственным и моя вина еще не была доказана судом, ко мне применялся режим каторжника, меня заковывали в наручники, подвергали избиениям. По мнению начальников Лукишской и Стефановской тюрем и прокурора Пиотровского, я должен был сносить эти надругательства с христианским смирением, чтобы доказать, что не являюсь коммунистом. Я, однако, считал своим долгом протестовать против тюремного произвола и не боялся этого делать, так как совесть моя была чиста…»

Выйдя на свободу, Григулевич снова включился в подпольную партийную работу, но в августе 1933 года был неожиданно вызван повесткой в прокуратуру, где ему предложили в двухнедельный срок покинуть Польшу. К тому времени Иосиф уже был настолько заметен и в Польше, и в Литве, что переход на нелегальное положение не гарантировал ему безопасности. Поэтому по рекомендации Литовского коммунистического бюро и руководства КПЗБ он выехал через Варшаву в Париж, где находился один из польских центров эмиграции. «Я мог бы уехать в Советский Союз, и это было бы для меня величайшим счастьем, — отметил Григулевич в своих воспоминаниях, — но я видел свой долг в продолжении борьбы против капитала и фашизма».

* * *

К последним месяцам пребывания Григулевича в Вильно иногда относят эпизод его прямого участия в «ликвидации» предателя, который затесался в партийные ряды. Решение о казни было принято руководством литовской компартии, и двадцатилетний Иосиф, как утверждается в некоторых публикациях, «с радостью» вызвался привести приговор ЦК в исполнение. Трудно сейчас установить, кто запустил эту выдумку в оборот. Возможно, это произошло из-за искажений памяти какого-нибудь отставного ветерана КГБ, имевшего доступ к фонду агентурных дел и невольно «наслоившего» их содержание. Так рождались многие «черные легенды» о сотрудниках разведки. Попробуй потом докажи, что легенда обязана своим рождением «отдельно взятому склерозу». Автору пришлось порядком попотеть в поисках человека, который мог бы авторитетно подтвердить или опровергнуть этот факт.

Можно с уверенностью сказать, что Иосиф не имел отношения к той расправе с предателем, которая действительно имела место в Литве в начале 30-х годов. Человек, который привел приговор в исполнение, был ровесником Григулевича, жил и учился в Литве, после «акции» был вынужден бежать во Францию, где работал по заданиям НКВД против «хорьков» (троцкистов). Перед началом Великой Отечественной войны вернулся в Советский Союз. Он продолжил свою учебу в одном из химических вузов и со временем стал, как и Григулевич, академиком…[5]

* * *

В Варшаве, на пути во Францию, Григулевич впервые соприкоснулся с деятельностью Международной организации помощи революционерам (МОПР). На явочной квартире ему были вручены контактные адреса, деньги на поездку и паспорт с «железной» французской визой. В начале октября 1933 года Иосиф приехал в Париж и, не теряя времени, отправился на встречу с представителем польской компартии во Франции З. Модзалевским, который взял новичка под опеку. Польская коммунистическая эмиграция в этой стране была хорошо организована, получала немалую финансовую поддержку от компартии Франции и использовала ее «позиции» в государственных и иных учреждениях для устройства своих людей.

Модзалевский помог Иосифу поступить в Высшую школу социальных наук Сорбонны и ввел в польскую редколлегию

журнала МОПР. Довольно часто Григулевич выступал на митингах солидарности с народами, находящимися «под пятой фашистских диктатур». Представляли его как жертву фашистского террора в Литве и Польше, что казалось Иосифу некоторым преувеличением. Модзалевский поставил перед ним задачу: «Приобретай опыт международной политической работы, чтобы в будущем тебе можно было давать более серьезные партийные поручения». Вдохновленный этой перспективой, Иосиф колесил по французской столице и ее пролетарским предместьям, совершенствуя свое ораторское мастерство. Он был самым молодым участником кампании за политическую амнистию в Польше и странах-лимитрофах и потому всегда выступал первым. «Тяжелая артиллерия» — секретарь ЦК КПФ Жак Дюкло, писатель-пацифист Анри Барбюс, друг Маркса Шарль Раппопорт выступали последними, «на бис», как вспоминал потом Григулевич.

Особенно насыщен событиями был для Иосифа 1934 год. Фашизм захватывал в Европе все новые позиции, на что Коминтерн отвечал стратегией «народных фронтов». Благодаря журналу Иосиф быстро усвоил специфику работы в МОПР, что доказал на практике. Из группы молодых литовских эмигрантов-пролетариев он создал боевитую мопровскую ячейку, члены которой с наилучшей стороны проявили себя в акциях за освобождение Г. Димитрова. Особенно напряженными были июльские дни, когда реакционные силы, возглавляемые де ла Рокка, попытались захватить палату депутатов французского парламента. «Трудящиеся стали грудью на защиту республиканского строя, — вспоминал Григулевич. — Была объявлена всеобщая забастовка и демонстрация на площади Республики. Манифестация была запрещена властями. Несмотря на это, рабочие вышли на улицы. Произошли столкновения с полицией и фашистами. В этих схватках участвовал и я».

Глава IV. РЯДОВОЙ КОМИНТЕРНА «МИГЕЛЬ»

В некоторых статьях о Григулевиче утверждается, что в свою первую командировку в Аргентину он выехал по заданию НКВД. Но это не так. Решение о направлении Иосифа в Буэнос-Айрес было принято в августе 1934-го по предложению представителя Коминтерна во Франции Эдуарда Терека. В подкладке пиджака Григулевич вез письмо Модзалевского к аргентинским товарищам, в котором сообщалось, что «предъявитель сего» командируется Коминтерном для включения в оргработу по линии МОПР.

Иосиф был на вершине счастья от проявленного к нему доверия, возможности повидаться с отцом и познакомиться с неведомым континентом, о котором он почти ничего не знал, если не считать одной-двух популярных книжек о кровавых злодеяниях конквистадоров. Во французском порту Шербур Григулевич сел на пароход, который после двухнедельного плавания вошел в оживленно-неутомимый порт Буэнос-Айреса. Один из тех, кто встречал Иосифа, напишет через много лет: «На палубе, чуть в стороне от пассажиров, крепко держался за поручни молодой человек лет двадцати, стройный, со смуглым лицом, темной волнистой шевелюрой и живым взглядом. Он пристально всматривался в толпу встречающих. Наконец еле заметная улыбка промелькнула на его губах: Иосиф узнал отца (как же он постарел после почти десятилетней разлуки!) и, конечно же, его спутника. Это был Франсиско Муньос Диас, член ЦК компартии Аргентины, с которым Григулевичу доводилось встречаться в Париже по мопровским делам! Объятия, рукопожатия, радостные восклицания. Иосиф пока еще не знает испанского языка, и отец помогает ему как переводчик».

Несколько недель Иосиф провел у отца в селении Ла-Кларита провинции Энтре-Риос, постепенно привыкая к новой стране. Комнатка «рядового посланца Коминтерна» находилась в задней части довольно жалкой кооперативной аптеки, в которой заправлял Ромуальд Григулевич, зарабатывая скромные песо. Законченного фармацевтического образования у сеньора Румальдо, как его называли местные жители, не было, поэтому приходилось сидеть в провинции, подальше от инспекторских проверок министерства здравоохранения. Так что утверждения о том, что будто Иосиф был сыном богатого владельца аптек в аргентинской столице (вариант: сахарных плантаций на Кубе), —

не более чем легенда. Сеньор Румальдо в роскоши не купался, как, впрочем, подавляющее большинство обитателей Ла-Клариты. Через несколько лет сыну придется самым серьезным образом обеспокоиться материальным устройством отца.

Иосиф начал брать уроки испанского языка у учителя начальной школы, активно общался с местными жителями, среди которых было много еврейских переселенцев из Восточной и Юго-Восточной Европы, решивших посвятить себя продуктивному аграрному труду. «Столицей» еврейских сельскохозяйственных поселений в Аргентине являлся Мо-исесвиль, основанный в конце XIX столетия, а непререкаемым авторитетом — Альберто Герчунофф, видный журналист, один из организаторов аргентинского Еврейского общества. Коренные жители называли переселенцев «гаучос худиос» — еврейские гаучо, и это немало потешало Иосифа. Он слушал радио, ходил на железнодорожную станцию, расположенную неподалеку от аптеки, чтобы купить солидную многостраничную «Насьон». На взгляд Иосифа, газета была слишком консервативной, даже реакционной, но других в это захолустье не завозили.

Спасали положение разрозненные номера газет — «Критика», «Дефенса популар», «Мартильо», которые посылал с сочувствующим КПА проводником Муньос Диас. Иосиф зачитывал их до дыр, переводя статьи — слово за словом — с помощью затрепанного испанско-польского словаря. Благодаря «Критике» он впервые познакомился с публицистикой Эктора Агости, Эрнесто Гидисе, Рауля Гонсалеса Туньона, Паулино Гонсалеса Альберди, Эмилио Тройсе, Аугусто Бунхе. Изредка ему встречалось имя Рикардо Велеса[6], журналиста и кинокритика из «Кинематографического общества “Сине-арт”». С некоторыми из этих людей Григулевичу придется сойтись довольно близко. Но пока что он даже не подозревает о неожиданных жизненных поворотах, уготованных ему судьбой, понятия не имеет о существовании Иностранного отдела НКВД. До назначения Григулевича нелегальным резидентом в Буэнос-Айресе должно пройти семь очень нелегких для него лет…

Врожденный талант Иосифа к языкам помог ему «взять испанский» за считаные недели, и вскоре он вовсю общался с простодушными земледельцами на пыльных тропинках Ла-Клариты. Обаятельный молодой брюнет понравился жителям селения, и кое-кто из почтенных отцов семейств, у которых были дочери на выданье, стал ходить вокруг Румальдо, исподволь выясняя намерения его сына в плане остепенения и поиска брачных уз. Черноокие красотки дружно дефилировали мимо подслеповатых аптечных окон. «Берегись, Юзик, — посмеивался

отец, — тут девки — огонь, мигом окрутят!» И очень кстати из Буэнос-Айреса на адрес аптеки пришла открытка, из содержания которой Иосиф понял: его акклиматизация в стране, по мнению ЦК компартии Аргентины, завершилась.

Прошло несколько месяцев, и на подпольной конференции в городе Росарио Иосиф Григулевич был избран в исполком МОПР Аргентины и членом редколлегии нелегального журнала «Красная помощь»[7]. Ему дали партийный псевдоним «Мигель».

«Он был необыкновенным человеком, — написал о нем “Бланко”, один из соратников Григулевича. — Я познакомился с Иосифом более 50 лет назад, и половину этого срока был связан с ним активной совместной работой. Впервые я увидел его летом 1936 года. Тогда я работал секретарем районного комитета компартии в провинции Энтре-Риос и поэтому участвовал в собрании делегатов от комячеек провинциальных городов. Как обычно, мы пригласили на собрание “курирующего” члена ЦК, но он приехал не один. Вместе с ним был молодой человек, сильный акцент которого нисколько не умалял остроты его высказываний. Иосиф приехал на пару дней навестить отца, и региональное руководство МОПР попросило его выступить по вопросу усиления помощи политзаключенным. Он был великолепным трибуном, умел “заводить” людей! В этом я убеждался потом не раз. Его тезисы были неотразимы. “Все мы рано или поздно попадем в тюремные застенки, — сказал он. — Поэтому помогите сегодня тем, кто уже там. Завтра непременно помогут вам. Считайте, что это ваше обязательное тюремное страхование”. Перспективу он нарисовал перед нами нерадостную, но проблеск надежды — в беде не оставят! — словно подстегнул товарищей. В тот вечер жертвовали как никогда щедро…»

«Одной из форм работы “Красной помощи” в Аргентине, — написал в автобиографических заметках Григулевич, — были так называемые национальные патронаты, которые создавались из эмигрантов разных национальностей. Патронаты шефствовали над тюрьмами своих стран. Например, патронаты, в которые входили выходцы из Польши, шефствовали над тюрьмами Варшавы, Лодзи, Белостока и т. д. Был патронат и над Лукишками, в который входили эмигранты из Виленщины. В исполкоме МОПР я руководил работой патронатов всех национальностей, в том числе и литовских, которых было несколько на территории Аргентины».

Несколько месяцев Иосиф обретался в Росарио, налаживая мопровскую работу. Этот речной порт, расположенный в 320 километрах к северу от Буэнос-Айреса, называли «аргентинским Чикаго». Всемогущие храмы его — мясная и зерновая биржи.

Индустриальное развитие города шло по нарастающей, и КПА уделяла особое внимание разъяснительной работе в пролетарских районах, конкурируя в этом с анархистами и социалистами. Росарио все стремительнее утрачивал провинциальную простоту, все активнее «перерабатывал» крестьян, приходивших в город на заработки, и иммигрантов, среди которых преобладали итальянцы. Григулевич охотно погружался в среду портовых рабочих, сознательно внося в агитационную работу личную основу. По вечерам его можно было увидеть в дружеской компании простодушных парней в кепках и беретах в каком-нибудь захудалом ресторанчике на берегу Параны: непритязательная паррилья, несколько бутылок пива «кильмес», корзинка с золотистыми пшеничными булочками. «Под пиво или бокал “тинто” текущие лозунги Коминтерна усваиваются куда лучше», — шутил Григулевич в кругу местных партийцев.

Завязанные им в Росарио дружеские связи пригодятся через семь лет при «постановке» в Буэнос-Айресе лаборатории по производству зажигательных бомб для осуществления диверсий на судах, перевозящих стратегические грузы в порты враждебных Советской России и западным союзникам стран — Германии, Испании и Португалии. Некоторые химические компоненты для снарядов будут поступать из малоприметной аптеки в пригороде Росарио. Молодая женщина с тонкими библейскими чертами лица совершит десятки поездок в аргентинскую столицу, прижимая к себе невзрачную хозяйственную сумку с начинкой для «зажигалок».

* * *

Ветеран КПА Фанни Эдельман в своих мемуарах «Знамена, горение, товарищи» подробно рассказала об опасностях, которые подстерегали коммунистических активистов, о репрессивном режиме генерала Хусто. Он унаследовал от своего предшественника Урибуру осадное положение и военный суд, а также «Сексьон эспесиаль», политическую охранку, созданную с помощью советников из гестапо и итальянской «ОВРА». Хусто не отказался от применения пыток в тюрьмах и отправки арестантов из левых партий в «адскую тюрьму» ледяной Ушуайи.

Беспощадно применялся Закон 4144 о высылке «нежелательных» иностранцев, занимавшихся общественно-политической деятельностью. Их нередко выдавали фашистским режимам. Помощь властям в проведении репрессий оказывал «Гражданский легион Аргентины», в который входили

представители реакционных кругов олигархии. Их печатным органом была профашистская, откровенно антисемитская газета «Эль Памперо». Правительство генерала Хусто не препятствовало формированию в стране групп нацистской и фашистской тенденции. Именно тогда был организован «Альянс националистической молодежи», главарем которого являлся Патрисио Келли. «Альянс» использовался в качестве карательного отряда для подавления рабочих выступлений и в ряде случаев нес прямую ответственность за убийства коммунистов.

Национальная избирательная хунта Аргентины систематически отказывала компартии в регистрации и не признавала законность «стихийных» бюллетеней в пользу ее кандидатов. В марте 1935 года накануне выборов в парламент было принято очередное решение подобного характера. В коммюнике избирательной хунты было подчеркнуто, что компартия представляет чуждые национальным интересам Аргентины силы, «деструктивные и радикально-подрывные в своей основе», подчиняющиеся «иностранному правительству», главным инструментом которого на международной арене является Третий коммунистический интернационал. В коммюнике было подчеркнуто, что Верховный суд страны признал оправданным лишение «подрывных элементов» избирательных прав, как и применение к ним «адекватных мер воздействия» для защиты интересов граждан и государства.

В тюрьмах томились тысячи заключенных, и активистам «Красной помощи» работы хватало. В одной из бесед Ф. Эдельман рассказала мне, что Иосифа Григулевича хорошо знали в партийных кругах и ценили как надежного товарища, энергичного организатора, предприимчивого «сборщика» денежных средств на нужды политзаключенных. Культ знаний был его характерной чертой. Иосиф посещал различные партийные курсы, настойчиво занимался самообразованием, не жалея своих скудных средств на покупку серьезных книг и свободного времени — на библиотеки. По словам Эдельман, Иосиф был своим человеком в самых разных партийных «кабинетах», если можно таковыми назвать конспиративные квартиры КПА (или, как их называли для маскировки, «технические бюро»). К этому времени относится первая встреча Григулевича с Викторио Кодовилья. У влиятельных партийцев сформировалось положительное впечатление о «Мигеле»: «Парень — перспективный, с твердыми убеждениями, не гнушается черновой комрабо-ты». Особенно теплые отношения сложились у Иосифа с Армандо Кантони, будущим секретарем райкома Буэнос-Айреса. Эта дружба пройдет проверку огнем в Испании.

Можно с уверенностью сказать, что «Мигель» безболезненно вошел в работу КПА. Далеко не все посланцы Коминтерна «приходились ко двору» в латиноамериканских компартиях. Бывали случаи, когда «местные товарищи» под благовидным предлогом отделывались от тех, кто, проявляя излишнее рвение, вмешивался в проблемы, далекие от их компетенции. По оценке ветерана чилийской компартии В. Тейтельбойма, «миссия агента Коминтерна состояла в корректировке политической ориентации, проведении определенной линии, новой организационной схемы и обеспечении спартанской дисциплины. В данном случае (в Коминтерне. — *Н. Н.)* исходили из посылки, что коммунистические партии все еще находятся в детском возрасте и потому нуждаются в опекунах и инструкторах, чтобы избежать “плохого поведения” и отклонения от ортодоксальности. Несмотря на все глубинные различия, эти концепции и методы в чем-то походили на практику Универсальной католической церкви, хотя ее философия была иной». По мнению Тейтельбойма, «без агентов Интернационала можно было вполне обойтись»[8].

Григулевич обладал ограниченными полномочиями и на «директивные функции» в КПА не претендовал. О степени доверия к нему говорит тот факт, что руководство партии планировало направить Григулевича в Бразилию для организации побега известных активистов Карлоса Престеса и Родольфо Гиольди[9] из тюрьмы на острове Фернандо Норонха, в которой они оказались после оглушительного провала авантюры Коминтерна с осуществлением революционного восстания в этой стране. Поездка Иосифа не состоялась из-за затяжки с оформлением «липовых» документов, но главным образом из-за гибели в Бразилии напарника Григулевича, который выехал туда первым и был выдан провокатором.

Нет сомнения, что Григулевич мог бы искренне повторить вслед за Эдельман: «Я храню о “Красной помощи” самые теплые воспоминания». Эта организация “отражала самые прекрасные чувства, свойственные человеческому существу: солидарность — нежность между народами”, — как весьма точно назвала ее никарагуанская поэтесса Джиоконда Белли. Тяжелые для трудового народа тридцатые годы продемонстрировали в то же время впечатляющий размах солидарности с политическими и профсоюзными заключенными и их семьями… С большой любовью вспоминаю о пожертвованиях небогатых кустарей и рабочих — русских, поляков, болгар, югославов, итальянцев и испанцев, которые прибыли в нашу страну, спасаясь от преследований. Они вступали в ряды “Помощи”, несмотря на

угрозу применения против них положений зловещего Закона 4144 о проживании иностранцев».

Григулевич написал в автобиографических заметках, что в «первый период» пребывания в Аргентине совмещал революционную и трудовую деятельность. Он был продавцом радиоаппаратов, страховым агентом, электриком, журналистом. Почти невозможно отыскать те старые издания марксистского толка, в которых печатался молодой Иосиф. В «эмеротеки» — отделы периодических изданий в библиотеках — их не посылали, потому что левая пресса была под запретом. Однако один из таких журналов мне удалось откопать в букинистическом магазине «Уемуль» на авениде Санта-Фе в Буэнос-Айресе. Его статья называлась «О социальных координатах танго». Она клеймила поклонников этого музыкально-танцевального жанра как безнадежно «мелкобуржуазных элементов».

По мнению автора, танго — это продукт нестабильного мироощущения мелкой буржуазии, музыка стенаний, жалоб, декадентства и страха перед жизнью. Ее нельзя назвать народной, и тем более — пролетарской. Все дело в специфике мелкой буржуазии, подвижной социальной группы, отдельные члены которой, разорившись, пролетаризируются, растворяются в рабочей массе, передавая ей свои пороки, слабости и извращенные вкусы. Отсюда в текстах танго так часто возникают мотивы криминального дна, публичных домов и падших женщин, сумрачных городских окраин, где вместо закона властвуют кинжал и револьвер. Да, в капиталистической Европе эта музыка приветствуется, но только потому, что декадентское разложение старого континента достигло апогея, как было объявлено философом Шпенглером. Танго — это импотенция, фатализм, отсутствие воли и тяга к самоубийству.

Конечно, пройдут годы, и зрелый Григулевич будет с улыбкой вспоминать эти суровые выпады в адрес танго и его поклонников. Надрывные звуки бандонеона не будут казаться ему упадническими или декадентскими. А голос Карлоса Гарделя — «Мой любимый Буэнос-Айрес, когда я снова встречусь с тобой» — непростительно сентиментальным. Это мелодии его юности, навеки сопряженные в его памяти с тем Буэнос-Айресом, которого не вернуть, в который не вернуться…

* * *

Григулевич много ездил по стране, выполняя партийные поручения. У него сложились неплохие связи в литовских

эмигрантских кругах, хотя оценивал он их с «классовых позиций». Например, клуб взаимопомощи «Пролетариат» в Бериссо он считал «своим» и часто бывал там, чтобы обсудить последние новости из сметоновской Литвы. Были коммунисты и в клубе «Утренняя звезда». Позже он завел друзей в организации демократического толка «Объединенные литовцы в Аргентине».

Ностальгические чувства не были чужды молодому Григулевичу. В поисках новостей с родины он с жадностью поглощал издаваемые в Аргентине эмигрантские газеты, в особенности «Голос литовца в Аргентине», которая была старейшим органом эмигрантских организаций, ориентированных на создание подлинно конституционной и демократической Литвы. «Ни фашистов, ни коммунистов, ни сметонистов» — таким было направление газеты, находившейся под сильным влиянием «Центра взаимопомощи имени доктора Дж. Базанавичуса», основанного в 20-х годах, в самый пик литовской эмиграции в Аргентину. Особенно высоко Григулевич ценил литературно-политический журнал «Дар-бас», издаваемый в Росарио П. Улявичусом, человеком прогрессивных взглядов. Впоследствии тот принимал участие в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев.

Разветвленными знакомствами обладал Иосиф в еврейской общине Буэнос-Айреса. Особенно близкие отношения сложились у него с обаятельной Флорой Тофф, секретарем ДАИА[10], руководящего органа еврейских организаций в Аргентине. Ее брат Моисей, убежденный сионист, «симпатизировал», тем не менее, коммунистам. Попытки молодых Тоффов вовлечь Иосифа в деятельность ДАИА окончились ничем. Он внимательно прочел материалы 16-го Сионистского конгресса Аргентины: активизировать прием новых членов, шире пропагандировать еврейский язык и культуру, предпринять меры по сбору средств на цели колонизации и восстановления исторического «очага в Палестине». Для него — слишком узко. Марксистский взгляд куда масштабнее. «Только коммунизм способен разрешить проблемы национального характера, надо смотреть в корень проблемы», — убежденно внушал Иосиф своим друзьям.

Григулевич был частым гостем у молодой поросли семейства Тофф, обитавшего по адресу — улица Айякучо, 471. Моисей, Флора, Чарна, Хосефа… Иосифа тепло привечали в этом доме, стены которого были выложены сверкающей плиткой, а в колоннах, обрамляющих парадный вход, было нечто античное. После смерти матери Иосиф вспоминал о семейном уюте как о потерянном рае, и в доме на Айякучо почти забытое ощущение покоя и умиротворенности нередко всплывало в подсознании.

Три сестры, три грации, три шутницы умели растормошить «тайного коминтерновского агента», занятого серьезными конспиративными делами. Тоффы не воспринимали Иосифа как официального жениха Флоры, но в «околосемейных кругах» молва об этом шла.

Прерывая повествование, скажу, что я пытался отыскать кого-либо из семьи Тофф, но, увы, опоздал. Незадолго до моего приезда в Буэнос-Айрес в доме для престарелых скончалась Чарна. Ее небольшой архив и альбом с семейными фотографиями администрация приюта вручила душеприказчику — сеньору Грегорию Шурману, который хорошо знал Тоффов, и особенно Флору, ведь он работал в ДАИА с первых дней основания. «Это была старательная женщина, — сказал мне старый сеньор, — она много лет трудилась на благо нашей общины в качестве технического секретаря организации, работала как хорошо заведенные часы. Ни на что никогда не жаловалась. Флора была одинока, что-то не сложилось у нее с семейной жизнью. Но о причинах не рассказывала, потому что вела замкнутый образ жизни, не имела склонности открывать свою душу даже тем, кто находился с нею рядом десятки лет. Умерла она в начале 60-х и похоронена на еврейском кладбище».

* * *

Через Флору Тофф Иосиф познакомился с сыном крупного аптекаря Мигелем Финштейном, на квартире которого Григ прожил около года. В это время у него завязываются многие полезные связи в мелкобуржуазных еврейских кругах, которыми он воспользуется в годы Второй мировой войны. Главная тема разговоров — угроза германского фашизма, радикальный антисемитизм которого все отчетливее проявлялся во внутренней политике Гитлера и его последователей в Аргентине.

Наверное, не было в Буэнос-Айресе уголка, куда бы не заглянул неугомонный «Мигель». В порту ему знаком каждый док, каждый причал. Нередко приходилось посещать Матадерос — находящуюся на отшибе зону скотобоен, убийственные запахи которых затягивало порой и в окна Розового дома — президентского дворца. Бывал Иосиф в Колегиалес, но реже. В этом удаленном от центра города полюбившемся немцам районе, нацисты ударными темпами рекрутировали новых членов в свои многочисленные организации. Коммунистов там чувствовали за версту и «встречали» соответственно. Местечковый дух царил в Ла-Патер-наль — среди его обитателей преобладали евреи, как и

в Вилья-Креспо, где находилась популярная торговая зона.

Случались оказии для посещения Вилья-Девото — района, расположенного на возвышенности и потому наиболее здорового для проживания. Когда-то он был довольно аристократическим и потому притягательным для выскочек-нуворишей. «Своим» был «Мигель» в Авельянеде — большом индустриальном городе, который фактически сливается с Буэнос-Айресом. Достаточно пересечь зловонную реку Риачуэло по одному из мостов, и ты в Авельянеде, где находятся крупнейшие заводы, холодильники и скотобойни Аргентины. Выходцы из бывшей России — белорусы, украинцы и литовцы обитали преимущественно там. В этом же районе чувствовали себя в относительной безопасности контрабандисты и уголовники — от воров до наемных убийц-пистолеро.

Иосиф любил посещать «вечера отдыха» в национальных общинах — «Славянском социальном клубе», «Польском доме» и, конечно, «Литовском очаге», который находился по адресу: улица Монтес-де-Ока, дом 320. Однажды ему довелось побывать там на праздновании 17-й годовщины независимости Литвы, и на Иосифа повеяло строгостью официальных актов гимназии в Паневежисе: выступили влиятельные члены общины и литовский посол Ионас Аукштуолис, затем исполнили концертно-музыкальную программу, гвоздем которой стали фрагменты из оперы «Бируте». «Вы живете в Аргентине, но ваш патриотический долг — помогать Литве!» — таков был лейтмотив официальных речей.

Как убедился Иосиф, к патриотизму взывали и бывшие бойцы армии Пилсудского, занесенные превратностями судьбы в Аргентину. Поляки собрались в ресторане отеля «Савой» (где работал приятель Иосифа) на вечер, посвященный памяти Спасителя Польши от большевизма. Посол Ладислав Мазуркевич призвал патриотов-соотечественников помогать отчизне всем, чем возможно, и со слезами на глазах принял из рук ветерана-инвалида ящичек с аргентинской землей, пообещав, что диппочтой она будет отправлена в Варшаву и рассыпана у подножия монумента Пилсудскому.

Сумел «просочиться» Иосиф со своим другом Финштейном и на масштабно организованный праздник немецкой общины. В зале Цирка Саррасани, украшенном свастиками и шестеренками, а также пятьюдесятью флагами различных «непартийных» организаций, собралось более 12 тысяч человек. В самом начале был исполнен гимн Аргентины, затем оркестр сыграл несколько фрагментов из опер Вагнера. С бодрыми энергичными докладами выступили руководители НСДАП в Аргентине — партайгеноссе

Кестер и партайгеноссе Шмидт, с заключительным словом — посол фон Терманн. Основной тезис всех выступлений: «Национал-социалистическая Германия должна занять лидирующее место на мировой арене. Оно ей принадлежит по праву». Затем всем раздали листочки со словами гимна «Германия превыше всего» и песни «Хорст Вессель». Пели слаженно и с чувством, словно на марше в боевых условиях.

«Тевтонский натиск на Южную Америку набирает силу, — поежился Финштейн. — Сегодня — Цирк Саррасани, завтра — Патагония, а затем и весь континент. Так и назовут его — Новая Германия. “Разговоры с Гитлером” Раушнинга, надеюсь, читал? Чувствую я, в один прекрасный день Буэнос-Айрес станет полем битвы с нацистами. Они все больше распоясываются…»

Иосиф с ним соглашался, вспоминая «разъяснения» Коминтерна в отношении фашистской доктрины и фашистских государств. Беженцев из Германии и Италии в страну прибывало все больше, европейский котел постепенно разогревался. Излюбленным приемом в дискуссиях политиков стала угроза войной. Во всех странах набирала обороты военная промышленность и пресса охотно подсчитывала соотношение боевых единиц в военных флотах, авиационных армиях и танковых колоннах потенциальных соперников. Едва ли не ежедневно появлялись сенсационные материалы о новых образцах боевой техники. Летчики ставили рекорды полетов на дальность, и все понимали — отрабатываются будущие бомбардировочные рейды. Германские линкоры то и дело наведывались к берегам Бразилии и Аргентины, и эксперты многозначительно кивали головами: идет ознакомление с будущими районами битвы за Атлантику. Прилеты пассажирских дирижаблей Германии на континент воспринимались многими как демонстрация нацистской мощи и претензий на «особое» положение в Южной Америке. «14 200 000 немецких эмигрантов, проживающих в странах Западного полушария, — это первый десант Германии, за которым последуют другие», — вычитал Иосиф в пропагандистской книжке, распространявшейся на нацистском слете в Цирке Саррасани.

В Аргентине беспрепятственно действовало не менее десяти организаций, связанных с нацистской Германией: региональная группа партии; отряд штурмовиков; национальный союз немцев; рабочий фронт; военная организация ветеранов; суррогат нацистских профсоюзов «Сила через радость»; национал-социалистический союз моряков; германская федерация физкультуры; социальная помощь НСДАП; рабочий союз немецких женщин. Патриотическое рвение немцев доходило до

такого абсурда, что многие женщины-немки, проживающие в стране, стремились рожать на германских судах, заходивших в аргентинские порты. Подданство победоносного рейха выглядело привлекательным во второй половине 30-х годов…

В правящих кругах Аргентины вызревающий военный пожар в Европе рассматривался сугубо с прагматических позиций. Нейтралитет в годы Первой мировой войны благотворно сказался на экономике и финансах страны, позволил с огромной выгодой продавать сырьевые материалы и сельскохозяйственную продукцию сражающимся сторонам. Латифундисты и обслуживавшая их военно-политическая элита и тени сомнения не допускали в том, что национальная стратегия «на перспективу» останется прежней: нейтралитет и только нейтралитет! Именно он придаст новый живительный толчок производительным силам, позволит укрепить денежную систему страны, аккумулировать значительные золотые запасы, которые гарантируют Аргентине стабильность, процветание и социальный мир в послевоенное время.

Лучезарные перспективы приятно волновали не только власть предержащих. Близкий мираж всеобщего процветания приятно возбуждал обывателя, и улицы Буэнос-Айреса отражали эту всеобщую эйфорию: витрины ломились от товаров. По количеству ювелирных и меховых магазинов, а также публичных домов на квадратный километр аргентинская столица была, без всякого сомнения, мировым лидером. И утром и вечером беспечная публика переполняла танцзалы и кинотеатры. Особенной популярностью пользовались «шпионские» фильмы. В английских и французских лентах шпионами были немцы. В немецких — англичане, французы и русские «большевики». В роскошных кинозалах «Рекс», «Опера», «Идеаль», посещаемых состоятельными людьми, кадры кинохроники с Гитлером и Муссолини сопровождались поощрительными аплодисментами. Им симпатизировали. В затрапезных «киношках» рабочих кварталов — фашистских вождей неизменно освистывали, но Сталина и когорту его «железных наркомов» приветствовали овациями. Классовые симпатии и антипатии сохранялись незыблемо.

Рестораны, которые в Аргентине никогда не могли пожаловаться на отсутствие клиентов, переживали самый настоящий бум. Дешевые распродажи, которые устраивали модные универмаги, чтобы избавиться от товарных завалов, становились праздниками для людей с небольшими доходами. Иосиф долго щеголял в модных туфлях фирмы «Гат и Чавес», купленных в один из таких дней оглушительных скидок. В них и

танцевалось лучше. Музыкальные шлягеры того времени — «Кукарача», «Кариока» и многие танго Карлоса Гарделя — дожили до наших дней. Они как нельзя лучше отражают беззаботный эмоциональный настрой той эпохи. Трудно ему сопротивляться, когда ты молод и в твоей жизни все еще впереди. Поэтому танцевальных вечеринок в пролетарских «барриос» — районах Бока или Барракас — было ничуть не меньше, чем в богатых кварталах Большого Буэнос-Айреса.

Глава V.
АРГЕНТИНСКАЯ АДАПТАЦИЯ

Самообразованию Григулевич уделял все свободное время. В читальном зале и «эмеротеке» муниципальной библиотеки Иосиф был своим человеком. Именно в те времена у него пробудился интерес к истории Латинской Америки, Симону Боливару и героической плеяде освободителей континента от испанского колониального ига.

При посещении «эмеротеки» Иосиф прежде всего знакомился со свежими новостями из Советской России, доскональное знание которых было своеобразным партийным шиком. Если партиец умел без запинки назвать имена всех наркомов, то авторитет его неимоверно возрастал. Память у Иосифа была исключительной, и он пользовался этим, блистая эрудицией и безошибочным произношением трудных славянских, татарских и иных экзотических имен.

Правда, после убийства Кирова изменения в советском аппарате происходили столь стремительно, что уследить за ними было крайне сложно. Григулевич не сомневался в том, что организаторами покушения на популярного лидера были «троцкистско-зиновьевские элементы». Сталин назвал главным организатором покушения Троцкого, и Григулевич верил в истинность этих утверждений. Для коммунистической прессы Троцкий был врагом номер один, не менее страшным, чем сам империализм. В буржуазных газетах о лидере Четвертого интернационала писали, в общем-то, сочувственно, подробно излагая события, связанные с охотой невидимых агентов НКВД на «красного изгнанника». Покушения на него со странной закономерностью проваливались, и тогда Москва напористо действовала по дипломатическим каналам, оказывая давление на страну, которая осмелилась предоставить приют коммунистическому изгою.

Григулевич был убежден, что Троцкий и его последователи сознательно вредят единству мирового коммунистического движения, саботируют строительство социализма в Советской России, чем вольно или невольно льют воду на мельницу буржуазии. Именно троцкисты препятствовали созданию Народного фронта в Аргентине, подвергая сомнению истинные цели коммунистов и отпугивая потенциальных политических союзников.

* * *

Как и всякий молодой человек, Иосиф увлекался спортом. Финштейн тянул его в клуб «Эбраика», в котором проводила время золотая молодежь, по выражению Григулевича, — «сливки столичного еврейского общества». По причинам скорее финансового, чем идеологического характера Григулевич отказался от предложения. Он предпочел более демократический «Гимнастическо-фехтовальный клуб». «Прием в него был достаточно прост, — писал Григулевич в своих «служебно-страноведческих заметках». — Два члена со стажем должны поручиться за новичка, а он — предъявить документ, подтверждающий его личность, представить медицинскую справку об отсутствии заразных и венерических болезней и заплатить вступительный взнос — 10 долларов. Клуб этот обладает сетью спортивных залов по всей стране, в которых можно не только накачивать мускулы, но и практиковаться в стрельбе по мишеням, потеть в турецких банях, обсуждать политические интриги и результаты последних футбольных матчей. Короче, этот клуб предоставляет спортсмену все жизненно необходимое, включая ресторан».

* * *

Немалое влияние на политическое развитие молодого Григулевича оказали аргентинские ученые-марксисты Эмилио Тройсе и Аугусто Бунхе. Первый был обязательным членом различных обществ и ассоциаций аргентинско-советской дружбы, читал лекции в партийных школах для рабочих, был инициатором конференций по разоблачению расистских основ гитлеровской доктрины. Его брошюра «Немцы — это не арийцы» стала на долгое время «политическим бестселлером». Тиражи книги то и дело приходилось допечатывать, поскольку нацистские активисты тайком скупали ее целыми партиями. Наивный Тройсе искренне удивлялся успеху брошюры, которая принесла ему куда больший гонорар, чем солидный трактат об основах марксизма. Монументальным этим трудом Тройсе очень гордился и каждые три-четыре года переиздавал.

Но иногда свой полемический дар Тройсе использовал не по делу. Так, в 1942 году Тройсе написал брошюру по поводу «лекционного турне» по Аргентине известного американского писателя Уолдо Франка. В этом труде аргентинский публицист пытался доказать, что гость из Соединенных Штатов является

фашистом. Для этого были использованы такие тезисы: 1. Франк верит в интуицию. Однако такие профашистские философы, как Хайдеггер и Клагес, тоже верят в интуицию, следовательно, Франк — фашист; 2. Американский писатель является врагом коммунистических постулатов диалектического материализма, следовательно, он — фашист; 3. На своих выступлениях в Буэнос-Айресе, посвященных проблемам межамериканских отношений, Франк не сказал ни одного похвального слова в адрес героической борьбы Советского Союза, что со всей очевидностью свидетельствует о его фашистских убеждениях.

В итоге руководство КПА разослало в партячейки циркуляр, которым членам партии запрещалось посещение лекций идеологически враждебного коммунизму американского гостя. Нужно отметить, что Уолдо Франк действительно выступал против тоталитарных режимов разной идеологической окраски, был демократом до мозга костей и резко обличал империалистические тенденции в политике Соединенных Штатов. Самое курьезное, что местные нацы тоже активно использовали брошюру Тройсе, бесплатно распространяя ее в городах, где предстояло выступать американскому писателю. Они несколько раз пытались сорвать его выступления, доходило даже до рукопашных схваток.

Григулевича представил Тройсе сам Кодовилья, который отозвался об Иосифе как о «близком и надежном друге». Пройдут годы, и Тройсе окажет Григулевичу неоценимую услугу, организовав переброску солидного архива нелегальной резидентуры из Буэнос-Айреса в Монтевидео.

* * *

Аугусто Бунхе, видный руководитель Независимой социалистической партии, был популяризатором марксизма и страстным пропагандистом «советского опыта» в Аргентине. Он отвергал все, что не имело отношения к марксистским догмам, и признавался, что перевел поэму Гёте «Фауст» с немецкого на испанский язык только для того, чтобы затем в подлиннике проштудировать «Капитал» Маркса. Бунхе приветствовал Октябрьскую революцию как «великий социальный эксперимент эпохи» и до конца жизни (он умер в августе 1943 года) придерживался идейных установок Коминтерна. Его книга о Советской России — «Красный континент» — была написана в панегирических тонах и являлась обязательным чтением для членов КПА. Через несколько лет после ее публикации Бунхе

удалось побывать в Стране Советов и лично ознакомиться с тем, о чем он прежде писал «заочно», прибегая к чужим материалам и источникам. Бунхе не разочаровался и издал еще одну книгу, не менее восторженную и эмоциональную.

К месту отметить, что эту поездку по Советской России Бунхе совершил в компании с другим аргентинцем: молодым издателем и писателем либерального толка Эльвио Ботаной, впечатления которого об «азиатской империи» не были столь благоприятными[11]. По оценке Ботаны, Россия и в коммунистическом качестве продолжала экспансионистскую политику Петра Великого: «Все те, кто поверили в Россию как революционный рычаг мировой интеграции, являются всего лишь простаками, бесплатными иностранными агентами на службе самой националистической державы, которая когда-либо существовала». Ботана во время путешествия сумел разглядеть многие очевидные недостатки в повседневной жизни первой страны социализма: от вопиющего дискомфорта мест общего пользования до скрытого антисемитизма. Но Бунхе, по мнению Ботаны, был непробиваем: «Он приехал в Россию с устоявшимся мнением, с этим же идефикс и уехал. А ведь мы видели и пережили там одно и то же».

Для Григулевича, который встречался с Бунхе по делам, связанным с организацией сбора средств для «Красной помощи», «старик Аугусто» был человеком, достойным восхищения. Все знали, что симпатии к Коминтерну дорого стоили Бунхе, особенно политически, многие друзья и соратники из Социалистической и Независимой социалистической партий порвали с ним, не приняв его трансформации в «экстремиста». Тем не менее популярность Бунхе среди трудящихся была огромной и его на пять сроков подряд избирали депутатом в парламент!

Авторитет Бунхе во многом основывался на парламентской и научно-просветительской деятельности. Он боролся за государственное здравоохранение, обязательное социальное страхование, всеобщее и бесплатное образование, справедливое трудовое законодательство для женщин. В научном и литературном плане он был невероятно плодовит. Иосиф часто навещал Бунхе в его уютном особняке в пригороде Ла Флорида и неизменно с восхищением наблюдал за стремительным пером мэтра, его упрямой лобастой головой и пронзительно посверкивающими очками, за которыми близоруко щурились мечтательно-добрые глаза.

Опыт этих двух лет в Аргентине окажется жизненно важным для Григулевича во время второй «служебной командировки», на

этот раз «по линии НКВД». Ему не придется тратить время на адаптацию. Он хорошо знает особенности аргентинского быта, привычки и обычаи аргентинцев, жаргонный язык обитателей Буэнос-Айреса. В начале 1945 года на основе своего аргентинского опыта он по просьбе «Рене», легального резидента в Уругвае, напишет что-то вроде страноведческих заметок.

Вот два фрагмента из них (стиль и лексика Григулевича сохранены):

«Креол (произносится “криоже”) всегда изысканно одет, будь он дворником или министром. Он чувствует себя неуютно, если у него нет выглаженного костюма, накрахмаленного воротничка, стильной шляпы — чамберго и начищенных, как зеркало, ботинок. Ремню он предпочитает подтяжки, резинками подтягивает рукава батистовой рубахи и носки и мажет волосы специальным клеем, невиданной в мире пакостью, которая называется “гомина”. Обязательные атрибуты — платочек в нагрудном кармашке и массивный перстень на пальце. Молодой “криоже” предпочитает в дождливую погоду плащ, пожилой — зонтик на английский манер. Летом все как один носят панаму или твердую соломенную шляпу-ранчо, костюм светлых тонов и обязательно черные ботинки. Зимой “криоже” щеголяет в легком суконном или габардиновом пальто и считает себя неполноценным, если такового нет. По словам одного французского путешественника, типичный аргентинец — добровольный раб моды и принадлежит к тому редкому человеческому племени, где мужские особи одарены большей красотой, чем женские. Креол, фланируя по улицам, считает своей обязанностью оборачиваться и с видом знатока на ипподроме рассматривать проходящих женщин, а нередко плестись следом и осыпать их комплиментами, как скаковых лошадок».

О кулинарных пристрастиях «криоже»:

«Аргентинское меню зиждется на мясе. Обычно на закуску берется “фьямбре суртидо” (колбаски разных сортов), затем идет мясной суп (бусекка и т. п.), “бифе” или “чурраско”, фруктовый салат или флан на дессерт. Два типичных аргентинские блюда: “пучеро”, похлебка из вареного мяса разных сортов плюс картошка, лук, морковь, батат, турецкий горох (все обильно сдабривается прованским маслом и уксусом или лимоном); “паррильяда микста”, разные части говяжьего или воловьего мяса, зажаренного на открытом огне. За исключением этих двух лукулловых блюд, прочая аргентинская кухня — это хаотическая мешанина испанских и итальянских кулинарных “мотивов”, могущих привести в ужас любого французского повара. Средний

аргентинец пьет обычно красное вино — как правило, терпкое и довольно низкого качества. Наиболее известные марки “популярных” вин — “Нортон”, “Ариса”, “Ресерва”, “Томба Ресерва”, “Наполеон”, “Боргонья”. Есть и более изысканные по букету, но высказаться по ним конкретно не могу, поскольку в личных средствах был ограничен…»

* * *

Вечером 19 июля 1936 года Иосиф был арестован на вилле Аугусто Бунхе. Тихая улочка Деан Фунес никогда не видела такого количества стражей правопорядка. Всего по доносу осведомителя было задержано 109 человек. Полиция приняла всерьез информацию о том, что маститый ученый, известный просоветскими симпатиями, проводит нелегальную коммунистическую сходку, в ходе которой планировалось коллективное прослушивание Московского радио, обсуждение задач по расширению подрывной деятельности и созданию новых районных организаций МОП Р. Фанни Эдельман так описала этот арест:

«Многочисленная группа парней и девушек беззаботно танцевала в прекрасном саду с апельсиновыми деревьями. И тут неожиданно ворвались агенты “специального отдела”, арестовывая всех подряд, подбрасывая фальшивки в ящики письменного стола, попутно “расправляясь” с запасами спиртного в буфете… В грузовиках нас перевезли в здание департамента полиции Ла Платы, куда были уже приглашены журналисты для того, чтобы ошеломить их числом задержанных подрывных коммунистических элементов. Каково же было изумление корреспондентов, когда они увидели, что из грузовиков спускаются симпатичные, кокетливые, веселые девушки в лучших своих платьях, а следом — нарядные парни. Все это вызвало колкие насмешки и шуточки в адрес держиморд… Тем не менее ночь пришлось провести в полицейском участке. Всех нас переписали и взяли на учет, однако благодаря своевременным действиям адвокатов мы смогли разойтись по домам уже на следующий день».

В дело вмешались несколько депутатов левого крыла парламента, в столичных газетах появились насмешливо-критические комментарии в адрес стражей порядка, стреляющих из пушек по воробьям. Департамент полиции поторопился распространить коммюнике, в котором настаивал на своей точке зрения: Бунхе проводил политическую сходку, в ходе которой

коллективно прослушивалась пропагандистская передача из Москвы, велось рекрутирование новых членов в «Красную помощь», осуществлялся сбор денег на издание просоветской газеты «Дефенса Популар». В коммюнике указывалось, что «сигналы» о предполагаемой сходке поступили «из конфиденциальных источников», надежность которых не подвергается сомнению. Бунхе характеризовался полицией как политик экстремистского толка, что «нашло подтверждение в большом количестве изъятой коммунистической литературы, черновиков с текстами политического содержания, писем, полученных из России».

«Гостями Бунхе были в своем большинстве русские» — это еще одно утверждение из полицейского коммюнике[12].

Григулевичу этот трехдневный арест грозил серьезными неприятностями. Он не прошел натурализации и, как иностранец, был весьма уязвим. Его отпустили, но успокаиваться было рано. Полиция не откажется от своей версии «коммунистического сборища» и дотошно изучит изъятые на вилле Бунхе документы и материалы, наведет справки через агентуру и картотеки в отношении участников «танцевального вечера», отделяя «зерно от плевел». Иосиф понимал, что он дешево отделается, если его просто вышлют из страны. Обычным исходом для таких, как он, была отправка в каторжную тюрьму в Неукене или Ушуайе.

Бунхе пытался оправдаться и, выйдя на свободу, лично разнес по газетам пространное заявление, в котором высмеивал заявления полиции о характере «сборища» на его вилле. Идиотизм полицейских агентов, принявших переписку сына на языке эсперанто за кодированные послания Коминтерна, имел, действительно, клинический характер. Не было преступлением и присутствие на вечеринке иностранцев и аргентинских граждан еврейского происхождения, которые, по-видимому, в восприятии стражей порядка ассоциировались с главными носителями коммунистических идей. «Прошу учесть, — не без иронии отметил Бунхе, — что на вечеринку пришли даже два немца — члены национал-социалистической партии. Они предъявили агентам свои партбилеты и умоляли не предавать их имена гласности». Единственным документом на русском языке, обнаруженном полицией на вилле, было рекомендательное письмо следующего содержания: «Председателю тов. Величко. Всесоюзное Общество Культурной Связи с Заграницей просит Вас оказать возможное содействие аргентинским ученым Бунхе и Ботано в посещении интересующих учреждений и предприятий. Член Правления ВОКС К. Шутко. 11 августа 1935 года». Загадочная для обывателя кириллица, зловещий славянско-

коммунистический след…

Может быть, эти подробности были и в самом деле комичными, но Иосифу было не до смеха. Среди документов, изъятых полицией у беспечного Бунхе и факсимильно опубликованных газетой «Насьон» в номере от 24 июля, имелась внешне невинная схема под названием «Районный комитет». Она отражала структуру столичной организации МОПР. В верхнем «председательском» квадрате схемы значилось: «Мигель, электрик». В других квадратах, озаглавленных «секретариат», «административный отдел», «финансовый», «отдел по печати» были старательно вписаны псевдонимы его товарищей: Тереса, Самуэль, Дора, Карлос, Хуан, Сара, Эдуардо, Лола, Симон, Фрида.

«Насьон» воспроизвела также содержание обширного отчета, подытоживающего деятельность МОПР в Аргентине. «“Красная помощь” должна трансформироваться в нашей стране в Красный крест объединенного Народного фронта» — таков главный вывод документа, в котором указывалось, что за последние два года количество членов в МОПР Аргентины утроилось и достигло 15 тысяч человек. В отчете было также отмечено, что финансовые возможности организации значительно выросли, и это позволило в 1935 году израсходовать на оказание помощи политзаключенным 70 тысяч песо.

Схема и отчет «Красной помощи» были подготовлены рукой Григулевича. Если бы полицейские агенты были внимательней, «Мигель» не вышел бы из этой переделки с такой легкостью. Но число задержанных было столь велико, что агентам из «специального отдела» пришлось привлечь «вспомогательные силы» для их регистрации. Иосифа опрашивал малоопытный новичок, который поверил, что разговорчивый «арестант» ничем кроме девушек и танцев не интересуется. Однако анкетные данные Григулевича и его дактилоскопические отпечатки полиция все-таки получила. Теперь, при необходимости, полиция могла докопаться до истины — что это за подозрительный литовец, не удосужившийся за два года пребывания в Аргентине легализовать свое пребывание?

* * *

За ситуацией в Испании Григулевич следил с возрастающей тревогой. Он активно работал в Комитете помощи республиканцам, который был создан компартией после того, как поток сообщений из этой страны подтвердил самые худшие опасения: фашистский мятеж генерала Франко набирает силу. На

швейных фабричках, которыми компартия владела через подставных лиц (надо же откуда-то брать деньги на партработу), организовали пошив зимней одежды для испанских революционеров, небольшими посылками и огромными контейнерами в Испанию отправляли продукты питания. Регулярно проводились кампании по сбору денег. Например, «День воздержания» заключался в том, что сторонник республиканской Испании отказывался от покупки пачки сигарет или традиционной, рюмки вермута в кафе и вручал сэкономленную сумму уполномоченному Комитета по финансам.

Проводились также «День гвоздик» или «День колосков», когда улицы Буэнос-Айреса и других промышленных городов заполняли молодые «парочки» с ярко раскрашенными кружками для сбора пожертвований. Символический акт продажи цветка или пшеничного колоса позволял собрать десятки тысяч песо на нужды сражающихся республиканцев. Полиция пыталась бороться с «кружечниками», бросала их в кутузку как «бродяг» и «побирушек» на разрешенные законом 48 часов, но так и не смогла подорвать дух солидарности с Испанской республикой. В Буэнос-Айресе этой работой руководил «Мигель»: инструктировал сборщиков, распределял маршруты и обозначал объекты. Его организационные способности в руководстве КПА котировались все выше.

После происшествия на вилле Бунхе дальнейшее пребывание в Аргентине стало для Иосифа небезопасным: полицейские сыщики «навестили» несколько его бывших адресов, в том числе в Ла-Кларите, чем изрядно взволновали отца. Служба безопасности партии получила данные от своего источника в полиции, что «Мигелю» грозит неминуемый арест. Именно тогда руководство КПА и прореагировало, наконец, на неоднократные просьбы Иосифа о направлении в Испанию. Получив «добро» на отъезд, Григулевич тут же помчался в испанское посольство и, после короткого разговора тет-а-тет с послом Осорио-и-Гальярдо, писателем-католиком, известным своими антифашистскими взглядами, получил в свой литовский паспорт драгоценный штамп с размашистой подписью консула — въездную визу.

* * *

Много лет спустя, набрасывая что-то вроде ветеранского письма-напутствия молодым разведчикам «на третье тысячелетие», он напишет:

«Человек — сложный механизм. Знание тех или иных истин

еще не делает его идеальным. Для того чтобы человек стал Человеком с большой буквы, необходимо, чтобы он любил свой народ, своих товарищей и дело, которому он служит, больше, чем свою собственную персону. Иными словами, чтобы личное счастье он понимал как служение людям и в этом видел свою главную цель. Стремление к самопожертвованию во имя общего блага больше всего свойственно молодым. Таков закон жизни. Юноша готов совершить благородный поступок, готов на подвиг, готов отдать жизнь свою ради высоких гуманистических идеалов всеобщего счастья и социальной справедливости…»

Отправляясь на Иберийский полуостров, «Мигель» отчетливо представлял себе, что участие в гражданской войне — не увеселительная прогулка. Он был готов ко всему. К любому исходу. А Буэнос-Айрес, который он искренне и нежно полюбил, Иосиф покидал с легкой грустью. «Придется ли когда-нибудь вернуться?» — вопрошал он себя, поднимаясь в начале сентября 1936 года на борт греческого парохода, который отправлялся в Антверпен. Чтобы приберечь свои скудные сбережения, Иосиф нанялся помощником повара.

По большому счету, именно отъезд в Испанию определил на многие годы, а лучше сказать навсегда, судьбу Иосифа Григулевича.

Глава VI.
ИСПАНИЯ: ВСТРЕЧА С НКВД

Рейс Буэнос-Айрес — Антверпен. Грузовое судно «Эллада» натужно преодолевает встречные волны Атлантики. Бесконечная кухонная «страда» до того изматывала Иосифа, что вечерами он валился в кровать и моментально засыпал. Кое-что на «торгаше» было греческим — капитан, повар и флаг на корме, но экипаж состоял из русских «белых» эмигрантов, которые скрывали свою национальность. Русским изгнанникам запрещалось работать на морских судах европейской приписки: судовладельцы опасались «красного проникновения».

Иосиф Григулевич быстро освоил секреты приготовления любимых блюд капитана, научился правильно произносить их названия (вот где пригодилось классическое гимназическое образование). Конечно, личные вкусы капитана определяли выбор меню. В этот раз под строгим надзором повара Григулевич приготовил первое-второе-третье из излюбленного репертуара капитана, и тот, откушав, с некоторым изумлением похвалил повара:

«Ты, Макрис, сегодня превзошел сам себя! Так едят только на Олимпе!»

Больше к стратегической задаче ублажения капитанского желудка Григулевич не допускался. Повар не сомневался, что Иосиф задумал его «подсидеть» на сытном месте…

* * *

Путь от Антверпена до Мадрида Иосиф проделал за десять дней. Вначале в Париж на экспрессе, оттуда — после инструкций товарищей из Центра по переброске добровольцев — поездом до Тулузы, затем — самолетом до Барселоны. «Трудно описать ту радость, которую я испытал, ступив на испанскую землю», — напишет через много лет Григулевич. Случилось это в первые дни октября 1936 года.

Для 23-летнего Иосифа приезд в Испанию был логическим продолжением его партийной работы. Ему не надо было тщательно обдумывать и взвешивать все «за» и «против» подобного шага, это был искренний порыв, единственно возможное действие. Быть на переднем крае борьбы! Расчетливость постыдна! Только крысы прячутся в тыловых

норах! Он рвался на фронт, под свинцовый огонь врага. Однако в Мадриде, поразившем Иосифа суровым величием осажденной крепости, его ожидал совершенно иной поворот событий…

Автомашина, на которой он добирался до испанской столицы из Валенсии, преодолела очередную баррикаду из мешков с песком и затормозила у многоэтажного здания. В нем временно размещалась редакция газеты компартии «Мундо обреро». «По счастливой случайности, — вспоминал Григулевич, — в редакции оказался Хосе Диас — генеральный секретарь КПИ, — о знакомстве с которым я мечтал со дня отъезда из Буэнос-Айреса. Диаса любовно называли “Пепе”, уменьшительное от Хосе… Он принял меня в одном из кабинетов редакции. Я передал ему письмо от компартии Аргентины, а также мой мандат мопровского работника. Он сразу же позвонил по телефону и попросил кого-то из товарищей зайти к нему. Я был несказанно удивлен, когда минут через двадцать в комнату вошел Викторио Кодовилья, который с первых дней войны находился в Испании».

Кодовилья с одобрением посмотрел на Иосифа:

«Просишься на фронт? Рядовым? Похвально. Но в Мадриде тоже фронт!»

Как вспоминал потом Григулевич, знание языков предрешило его судьбу: «К этому времени я, помимо литовского, говорил свободно на испанском, французском, немецком, польском. А по-русски у нас общались в семье, русский всегда был для меня главным языком».

«К нам приехали советские военные специалисты, — продолжил Кодовилья. — Полным ходом создаются Интернациональные бригады. Позарез нужны люди, знающие языки, в особенности русский. Мы тебя направим в распоряжение командования 5-го полка. Только, компаньеро, советую тебе сменить фамилию. Григулявичус — это слишком заковыристо для испанского уха».

Иосиф предложил фамилию Окампо, вспомнив известную аргентинскую писательницу, книгами которой зачитывались его подружки в Буэнос-Айресе. Так он стал «Хосе Окампо».

Григулевич-«Окампо» быстро разобрался во внутриполитической ситуации в стране. Народный фронт был весьма неоднородным организмом. В него входили коммунистическая, социалистическая, различных оттенков республиканские (буржуазные) партии, а также группировки из Каталонии, Страны Басков и анархисты во всем их шумно-крикливом разнообразии. Директивные посты в правительстве занимали республиканцы, социалисты и анархисты. Они соперничали и прежде всего пытались поставить под свой

контроль армию, продвинуть своих людей на командные должности, вытесняя коммунистов. Те же старались перехватить инициативу, направить революционные процессы в стране по единственно правильному руслу, то есть в рамках программы, намеченной Коминтерном…

* * *

Существуют различные версии участия Григулевича в испанской эпопее. Сам он не раз рассказывал о том, как для «обкатки» его направили в распоряжение политкомиссара 5-го полка майора Карлоса Контрераса. В то время полк напоминал небольшую армию — 20 тысяч бойцов! — и являлся основной ударной силой в окрестностях Мадрида. «Хосе Окампо» стал «адъютантом по международным поручениям» у Контрераса. На самом деле комиссара звали Витторио Видали, он был итальянцем, кадровым сотрудником Коминтерна, человеком с завидным опытом антифашистской борьбы. В списках ОВРА — тайной полиции Муссолини — он значился в первой десятке лиц, подлежащих розыску и ликвидации. Спасаясь от убийц, Видали некоторое время скрывался в Мексике, представляя Коминтерн в мексиканской компартии. Потом был на руководящей работе в Исполкоме Межрабпрома в Москве. В 1932 году советская военная разведка планировала направить его вместе с женой Тиной Модотти для работы в Китай в составе группы Рихарда Зорге, но, по настоянию Елены Стасовой, нарком обороны Ворошилов отменил эту командировку: Коминтерн тоже нуждался в проверенных кадрах.

«Адъютантский» хлеб Иосифа оказался нелегким. С Карлосом Контрерасом стремились встретиться члены всех делегаций и все журналисты, приезжавшие в Испанию. Он был своего рода символом героической обороны Мадрида. «Хосе Окампо» приходилось встречать гостей, отвечать за их размещение, а то и сопровождать на передовую, если кому-то для полноты впечатлений хотелось услышать свист пуль и разрывы артиллерийских снарядов. Иосиф выполнял и личные поручения Контрераса. Например, отвозил небольшие пакеты-передачи с кусковым сахаром или шоколадом Тине Модотти, работавшей сестрой милосердия в госпитале для тяжелораненых. О ее талантливых фотографиях с восторгом отзывались такие мастера кисти, как Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос, но Тина решительно забросила свое искусство, жертвуя им ради победы республики.

Все, кто встречался с «Окампо» в то время, вспоминают его как улыбчивого молодого парня, невысокого, склонного к полноте, в непременном интербригадовском берете. Одно время Иосиф пытался носить «моно» — синий пролетарский комбинезон на молнии, которыми из-за нехватки военного обмундирования экипировали добровольцев. Но Контрерас воспротивился. «Если работаешь адъютантом, — сказал он, — не забывай о своем внешнем виде. Адъютант и под обстрелом не должен терять внешнего шика». Весь шик Иосифа выражался в поношенном, но чистом костюме, аккуратно завязанном галстуке и потерявших прежний лоск туфлях, приобретенных некогда в Буэнос-Айресе.

Через несколько недель Григулевич получил повышение, перейдя на такую же должность при начальнике штаба армии Мадридского фронта генерале Висенте Рохасе. Но и там не задержался. По ходатайству советского посла Розенберга его направили на работу в полпредство. Переводчиков, владеющих русским языком, действительно не хватало. Даже в полпредстве. Именно там «Окампо» попал в поле зрения советнического аппарата НКВД, который возглавлял Александр Орлов (подлинное имя — Лев Лазаревич Фельбин), подписывавший свои сообщения в Центр псевдонимом «Швед». Опытный разведчик, исколесивший полмира, человек с изысканным вкусом и при необходимости — рафинированными манерами, великолепный физиономист, умевший читать на лице собеседника самые сокровенные чувства, — Орлов каждый день твердил своим подчиненным в советнической группе: «Ищите надежных людей, без них — в одиночку — мы в Испании ничего не сможем».

Кто же привлек Иосифа Григулевича к сотрудничеству с советской разведкой? Сам «Швед»? Вряд ли. В различных источниках говорится только о том, что он был первым оперативным руководителем Григулевича в разведывательном деле. Тогда кто же стал «крестным отцом» Иосифа в разведке?

Скорее всего, заместитель «Шведа» — Наум Маркович Белкин. С сентября 1936-го по август 1938 года он работал в Испании под «крышей» заведующего бюро печати полпредства, оказывая республиканцам помощь в организации борьбы с франкистской агентурой. Он был правой рукой Орлова в подготовке разгрома троцкистских групп.

Белкин также «курировал» интербригадовские части, знакомился с анкетами добровольцев, подбирая из их числа людей, могущих быть полезными для советской разведки (не только в Испании). Белкин был инициатором использования загранпаспортов павших интербригадовцев для документирования советских нелегалов. Опыт работы Белкина в

Южной Америке (Уругвай, 1934—1935) сказывался на его интересе к людям, которые прибывали с этого континента. Конечно, Григулевич с его общительностью, работоспособностью и врожденной интеллигентностью не мог не привлечь внимание оперработника. Вероятнее всего, что именно Белкин в ноябре 1936 года вытащил Иосифа из посольской рутины и на явочной квартире резидентуры НКВД в Мадриде преподал ему «краткий учебный курс молодого бойца невидимого фронта». После этого «Окампо» устроили на работу в Генеральное управление безопасности республики, или Сегуридад, как говорили для краткости. К этому времени Иосиф уже имел свой первый оперативный псевдоним — «Юзик».

Ходатайство Орлова перед Антонио Ортегой, генеральным директором Сегуридад, по поводу назначения «Окампо» было принято во внимание. Вскоре Иосифа ввели в состав Специальной бригады Генерального комиссариата расследований и охраны Мадрида, работу которого контролировал Сантьяго Каррильо, один из ведущих деятелей КПИ, тот самый, который много десятилетий спустя стал отцом «еврокоммунизма». Григулевичу пришлось побыть пару месяцев в шкуре рядового полицейского агента: должность следователя «по блату» не давали, даже если ходатаем был советский представитель.

О своем первом задании в качестве сотрудника Сегуридад Иосиф Григулевич рассказал в автобиографическом очерке «Первые шаги разведчика», опубликованном под псевдонимом «И. Григорьев»[13].

Уведомив читателей о том, что «по вполне понятным причинам имена и фамилии главных действующих лиц изменены», автор указал, что действие происходит в Мадриде, в марте 1937 года. Герой очерка — Борис Иванович Миронов, лет тридцати, в недалеком прошлом студент. Его, против собственного желания, определили переводчиком в штаб, узнав, что Миронов знает испанский и итальянский языки. Не мешкая, Миронов отправился к своему новому начальнику — Петру Афанасьевичу Бодрову, кабинет которого находился тут же, на втором этаже штабного здания.

«Давайте договоримся так, — сказал своим глуховатым, но приятным голосом Бодров, — если мое предложение покажется вам неподходящим, вы скажете мне об этом, и тогда будем считать, что разговор не состоялся…»

Но разговор состоялся, и вскоре Миронов приступил к исполнению своего первого оперативного задания. Его «подсадили» в тюремную камеру к пленному испанскому генералу под видом арестованного «офицера связи»

генералиссимуса Франко. По мнению Бодрова, эту роль Миронов мог сыграть великолепно, поскольку прежде блистал в институтском драмкружке, в совершенстве знал историю Испании, хорошо разбирался в специфике франкистских вооруженных сил. У пленного генерала Педро де Сильвы необходимо было выяснить, насколько боеспособна его дивизия, которая, по словам Бодрова, была для республиканской армии «как гвоздь в стуле».

Миронову удалось преодолеть недоверие Педро де Сильвы. После напряженного драматического диалога генерал поверил, что «майор Луис Касас» — настоящий. И Педро де Сильва произнес те слова, которые от него ждали: «Я держал фронт чудом. Если бы враг знал, насколько моя дивизия деморализована, то он немедленно начал бы атаковать ее и с большой легкостью добился успеха…»

Полученные сведения были использованы, дивизия разгромлена, и Миронов наконец-то почувствовал, что может «смотреть без всякого смущения в лица своих товарищей». Его первое оперативное задание было выполнено.

Очерк заканчивается такими словами Бодрова: «Заходите, Борис Иванович, и закройте дверь плотнее. Сегодня у нас разговор будет большой. Пора переходить к игре более крупного масштаба. Москва уполномочила меня дать вам новое поручение…»

* * *

К этому периоду относится знакомство Григулевича со вторым человеком резидентуры, помощником «Шведа» — Наумом Исааковичем Эйтингоном, с которым ему придется работать в Мексике в 1939—1940 годах, выполняя задание Сталина по ликвидации Троцкого.

Эйтингон приехал в Испанию с паспортом на имя Леонида Александровича Котова. Свои сообщения в Центр подписывал псевдонимом «Пьер». Эйтингон обладал блестящей разведывательной биографией, и, конечно, для «Юзика» не проходили даром уроки и советы 37-летнего «ветерана» ИНО.

* * *

Артиллерия Франко вела почти непрерывный огонь по Мадриду, враждебная пропаганда предвещала его неминуемое

падение, а «пятая колонна» все с большей наглостью прибегала к саботажу, диверсиям, нападениям из-за угла. Активизировала свою работу фалангисгская агентура, которая проникла во многие правительственные и военные учреждения республики. В глубоком прикрытии действовали разведки Германии, Италии, Турции, Финляндии. Все большую враждебность к «красной» республике проявляли посольства латиноамериканских стран, за исключением Мексики, правительство которой бескорыстно помогало республиканцам, в том числе поставками оружия.

Отношения представительства НКВД с республиканскими спецслужбами имели свои взлеты и падения, и Александр Орлов нередко прибегал к помощи «Хосе Окампо», чтобы «провентилировать обстановку» изнутри, выяснить, кто в Сегуридад «мутит воду» и мешает совместной работе. Отсутствие весомых результатов в работе Сегуридад по разоблачению агентуры Франко вызывало понятную обеспокоенность «Шведа», хотя он понимал, что не обладает эффективными рычагами для изменения ситуации. Премьер-министр республики Ларго Кабальеро был политиком традиционного склада, и его консервативность, постоянная оглядка на «возможную международную реакцию» несомненно сказывались на эффективности сотрудничества.

Ларго Кабальеро оставался у власти до мая 1937 года, постепенно теряя авторитет и способность контролировать обстановку в стране…

* * *

В одной из служебных характеристик Григулевича есть такая строка: «Проявил себя как смелый и находчивый боевик в операциях по ликвидации агентуры “пятой колонны” в Испании». В «лирическую минуту» Иосиф любил вспоминать о подчиненной ему группе «отчаянных парней из социалистической молодежной организации», с которыми выполнял особые поручения Сегуридад (и попутно — представительства НКВД). Парней в спецотряд помогал подбирать Армандо Кантони, который приехал в Испанию из Аргентины вслед за Григулевичем. Нанесение превентивных ударов по террористическим ячейкам фалангистов было обычным делом. Каждая такая акция сопровождалась огромным риском.

Иногда приходилось вступать в боестолкновения с отколовшимися от анархистов и ПОУМ (Рабочей партии марксистского единства) бандами «отморозков», для которых

убийство ради убийства стало образом жизни. Разгул насилия на республиканской территории принял значительный размах еще и потому, что практически все партии, профсоюзы, политические группы обзавелись своими собственными «карманными спецслужбами», которые в народе получили название «чека» *(checa)*. Только в Мадриде их насчитывалось более двухсот. Многие из них занимались экспроприацией имущества «буржуазных элементов», используя добытые таким образом средства на «самофинансирование».

Уголовные эксцессы сотрясали республику и использовались врагами для компрометации правительства Народного фронта и органов правопорядка. «Тыл должен быть очищен от преступных элементов», — не уставал повторять Сантьяго Каррильо. С бандами уголовников расправлялись безжалостно, как правило, под покровом ночи. К выявленному месту их базирования спецотряд Сегуридад прибывал на двух-трех легковых автомашинах. В окна «малин», «схронов», «бункеров» летели гранаты, потом открывался ураганный огонь из автоматического оружия. Через несколько минут отряд исчезал в «неизвестном направлении», а на место предполагаемого «боя» прибывало подразделение регулярной милиции «для выяснения обстоятельств».

Через три года после Испании похожая схема «молниеносной атаки» будет использована в Мексике против «крепости Троцкого» в Койоакане…

Беспощадность республиканских органов безопасности к врагам нельзя рассматривать в отрыве от того, что происходило за линией фронта, на территории, которую контролировали франкисты. Террор, развязанный путчистами, по масштабу и интенсивности заметно превосходил «красный террор». По оценке историков, Франко не мог отвлекать значительные вооруженные силы на обеспечение порядка в тылу, поэтому дал карт-бланш на физическое уничтожение всех, от кого можно было ожидать враждебных акций. Речь шла о коммунистах, анархистах, социалистах, троцкистах, масонах, левых интеллектуалах. Под корень вырубались все опасные «элементы», которые являлись или могли являться врагами путчистов. В мясорубку «черных эскадронов» попал и поэт Федерико Гарсия Лорка, который высказывался в поддержку республики, но избегал политической деятельности. Поэт попал в руки франкистов во время «массовых зачисток» и был расстрелян.

«Эта система дала очевидные результаты, — написал историк Пастор Пети в своем исследовании о противоборстве франкистской и республиканской спецслужб. — Свои тылы

путчисты сумели сделать достаточно безопасными».

* * *

В качестве сотрудника Сегуридад Григулевич участвовал в операциях по «освещению» положения в «недружественных дипломатических представительствах». Послы ряда стран, возглавляемые дуайеном — посланником Чили Аурелио Нуньесом Моргадо, потребовали от правительства Кабальеро признания экстерриториальности значительного числа зданий и помещений, в которых, по утверждению послов, можно было обеспечить безопасность многочисленных подданных Чили, Перу, Финляндии, Аргентины и других стран, а также «преследуемых режимом испанцев». О гуманитарном характере акции было заявлено в Лиге Наций.

Республиканцы не стали обострять отношения с «дипломатическими бунтарями», согласившись на фактически сложившуюся ситуацию: не менее 50—60 столичных домов, жилых этажей, зданий, принадлежавших чаще всего аристократическим семьям, получили статус «экстерриториальности». Однако какими бы ни были первоначальные намерения послов, логика борьбы не на жизнь, а на смерть между республикой и путчистами постепенно трансформировала некоторые «гуманитарные убежища» в опорные центры «пятой колонны» в Мадриде.

В первых числах декабря 1936 года специальный отряд Сегуридад проверил «экстерриториальные» дома ряда посольств. Григулевич принимал участие в этой операции. В посольстве Финляндии было задержано около двух тысяч человек. Более половины из них были мужчинами призывного возраста. Часть этого потенциального контингента «пятой колонны» в прошлом имела отношение к вооруженным силам и специальным службам. Сотрудники Сегуридад обнаружили у финнов тайники с огнестрельным оружием, мастерскую по изготовлению ручных гранат и бомб. «Экстерриториалы» пытались сопротивляться, прогремело несколько выстрелов. Только благодаря стремительности атаки удалось избежать кровопролития. В перуанском консульстве были захвачены радиостанция, шифры и шпионские материалы. Чехословацкий поверенный в делах был изобличен как агент гестапо. Выемка документов из его сейфа и дипломатической вализы подтвердила это.

Проведенные операции доказали: заклинания дипломатов о «гуманитарном характере» предоставления убежищ часто не

соответствовали действительности.

Республиканское Управление безопасности держало под присмотром и другие «оппозиционные» посольства. Конечно, повышенное внимание уделялось чилийским «экстерриториальным помещениям», где было сконцентрировано не менее двух с половиной тысяч человек. Обстановку в посольстве изучали агенты — мнимые «гонимые», направлявшиеся оперативным отделом Сегуридад. О том, что «логово заговорщиков» находится под тщательным контролем, напоминали издевательские надписи в адрес Моргадо, которые время от времени появлялись на стенах посольского здания. В Сегуридад «поставили на учет» как активного сторонника Франко военного атташе Умберто Луко, который проявлял подозрительную активность. Луко понимал, что дни его пребывания в Испании сочтены, и поэтому в телефонных разговорах, что называется, отводил душу, стараясь покрепче выразиться в адрес республиканских властей. В примечаниях Сегуридад к сводкам «прослушки» Луко неизменно указывалось — «придерживается фашистских взглядов, крайне опасен, требует постоянного контроля».

Сотрудники Управления безопасности пытались также выявить тайные контакты между посольством Чили и подпольной организацией франкистов «Белая фаланга». В «Очерках истории российской внешней разведки» так рассказывается об этой операции: «Контрразведчикам было известно, что один из сотрудников посольства служит связником между засевшими в их домах франкистами и подпольем в городе. Решили захватить связника с поличным во время его очередной конспиративной встречи с подпольщиками. Операция удалась, и в распоряжение Сегуридад попали важные документы, компрометирующие чилийское диппредстави-тельство. Той же ночью был произведен захват нескольких чилийских зданий и произведены многочисленные аресты среди их обитателей».

Григулевич познакомился с молодыми чилийскими дипломатами, которые симпатизировали республике и, несмотря на свой официальный статус, называли Моргадо «послом-провокатором». От них «Окампо» узнал о попытках Моргадо наладить через контакты в Португалии связь с ближайшими сотрудниками Франко, чтобы за спиной республиканских властей договориться об операциях по обмену заложниками.

Взглядов чилийского посла Моргадо не разделял генеральный консул — поэт Пабло Неруда. «Это не чилийцы, это такие же враги, как франкисты», — говорил он о Моргадо и его помощниках.

* * *

О своем знакомстве с Пабло Нерудой Григулевич много позднее упомянул в статье «Илья Эренбург и Латинская Америка». По словам Григулевича, ему не раз приходилось бывать в особняке, переданном властями в распоряжение интеллектуалов, которые сочувствовали республике: «Память сохранила встречу с писателями-латиноамериканцами, организованную Рафаэлем Альберти. В ней участвовали Пабло Неруда, аргентинцы Энрике Гонсалес Туньон и Каэ-тано Кордоба Итурбуру. Из советских писателей присутствовали М. Кольцов, И. Эренбург, О. Савич».

Когда в Испании проходил Второй конгресс писателей в защиту культуры, Григулевич, по его собственным словам, участвовал в нем «в качестве переводчика и своеобразного посыльного». «Кольцов даже поручил мне перевести на испанский язык биографии советских участников, — вспоминал Григулевич. — Однако он забраковал мой перевод, потому что я написал, какими орденами члены делегации были награждены. А он сказал, что эти данные не для заграницы».

Конгресс заседал в Валенсии и Мадриде. Открыл его 4 июля 1937 года президент Испанской республики Мануэль Асанья, один из лучших писателей страны, автор книги «Сад монахов». В испанскую делегацию вошло более 60 писателей, включая Антонио Мачадо, Рафаэля Альберти, Хосе Бергамина. Членами советской делегации были Михаил Кольцов, Алексей Толстой, Фадеев, Вишневский, Ставский, Эренбург и другие. В работе конгресса принимали участие Анна Зегерс, Вилли Бредель, Андре Мальро, Мартин Андерсен Нексе, Пабло Неруда, Людвиг Ренн, приехавший с фронта. На конгрессе остро прозвучала критика в адрес тех писателей, которые пытались уклониться от главной схватки современности. Хосе Бергамин, литератор лево-католической ориентации, убежденный республиканец, осудил предательское поведение одного из них:

«Здесь в Мадриде я прочитал новую книгу Андре Жида об СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей трагическую значимость. Это — несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и советских писателей. Это — не критика, это — клевета. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое молчание этого зала, пусть глубокое молчание Мадрида обрушится на Андре Жида и станет для него живым укором…»

Довелось Григулевичу поработать переводчиком и

телохранителем у известного кинооператора Романа Кармена. Внимательный зритель сможет отыскать «интербригадовское» лицо Григулевича в ряде сюжетов, отснятых Карменом в Испании…

* * *

Меры республиканских властей по пресечению подрывной деятельности «пятой колонны» (особенно после прихода на пост премьер-министра левого социалиста Хуана Негрина) вызывали одобрение интеллектуалов, писателей и деятелей культуры, съехавшихся в Испанию со всего мира. Член Альянса писателей-антифашистов Рауль Гонсалес Ту-ньон, с которым Григулевич сблизился во время конгресса, на встречах с читателями неизменно декламировал свою ударную вещь — «Шпионы»:

«Мужчина или женщина появляются на официальном приеме: вынюхивают, прислушиваются. А на следующий день идет ко дну пароход с грузом продовольствия или самолеты проносятся над городом, бросая бомбы на казармы, на склад с провиантом, госпиталь или школу. Женщина или мужчина посещают южноамериканские посольства, монтируют подпольные радиостанции, обзаводятся фальшивыми паспортами. Это шпионы. Это агенты смерти. Это те, кто засел в засаде. Они являются “пятой колонной”».

В «Шпионах» есть строки, воспевающие людей «невидимого подвига», сотрудников Сегуридад, которые днем и ночью борются с врагом:

«Мне никогда не были по душе ни полицейские, ни цензоры. Однако революция нуждается в своей полиции и своей цензуре. В то время как солдаты сражаются на фронте, а служащие поглощены повседневными заботами в министерствах, интендантствах, в казармах и госпиталях, контрразведывательная служба действует над и под крышами города, на земле, в море и воздухе. Эти люди обычно умирают безымянно, как солдаты на фронте, и, возможно, это тяжелее всего. Но они умеют сохранять улыбку, когда вспоминают о своем участии в разоблачении фашистских агентов: “Я уничтожил гадину и тем самым спас жизнь тысяч честных людей”».

* * *

В Испании Григулевич встретился с партийными товарищами

из Литвы — Виктором Розенштейном, Львом Бастацким, Николаем Дворниковым. В интернациональных бригадах сражалось около ста литовцев и выходцев из Литвы. Среди них был и Болеслав Шилейка, прибывший на Иберийский полуостров в начале 1937 года. Григулевич знал его по совместной работе в МОПР Аргентины. Приехав на фронт под Леридой по служебным делам, Иосиф глазам своим не поверил, когда признал в бравом пулеметчике 13-й интербригады Болека из филиала «Красной помощи» в провинции Ла-Плата. С каким наслаждением вспоминали они об Аргентине, о паррилье, холодном пиве и румяных булочках, осыпанных кунжутными зернышками!

Шилейке, как и Григулевичу, пригодился опыт испанской эпопеи. После французских лагерей, через которые пришлось пройти многим интербригадовцам, Болеслав вернулся в Литву, в свой родной Браславский уезд, и с началом Великой Отечественной войны ушел в партизаны, став начальником штаба отряда «Аудра».

* * *

Для будущей оперативной работы Иосифа особое значение будет иметь знакомство с мексиканским художником и революционером Давидом Альфаро Сикейросом. Вряд ли эта первая встреча была значимой для Сикейроса, только что назначенного командиром 29-й дивизии республиканской армии, но Иосиф сохранил ее в памяти до мельчайших деталей. Особенно его поразили «рафинированный интеллект и одухотворенность» мексиканца, который в мундире полковника сохранял «элегантность и благородство внешности» и был «боготворим» своими подчиненными.

* * *

Ключевым эпизодом своей жизни в Испании Григулевич считал участие в подавлении мятежа в Барселоне в мае 1937 года. В Каталонии действовала враждебная коммунистам политическая организация под названием «Рабочая партия марксистского единства» (ПОУМ). Возглавлял эту партию Андрее Нин, в прошлом — активный соратник Троцкого. В самый тяжелый для Республики момент, когда ее судьба зависела от сплоченности всех защитников, анархистские и троцкистские вожаки сняли свои части с фронта, ввели их в Барселону и 2 мая попытались

установить контроль над городом. Вспыхнули ожесточенные бои. 3 мая Григулевич в составе боевой группы прибыл в советское консульство в Барселоне. Перед группой поставили две задачи: усиление охраны консула В. Антонова-Овсеенко и задержание руководителей мятежа.

Григулевич связался с Витторио Сада (псевдоним «Хота»), который руководил контрразведывательным аппаратом в Барселоне. В последнее время его сотрудникам приходилось уделять значительно больше внимания разработке анархистов и троцкистов, чем франкистской агентуры. Информация была неутешительной. Силы мятежников неуклонно возрастали. Промедление грозило большой бедой. Ситуация могла выйти из-под контроля. «Хота» удивился тому, что Орлов не прибыл в Барселону лично, но «Окампо» в помощи не отказал.

«У меня есть группа наружного наблюдения, — сказал Витторио. — Парни работают днем и ночью, отслеживая перемещения главарей заговора. Вот последняя сводка о их местонахождении. Добраться до них будет сложно. Разве что прикинетесь анархистами. Значки у меня есть, пропуска изготовим. Мои парни доведут вас до их штаб-квартиры. Рискнете?»

В позднейшей интерпретации тех событий Григулевич не только преуменьшил опасность задания, но и изобразил его в комических красках:

«В Мадриде я руководил группой социалистов, которой “пользовался” для самых разных дел. Однажды меня вызывает начальник и говорит: “В Барселоне произошло восстание. Все наши попытки арестовать кого-либо из зачинщиков закончились ничем. Ты можешь предоставить свою группу?” Отвечаю: “Конечно могу”. “Поезжай в Барселону и арестуй всех вожаков. Только действуй решительно!” Посадил я всех в машины, поехали в Барселону. Там мне сказали, что я должен арестовать трех людей из Федерации анархистов Иберика. Поехал по указанному адресу, и что застаю там? Андалузцев с налитыми кровью глазами, которые предложили мне угоститься… водкой, русской икрой и борщом. И… говорят по-русски, жутко матерятся… Ничего не понимаю! Вы думаете, кем они оказались? В 1922 году был убит председатель Совета министров Испании. Так вот, это они бросили в него бомбу! Затем уехали в Париж, а в 1926-м — в Москву. Вернулись на родину в 1931 году. В СССР они женились на русских и украинках, которые работали подавальщицами в столовых. И единственное, чему те смогли научить своих мужей, — это пить водку, есть борщ, ругаться матом и плохо говорить по-русски. Они остались такими же анархистами, какими приехали в

Москву. Итак, я выкладываю на стол пистолет и говорю: “Собирайтесь в дальнюю дорогу”. — “В какую дорогу?” — “К сожалению, должен вас арестовать”».

* * *

Мятеж был подавлен за два дня. Потери с обеих сторон достигли трех тысяч человек. Вспоминая о боях в Барселоне, Григулевич всегда повторял: «Никому не пожелаю пережить такое. Там я по-настоящему понял смысл слов: “звериный оскал гражданской войны”. Несколько раз я был на волоске от гибели. До сих пор не знаю, кто стрелял в меня — свои или мятежники? Все перемешались, пуляли напропалую, со всех сторон. Подошвы ботинок прилипали к брусчатке, обильно политой кровью. Это было всеобщее остервенение, испанцы — храбрые бойцы, никто не хотел уступать и потому никто не просил пощады».

Поражения республики на фронтах, сложная внутренняя обстановка, проникновение агентов «пятой колонны» в жизненно важные государственные органы, все более отчетливая неспособность интербригадовцев переломить ситуацию, организовать контрнаступление, отбросить франкистов и германско-итальянский экспедиционный корпус к исходным позициям, — сказывались на боеспособности воинских частей, моральном состоянии тыла. Чтобы в войсках не ослабевала дисциплина, командирам и комиссарам приходилось прибегать к крайней мере: расстреливать перед строем за проявления трусости и пораженческие настроения.

Особой беспощадностью к пораженцам и предателям «прославился» Андре Марти, политкомиссар интербригад в Испании, которого враги и «мягкотелые попутчики» нередко называли «мясником из Альбасете»[14]. В годы Гражданской войны в России Андре Марти был руководителем восстания французских военных моряков на Черном море. Именно в то время он твердо усвоил бескомпромиссную формулу: «Революция только тогда чего-нибудь стоит, когда умеет защищаться».

События в Испании притягивали в страну авантюристов, уголовников и мошенников со всего мира. Они скрывались в общей массе революционеров-идеалистов, выдавая себя за сознательных борцов за светлое будущее трудящихся масс и преследуя сугубо корыстные цели. Они-то и распространяли слухи, порочащие Марти. «У меня большевистская школа, никаких уступок врагу», — любил повторять комиссар, с презрением отметая обвинения в жестокости.

Иосиф часто бывал в штаб-квартире Марти, выполняя поручения Белкина. В обратный путь Григулевич-«Окампо» отправлялся не с пустыми руками: в секретной канцелярии Марти ему вручали увесистые засургученные пакеты с паспортами и другими личными документами погибших интербригадовцев. Один из этих паспортов, который принадлежал студенту-аргентинцу, Иосиф получит в 1938 году из рук резидента НКВД в Нью-Йорке Петра Гутцайта для использования в качестве документа прикрытия в Мексике и Соединенных Штатах.

Григулевич с искренним уважением относился к представителям Коминтерна в Испании: Марти, Кодовилья, Герэ входили в когорту профессиональных революционеров. Интересам революции они подчиняли все свои решения и поступки. Любые нападки на них, считал Иосиф, распускание слухов о их «прегрешениях», злоупотреблении террором, проявлении жестокости в отношении своих, — не более чем сознательная вражеская пропаганда, направленная на ослабление республики. Позднее, подбирая людей в разведывательную сеть в Буэнос-Айресе и Сантьяго-де-Чили, Григулевич с особым доверием относился к тем кандидатам, о которых когда-то с похвалой отзывался Марти. Для Иосифа это была наилучшая характеристика.

Именно поэтому он считал несправедливым, даже клеветническим то, каким изображен Андре Марти в романе Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол». «Мясник из Альбасете» получился у писателя настолько зловещим персонажем, что в сравнении с ним франкисты в романе казались почти гуманистами. Григулевича познакомил с Хемингуэем Михаил Кольцов, но дальнейшего развития это знакомство не получило. Возможно, потому, что «Окампо» держался в тени, не просил автографов и избегал шумных пирушек. Американский писатель еще не был маститым «папой Хэмом», освященным Нобелевской премией. По мнению Иосифа, американца нельзя было отнести к «своим». Он был попутчиком, не более того. Из писателей-иностранцев, приехавших помочь республике, Хемингуэй выделялся богемными пристрастиями. Для обитателей отеля «Гэйлорд» они были очевидными. Задумчиво поглощать виски под вражеским обстрелом — это, конечно, было красиво. Но Иосифу казалась показной бравада писателя, а его манеры — панибратскими. Григулевич не терпел панибратства.

Он так никогда и не изменил своего мнения о том, что Хемингуэй «позировал», «носил маску мужественного бесстрашного человека», а на самом деле был легко ранимым, мятущимся, непоследовательным и не таким одаренным

писателем, как твердила литературная критика, создающая кумиров. Кажется невероятным, но в самый разгар Второй мировой войны и своей разведывательной работы резидент «Артур» нашел время, чтобы написать в одну из чилийских газет рецензию на недавно опубликованный роман «По ком звонит колокол». Может быть, из-за тех самых «выпадов» в адрес Андре Марти? Григулевич называет Хемингуэя «писателем, стремящимся к легкому успеху», а его роман произведением с «троцкистской подкладкой». Причина такой оценки очевидна: автор с предубеждением описывает коммунистов и их роль в гражданской войне. Особенно это заметно по образу Марти, характеристика которого, по мнению рецензента, подозрительным образом совпадает с той, которую в свое время давали политкомиссару французские профашистские издания «Gringoire» и «Candide». Не менее постыдной является попытка Хемингуэя очернить Пассионарию, которая упоминается в романе в связи с ее сыном Рубеном Руисом, якобы «укрывающимся» от опасностей войны в далекой Москве. «Теперь понятно, насколько подлыми выглядят эти инсинуации, — подчеркнул Григулевич. — Сейчас все знают, что лейтенант Рубен Руис Ибаррури погиб в бою, сражаясь против фашистов в России…»

Все это определило общую оценку романа, сделанную Григулевичем: «Ходульные надуманные персонажи, плохое знание народной жизни, спекуляция на республиканской теме. У автора, не сумевшего полностью идентифицировать себя с делом республиканцев, получился в итоге не роман, а пасквиль».

* * *

В середине июня 1937 года республиканские органы безопасности нанесли удар по Рабочей партии марксистского единства, о «предательской» деятельности которой неоднократно предупреждала компартия Испании. Около сорока руководителей ПОУМ, в том числе Андрее Нин, были арестованы, вооруженные отряды партии и *checa* распущены, а штаб-квартира в барселонском отеле «Фалькон» перешла в распоряжение республиканских военных. В аресте Нина и последующих событиях, связанных с этим делом, участвовал «Хосе Окампо». В переписке «Шведа» с Москвой операция обозначалась кодовым именем «Николай».

* * *

После падения республики франкистский режим провел тщательное расследование по «делу Нина». В числе свидетелей был, в частности, допрошен бывший агент республиканской полиции Хавьер Хименес Мартин. По его показаниям, в аресте Нина принимала участие группа Сегуридад, в которую, помимо простых агентов, входили «начальники» — Хосе, Валенти, Росель. «Начальники» получили соответствующие инструкции в Генеральном комиссариате в Мадриде, затем — в отеле «Гэйлорд», где базировался аппарат Орлова. После инструктажа отправились через Валенсию в Барселону. Остановились в советском консульстве, расположенном на Пасео де Грасиа. Только на следующий день рядовые члены экспедиции узнали, что им предстоит участвовать в аресте руководителей ПОУМ. «Мы не придали этому особого значения, — сказал Хименес следователям, — считая, что разные коммунистические течения сводят счеты между собой. Более сильный решил расправиться со слабым. Мы не верили тому, что члены Рабочей партии занимаются шпионажем и контактируют с франкистами».

Валенти обосновался в Главном управлении полиции, куда 16 июня начали свозить троцкистских заговорщиков. Большая часть лидеров ПОУМ была арестована в редакции газеты «Ла Баталья». По словам Хименеса, Андрее Нин был перевезен в Мадрид, причем эта миссия была поручена Хосе Окампо, Андресу Урресола, Роселю и, возможно, Рамальо…

Следователи режима Франко настойчиво разыскивали «пособников НКВД», которые были причастны к ликвидации Нина. Хотя в некоторых публикациях, посвященных деятельности «красных» в республиканской Испании, есть упоминания о Хосе Окампо, его подлинное имя авторам установить не удалось (иногда в литературе о войне в Испании Григулевич проходит под другим псевдонимом — Хосе Эской). В увесистом томе под названием «Репрессивный аппарат Республики», который франкисты издали в 1945 году, есть такие строки: «В течение 1937 года деятельность марксистской полиции в Мадриде направляло представительство ГПУ. В него входили «товарищи» «Кото», «Панчо» и «Лео», которых сопровождали женщины-переводчицы и некий тип, который называл себя Хосе Окампо. Их штаб-квартира располагалась в отеле «Гэйлорд» на улице Альфонсо XI. Помимо полиции, подотчетной Генеральному управлению безопасности, эта группа ГПУ контролировала также политическую полицию министерства внутренних дел».

* * *

Что побудило представительство НКВД в Испании к проведению операции «Николай»?

Осуществлена она была «Шведом» по прямому приказу Сталина, который настаивал на полной нейтрализации «троцкистских лидеров» за рубежом. Его не интересовали тонкости взаимоотношений между Нином и Троцким, которые конфликтовали друг с другом, расходились по многим политическим вопросам и вряд ли координировали свою «подрывную» организационно-политическую работу. Информация представителя Коминтерна в Испании Эрнста Герэ (псевдоним «Педро») не вызывала у Сталина никаких сомнений: ПОУМ выполняет личные задания Троцкого, ослабляет республику и объективно содействует фашистам. Именно поэтому Нин был обречен.

Об операции «Николай» впервые подробно было рассказано в хорошо документированной программе 3-го канала Каталонского телевидения в 1992 году. Съемочная группа побывала в Москве, получила некоторые материалы из архивов КГБ. Из предоставленных испанцам документов стало очевидно, что Нин был арестован на основании сфальсифицированных «Шведом» «доказательств», раскрывающих «связь» между Нином и группой фалангисгских заговорщиков в Мадриде. По замыслу Орлова, изобличение связей Нина с непримиримыми врагами республики должно было полностью дискредитировать ПОУМ и побудить правительство республиканской Испании к принятию жестких репрессивных мер против партии. Физическая ликвидация Нина Орловым первоначально не планировалась.

Стараниями «Шведа» лидеры ПОУМ стали «активными участниками» реально разоблаченной шпионской резидентуры, в которой насчитывалось до двухсот членов. Входили в нее офицеры из Генштаба Центрального фронта. Организация имела связи в информационном отделе Военного министерства, Республиканской национальной гвардии, Военно-санитарной службе. Ее члены работали конспиративно, нередко укрываясь в посольстве Чили, консульстве Перу и других иностранных представительствах.

Орлов привлек Иосифа к подготовке дискредитирующих Нина материалов. «Швед» подготовил шифрованное «послание», а «Юзик» вписал симпатическими чернилами в подлинные документы, захваченные у заговорщиков. Шифр военной разведки франкистов стал известен Управлению безопасности и представительству НКВД благодаря усилиям Альберто Кастильи, агента республиканцев в шпионской организации. Проверка на тайнопись — обязательная в контрразведке процедура — выявила

это изобличающее Нина «послание» генералиссимусу Франко. С этого и началась операция «Николай»…

* * *

После ареста активистов ПОУМ перевезли из Каталонии в Мадрид. Оставлять их в Барселоне было рискованно: «горячие головы» из ПОУМ, остававшиеся на свободе, собирались вызволить «своих» с помощью оружия. В Мадриде с 18 по 21 июня республиканские следователи подвергли арестованных «троцкистов» изнурительным допросам, в ходе которых так и не сумели добиться признательных показаний, вернее — самооговора. И это, наверное, предрешило судьбу Нина. Оставить его в живых означало бы для Орлова катастрофу: под удар была бы поставлена не только операция «Николай», но и вся работа представительства НКВД в Испании.

22 июня люди в военной форме ворвались в тщательно охраняемую тюрьму в мадридском пригороде Алкала-де-Энарес и захватили Андреса Нина. Он был увезен на автомашине без номерных знаков. Уже на следующий день по Мадриду поползли слухи о том, что его похитили и, скорее всего, ликвидировали немецкие интербригадовцы. Была и другая, официальная, точка зрения на инцидент: «Ночью 22 июня 1937 года группой лиц было произведено вооруженное нападение на арестное помещение, в котором содержался Нин. Они связали охрану, открыли камеру Нина и увезли его в неизвестном направлении. На месте похищения, где происходила борьба с охраной, был найден небольшой кожаный бумажник, а в нем — письмо на немецком языке и немецкие денежные купюры. Содержание бумажника не оставляло никаких сомнений в том, что освобождение Нина было организовано агентами Германского генерального штаба».

В опубликованных материалах переписки испанской резидентуры НКВД в Испании с Центром фигурирует оперативное письмо «Шведа», которое он направил в Москву сразу же после завершения операции «Николай»:

«Об участниках дела. Основные участники это — 1) Л. и 2) А. Ф. И. М. был самым косвенным пособником. Когда он принес кушать в арестное помещение и ему открыли ворота, наши люди прошли во двор… Полтавский должен был вам сообщить из Парижа о выезде к вам последнего участника операции — “Юзика”… Его рукой был написан основной известный вам шифрованный документ. Он служил мне переводчиком по этому делу, был со мной в машине у самого помещения, из которого

вывозили объекта… Его значком полицейского мы избавлялись от слишком внимательного осмотра машин со стороны дорожных патрулей, когда вывозили груз».

Груз — это Андрее Нин. «Основные участники» — испанцы Л. и А. Ф., которые физически устранили лидера ПОУМ. Их полные имена, как было отмечено в телефильме Каталонского телевидения, посвященного операции «Николай», КГБ, предавая гласности документы, отказался раскрыть. Испанцы оттащили бездыханный «груз» в поле, выкопали яму («Швед» заставил рыть глубже, чем для обычных могил), и Андрее Нин навсегда исчез с политической арены. Нет человека — нет проблем.

И еще один отчетный — в телеграфном стиле — документ, написанный рукой «Шведа». Скорее всего, это указание на место захоронения Нина:

«Н. Из Алкала-де-Энарес в направлении Перане-де-Тахунья, на полпути, в ста метрах от дороги, в поле. [Присутствовали] “Бом”, “Швед”, “Юзик”, два испанца. Водитель “Пьера” — “Виктор”».

* * *

Между тем республиканскими судебными властями спешно готовился показательный процесс в отношении деятелей ПОУМ. О его перипетиях, с точки зрения «подследственного троцкиста», написал несколько лет спустя Хулиан Горкин в книге «Политические каннибалы: Гитлер и Сталин в Испании». Горкин указывал, что ни он, ни его друзья по несчастью не сомневались в причастности агентов НКВД к убийству Нина. В книге был приведен обширный список членов ПОУМ и «сторонников Троцкого», которые, по мнению автора, были уничтожены по приказу Сталина.

Соратники Нина, остававшиеся на свободе, угрожали отомстить за своего лидера, распространяли листовки с призывами убить главу правительства Негрина, министра обороны Прието, а также Комореррy, руководителя Объединенной социалистической партии Каталонии. Орлов не без основания считал, что должен опасаться боевиков ПОУМ, находящихся в подполье. Через агентуру он знал, что боевики разыскивают «старшего представителя НКВД» в Испании, чтобы расквитаться за Нина.

* * *

Через некоторое время после «исчезновения» Нина в Мадриде и других городах стала распространяться книга «Шпионаж в Испании. Испанские троцкисты на службе у Франко». Ее автор Макс Ригер так сообщал о себе: «Я предупреждаю читателя, что я не писатель и не военный. Однако, понимая, что от того, будет или не будет разгромлен фашизм в Испании, зависит судьба демократии и мира во всей Европе, — я вместе с другими товарищами по Социалистической партии вступил в состав интербригады и сражался на фронтах Испании, сначала рядовым, а потом командиром пулеметной роты. Я был дважды ранен под Гвадалахарой и на Арагонском фронте. Не владея искусством пера, я взялся за написание книги, в которой вместо литературного лоска я обещаю дать читателю человеческую правду о героической борьбе испанского народа и с официальными документами в руках разоблачить его предателей».

Литературный образ «пулеметчика Макса Ригера» — совместное творение Орлова и Григулевича. Орлов предлагал сюжет, фактуру, концепцию отдельных частей книги, а Григулевич вдохновенно создавал первоначальный текст, вживаясь в психологию и менталитет своего героя. Позже этот текст доработал привлеченный Орловым испанский журналист. Предисловие написал Хосе Бергамин. В книге «Шпионаж в Испании» был впервые предан гласности документ, который дал основание для репрессивных действий в отношении ПОУМ и ее лидера:

«Генералиссимусу. Лично.

Сообщаем: мы достигли такого положения, что теперь можем сообщать Вам все о расположении и движении красных войск. Последние донесения, переданные Вам по радио, свидетельствуют о серьезном улучшении нашей информационной работы. Что же касается формирования сил для восстания в тылу, то эта работа продвигается значительно медленнее. В нашем распоряжении 400 человек, которые готовы выступить. Эти люди, если их хорошо вооружить, могут стать движущей силой восстания в благоприятный для нас момент на Мадридском фронте. Ваш приказ о внедрении наших людей в ряды крайних анархистов-экстремистов и ПОУМ проводится успешно.

Во исполнение Вашего приказа я лично отправился в Барселону, чтобы повидаться с руководящим членом ПОУМ — Н. Я передал ему все Ваши указания. Отсутствие связи между ним и Вами объясняется аварией радиостанции, которая начала работать снова, когда я еще был там. Вы, наверное, уже получили ответ на основной вопрос. Н. убедительно просит Вас и

иностранных друзей, чтобы я был единственным лицом для связи с ним. Он обещал мне послать в Мадрид новых людей для усиления работы ПОУМ. С такими подкреплениями ПОУМ станет так же, как и в Барселоне, прочной и действительной опорой нашего движения».

Можно сказать, что «сюжет» послания закручен лихо: генерал Франко, судя по документу, лично руководит деятельностью «пятой колонны», в том числе находит время для ведения постоянного радиообмена с Н., то есть Андресом Нином…

* * *

Республиканские следователи предпринимали попытки локализовать загадочных «немцев», увезших лидера ПОУМ в ночь с 22 на 23 июня 1937 года. Все это вынудило «Шведа» отправить участников операции «Николай» в Советский Союз. Наибольшая угроза нависла над «Юзиком», ведь он принимал участие в обеих операциях — и в Барселоне, и в Алкала-де-Энарес. Пока в переписке Орлова с Центром определялась судьба «Юзика», он с энтузиазмом погрузился в работу конгресса писателей.

В середине июля вся группа была переправлена во Францию, а затем в Москву. Иосиф задержался на несколько дней в Париже, чтобы приобрести для резидентуры «Шведа» фотоаппарат «Лейку» и различные фотопринадлежности, а также канцелярские товары — с этим в Испании было напряженно. Через резидента НКВД в Париже получил въездную визу в СССР, купил железнодорожный билет и отправился в путь. В автобиографических заметках он написал об этом путешествии так:

«В конце 1937 года я тяжело заболел[15] и был направлен в Москву на лечение. Снабженный испанским паспортом, я сел в Барселоне в поезд и пересек всю Европу по направлению к Советскому Союзу. Поезд прошел через Варшаву и Вильнюс, но, соблюдая конспирацию, я никого не смог повидать из моих старых товарищей. Наконец поезд прибыл на станцию Негорелое. На огромной арке, разделявшей два мира, сверкал выписанный золотыми буквами лозунг: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”. Новый мир, в защиту которого я боролся с юношеских лет, служению которому я посвятил свою жизнь, гостеприимно распахивал свои широкие двери»…

В начале августа 1937 года один из руководителей разведки Сергей Шпигельглас написал Орлову в Мадрид:

«Об участниках.

Я побеседовал со всеми. Они производят неплохое

впечатление. Настроение В. значительно улучшилось. Никаких разговоров о поездке домой не ведет. На днях Л. заявил, что хочет отправить жену и детей во Францию, т. к. они здесь являются для него обузой. Всем коллективом во главе с Юзиком проработали его в партийном порядке. Он понял нелепость своего каприза и взял свои слова обратно. Участников волнует вопрос о письмах из дома. Мы их убедили, что об их пребывании в Советском Союзе никто знать не должен и что свою почту они должны передавать нам.

Привет ребятам».

* * *

В сентябре группа, принимавшая участие в операции «Николай», отдыхала в санаториях НКВД в Гаграх и Сочи. В октябре 1937 года Григулевич был вызван в Москву и направлен на учебную дачу наркомата в Малаховке. Там по «индивидуальным планам» проходило ускоренную подготовку свежее пополнение нелегального аппарата ИНО. В учебном центре все было организовано так, чтобы не допустить общения курсантов: нелегалы все-таки! Но остроглазый Иосиф несколько раз издалека замечал друзей, которые зарекомендовали себя в Испании хорошими боевиками. Из этого он сделал вывод: их собрали в Малаховке с определенной целью — готовится какая-то серьезная операция…

В Испанию Григулевич так и не вернулся и наблюдал за разворачивавшейся драмой падения республики издалека.

Глава VII. ЗАДАЧА: ЛИКВИДИРОВАТЬ «СТАРИКА»

В конце 1937 года по распоряжению наркома внутренних дел Николая Ежова Шпигельглас приступил к подготовке очередной операции по Троцкому («Старику» в переписке НКВД). Ежов всячески торопил своего подчиненного, возглавлявшего «службу ликвидации». Нарком ощущал, что отношение Сталина к нему меняется в неблагоприятную сторону. Он наивно полагал, что уничтожением главного политического врага Хозяина сможет восстановить свои пошатнувшиеся позиции в кремлевской номенклатуре.

В распоряжении НКВД в Москве находилась группа «испанцев», успешно справившихся с задачей «исчезновения» Андреса Нина. Эти люди были идеальными кандидатурами для заброски в Мексику, где обосновался Троцкий, но по разным причинам — из-за семейных проблем, хронических заболеваний — большая часть «испанцев» была отсеяна. В итоге Шпигельглас, просмотрев «объективки» и выслушав начальника школы в Малаховке, сделал свой выбор: в Мексику будут направлены двое: старшим группы — Григулевич, его напарником — испанец Эмилио Санчес (псевдоним «Марио»), человек с безупречным боевым прошлым и с крепкой политической закалкой. Иосиф был рад этому выбору: «Марио» не оспаривал его старшинства, и это гарантировало хорошее взаимопонимание в будущем.

В школе немалое внимание уделялось способам быстрого умерщвления, которые секретные службы выработали за сотни лет существования. Другие аспекты разведывательной работы почти не затрагивались. Они казались Шпигельгласу лишними с учетом характера будущей миссии боевиков. Впрочем, им прочитали сокращенный спецкурс о приемах выживания нелегального работника в условиях заграницы. Эти лекции воспринимались «Юзиком» как увлекательное повествование из жизни нелегалов, полное приключений и, одновременно, курьезных эпизодов. Скажем, разведчик отправился в командировку в Европу, экипировался во все заграничное, но не удержался, прихватил с собой спортивные трусы с ярлыком фабрики «Москвошвей». На счастье. В них он выиграл кубок спортобщества «Динамо» по теннису. При таможенном осмотре чиновники сразу обратили внимание на экзотические шелковые

трусы. В итоге — провал.

Улыбку Иосифа вызывали и такие рекомендации для «начинающих разведчиков»:

«За границей не принято класть чемодан под голову, садиться сверху, натягивать на него чехол или перевязывать веревками. Не надо обращаться к соседям по купе с просьбой присмотреть за вещами. Это их может обидеть. В Европе и Соединенных Штатах пассажиры обычно неохотно знакомятся друг с другом, поэтому не следует лезть к ним с разговорами, чтобы о тебе не думали как о “подозрительно навязчивом типе”. Не надо одалживать у соседей газеты, книги, “стрелять сигаретку”. Нельзя приставать к женщинам, заигрывать с ними в дороге — это признак некультурности. В присутствии дам нельзя курить без их разрешения, снимать пиджаки и ботинки, развязывать галстук и сидеть в шляпе».

На всю жизнь запомнил Григулевич такой совет преподавателя спецкурса по закордонной разведке: «Не стоит баловать деньгами агента. Это его развращает. Он начинает жить не по средствам и — в итоге — попадает в мышеловку. Нужно прямо сказать — на разведке ни один агент не нажился. Многие из них мечтали разбогатеть, продавая государственные секреты. Но на деле — это химера, золотой мираж, который никогда не становится реальностью».

* * *

Фундаментальной разведывательной подготовки в Малаховке Григулевич не получил. Много позже, беседуя с «проверяющим» Центра на конспиративной квартире в Монтевидео, Григулевич скажет: «Меня готовили для проведения ликвидации. Солидными знаниями о ведении резидентуры я не обладал. Мне до всего приходилось доходить самому: методом проб и ошибок».

Обучение Грига на «убойных курсах» породило мрачные легенды в отношении его разведывательной «профессионализации». Но это не более чем легенды. Правильнее было бы назвать Иосифа «несостоявшимся ликвидатором»…

* * *

В первых числах апреля 1938 года «Фелипе» (новый псевдоним Григулевича) и «Марио» отплыли из Новороссийска в Соединенные Штаты. Морской канал для заброски агентуры

использовался часто и был отработан в совершенстве. Рейс прошел без приключений. Они спокойно сошли на берег в нью-йоркском порту и растворились в равнодушно-деловитой толпе. Резидентура была оповещена о их прибытии. Учитывая специфику задания, с «Фелипе» вышел на связь сам резидент Петр Давидович Гутцайт. На скамье Центрального парка он вручил Иосифу новые документы, две тысячи долларов наличными, обсудил условия связи. Боевикам надлежало обосноваться в Мексике, ознакомиться с оперативной обстановкой в стране и после этого — наладить изучение «объекта» операции, чтобы в дальнейшем войти в его ближайшее окружение.

«Координация вашей работы будет вестись через меня, — сказал Гутцайт. — Пиши чаще. Отчитывайся, советуйся, не скрывай, если что не так. В нашем деле без ошибок не обойтись. Но почти все исправимо».

В мае 1938 года «Фелипе» и «Марио» прибыли в Мехико (в оперативной переписке — «Деревню»). Мексиканская столица поразила их множеством недавно построенных школ и десятками заброшенных церквей. Социально-экономические реформы президента Ласаро Карденаса встречали сопротивление со стороны реакционно-клерикальных кругов, но тем не менее проводились, вопреки всем заговорам. Лозунг «учиться, учиться и учиться» был подлинно мексиканским, как и революция. Никакого копирования «советских образцов». Несколько дней «Фелипе» и «Марио» прожили в гостинице, старательно изображая, что не знакомы друг с другом, потом разъехались по арендованным квартирам.

Первые дни ушли на знакомство с городом. «Марио» предложил «для ускорения» нанять гида из числа тех, что обычно дежурят у крупных отелей, но Иосиф решительно отверг такую возможность. В Москве ему дали прочитать несколько справок о жизни в Мексике, и он запомнил рекомендации сотрудников, уже побывавших в этой стране. По их мнению, пользы от таких гидов — почти никакой. Многие из них были чернорабочими в США, кое-как овладели английским языком и изучили психологию «гринго». Они берутся «показать и объяснить Мексику», но ничего дельного рассказать не могут. Поэтому охотно плетут всякие экзотические небылицы или заманивают в ночные клубы, чтобы получить комиссионный куш. Иосиф предпочел купить дельно написанный «Путеводитель Терри по Мексике».

«Фелипе» и «Марио» побывали в пригородном районе Койоакане. Они обошли улицы вокруг «Синего дома», в котором после приезда в Мексику в середине января 1937 года поселились

Троцкий и его жена Наталья Седова. В Койоакане в то время преобладали одноэтажные дома. Появление посторонних лиц здесь сразу замечали, и потому «гостям из Москвы» было неуютно на пыльных малолюдных улочках. Праздные туристы сюда не заглядывали. «Синий дом» был предоставлен в полное распоряжение «сталинских изгнанников» Фридой Кало и Диего Риверой. Сами они перебрались в район Сан-Анхель, в дом, построенный в конструктивистском стиле. Там находилась мастерская Диего.

* * *

Из газетных интервью Троцкого Григулевич знал, что «Старику» понравилась экзотическая Мексика. Он надеялся, что эта страна станет его пристанищем на долгие годы. В первые дни после «высадки» в Тампико Троцкий заявил, что соратники из Коммунистической интернациональной лиги Мексики (троцкистской ориентации) не должны рассчитывать на какое-либо его участие в ее деятельности. Дружеские отношения с товарищами — да, но никакой политики! Он не намерен выслушивать обвинения во вмешательстве во внутренние дела страны. Соратники возмутились, обвинили Троцкого в предательстве интересов рабочего класса во имя сохранения права на убежище и, в знак протеста, распустили Лигу. Некоторые из членов организации решили «на личной основе» помогать вождю. Они охраняли «Синий дом» от возможных покушений, контролировали посетителей, сопровождали Троцкого в туристических походах (американские телохранители появятся позже). В первую ночь пребывания Троцкого в «Синем доме» на страже его покоя был Ривера с автоматом «Томпсон» в руках. По свидетельству соратников, долгого бодрствования художник не выдержал и мирно заснул после полуночи.

«Возрождение» Лиги, внутренняя борьба между ее руководителями, обиды Диего Риверы, которому казалось, что его оттесняют в сторону, несмотря на его щедрое финансирование организации, — втягивали Троцкого, помимо его воли, в нервные процедуры по урегулированию конфликтов. Он хотел удержать Риверу в рамках партийной дисциплины, но давалось это с каждым разом все с большим трудом. Болезненно воспринимал Троцкий и своеобразный юмор Риверы. Однажды художник подарил ему после «Дня усопших» традиционную сахарную голову в форме черепа. Все было бы ничего, традиции есть традиции, но Диего начертил на черепе черной краской слово —

«Сталин». Троцкий довольно кисло прореагировал на этот «подарок» и после ухода Риверы велел разбить сахарную голову и выбросить на помойку.

На улице Акасиас, в нескольких кварталах от «Синего дома», «Фелипе» арендовал небольшой особняк, в котором организовал явочную квартиру. Чуть позже был создан пункт наблюдения, из которого велся контроль над передвижениями Троцкого и его сотрудников, изучалась система внутренней и внешней охраны, порядок допуска визитеров. Обстановка в стране была благоприятной для подготовки операции. Полицейский контроль был настолько слабым, что за все время жизни в Мехико Иосиф ни разу не предъявлял документы для проверки. Политическая жизнь была весьма бурной, не обходилось без пальбы в воздух, но в рамках «полумирного сосуществования»: коммунистов не преследовали, а мексиканские нацисты — «золоторубашечники» — регулярно проводили свои слеты и марш-парады.

«Красный изгнанник» в первый год своего пребывания в Мехико сумел подготовить и провести так называемый «контрпроцесс» с целью разоблачения «театрально-судебных постановок» тридцатых годов в Москве. Стенограммы московских процессов были изданы, и для Троцкого они стали исходным материалом для построения своей защиты, выявления вопиющих противоречий в обвинительных речах прокуроров Вышинского и Ульриха. «Контрпроцесс» был организован с помощью Международной комиссии по расследованию московских процессов, которую возглавлял американский философ Джон Дьюи. Заседания комиссии прошли в апреле и сентябре 1937 года в «Синем доме».

Троцкий перед началом слушаний выступил с заявлением: «Если Комиссия решит, что я хоть в малейшей степени виновен в преступлениях, которые Сталин приписывает мне, я заранее обязуюсь добровольно сдаться в руки палачей ГПУ». Комиссия Дьюи после многочасовых выступлений Троцкого приняла вердикт, признающий московские процессы подлогами, а Троцкого невиновным в приписываемых ему преступлениях. Сдаваться опричникам Сталина Троцкому не пришлось. После «контрпроцесса», который не получил международного резонанса и потому не оправдал надежд его организатора, в «Синий дом» все чаще стали поступать сообщения об «агентах НКВД», прибывающих в Мексику. Назывались имена Аббиэйта, Мартинья, Джорджа Минка и других.

Существуют сведения о том, что в 1937—1938 годах секретарем Троцкого работала девушка из семьи с русскими корнями, которая была «двойным агентом», работая на НКВД и

ФБР. Скорее всего, это была Рут Агелоф. В некоторых публикациях в числе лиц из ближайшего окружения изгнанника называется «Патрия» — Африка де ла Пас, испанка, кадровая сотрудница советской разведки. В сентябре 1938 года на имя Троцкого поступило анонимное письмо о том, что НКВД имеет своего человека в Международном секретариате Четвертого интернационала в Париже. Троцкий не поверил «доброжелателю», думая, что это «очередной трюк чекистов». Наверное, он поступил бы иначе, если бы знал, что автором письма был Орлов, бывший резидент НКВД в Испании, сбежавший к тому времени в США. Но письмо все-таки имело резонанс. Узнав о нем, руководство ИНО НКВД во избежание провалов приняло решение об отзыве своей агентуры из ближайшего окружения Троцкого.

* * *

В конце сентября 1938 года некий эмиссар Коминтерна, действовавший под псевдонимом «Перес», предпринял попытку «подключения» к операции по ликвидации Троцкого руководства мексиканской компартии. «Перес» встретился с генеральным секретарем Эрнаном Лаборде и, ссылаясь на «принятое Исполкомом решение», потребовал от него содействия[16]. Эмиссар указал на необходимость сохранения полной конфиденциальности в столь деликатном вопросе. Однако генсек нарушил данное слово и созвал на срочное совещание членов ЦК. В итоге на очередной встрече с эмиссаром Лаборде заявил, что «охота» за Троцким бессмысленна, потому что его ликвидация нанесет ущерб не только МКП и революционным силам в Мексике, но и Советскому Союзу. Если верить воспоминаниям члена ЦК Валентина Кампы, эмиссар «Перес» разразился угрозами и предупредил Лаборде, что за неповиновение решению Коминтерна ему «придется заплатить очень дорого»[17].

Встревоженное этими событиями руководство МКП срочно отправилось в Нью-Йорк на встречу с Эрлом Браудером, генсеком КП США и членом Исполкома Коминтерна, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Браудер якобы выразил поддержку действиям мексиканских коммунистов и посоветовал «прервать контакты» с эмиссаром. Он также пообещал сообщить в Москву «о возникшей проблеме». Через несколько недель в Мехико прибыла делегация Коминтерна во главе с Кодовильей и мало-помалу стала забирать партийные дела в свои руки. Была создана Комиссия «по чистке» руководства МКП. Лаборде и Кампа были обвинены в оппортунизме и на чрезвычайном съезде исключены

из партии. Троцкий внимательно, следил за этими событиями и прозорливо заметил, что изгнание бывших руководителей из МКП было вызвано их оппозицией планам НКВД по организации покушения.

* * *

Подготовка операции по «Старику» развивалась динамично. «Фелипе» вел активную переписку с резидентурой в Нью-Йорке, получал инструкции, писал отчеты о проделанной работе, сообщал о передвижениях Троцкого и его контактах. И вдруг — связь прервалась. Нью-Йорк замолчал. В мексиканских газетах появились сообщения об аресте и расстреле наркома внутренних дел Николая Ежова и близких к нему сотрудников. Иосиф предполагал, что молчание нью-йоркской резидентуры связано с этими событиями. Однако не думал, что они затронули резидента в Нью-Йорке и его московского куратора.

К несчастью, именно так и было. В октябре 1938 года Гутцайта вызвали в Москву. Несколько дней в тюремной камере, допросы с применением пыток. Он все отрицал, но по стереотипной формуле тех лет его обвинили в «предательстве» и работе «в пользу вражеских разведок». Как и Сергея Шпигельгласа. После скоропалительного следствия разведчиков, главных оперативных кураторов операции по Троцкому, расстреляли.

«Фелипе», ничего не зная о кровавой вакханалии, обрушившейся на ИНО, и судьбе Гутцайта, начал бомбардировать резидентуру в Нью-Йорке встревоженными посланиями. Они оставались безответными. «Фелипе» не мог оставаться в неведении и в рождественские дни 1938 года выехал в Соединенные Штаты, чтобы выяснить все на месте. Гутцайт как в воду канул. На условные телефонные звонки не отвечал. На конспиративной квартире не появлялся. Не удалось его перехватить и на подходах к советскому консульству. Из всего этого можно было сделать один вывод: в безупречном прежде функционировании «конторы»[18] что-то явно разладилось. Иосиф вернулся в Мехико, решив продолжать работу несмотря ни на что. Эта ситуация неопределенности сохранялась более полугода.

Но польза от этой поездки все-таки была. В Нью-Йорке Григулевич встретился с человеком, который стал его другом, главной опорой и помощником в разведывательных делах на долгие годы. Леопольдо Ареналь[19] приехал в Соединенные Штаты по заданию МКП, чтобы закупить новое типографское

оборудование для партийного издательства. В Мехико они были «шапочно знакомы», и вот — дело случая: столкнулись на Бродвее лицом к лицу.

Они бродили по вечернему городу, и Григулевич расспрашивал, зондировал, прикидывал: подойдет ли Ареналь по своим личным качествам для участия в операции? Хватит ли у него решимости применить оружие в случае необходимости? Сомнения исчезли быстро: решимости хватит! Иосифу понравились категоричность, критический взгляд Леопольдо на ситуацию в руководстве МКП, ярость, с которой он говорил о Троцком и его «войне» против Советской России и Сталина. Ареналь кипел от негодования, когда утверждал, что «этот предатель» сознательно раздувает конфликт с советским руководством. Троцкий хорошо знает, для чего создает «пятую колонну» в Советском Союзе: быть на виду, получать от врагов Кремля финансовые средства на свой фальшивый интернационал и дожидаться подходящего момента, часа для триумфального «возвращения» в Россию. Только на чьих штыках? Очень правильный вопрос. На штыках Гитлера!

Леопольдо Ареналь был смелым человеком, сохранял хладнокровие в самых напряженных ситуациях. Например, на совещаниях в МКП револьверная пальба нередко служила дополнительным аргументом в дискуссиях идеологического характера. Чтобы успокоить «полемистов», Леопольдо не кричал, не размахивал руками, не лез в драку, а доставал газету и углублялся в чтение. Когда выстрелы смолкали, он тихо говорил: «Не забывайте: слово сильнее пуль и снарядов».

* * *

Еще до встречи в Нью-Йорке Иосифу доводилось слышать об Ареналях. Его друзья-мексиканцы говорили о них так: «Это семья революционеров». Отец Леопольдо был железнодорожным служащим, прошел через многие сражения мексиканской революции и умер в 1913 году. Мать, Электа, была женщиной передовых взглядов, одобряла идейную близость своих детей к компартии. Детей было четверо: Ле-опольдо, Луис, Анхелика и Берта. Луис, художник, с 1932 года входил в «творческую бригаду» Давида Альфаро Сикейроса. Благодаря Луису Давид подружился с семьей Ареналей, а Анхелика через несколько лет — в Испании — стала его женой. В интеллектуальных кругах Мехико каламбурили: «Сикейрос со всех сторон окружен песками, не подступиться». По-испански *«arenal»* означает «барханы,

зыбучие пески».

В начале 1939 года Анхелика вернулась из Испании в Мексику и была привлечена Леопольдо к работе по «Старику». Позже в Мехико появился Сикейрос и после беседы с Григулевичем, которую организовал Леопольдо, дал согласие на участие в операции.

Леопольдо получил псевдоним «Поло» и стал основным помощником Иосифа. Григулевич никогда не идеализировал друга, знал слабую сторону его характера: он был излишне самоуверенным, вернее, самонадеянным. Однако этот недостаток не затмевал его достоинств. Леопольдо не надо было подстегивать, нацеливать на работу. Наоборот, часто приходилось сдерживать, призывать к осторожности и осмотрительности. Иосиф постоянно напоминал ему, что троцкистская агентура не дремлет. Казалось, уроки бдительности не прошли для Леопольдо бесследно. Но без «историй», иногда комических, не обходилось.

Так, в поле зрения «Поло» попал однажды… агент НКВД «Сизиф», прибывший в Мехико с самостоятельной задачей внедрения в окружение близкому к Троцкому Диего Риверы. «Сизиф», следуя полученным инструкциям, навестил художника, поделился с ним переживаниями по поводу «перерождения» ВКП(б) и заявил, что намерен посвятить свою жизнь борьбе за восстановление ленинских принципов в деятельности Коминтерна. Доверчивый Ривера похвалил «Сизифа» за верность идеалам Ленина и попросил его начать эту работу с МКП, делами которой, по его словам, «все более нагло заправляли сталинисты».

«Сизиф» снял комнату в пансионате на улице Парис в доме номер 7, который принадлежал Электе Ареналь. В пансионате было всегда людно: среди жильцов были политические беженцы из Европы, коммунисты последовательные и коммунисты колеблющиеся, ярые сталинисты и тихие троцкисты, мятущиеся интеллигенты и лица богемных профессий. «Сизиф» быстро освоился в политических кружках Мехико, стал выявлять близких Ривере людей и постепенно сближаться с ними.

В самый разгар операции «Гиена» (так обозначали Риверу в документах НКВД) «Сизиф» обнаружил, что кто-то побывал в его комнате, переворошил все бумаги и заглянул в записную книжку, которую агент неосторожно держал в ящике письменного стола. По мнению агента, любопытство могли проявить или сам Ривера, или Леопольдо Ареналь, с которым «Сизиф» установил «почти товарищеские» отношения. Леопольдо ежедневно приходил в пансионат и, как отметил агент, «довольно часто беседовал со мной — человеком, в принципе, посторонним, — относительно

партийных дел».

«Теперь я понимаю, — написал в отчете «Сизиф», — что у Риверы или Леопольдо в отношении меня появились какие-то подозрения. Один из них попытался проверить свои сомнения и залез в мои вещи…»

Невозможно себе представить Риверу, отличавшегося солидной комплекцией, за подобным занятием. Вряд ли он мог незаметно проникнуть в дом, где хозяйничало семейство Ареналей. Стоило ли рисковать художнику, чтобы покопаться в бумагах незадачливого агента? Конечно, это было дело рук Леопольдо, у которого танцы «Сизифа» вокруг «подголоска Троцкого» — Риверы вызвали настороженность.

Вскоре «Сизиф» бесследно растворился в молочно-белесом тумане незавершенных операций НКВД. А в Центре на его забавном до наивности отчете чья-то решительная рука оставила резолюцию:

«Сизифов труд. Вот как это называется. Подыщите ему другой псевдоним…»

* * *

Между тем Сталин напомнил новому руководителю НКВД, что задание по ликвидации Троцкого никто с разведчиков не снимал. Преемник Ежова — Лаврентий Берия — понимал, что устранение «Иудушки-Троцкого» даст ему великолепный шанс заявить о себе «во весь голос» и обеспечит доверие Хозяина на обозримое будущее, конечно, в тех пределах, в которых Сталин был способен «доверять». Для того чтобы продемонстрировать личную заинтересованность в скорейшем «решении проблемы», в феврале 1939 года Сталин вызвал к себе в Кремль комиссара госбезопасности 3-го ранга П. Судоплатова. Разговор не был продолжительным: Сталин говорил без обиняков. В ЦК принято решение о ликвидации «фашистского отщепенца» Троцкого, подрывная деятельность которого наносит все больший вред стране. Для окончательного решения «проблемы» разведка должна использовать все имеющиеся в ее распоряжении средства. Координатором операции в Москве назначался Судоплатов. В качестве оперативного руководителя в Мексике — Наум Эйтингон (псевдоним «Том»).

Вскоре после этой беседы Судоплатов и Эйтингон подготовили план операции под кодовым названием «Утка». План был схематичен и оставлял простор для импровизаций. Предусматривались такие методы, как использование взрывного

устройства в доме или автомашине «Старика», отравление пищи или воды, применение удавки, кинжала, огнестрельного оружия, просто тяжелого предмета для нанесения смертельного удара. Не исключалось нападение на дом Троцкого вооруженной группы боевиков. Документ санкционировал привлечение к операции проверенных агентов-испанцев — Каридад Меркадер (псевдоним «Мать») и ее сына Рамона («Раймонд»). Вспомогательный центр в Париже должен был возглавить Лев Василевский (Тарасов), в Нью-Йорке — Павел Пастельняк (псевдоним «Лука»)[20]. Прежняя агентура в Мексике подлежала возвращению в Москву. Ей не доверяли. И это не предвещало «Фелипе» и «Марио» ничего хорошего.

* * *

Возражений по плану операции у Берии не возникло, и он поспешил доложить его Сталину. На прошлом докладе Хозяин буркнул: «Не успел занять место начальника НКВД и уже волокитишь». Снова услышать упрек в неразворотливости Берия не хотел.

Сталин выслушал наркома, ознакомился с документом и проронил:

«На бумаге все выглядит превосходно. Будем надеяться, что с исполнением не будет проволочек. Много я видел подобных планов, но троцкистское подполье до сих пор не обезглавлено. Пособники в твоем наркомате выводили Троцкого из-под удара. Надеюсь, Лаврентий, что ты с честью справишься с делом, на котором другие сломали зубы…»

Сталин вернул план операции «Утка» Берии, не поставив на нем своей визы…

Переброска Наума Эйтингона в Мексику с самого начала натолкнулась на серьезное препятствие: у него не было надежных документов для столь далекого путешествия. До Парижа он добрался с советским дипломатическим паспортом, но потом довольно долгое время отсиживался в посольстве в ожидании «железной книжки». Резиденту Василевскому пришлось изрядно попотеть, чтобы через своих агентов раздобыть для Наума подходящий паспорт, по которому можно было бы безбоязненно отправляться в дорогу.

* * *

Операция «Утка» стала, пожалуй, самой масштабной за всю историю существования НКВД: десятки людей работали над ее реализацией на «дальних подступах» — в Западной Европе (прежде всего во Франции), в Канаде, и на «ближних» — в Соединенных Штатах и в Мексике. Агентурой чекистов «освещались» практически все центры зарубежной деятельности Четвертого интернационала, контролировались как основные, так и второстепенные контакты Троцкого. Захваченные (или тайно перекопированные) в различных местах архивы троцкистов облегчали работу НКВД по планированию многоходовых операций по «Старику». Особенно продуктивным был агент «Тюльпан» — Марк Зборовский, украинский еврей, член компартии Польши, вошедший в Париже в начале 30-х годов в ближайшее окружение Троцкого. Зборовский стал функционером «Международного секретариата» троцкистов, что позволяло НКВД «с опережением» узнавать о планах Троцкого. Фотокопии личных писем изгнанника нередко оказывались в Москве раньше, чем поступали к адресатам.

Все более или менее заметные троцкисты находились «под колпаком». Даже за Фридой Кало велось наблюдение. Основания для этого были. В списке троцкистов, добытом НКВД в Международном секретариате в Париже, Фрида значилась под № 69. В Москве считали, что она является связником «койоаканского изгнанника» с центрами троцкизма в США и Европе. Один из агентов ИНО в конце января 1939 года завязал с нею знакомство на борту судна «Париж», шедшего из Нью-Йорка в Лондон. Фрида привлекала всеобщее внимание необычностью своего внешнего вида: смуглый, почти бронзовый цвет лица, экзотические серьги, браслеты и кольца. Все семь дней плавания она бессменно носила свой странный цыганско-испанский наряд.

Инженеры — члены советской делегации, посетившей США, — развлекали публику, пели бодрые песни на слова Лебедева-Кумача. Безымянный агент НКВД и мексиканская художница познакомились после такого концерта. Фрида была не прочь пофлиртовать с симпатичным попутчиком. После обильного ужина инженер заказал бутылку пива на двоих. Именно прозаическое пиво, а не шампанское, на которое, вероятно, у инженера уже не хватало денег. Вначале говорили на нейтральные темы: о мексиканских, испанских, русских песнях. Фрида вполголоса напела своему партнеру «Бандеру Роху». Потом неожиданно сказала:

«Ты должен опасаться меня. Мой муж, Диего Ривера, вместе с Троцким ненавидят сталинский коммунизм и потому “делают” Четвертый интернационал. Ривера не ошибается в своих оценках:

он ездил в Советский Союз, жил там два года, видел многое…»

Они весь вечер увлеченно танцевали. Фриду радовало, что, несмотря на свои недуги, она может привлекать мужчин. Ее партнер был озабочен другим. Он пробегал пытливыми пальцами по талии этой черноокой женщины с бровями-чайками и, ощущая крепость лечебного корсета (агент и не подозревал о ее мучительной болезни), лихорадочно думал: «Вот где запрятан пакет с документами для парижского центра». Он так и напишет в отчете: «Под легкой тканью пояса прощупывались какие-то пакеты…»

Но большего агент выведать не сумел, потому что мексиканка ничего существенного о «секретных делах» Троцкого не знала. Делегация советских инженеров задержалась в Лондоне, а Фрида отправилась дальше — в Париж.

* * *

«Беспаспортный» Эйтингон, находясь в Париже, прорабатывал тем не менее различные варианты ввода в операцию «Утка» проверенного агента Рамона Меркадера — «Жака Мор-нара». «Мостиком» для вхождения в окружение Троцкого могла стать американка Сильвия Агелоф, 28 лет, активная троц-кистка, участница Учредительного конгресса Четвертого интернационала. Это ее сестра Рут работала секретарем у «Старика», что создавало благоприятные условия для постепенного «перемещения» Меркадера в Мексику (естественно, в нежной компании дурнушки Сильвии). Девушка все больше подпадала под влияние чарующе-любовных речей «Морнара», «богатого бельгийца-коммерсанта», сорившего деньгами, делавшего безумно дорогие подарки. Эйтингон понимал, что оперативная комбинация с использованием Сильвии должна была развиваться естественно, без форс-мажорных обстоятельств, чтобы не насторожить «возлюбленную» Меркадера.

И вот в Париже появилась Фрида Кало, через которую, казалось, можно было гораздо быстрее приблизиться к Троцкому. Мексиканка могла стать «легкой добычей» для «Раймонда» из-за ее склонности, как отмечалось в сводках НКВД, к кокетству и «слабости в отношении к мужскому полу». Эйтингон решил, что выставка мексиканского искусства — наилучшее место для знакомства «Жака Морнара» с Фридой: самое главное — как можно больше комплиментов и восторгов. Люди искусства нуждаются в похвалах и поклонении. В первом же разговоре с Фридой агент должен был поведать ей об увлечении троцкизмом,

желании поселиться в Койоакане, как можно ближе к Троцкому.

План «лобовой атаки» на Фриду с треском провалился. Информация НКВД о ее неудержимой тяге к мужчинам была слишком преувеличена. В мимолетных романах Фриды всегда было больше кокетства, чем глубокого влечения. К тому же к этому времени Диего Ривера успел рассориться с Троцким. Причиной разрыва стало гипертрофированное тщеславие «койоаканского изгнанника», навязывание им своей воли всем, кто попадал в сферу его притяжения. Вначале Ривера воспринимал свои отношения с Троцким как своего рода игру в партию и партийную дисциплину. Затем все это ему надоело. Художник создал несколько искусственных конфликтных ситуаций, вынес проблемы Четвертого интернационала «на суд публики» и — в итоге — громогласно порвал с троцкизмом.

В политических вопросах Фрида во всем следовала за мужем, поэтому она приняла такое же решение. Троцкий, которого Фрида за глаза называла не иначе как «надоедливым стариком», стал ее раздражать еще раньше. Да, она поначалу охотно флиртовала с ним, довела старика до любовной горячки, которую он выплеснул на страницы компрометирующих его писем. Дело дошло до того, что в ближайшем окружении Троцкого стали опасаться любовного скандала, который нанес бы огромный вред Четвертому интернационалу. В Мексике все знали, что Ривера был ревнив и в порыве гнева мог изрешетить любого потенциального соперника из револьвера, который постоянно носил с собой.

Фрида быстро прекратила свои эксперименты над стойкостью Троцкого. И теперь мечтала об одном, чтобы тот скорее подыскал свое собственное жилье и освободил ее любимый «Синий дом», по которому она все больше тосковала. Поэтому настойчивые просьбы «Морнара» и его пылкие взоры вызвали у Фриды ничем не скрываемое раздражение. Агент избрал неподходящее время для любовных заигрываний: Фрида устала от проблем, связанных с проведением выставки, с трудом выносила болтовню французских интеллектуалов, страдала от привычных и новоприобретенных в Париже болезней, из-за которых ей пришлось почти месяц провести в больнице. Поэтому на все просьбы «Морнара» она ответила решительным «нет» и отказалась принять роскошный букет роз, которым тот хотел поразить ее воображение. Агент покинул выставку ни с чем, и разочарование его было столь велико, что он швырнул цветы в первую попавшуюся на пути мусорницу.

* * *

5 мая 1939 года после окончательного разрыва с Диего Риверой Троцкий и его «команда» переехали на улицу Вены. Левая печать со злорадством комментировала очередную «драчку» в стане троцкистов и подбросила версию о том, что Ривера «выгнал» Троцкого из «Синего дома» из-за его скупости: он, дескать, постоянно волынил с арендной платой. Эти нечестные приемы врагов выводили Троцкого из себя: он был приглашен в качестве гостя, о «квартплате» и речи не было. Распространялись слухи о том, что Фрида Кало, «устав» от постоянных измен мужа, отомстила ему той же монетой, «влюбив» в себя Троцкого, который буквально потерял голову от мексиканской красавицы. «Организаторы» этих слухов со всей очевидностью добивались того, чтобы Ривера воспользовался своим револьвером и «поставил окончательную точку» в вопросе пребывания Троцкого в Мексике.

* * *

В апреле 1939 года резидент в США Исхак Ахмеров (псевдоним «Бил»)[21], работавший под прикрытием «Амторга», восстановил связь с «Фелипе»- Из его письма Ахмеров узнал, что мексиканская группа ни на минуту не прекращала слежку за Троцким, несмотря на затянувшееся молчание Центра и отсутствие финансирования. Сообщил «Фелипе» и о предстоящем переезде Троцкого на улицу Вены. Чтобы обеспечить непрерывность наблюдения, пришлось срочно подыскивать дом для устройства нового «НП».

В начале июня «Бил» вызвал «Фелипе» и «Марио» в Нью-Йорк «для промежуточного отчета». Для перехода в США было решено воспользоваться нелегальным каналом, чтобы лишний раз не «светиться» в консульстве США в Мехико, не оставлять там своих фотографий и отпечатков пальцев.

«Переправа» на границе была организована американскими коммунистами из города Сан-Антонио (штат Техас). Как правило, она использовалась для переброски агентов Коминтерна, но не менее надежно служила советской разведке и… контрабандистам, которые своей «незаконной предпринимательской деятельностью» фактически прикрывали и коминтерновцев, и разведчиков. С мексиканской стороны исходным пунктом переправочного маршрута был город Монтеррей, расположенный в 300 километрах от границы. Следующей «станцией» был городок Нуэво-Ларедо. По соседству с ним протекала Рио-Гранде, пограничная река, на противоположном берегу которой

находился североамериканский город Ларедо. Благополучно перебраться в него темной ночью на утлой лодке не означало, что дело сделано. Конечной «станцией» маршрута был город Сан-Антонио, до которого было не менее 400 километров.

Иосиф и Эмилио решили переправляться поодиночке, с разрывом в два дня. «Фелипе» «стартовал» из Монтеррея первым и вышел на встречу с резидентом в Нью-Йорке в назначенное время. У «Марио», как вскоре выяснилось, произошла осечка: он был арестован и препровожден в тюрьму Сан-Антонио. В то время мексиканско-американская граница была настолько «проницаемой», что, по выражению Григулевича, напоминала голландский сыр. Видимо, «Марио» вел себя не очень осторожно.

«Фелипе» предложил резиденту возложить миссию по освобождению «Марио» на Леопольдо Ареналя. После некоторых колебаний Ахмеров дал на это согласие, но для страховки «с американской стороны» подключил к операции по вызволению невезучего «Марио» опытного нелегала «Звука»[22].

«Поло» срочно выехал в Нуэво-Ларедо и там — через директора иммиграционного бюро, поддерживавшего тесные отношения с компартией Мексики, — сумел после затяжных бюрократических процедур вызволить «Марио» из тюрьмы. В августе он вернулся в Мехико и был тепло принят гостеприимным семейством Ареналей. Рискованная поездка в США для «Марио» окончилась, как в добротном голливудском фильме, свадьбой: он женился на сестре Леопольдо — Берте.

* * *

Информация нью-йоркского резидента об успешной работе «Фелипе» в Мехико Берию не удовлетворила: «На этого человека я хочу посмотреть сам. Он слишком долго работал с Орловым, Шпигельгласом и Гутцайтом, а дурной пример заразителен. Не исключено, что для успеха дела “Фелипе” надо убрать из Мексики».

Григулевич отправился в Россию в конце 1939 года. В Европе шла война. Атлантика превратилась в зону боевых действий. На океанских просторах хозяйничали гитлеровские субмарины. Поэтому Ахмеров рекомендовал «Фелипе» использовать для поездки в Москву более безопасный «тихоокеанский вариант». Билеты на пароходы до Владивостока были на вес золота: многие из тех, кого мировая война застала в Западном полушарии, предпочли именно этот путь для возвращения на Старый континент. Поэтому Григулевичу пришлось воспользоваться

нелегальным вариантом «выезда» из Соединенных Штатов. В Сан-Франциско все чаще заходили торговые суда под советским флагом, и это облегчало задачу…

Путешествие по «Транссибу» было увлекательным. Иосифу вспомнилась картинка с книжной обложки: лихая тройка, запряженная в сани, мчится по метельному тракту. Мать подарила ему книгу в день рождения. Называлась она «Михаил Строгофф». Как он зачитывался невероятными приключениями жюль-верновского героя в Сибири! И вот они, сибирские просторы, рядом, за стеклом скорого поезда! Иосиф не отходил от окна, поражаясь огромности, неохватности, богатырскому размаху Страны Советов.

Неутомимый экспресс наконец прибыл на московский перрон. Времени на передышку Григулевичу не дали. На следующий же день, с утра, первая беседа: с Судоплатовым. Множество вопросов. Деловая обстановка. Корректность. Все более теплый взгляд собеседника. Сизый папиросный дымок над рабочим столом, заваленным документами. Григулевича заслушивали несколько раз: Судоплатов, снова Судоплатов, еще раз Судоплатов, затем начальник разведки Фитин. Было очевидно, что оперативные наработки «Фелипе» оказались более чем кстати. Чем-то надо было отчитываться перед Сталиным. А «Фелипе» «привез» практически подготовленную операцию по штурму «крепости» Троцкого.

В ходе докладов в Москве Григулевич дал исчерпывающую характеристику командиру боевой группы Давиду Альфаро Сикейросу: это человек действия — решительный, бесстрашный, безжалостный к врагам. Самое главное: стоит на четких политических позициях и считает, что Троцкий — главный виновник поражения республиканской Испании. Сикейрос не раз призывал на митингах и в своих статьях «выбросить этого агента Гитлера и Франко из Мексики». Григулевич заверил руководство НКВД, что художник доведет дело до конца, какими бы последствиями это ему ни грозило. Сикейрос не раз сидел в тюрьмах, и подобная перспектива его не пугала. Он достойно показал себя в Испании. Свой чин полковника Сикейрос заслужил на передовой, командуя различными бригадами, а затем 29-й дивизией. Сикейросу довелось служить в республиканской военной разведке, в которую его направили в декабре 1938 года. Первое задание, полученное им, было крайне опасным: поездка по фашистской Италии и сбор информации о центрах по формированию частей экспедиционного корпуса для отправки в Испанию. Сикейрос с риском для жизни совершил эту поездку и должным образом выполнил поставленную задачу.

В этот приезд в Москву Григулевич встречался с Берией на его загородной даче. Нарком признал «удовлетворительной» работу «Фелипе» в Мехико. Скупой на похвалы Берия сказал Судоплатову: «Этот ваш агент — самостоятельный парень. По всему видно, что троцкистов не боится, а они — не вегетарианцы, умеют обращаться с оружием. Это мы знаем по нашим московским процессам. Сколько заговоров они готовили, чтобы физически уничтожить руководителей нашей партии и правительства!»

Казалось, что Берия искренне верил в то, что говорил.

Он приказал «вернуть» Григулевича в Мексику для завершения операции.

* * *

Из Сан-Франциско до Сан-Антонио Григулевич добирался по железной дороге, вначале вдоль тихоокеанского побережья, затем — через Бербанк — Мохаве — Амарильо — Форт-Уэрт — до Хьюстона. Остаток пути до Сан-Антонио он преодолел автобусом. Конечно, этот «альтернативный» маршрут был менее удобен, чем железнодорожная линия, шедшая вдоль границы с Мексикой. Но зато — безопаснее, все-таки — глубинка! В Сан-Антонио Иосиф связался с невозмутимым Уго, натурализовавшимся в США мексиканцем, который по линии «земляков» обслуживал «переправу». Ночевать пришлось у него, в доме с плоской цинковой крышей, расположенном на городской окраине.

Ранним утром следующего дня Григулевич выехал из Сан-Антонио в направлении города Ларедо на автомашине, которая, как он потом утверждал в своих «невыдуманных застольных рассказах», относилась к числу первых образцов, выпущенных Генри Фордом. Тем не менее «антикварный экземпляр» благополучно преодолел большую часть дистанции. На подъездах к Ларедо Иосифу пришлось покинуть «форд», чтобы избежать проверки документов на пункте полицейского контроля. Несколько километров Григулевич шагал по пыльной тропе вдоль телеграфных столбов, стараясь уберечь свои брюки от колючих кактусов. Сопровождал его мрачноватого вида контрабандист, который, по словам Уго, на заре своей бурной биографии сражался в отряде Панчо Вильи и даже совершил партизанский рейд на территорию Соединенных Штатов.

Солнце безжалостно палило, и к пункту назначения — мосту по дороге на Ларедо Иосиф пришел насквозь мокрый от пота. Не менее получаса ему и контрабандисту пришлось прятаться в тени

бетонных опор. Потом вновь появился Уго и без осложнений довез их до города. Бывший боец отряда Панчо Вильи забежал к себе домой, откуда вышел через несколько минут и невозмутимо сообщил, что места «все заняты», и посоветовал своим спутникам сходить в кино, чтобы скоротать время до ночи. Фильм под неброским названием «Затемнение» Иосиф посмотрел четыре раза подряд. Вернее два, потому что остальные сеансы он проспал. Сюжет этого шпионского фильма Григулевич запомнил на всю жизнь. Главный герой — капитан датского судна разыскивает двух исчезнувших пассажиров. Действие происходит в затемненном Лондоне, который подвергается авиационным налетам «Люфтваффе». Герой знакомится с очаровательной девушкой, которая в конце фильма оказывается агентом британской контрразведки. Обязательный любовный хэппи-энд сопровождается другим — на злобу дня: влюбленным удается обнаружить шпионскую квартиру нацистов в британской столице…

Иосиф и «Панчо Вилья» пересекли Рио-Гранде на неустойчивом плоту, который направляли нужным курсом друзья «Панчо Вильи», шедшие по грудь в воде. Григулевич не сомневался, что при малейшей угрозе контрабандисты исчезнут и ему придется спасать свою жизнь в одиночку и в кромешной тьме. Но все обошлось, до мексиканского берега группа добралась без осложнений. Однако до городка Нуэво-Ларедо, тусклые огни которого виднелись на расстоянии трех-четырех километров, добраться без приключений не удалось. Живописную группу путников задержал конный патруль полиции. Дородный начальник дозора, на кителе которого едва сходились-скрещивались ремни, потребовал у Григулевича документы. Другие участники «экспедиции» его не интересовали.

«До меня сразу не дошло, — признавался потом Иосиф, — что все было подстроено и разыграно, как по нотам, полицейским командиром и его друзьями-контрабандистами. И я начал лепить свою легенду: я, мол, испанский эмигрант, живу в Мехико-Сити и прибыл в Нуэво-Ларедо по торговым делам. На берегу реки оказался потому, что решил посмотреть на кайманов.

Полицейский чин блеснул хитрыми глазками и насмешливо заявил:

“Много вас таких бродит по этим местам. Голову даю на отсечение, что вы, сеньор любитель кайманов, дезертир армии США или, что вероятнее всего, являетесь итальянским шпионом”.

Почему он признал во мне итальянского шпиона, не знаю до сих пор, но выходить из критической ситуации надо было как можно скорее. Подозрения в шпионаже в годы войны

благополучно не заканчиваются. Я предложил начальнику отойти в сторону, чтобы обсудить возникшую проблему без свидетелей. Он охотно согласился. Для начала я предложил ему 30 песо отступного. Он отказался. Назвал другую сумму — 40. Заколебался, но не сдался. И только цифра в 50 песо показалась ему приемлемой. Я достал деньги и вручил их полицейскому хефе, стараясь сделать это незаметно. Но он ничего не скрывал ни от подчиненных, ни от контрабандистов. Просмотрел бумажки в свете своего фонаря, не фальшивые ли, потом пожал мне руку и участливо посоветовал: “Постарайтесь, сеньор, не попадаться другим патрулям. Они могут быть куда более строгими, чем я…”

“Строгими, вряд ли, — подумал я тогда. — А вот более жадными, вполне вероятно…”»

Переночевав в Нуэво-Ларедо на квартире знакомых Уго, Григулевич отправился на такси в Монтеррей и оттуда — рейсовым автобусом в Мехико.

Журналисты-международники, рассказывая об отношениях США со странами Латинской Америки, часто применяют словесную формулу — «к югу от Рио-Гранде». Все земли, находящиеся к югу от этой реки, вплоть до мыса Горна, являются Латинской Америкой. Сам Иосиф Григулевич сотни раз использовал это устойчивое выражение в своих статьях, книгах и лекциях. Его читатели и слушатели вряд ли могли представить себе, что для маститого ученого слова «Рио-Гранде» были не только абстрактным географическим и политическим понятием, но вполне конкретной рекой, ставшей частью его биографии. Он был единственным советским латиноамериканистом, который преодолел Рио-Гранде не по мосту и с визой в паспорте, как все нормальные люди, а почти вплавь и в компании контрабандистов.

* * *

В феврале 1940 года Григулевич вновь взял бразды управления группой Сикейроса в свои руки. Иосиф не без удовлетворения обнаружил, что Леопольдо не терял времени зря и продолжал ведение слежки за «крепостью». Именно так называла мексиканская пресса новое пристанище Троцкого в Мехико.

Подготовка атаки на «крепость» вошла в заключительную стадию, хотя не прекращался поиск других, менее «хлопотных» вариантов реализации плана «Утка». Так, внимание «Поло» привлекли загородные автомобильные поездки Троцкого за редкими экземплярами кактусов. Троцкий выкапывал эти

экзотические растения и высаживал на своей «крепостной клумбе». Страсть Троцкого к кактусам обсуждалась в переписке с нью-йоркской резидентурой. Идея, выдвинутая «Поло», была такой: вручить «Старику» несколько горшков с редкими экземплярами кактусовых. В землю запрятать бомбы, которые при пересадке растений должны взорваться.

Это предложение в Нью-Йорке забраковали. Полной уверенности в том, что кактусы попадут к «адресату», не было. В НКВД к использованию бомб для ликвидации политических противников стали относиться с прохладцей после того, как закамуфлированная в книгу «игрушка», предназначавшаяся для Ивана Солоневича, монархиста и антисоветского элемента, разорвала на куски его жену и личного секретаря, а не «объекта». Произошло это в Софии, и межгосударственного скандала не возникло только потому, что Солоневич был на ножах с местным отделом Российского общевоинского союза: бывшие офицеры подозревали братьев Солоневичей в «работе» на НКВД. Болгарская полиция не исключала, что покушение было организовано членами РОВС.

В «крепости» замечали подозрительную активность за пределами ее высоких стен: автомашины с одними и теми же номерами, назойливые фотографы, землекопы, которые больше «перекуривали», чем занимались своей работой. Потом все это прекратилось. Кто-то из американских телохранителей высказал мнение, что «чекисты ушли, потому что не обнаружили слабых мест в обороне». Но он ошибся. Просто помощники «Фелипе» приобрели опыт. Наблюдение за «крепостью» не прерывалось ни на минуту. Велось оно из двух закрытых позиций. Все передвижения обитателей «крепости» фиксировались в специальном «вахтенном журнале». Связь между различными «подразделениями» аппарата обеспечивалась курьерами.

Кадры для своего аппарата Григулевич набирал из местной комсомольской организации и из испанских эмигрантов. Известно, что Троцкий опасался больше всего именно испанцев. Когда в январе 1939 года в газете «Универсаль» появилось сообщение о прибытии в Мексику большой группы беженцев, Троцкий несколько раз в статьях и интервью предупреждал мексиканские власти о том, что среди прибывших есть «замаскированные агенты НКВД». После поражения в Испании и эвакуации из Франции в Мексике очутилось не менее 25 тысяч республиканцев. Среди них были люди, не утратившие боевитости, готовые взяться за любое рискованное предприятие. Иосиф искал среди них рекрутов в свою организацию. Его можно было видеть в местах, где чаще всего собирались республиканцы:

в кафе «Парис», «Тупинамба», «Эль Бетис» и «Папагайо». В сизом табачном дыму Иосифу пришлось выслушать десятки бесконечных дискуссий о том, как поскорее «сбросить» Франко. В Республиканском центре испанцев «Фелипе» старался не «светиться», поскольку всегда существовала угроза наткнуться на «недобитых» членов ПОУМ и анархистов. В Испанском обществе культуры и отдыха, созданном коммунистами-беженцами, у Иосифа были самые прочные связи, народ там подобрался в основном надежный.

* * *

Григулевич досконально изучил членов Федерации защиты интересов испанской эмиграции в Мексике (ФОАРЕ). Она была создана в 1939 году и объединила представителей всех испанских эмигрантских организаций, поскольку представляла их перед мексиканским правительством в правовых и юридических вопросах. Как выяснил «Фелипе», без справки ФОАРЕ ни один испанец не мог легализоваться и натурализоваться в Мексике.

Возглавлял федерацию Хосе Монсисидор — человек левых убеждений, авторитетный журналист и к тому же председатель Общества друзей Советского Союза, «хилой», по оценке Иосифа, организации, в которой числилось не более трехсот членов. Конечно, были среди них искренне любящие Советский Союз люди, но водились и внедренные полицией «казачки». Монсисидор без лишних вопросов выдал справки ФОАРЕ «Хуану» и «Гарри», нелегальным сотрудникам, помощникам «Тома» по операции «Утка». Он же, узнав о том, что «Фелипе» разыскивает Витторио Сада («Хоту»), знакомого ему по барселонским событиям, посоветовал: «Не связывайся с этим парнем. Его видели с американцами из посольства. Говорят, что он оказывает им полицейские услуги. Организует слежку, дает характеристики на людей, — потерянный для нас человек…»

Некоторые исследователи считают, что пропагандистские функции по прикрытию операции «Утка» выполнял Висенте Ломбардо Толедано (не зная, разумеется, о конечных планах НКВД). Адвокат, доктор философии, пропагандист марксизма, он верил в то, что Мексика «обречена» на коммунизм, и потому делал все возможное, чтобы ускорить его пришествие. Обладал он и необходимым инструментом для этого — Конфедерацией трудящихся Латинской Америки. Враги иронизировали, называя Толедано «континентальным лидером коммунизма», и мексиканцу это нравилось. Значит, боятся, значит, чувствуют

масштабность его личности! В созданном усилиями Толедано Рабочем университете Мексики «впрок» ковались кадры для грядущего континентального прорыва к коммунизму… Для Толедано троцкизм был воплощением предательства в политической жизни.

Тезис о сотрудничестве Троцкого с Гитлером и Муссолини у Толедано не вызывал сомнений. «Сталин — их общий враг, — говорил Толедано. — Сталин — крепкий орешек. Один на один с ним не справиться. Вот и сбились в волчью стаю. Для них этот союз необходим». Поэтому в выступлениях Толедано имена Троцкого, Гитлера и Муссолини часто назывались рядом. Это враги! Антитроцкистская пропаганда, возглавляемая компартией и Толедано, привела к тому, что в Мексике Троцкого стали обвинять даже во всех крупных авариях и катастрофах, которые происходили в стране. Именно на него как «главного саботажника» указала прокоммунистическая пресса после крупной железнодорожной катастрофы между городами Ироло и Ометуско, в которой погибло более 50 человек.

В 30—40-х годах недоброжелатели нередко обвиняли Толедано в тайных связях с Москвой, припоминая ему поездку в Советский Союз в 1935 году, встречи с руководством Коминтерна — Димитровым, Мануильским, Лозовским. Тем не менее в компартии Толедано не состоял, считая, что это скомпрометировало бы его профсоюзную деятельность в Латинской Америке. В переписке нью-йоркской, а затем мексиканской резидентур с Москвой он проходил под кодовым именем «Шкипер». Если верить расшифровкам «Веноны»[23], Ломбардо Толедано поддерживал постоянные контакты с Коминтерном и эмиссарами НКВД.

* * *

Эйтингон встретился с Григулевичем на следующий день по прибытии в Мехико. Оперативные «наработки» «Фелипе» он одобрил и приказал ускорить подготовку операции, чтобы провести ее в мае, в разгар избирательной кампании в Мексике. Эйтингон сказал, что в Москве настаивают на скором проведении «акции», поскольку война с Гитлером неминуема, а без устранения Троцкого, как показывает испанское поражение, будет трудно добиться безоговорочной поддержки Советского Союза всеми силами международного коммунистического движения. «Обезглавливание» троцкизма скажется и на ослаблении потенциальной «пятой колонны» в СССР.

В отличие от многочисленного аппарата «Фелипе», в сеть Эйтингона входило не более десяти человек. Среди них не было «новобранцев». Все были проверены на практической работе в Испании и Франции в 30-х годах.

Если «взрослая» МКП во главе с Эрнаном Лаборде приняла «в штыки» идею физического уничтожения Троцкого, то мексиканская коммунистическая молодежь приветствовала ее: «Комдвижение надо очистить от предательства!» Аппарат слежения «Фелипе» в основном и состоял из комсомолок: студенток, учительниц, служащих государственных учреждений. Помимо мексиканок к операции было привлечено несколько кубинских девушек. Одну из них — Тересу Проэнсу — «Фелипе» по указанию Эйтингона направил в Мехико из Гаваны, куда ездил для создания «запасных квартир» для боевиков Сикейроса. Троцкий нуждался в канцелярских работниках, и возможность введения кубинки в его окружение имела шансы на успех. По мнению «Фелипе», девушки привлекали значительно меньше внимания телохранителей Троцкого, которые к появлению каждого нового лица в окружении подопечного относились с повышенной настороженностью.

Тереса Проэнса заинтересовала НКВД, когда работала в Испании корреспондентом мексиканских газет «Насьональ» и «Мачете». Именно тогда «Швед» и привлек ее к разведывательной работе. Эйтингон принял Проэнсу на связь во Франции: он использовал ее для изучения латиноамериканских дипломатов в Париже. Эйтингон высоко оценивал деловые качества девушки и ее политическую надежность: Проэнса была членом компартии, прошла курс обучения в Высшей рабочей школе им. К. Маркса в Мехико, некоторое время работала личным секретарем мексиканского президента Ласаро Карденаса. Тереса сотрудничала в 30-х годах с мексиканским филиалом МОПРа и поддерживала дружеские отношения с Фридой Кало. К великому сожалению «Тома»,- ко времени проведения операции художница порвала все отношения с Троцким. Для Проэнсы нужно было подыскивать другие варианты ввода в разработку «Старика».

Не меньшие сложности возникали с задействованием агента «Раймонда». Это была многоэтапная операция, которая, начавшись в Париже, была продолжена в Нью-Йорке и, наконец, переместилась в Мехико. «Раймонд» не раз говорил Сильвии Агелоф, что затевает серьезное коммерческое дело в мексиканской столице. «Мне будет очень не хватать тебя, — внушал он Сильвии. — Мы созданы друг для друга. Нам пора узаконить наши отношения». Поэтому, когда Сильвия получила телеграмму «Раймонда» с одним словом — «Приезжай», она без

долгих раздумий отправилась в Мехико. Поселилась она вместе с Морнаром в гостинице «Монтехо». Когда в феврале 1940 года Агелоф была принята Троцким на работу в качестве секретаря, это было расценено Эйтингоном как подтверждение верности задуманного хода.

В «крепости» Морнара знали как «жениха Сильвии». Едва ли не ежедневно он привозил ее «на работу», а в конце рабочего дня пунктуально встречал у ворот. Об исполнительности и трудолюбии Сильвии Лев Давидович отзывался с непременной похвалой. Она была идеальным секретарем, потому что умела делать все: от стенографирования до подготовки аннотаций по материалам прессы. «Раймонд» продолжал разыгрывать роль аполитичного человека, оставаясь вне обычного круга общения Троцкого. «Бельгиец» был рядом с ним, мелькал где-то поблизости, но интереса к личности изгнанника не проявлял. При случае оказывал услуги телохранителям, гостям Троцкого, развлекал их на пикниках. Эйтингон не спешил с активизацией «Раймонда». Это был запасной вариант. Главная надежда возлагалась на стремительную и беспощадную атаку группы Сикейроса!

* * *

Однажды Леопольдо порекомендовал в «группу поддержки» комсомольскую активистку Лауру. Так Иосиф познакомился с Лаурой Араухо Агилар, девушкой двадцати трех лет, строгие глаза и белозубая улыбка которой раз и навсегда покорили его. Лаура работала учительницей в начальной школе. Она была родом из небогатой многодетной семьи. В семье не было мужчины. Отец умер в 30-е годы, и потому все держалось на матери и на родственниках, которые, пусть скудно, но помогали, когда деньгами, когда продуктами.

Лаура была максималисткой. В отличие от других членов семьи она интересовалась политикой и разбиралась в азах марксистской теории.

Сегодня сестры Лауры, которым перевалило за 70, в один голос вспоминают о том, что она была «лидером» в семье и «всеми командовала». Дело дошло до того, что Лаура запретила матери и сестрам ходить в церковь: «Священники вас обманывают!» Никто не сказал и слова наперекор. Подчинились.

Рутина жизни семейства Араухо вызывала у Лауры отторжение. Хотелось совершенно иной — самостоятельной судьбы. Возможность вырваться из «сонного оцепенения»

представилась Лауре в облике невысокого симпатичного парня по имени Хосе. Веселый прищур его глаз не исчезал даже тогда, когда он говорил о делах серьезных. Их отношения быстро переросли рамки сугубо конспиративных. Взаимное притяжение было столь велико, что Иосиф нарушил — впервые! — золотое правило: не смешивать личную и нелегальную жизнь. Разве имели отношение к операции «Утка» те часы, которые провели они за столиком в кафе «Такуба»? Или на ярко расписанной лодке, скользящей по зеленой воде одного из каналов Сочимилко? Или в кинотеатре неподалеку от площади Санто-Доминго? А ведь совсем недавно «Фелипе», давая характеристику тому или иному члену «группы Сикейроса», отмечал как достоинство: «Женщинам увлечь себя не дает. Как бы далеко ни зашли отношения, во имя интересов дела готов без сожаления поставить на них точку».

Встреча с Лаурой была важнейшим событием в жизни Иосифа. В напряженные дни по подготовке операции он сумел понять, что Лаура — его судьба, его будущая верная спутница в беде и радости. Их удивительное соответствие друг другу отметил Эйтингон, сказавший однажды Иосифу:

«С вас только семейный портрет рисовать, вы как голубки на одной ветке. Повезло тебе, брат. Разведчику необходимо иметь прочный тыл. Мексиканки — верные жены. Она не подведет. Всегда прикроет, отстреливаясь до последнего патрона».

Иосиф рассмеялся:

«Надеюсь, до этого не дойдет. Патроны нам пригодятся в Койоакане. Но ты прав в главном. С Лаурой у нас серьезные отношения».

Иосиф и Лаура заключили гражданский брак весной 1940 года. В семье Араухо никто, даже мать, об этом не знали. Лаура умела принимать самостоятельные решения.

Эйтингон завидовал. У него была семья в Москве. И у него же был в самом разгаре затяжной роман с Каридад Меркадер[24], женщиной в критическом возрасте, с трудным характером, страстной, крайне нерасчетливой в любви и поступках. Их отношения начались в Мадриде, в годы гражданской войны. Импульсивность и пылкость Каридад нередко заставляли ее пренебрегать элементарной осторожностью, и это тревожило Эйтингона. Но порвать с Каридад «Том» не мог, потому что это вызвало бы непредсказуемую реакцию женщины, сын которой оставался «запасным вариантом» операции «Утка».

Вместе Иосиф и Лаура прожили почти пятьдесят лет, и каких! Им пришлось пережить продолжительное преследование ФБР, двухгодичную разлуку, облавы «Сексьон Эспесиаль» в Буэнос-

Айресе, смерть от врожденного порока сердца шестимесячного сына в Рио-де-Жанейро, разведывательную эпопею в Италии в самый разгар «холодной войны», «жизнь с нуля» в 50—60-е годы в Москве, злобную травлю первых лет «перестройки». Они преодолели эти тяжкие испытания рядом…

Глава VIII.
ХОД «КОНЕМ»

В подробной хронологии жизни Сикейроса, составленной Анхеликой Ареналь, женой художника, и названной «Человеческая и профессиональная биография», наиболее лаконично освещен 1940 год: «Художник принимает участие в политической борьбе против Троцкого. Его преследуют, арестовывают и заключают в тюрьму Федерального округа. Оправданный в законном порядке, оказавшись на свободе, он вынужден выехать за границу». В этих четких безапелляционных фразах чувствуется правка Сикейроса, его твердая рука, раз и навсегда определенная интерпретация тех событий. Покушение на жизнь основателя Четвертого интернационала подается художником как «участие в политической борьбе». Потом, много лет спустя, работая над своими воспоминаниями, художник ни на йоту не отступит от этой формулировки.

* * *

«Caballo» — «Конь» — называли Сикейроса друзья, и в этом прозвище было искреннее восхищение человеком, который жил по своим собственным законам. Удлиненное лицо, беспорядочная копна волос, горящий взгляд гения и политического фанатика, нервные ноздри своеобразной лепки, — он действительно был чем-то похож на гордого арабского скакуна. Для латиноамериканцев понятие *caballo* имеет особое значение. В популярной азартной игре главной козырной карте всегда соответствовал символ коня. Во многих странах Латинской Америки о решительном, мужественном, презирающем опасность человеке говорят:

«Es un caballo».

«Фелипе» использовал прозвище «Конь» в качестве оперативного псевдонима Сикейроса.

Когда приготовления к штурму «крепости» были завершены, Эйтингон, взвесив все «за» и «против», дал добро на ее проведение. Подгоняли сроки, поставленные Москвой.

«Ну что ж, — сказал он Иосифу, — надеюсь, все пройдет без сучка без задоринки. Иначе нам не сносить головы. Итак, делаем ход “Конем”»…

* * *

Боевики были разбиты на три группы и начали концентрироваться в различных точках Койоакана за несколько часов до атаки. Одну из групп возглавлял Леопольдо Ареналь, вторую — «Марио», третью, с которой был «Фелипе», — Сикейрос. К полуночи отряд художника сосредоточился на конспиративной квартире, которая находилась на улице Республика Куба. Среди боевиков особенно выделялся Антонио Пухоль: индейские черты лица, толстые губы, приплюснутый нос. С начала 30-х годов он входил в «художественные бригады» Сикейроса, разделяя его идеи о «коллективном творческом труде». Свой талант он фактически растворил в росписях, которые подписывались именем «учителя». Преданность Пухоля не могла не нравиться Давиду Альфаро, и он называл его «любимым учеником». Антонио не сомневался в необходимости «ликвидации» Троцкого и беспрекословно выполнял поручения Сикейроса по рекрутированию боевиков, приобретению оружия и воинских и полицейских униформ.

Пухоль доставил на квартиру чемодан и тюки со всем необходимым для «карнавала», как под общий хохот выразился самый молодой член группы Нестор Санчес. Несмотря на свой возраст, он участвовал в войне в Испании и дослужился до капитанского звания. В его храбрости Сикейрос не сомневался и считал ценным приобретением для «группы атаки». Художник на некоторое время отлучился и когда вновь появился перед товарищами, его было не узнать — в армейском плаще, ладно пригнанном мундире майора, хрустящей портупее и лаковых сапогах. Черные усы и затемненные очки придавали ему зловещий вид мексиканского «пистоле-ро». С делано-гордым видом Сикейрос прошелся взад-вперед, вызвав всеобщий смех. Все единодушно решили, что мундир генерала подошел бы ему куда больше.

К месту операции направились в автомобиле Сикейроса, в котором было тесно, как в банке с сардинами. По пути художник вручил боевикам конверты с деньгами: по двести пятьдесят песо каждому. «Это не плата за участие в деле, — пояснил он. — Эти деньги пригодятся вам потом, чтобы лучше спрятаться от полиции».

24 мая 1940 года в 4 часа утра боевая группа из 20 человек в полицейских мундирах, вооруженная револьверами и двумя автоматами Томпсона, атаковала «крепость» в Койоакане.

Первая стадия операции проходила в полнейшей тишине. Сначала разоружили наружную охрану из местных полицейских.

Поскрипывая сапогами, к ним подошел «майор» с пышными усами и негромко, но отчетливо сказал:

«Да здравствует Альмасан! Генерал Нуньес уже свергнут! Все полицейские будки страны захвачены нами! Сдавайтесь!»

Это было «домашней заготовкой» Сикейроса и Григулевича. Альмасан был соперником Авилы Камачо на президентских выборах и считался кандидатом правых. Диего Ривера публично поддерживал Альмасана, финансировал его избирательную кампанию. За эти слова будущее следствие вполне могло уцепиться, взяв ложный след — Риверы[25].

«Фелипе» подошел к железной двери гаража и нажал на звонок. Это был ответственный момент. Как поступит внутренний дежурный — Роберт Шелдон Харт, агент «Амур»? Не струсит ли в последний момент? Шелдон был «своим человеком» во вражеском стане. Его завербовала резидентура НКВД в Нью-Йорке — «на флаг» Коминтерна — специально для внедрения в группу охранников Троцкого[26]. В Мехико связь с «Амуром» поддерживал «Фелипе». У них сложились почти товарищеские отношения, хотя Григулевич все больше сомневался в том, что американец согласится участвовать в «боевой акции» и тем более совершить индивидуальный акт «возмездия»: «Мягкотелый и нерешительный». Поэтому он внушал Шелдону, что Коминтерн озабочен готовящейся против Сталина провокацией: изданием Троцким клеветнической книжонки на средства, получаемые от Гитлера. Не раз с Робертом обсуждался вопрос об «изъятии» или уничтожении архива Троцкого. Предложение «Фелипе» осуществить закладку в доме зажигательных устройств «Амур» с видимым неудовольствием отверг. Однако не возражал, чтобы это сделали другие, «более подготовленные люди».

О дате операции «Фелипе» сообщил Шелдону за неделю до ее проведения. По мере приближения срока американец все больше нервничал, и это не укрылось от глаз ближайших сотрудников Троцкого. Секретарь-машинистка Троцкого Фанни Янович вспоминала о нервном поведении Роберта накануне нападения на «крепость». Так, он «самовольно» вошел в кабинет Троцкого под предлогом проверки сигнализации и нарвался на строгую отповедь. Вспомнила Фанни и о том, что Шелдон проявлял навязчивый интерес к тому, как продвигается работа над книгой о Сталине. Однажды, после долгого сеанса диктовки, Роберт по заведенному порядку повез Янович домой и всю дорогу настойчиво расспрашивал о содержании рукописи и месте ее хранения. Вопрос следовал за вопросом, и Фанни заметила, что ее уклончивые ответы вызывали у Шелдона все большее раздражение…

* * *

Роберт услышал голос «Фелипе» и отпер железную калитку. Во двор «крепости» ринулись боевики.

Одна группа стрелков устремилась к жилому зданию охраны и вспомогательного персонала, вторая — к спальне Троцкого. С автоматом в руках бежал Антонио Пухоль: застывшая улыбка, блеск возбужденных глаз. Первым выстрелил Сикейрос, подавая пример. Шквал свинца обрушился на окна дома Троцкого, мгновенно превратив стекла в бисер, выбивая щепу из рам, осыпая кирпичной пылью мясистые листья агав. Казалось, что там, внутри дома, пули все сметают на своем пути, не оставив его обитателям и шанса на выживание. Не менее интенсивный огонь велся по зданию, в котором обретались американские охранники и обслуга. Оттуда — ни одного выстрела в ответ! Почему молчат гринго? Что замышляют?

Молниеносная атака застала телохранителей врасплох. По плотности огня можно было понять: численное преимущество на стороне атакующих. Охранники прятались внутри дома, прикрываясь выступами стен и мебелью. Добраться до стойки с оружием было невозможно. Пули крошили штукатурку над головами американцев. Кто-то из боевиков (по данным следователей — Леопольдо Ареналь[27]) кричал угрожающе по-английски: «Не двигаться, сучьи дети, если хотите остаться в живых!» Страх парализовал охранников: никто не хотел умирать. Много лет спустя один из них признался: «Мы считали, что рисковать бесполезно, что Троцкий — убит!» И потому все теснее вжимались в цементный пол, дожидаясь конца свинцовой вакханалии.

* * *

«Фелипе» в сопровождении Луиса Ареналя, Шелдона и помощника, несшего сумку со слесарными инструментами, пробрались в комнату, где работали секретари Троцкого и где, по утверждению американца, находился сейф с рукописью книги о Сталине и другими важными документами. Лучи фонарей плясали по дверцам шкафов, заглядывали в ящики столов, проверяли полки, тесно уставленные канцелярскими папками. Лихорадочные поиски ни к чему не привели. Никаких следов сейфа. Может быть, все самое ценное Троцкий и его жена перепрятывали на ночь в другое место? Две-три минуты бесполезных метаний по комнате, дребезжание стекла в книжных

шкафах от грохота близких выстрелов, а потом условный свист: Сикейрос подавал сигнал о готовящемся отходе. Луис склонился над зажигательной бомбой, приводя ее в действие. И все заспешили к выходу.

Под неумолчную чечетку выстрелов боевики один за другим стали покидать «крепость», посчитав задачу выполненной. Под двери спальни «для страховки» бросили бомбу, которая из-за технического дефекта так и не взорвалась. На улицу были выведены из гаража две автомашины Троцкого — «форд» и «додж». Ключи зажигания к ним искать не пришлось: они всегда были на месте — на случай срочной эвакуации «охраняемого». На этих автомашинах и покинула «крепость» большая часть боевиков. Тем, кто спасался бегством на «форде», не повезло: автомашина застряла в вязком иле реки Чурубуско неподалеку от «крепости», на углу улиц Вена и Сан-Педро. Рядом с «фордом» полиция обнаружила часть снаряжения нападавших: веревочную лестницу, ломик, электропилу. Там же, в грязи, виднелись винтовки «маузер», отобранные боевиками у стражников. «Додж» нашли несколькими часами позже на улице Мерида. На заднем сиденье была в беспорядке разбросана полицейская экипировка — униформа, ремни и патронташи…

* * *

На «додже» уехали «Фелипе», братья Ареналь, Нестор Санчес, боевик по кличке «Провинциал» и некий кубинец, который пересел в «додж» после того, как заглох «форд». За рулем «доджа» находился Роберт Шелдон, о нервозном состоянии которого можно было судить по неуверенности, с которой он вел автомашину. Несколько раз казалось, что она тоже заглохнет или врежется в электрический столб, и «Фелипе» довольно жестко велел ему взять себя в руки: «Черт тебя побери, Боб! Все закончилось! Опасности нет!» «Додж» выехал на койоаканское шоссе, затем помчался на высокой скорости по пустынной авениде Инсурхентес. На одной из площадей по маршруту автомашину покинули Санчес, «Провинциал» и «Кубинец». Неподалеку от площади Сокало с братьями Ареналь и Шелдоном распрощался «Фелипе», и «додж» рванул дальше…

* * *

Боевики растворились бесплотными призраками в спящих

городских кварталах, на пустынных дорогах и среди холмов. Вместе с ними бесследно пропал Роберт Шелдон Харт. У следователей не было ясного представления о том, ушел ли он по собственной воле или был насильно уведен боевиками. Полиция склонялась к версии, что Харт был пособником агентов НКВД. Троцкий категорически не соглашался с тем, что Роберт был предателем. Эта позиция русского изгнанника показалась подозрительной начальнику секретной службы национальной полиции полковнику Леандро Санчесу Саласару, возглавившему расследование. А еще ему очень не нравилось невозмутимое поведение Троцкого. Словно подобные покушения случались в его жизни каждый день. Потолки и стены спальни испещрены десятками пулевых отметин, а он улыбается как ни в чем не бывало. Да к тому же утверждает, что боевикам удалось пробраться в дом, что они свободно ходили по всем помещениям. Почему же Троцкий остался в живых? Почему не взорвалась бомба? Почему с такой легкостью удалось загасить зажигательные снаряды? Все это заставило Санчеса Саласара отрабатывать не только версию о «сталинских агентах», но и — самопокушения Троцкого, организованного для того, чтобы мексиканские власти «приняли меры» против его потенциальных врагов из МКП и испанских республиканских организаций.

Труп Роберта Шелдона Харта обнаружили через месяц. Импровизированная могила находилась в земляном полу на кухне летнего домика, арендованного Луисом Ареналем в поселке Санта-Роса в окрестностях Мехико. Шокирующие фотографии мертвого американца, присыпанного слоем извести, опубликовали многие газеты Мексики и Соединенных Штатов. Видимо, боевикам пришлось избавиться от Харта как нежелательного свидетеля. Он был слишком ненадежен.

Нужно сказать, что Троцкий так никогда и не изменил своего мнения об этом американском парне и потому велел прикрепить на стену гаража мемориальную доску с надписью: «В память Роберта Шелдона Харта, 1915—1940, убитого Сталиным». В какой-то мере, это был успокоительный жест в сторону друзей-троцкистов в США, с помощью которых набиралась внутренняя охрана «крепости»: «Я вас ни в чем не виню. Шелдона оговорили. Его смерть — трагическое стечение обстоятельств».

Лет через тридцать после событий в Мехико Эйтингон выскажет мнение, что Харт оказался предателем: «Да, он открыл дверь калитки. Однако в комнате, куда он привел участников налета, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники операции открыли стрельбу, Харт заявил, что если бы предвидел такое развитие событий, то, как американец, никогда

не согласился бы участвовать в этом деле. Такое поведение послужило основанием для принятия решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами».

По мнению полковника Санчеса Саласара, этими мексиканцами были братья Ареналь.

* * *

Утром 24 мая в Нью-Йорке был получен условный телефонный звонок из Мехико. По ключевым словам Пастельняк понял, что операция была проведена и что о результате станет известно несколько позже. Долго ждать не пришлось. Ближе к полудню в резидентуре знали: Троцкому удалось уцелеть!

Спецсообщение разведки об операции, составленное на основании донесения «Тома», Сталин получил гораздо позже — 8 июня 1940 года. Курьер из Мехико прибыл в Нью-Йорк на встречу с Пастельняком, работавшим «под крышей» генконсульства, только 5 июня, этим и объясняется задержка.

Свое объяснение «Том» написал 30 мая:

«А) О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан, когда я или “Фелипе” выберемся из страны.

Б) Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

В) Если не будет особых осложнений, через 2—3 недели приступим к исправлению ошибки, т. к. не все резервы исчерпаны.

Г) Для окончания дела мне нужны еще 15—20 тыс. долларов, которые нужно срочно прислать.

Д) Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания».

* * *

В своей книге о Троцком историк Волкогонов написал, что сообщение о неудаче операции вызвало ярость Сталина. И только надежда на «исправление ошибки» и «наличие резервов» смягчили гнев Хозяина, обрушившийся на Берию. По другим свидетельствам, Сталин не стал устраивать разноса ни наркому, ни его людям. Он был хорошим актером, умел маскировать подлинные чувства и эмоции. Судоплатову и Эйтингону был дан еще один — последний! — шанс. Этим объясняется внешняя лояльность ответного послания, в котором «Тому», «Фелипе» и

«Марио» предлагалось покинуть Мексику, если им угрожает опасность. «Тому» было сообщено, что ему из Нью-Йорка будут направлены частями деньги (10 тысяч долларов взамен запрошенных 15—20). В конце шифротелеграммы имелась многозначительная приписка: «Привет от тов. Берия».

Провалившаяся атака на «крепость» была, отчасти, «результативной» для ее организаторов: из-за проблем со следствием, беспощадных нападок коммунистической прессы и слухов о «самопокушении» Троцкому пришлось потратить немало времени на разоблачение «враждебной кампании, инициированной НКВД». Рукопись о Сталине была отложена в сторону.

* * *

Дела у «Раймонда» по завоеванию доверия «Старика» шли не так быстро, как хотелось бы «Тому». «Мать», обладавшая яркой внешностью и пренебрегавшая конспирацией, была «опознана в Мексике» и на время отправлена в Нью-Йорк, под присмотр Павла Пастельняка.

Париж как вспомогательно-посреднический пункт пришлось закрыть в связи с началом гитлеровской оккупации. Лев Василевский был отозван в Москву, а потом направлен в Анкару в качестве резидента. Его там ожидало не менее сложное дело: подготовка ликвидации фон Папена…

«Том» сообщал в Москву:

«Разработка, к большому сожалению, идет медленнее, чем мы желали. У меня имеется ряд затруднений…»

Тем не менее уже через четыре дня после атаки Сикейроса «Том» приступил к реализации активной фазы «запасного варианта». Будущий убийца Троцкого впервые переступил порог «крепости» 28 мая 1940 года. Это было сложное время для Троцкого: Санчес Саласар разрабатывал версию «самопокушения» и потому приказал арестовать американских охранников Чарли Корнелла и Отго Шусслера, которые, по сведениям, полученным от кухарки, накануне покушения вели какие-то подозрительные беседы с Троцким, а во время нападения не оказали никакого сопротивления. Не сделали ни одного ответного выстрела! Полковник Саласар с удовольствием арестовал бы и других: шефа внутренней охраны Гарольда Робинса, секретаря-охранника Вальтера Керли, телохранителя Джейка Купера. Через перекрестные допросы можно было бы многое узнать о тайных маневрах хитрого большевистского вождя.

«Посадка» Корнелла и Шусслера в тюрьму предварительного заключения «Поситас», которая пользовалась дурной славой даже у уголовников, деморализовала внутреннюю охрану Троцкого. Они исполняли свои обязанности спустя рукава, не сомневаясь, что Саласар в своем полицейском рвении доберется и до них. В это смутное для всех обитателей «крепости» время активизировался скромный «бельгийский жених» Сильвии — Жак Морнар, он же — Джексон, который все чаще исполнял просьбы «по извозу». «Автопарк» Троцкого не всегда был в рабочем состоянии, машины подолгу ремонтировали, и услужливость Жака была кстати. Как-то, уезжая по делам в Нью-Йорк, он оставил «бьюик» в «крепости», чем еще больше расположил к себе семейство изгнанника. Кульминацией «ввода» «Раймонда» в окружение Троцкого стали привезенные из Нью-Йорка игрушки для Севы — внука Троцкого. За полетом самолетика с пропеллером на «резиновой тяге» наблюдали все обитатели «крепости».

* * *

Мексиканская полиция продолжала погоню. Полковник Санчес Саласар был дельным специалистом. Это признавал и тогдашний шеф ФБР, действовавший в Мехико: «Лучшего назначения для ведения расследования желать не приходится». Через несколько лет после убийства Троцкого Санчес Саласар совместно с троцкистом Хулианом Горкиным напишет книгу, в которой живописно, с изобилием подробностей расскажет об обстоятельствах покушения, а затем — убийства Троцкого, проанализирует удачи и неудачи следствия. Не обойдется без самокритики: слишком много внимания было уделено версии о самопокушении. Недоверие так разъярило Троцкого, что он пожаловался президенту Карденасу, и тот поспешил образумить ретивого служаку.

В Мексике было настолько тесно от потенциальных подозреваемых, что не мудрено, что полицейские агенты нередко отвлекались на ложные цели. К примеру, в мае-июне 1940 года в Мексике начал действовать большой «десант» Коминтерна во главе с Рафаэлем Каррильо, которому было поручено создать пункт связи со штаб-квартирой Коминтерна в Москве. К этой работе были привлечены такие видные фигуры, как Викторио Кодовилья и Педро Чека. В задачи мексиканского пункта входило установление постоянных каналов связи с руководством компартий стран Южной Америки и США. Сотрудники во главе с

Кодовильей отбирали из проверенных членов МКП радистов, шифровальщиков, курьеров, моряков для нелегальной транспортировки людей и грузов. Через Мексику была налажена связь с ЦК компартий Испании и Португалии.

По мере ведения следствия становилось все очевиднее, что покушение организовали агенты НКВД. Полковник Санчес Саласар был уверен, что ниточка, ведущая к раскрытию преступления, в котором была задействована большая группа людей, рано или поздно должна появиться. Так и случилось. Вездесущий полковник (если верить его воспоминаниям) подслушал в баре, как выпивший судебный чиновник рассказывал о том, что через него пытались раздобыть жандармскую униформу. Все остальное было делом техники. Вскоре полиция вышла на Нестора Санчеса Эрнандеса, 23 лет, который проживал на авениде Гватемала, дом 54. Вернувшись на родину из Испании, он поступил учиться на правовой факультет Автономного университета. Во время обыска у студента нашли чемоданчик с мундиром и фуражкой полицейского, а также пистолет системы «Стар», который принадлежал охранникам Троцкого. Силового воздействия применять не пришлось, Нестор с удовольствием «поделился» с полковником информацией. Студент-боевик знал полицейского по периоду срочной службы в мексиканской армии. Старые знакомые, почти друзья! Стоит ли запираться?

Нестор рассказал, что принял участие в налете «по дружбе», потому что его об этом «попросил» художник Сикейрос. Разговор состоялся за два месяца до атаки. «В силу моих революционных убеждений и природной тяги к авантюрам я дал согласие, — пояснил Нестор. — Художник уверил меня, что имеется план действий, для успеха которого в нужный момент будут задействованы достаточные силы». По словам студента, дело было поставлено с размахом. Деньги лились рекой: изготовлялись бомбы, закупалось в разных местах оружие, «арендовались» униформы полицейских. Нестор сообщил, что наиболее ответственные вопросы подготовки атаки Сикейрос обсуждал «на стороне», и «советчиками» его были иностранцы.

Так полиция вышла на группу Сикейроса. Были установлены имена большинства боевиков, задействованных в операции.

* * *

«Том» предупреждал «Фелипе»:

«Нас, участников операции, будут искать долго, может быть всегда. Мексиканцы забудут о нас через три-четыре месяца,

американцы — никогда. Для Гувера — дело чести разоблачить красных агентов и тех, кто помогал нам в Штатах. У ФБР достаточно мозгов, чтобы понять — это дело рук НКВД. Они опасаются новых акций подобного характера. Им нужно понять механику…»

В октябре 1940 года в руки Григулевича попал номер газеты с посмертно опубликованной статьей Троцкого «Я обвиняю», в которой были проанализированы обстоятельства первого покушения на его жизнь. Троцкий не сомневался, что атаку организовали кадровые сотрудники НКВД, а исполнителями выступали террористы с опытом участия в гражданской войне в Испании. По его мнению, компартия Мексики решила «пожертвовать» Сикейросом, когда полицейским агентам удалось захватить некоторых участников нападения. Как полагал Троцкий, этот выход из компрометирующей ситуации был предложен Давидом Серрано, членом политбюро МКП, поскольку «Salus GPU Suprema Lex» — является девизом сталинистов: «Благополучие ГПУ — высший закон». По словам Троцкого, отторжение Сикейроса, попытки представить его «бесконтрольным элементом и полубезумцем» имели целью не только обелить в глазах мирового общественного мнения «хозяина Кремля и его опричников из ГПУ», но и отвести угрозу расследования от МКП и ее руководителей.

Поэтому, когда в конце июня 1940 года общий замысел нападения и некоторые имена его участников стали известны, газеты «сталинской ориентации» опубликовали заявление компартии Мексики о том, что Сикейрос, Пухоль и братья Ареналь не являются ее членами. В прессе с возмущенным заявлением выступил бывший посол Мексики во Франции Нарсисо Бассольс, назвав ложью обвинения Троцкого в том, что он способствовал «переброске» агентов НКВД под видом испанских беженцев. Бассольс пригрозил привлечь Троцкого к суду.

Газетой «Универсаль» был опубликован еще один протест — Карлоса Контрераса: «Я не участвовал в покушении и не являюсь агентом ГПУ». Ему буржуазная пресса не поверила: появились статьи о том, что он «вполне мог быть главарем нападения 24 мая». Однако имя Сикейроса как «главного организатора и вдохновителя» звучало все чаще. Как бы в ответ на эти публикации появились новые заявления руководителей партии. В них художник был назван не только «сумасшедшим», но и «агентом-провокатором»: мол, Сикейрос несет личную ответственность за организацию этого террористического акта. В партийных газетах было помещено заявление Давида Серрано о

том, что деньги на операцию художник получил от самого Троцкого! «Суть этой новой нелепицы очевидна: Сикейроса стали постепенно превращать… в троцкиста: чем наглее ложь, тем быстрее в нее поверят» — так прокомментировал Троцкий этот неожиданный «ход» МКП.

«Фелипе» был уверен, что Сикейрос стойко встретил такой поворот событий. Партия только внешне отреклась от него. Таковы правила игры: все знают, что МКП отрицает терроризм как метод политической борьбы…

* * *

Студент Нестор подробно описал агентам полиции внешность «Фелипе». С его слов был составлен фоторобот, стал известен псевдоним, даже место возможного рождения и расовые корни: «французский еврей». Был установлен и адрес проживания «Фелипе». Во время одной из своих встреч с Нестором «Фелипе» дал ему номер телефона для связи на случай крайней необходимости. Тут же выяснили, что «французский еврей» проживал на улице Акасиас. Полковник Санчес Саласар в срочном порядке направил агентов для организации скрытного наблюдения за домом, в котором, судя по всему, находилась «база» «Фелипе».

Сам полковник решил побеседовать с сеньором Даниэлем, который проживал в доме напротив.

Санчес Саласар был занят беседой, когда к «подозрительному особняку» подъехал черный лимузин, из которого вылез мужчина среднего роста. Он спокойно направился к металлической калитке, распахнул ее и исчез внутри дома. Полковник распорядился записать номер автомашины и понаблюдать за «гостем», а сам расспрашивал Даниэля, инвалида-пенсионера. Тот обрадовался возможности поговорить и сообщил о своих соседях все, что знал. Они арендовали дом несколько месяцев назад и собирались заниматься коммерцией. По мнению Даниэля, это были иностранцы. Они походили на богатых туристов: вели ночную разгульную жизнь, а днем отсыпались. Иногда дом посещали мексиканцы. Окончательного мнения о соседях у инвалида не сложилось: «Скорее это хорошие люди, чем плохие. Без преступных замашек».

Завершив разговор, полковник поспешил на улицу и, к своему разочарованию, узнал, что иностранец уже уехал. Агенты не решились задержать его без приказа начальника. На звонки в доме никто не отзывался: пришлось взламывать дверь.

Тщательный обыск результатов не дал, если не считать нескольких грязных рубашек с французскими ярлыками.

На путях возможного ухода «Фелипе» из Мексики было усилено агентурно-полицейское наблюдение. Особенно плотно велось наблюдение за границей с Соединенными Штатами. Но все напрасно: «французский еврей» как в воду канул. Так оно и было: после неудачной атаки в Койоакане Григулевич «лег на дно». Он заранее подготовил себе убежище, в котором самые хитроумные сыщики Мексики не додумались бы его искать. Через доктора Барского, бывшего начальника медицинской службы интернациональных бригад, «Фелипе» устроился в клинику для «душевнобольных» в пригороде Мехико, изображая из себя «чудаковатого коммерсанта со средствами», решившего таким экстравагантным способом отдохнуть от житейских проблем.

Добровольное затворничество в одноместной палате на втором этаже с террасой, с которой можно было обозревать неторопливо-размеренную жизнь на недалекой железнодорожной станции, благоприятно повлияло на Григулевича. Большую часть дня он проводил на террасе, укрываясь за зеленым пологом дикого винограда, с книгой или газетой в руках. Библиотека в клинике была небольшой, и Иосиф остановил свой выбор на дневниках героя мексиканской революции Панчо Вильи и романе «Овод», который впервые прочитал в гимназические годы. Ему хотелось проверить, окажет ли на него это произведение такое же сильное впечатление, как в прошлом — в провинциальной убогости Паневежиса.

Григулевич размышлял о причинах провала тщательно подготовленной и всесторонне продуманной операции. Слишком много любительства, красивых эффектов, униформ и свинцовых фейерверков. Надо было забросать дом гранатами, а не палить куда попало. Фотографии в газетах — доказательство тому. Шутка ли, столько дыр в стенах, и все под потолком. Боевики были плохо подготовлены, к тому же перебрали для храбрости текилы. Не проявили настойчивости, слишком быстро решили, что дело закончено. По мнению «Тома», Харт дал неверную информацию о местонахождении Троцкого в доме. И еще — фактор страха у исполнителей. Секунды казались минутами, минуты — часами. Поторопились уйти.

* * *

Много было похожих покушений в истории Мексики. Семнадцать лет назад враги организовали вооруженное

нападение на Панчо Вилью. Случилось это в городке Парраль. Заговорщики долго ждали своего шанса. И вот, в семь часов утра на городскую площадь въехала открытая автомашина, в которой рядом с шофером восседал грузный Панчо Вилья. Он был спокоен. Исполнилось три года с того дня, когда «мексиканский Робин Гуд» сложил оружие, заключив пакт «о ненападении» с правительством Каррансы и избрав для жизни тихий город Дуранго. Его соратники тоже остепенились. Завели семьи. Возделывали землю. Вечерами задумчиво пили текилу. Никаких партизанских рейдов, никаких экспроприации и тем более нападений на территорию США. Ведь было и такое в боевой биографии Панчо Вильи, когда его отряды перешли границу и стали захватывать американские поселки и городки.

Оказалось, американцы не забыли и не простили. Когда на площади появился автомобиль Панчо Вильи, словно из-под земли возникли люди в масках, с автоматами в руках и открыли перекрестный огонь. Панчо Вилья был изрешечен пулями. Кровь пропитала сиденье, свертывалась в пыли тяжелой ртутью. Но даже на этом не закончилась месть янки. Партизанский вождь и после смерти не нашел покоя. Над его могилой надругались. Для того чтобы не было сомнений в том, кто это сделал, на развороченной земле оставили заранее заготовленный лист бумаги с надписью на английском языке:

«Мы унесли с собой голову бандита…»

Существует мнение, что могилу профанировали члены влиятельной ультрареакционной секты «Череп и кости» из Соединенных Штатов, которая с 1833 года действует в Йельском университете (штат Коннектикут). Члены секты и в наши дни являются реальной «теневой» властью в США. Молодое ее «пополнение» почитает за особую доблесть надругательство над телами «врагов», которые при жизни осмеливались сопротивляться имперскому экспансионизму в Латинской Америке[28].

Через много лет, став москвичом, отставным разведчиком и признанным литератором, Григулевич напишет биографию Панчо Вильи. Самый драматичный эпизод книги: убийство народного мексиканского воителя. Нельзя не задержаться на этих страницах: с таким проникновением в ситуацию, в поведение главного и второстепенных персонажей воссоздана сцена гибели Панчо Вильи. Она вызывает у читателя противоречивые эмоции: бессилие, разочарование, сочувствие к жертве и даже желание всмотреться в лица убийц, понять мотивы, которые побудили их к кровопролитию. Книга отложена в сторону, у читателя остается тревожное ощущение, что партизанский вождь не мог избежать

смерти, и в предопределенности ее — суть того трагического времени, в котором жили герои, предатели, жертвы и убийцы.

* * *

Иосиф с нетерпением ждал появления Лауры. Раз в неделю на станции появлялся ее знакомый, по-подростковому хрупкий силуэт. В городок она приезжала на автобусе, делала круг по местным магазинчикам и только потом, убедившись, что все спокойно, шла на вокзал, неторопливо прогуливалась по перрону, присаживалась на край кирпичной ограды клиники «для душевнобольных», всем своим видом показывая, что дожидается поезда. Иногда останавливалась у киоска, выбирая журнал или газету, чтобы почитать на обратном пути. Потом поднималась в зеленый вагон «Ферро-каррилес мехиканос» и с верхней площадки прощально махала ему рукой.

Визиты Лауры имели двойное назначение: она убеждалась, что с Иосифом все в порядке, и оставляла ему послание от «Тома». Тайником (на оперативном языке — «дубком») служила выемка в кирпичной ограде, куда Лаура бросала спичечный коробок. Обычно «Том» писал скупо, сообщал о том, что обстановка в Мехико остается сложной, и советовал продолжать курс «лечения». Но это послание начиналось со слов: «Самое время покинуть страну. Уходи в Тир[29] по запасному аргентинскому паспорту. На сегодня — это наилучший вариант». Иосиф понял, что операция движется к развязке. «Том» — профессионал, упрямец, он сумеет довести дело до конца.

«Раймонд» остался последним шансом ИНО НКВД на успешное выполнение операции «Утка». Григулевич знал Рамона Меркадера еще по Испании, встречался с ним и в Мексике. Григулевич представил себя на месте Меркадера там, внутри «крепости», с кинжалом или револьвером в крепко стиснутых пальцах, увидел перед собой вздернутую седую бородку Троцкого, нечеловеческий ужас в его глазах, рот, распахнутый в тихом крике, расползающееся пятно крови, и поежился. Иосиф ни на минуту не забывал, что его готовили для решения задачи, которая предстоит Меркадеру. В Мехико Григулевич делал все возможное, чтобы заинтересовать собой троцкистов: вел демонстративную переписку с Москвой, получал оттуда политическую литературу, вступил в МКП, затем был «изгнан» из нее за явный «троцкистский» уклон. Все это рано или поздно привлекло бы к нему внимание людей, близких к Троцкому. Ему не пришлось бы искать подходов к ним. Они должны были

прийти к нему сами. Но это потребовало бы слишком много времени. Его же, как твердил Эйтингон, у Кремля не было. Стечение обстоятельств — в который раз! — уберегло Григулевича от выполнения самоубийственной во всех отношениях миссии.

В конце июля 1940 года после утомительной поездки на автобусах по провинциальной «одноэтажной» Америке Григ

* * *

улевич вновь оказался в Нью-Йорке. Покидая Мексику, Иосиф так и не простился с Лаурой. Инструкции «Тома» были жесткими: никаких личных контактов со связями в Мехико! Иосиф смирил себя, понимая невозможность прощального свидания. Каких душевных мук это стоило!

Скучать в Нью-Йорке Григулевичу не пришлось: в резидентуре были рады появлению дополнительного «штыка». Поручения следовали за поручениями. Так, под самым носом агентов ФБР Иосиф организовал отправку жены Лео-польдо Ареналя и его детей в Советский Союз. Прощальный гудок парохода, покидающего порт Сан-Франциско, отозвался в сердце Грига симфонией счастья. Теперь компаньеро «Поло» будет легче: Елена — вне опасности. Она посвящена во многие детали операции, знакома с главными ее участниками, включая «Тома», и, без всякого сомнения, полицейские ищейки разыскивают ее с такой же неутомимостью, как и жену Луиса Ареналя — Розу Бигель. К сожалению, Роза отказалась уехать в Россию. Теперь от нее не отстанут. Организуют слежку, установят прослушивание телефона, будут читать письма. Бедный Луис! Кажется, с женой у него полный разлад.

* * *

Лев Троцкий подвергся атаке «террориста-одиночки» Жака Морнара 20 августа 1940 года. Смертельный удар был нанесен небольшим ледорубом. В последний момент рука «Раймонда» дрогнула, и железное острие по касательной пробило голову Троцкого. Его агония длилась несколько часов. Убийцу тотчас же схватили охранники, и если бы не крики Троцкого («не трогайте его, он нужен для разоблачения Сталина»), жизненный путь Рамона Меркадера оборвался бы там, в «крепости» на улице Вены.

Сикейрос, который скрывался у друзей-горняков в горах

Халиско в селении с труднопроизносимым названием Остотипакильо, был арестован в октябре того же года. Он категорически отверг причастность ко второму покушению и упрямо придерживался заранее намеченной линии поведения: «Мы хотели добиться высылки этого профессионального заговорщика из страны. Наша атака была не более чем акцией устрашения». По словам Сикейроса, они пытались захватить «рабочие документы Троцкого, бесценные политические документы, с помощью которых можно было бы доказать правительству и мексиканскому народу подоплеку деятельности этого пособника нацистов в Мексике, раскрыть суть сговора между ним и главарями международной реакции». Следователи тем не менее активно отрабатывали версию «интеллектуальной причастности» художника к убийству. Отрицал Сикейрос и какую-либо связь с органами НКВД. Однако просидеть за решеткой несколько месяцев все же пришлось.

Решение об освобождении Сикейроса принял недавно избранный президент Мексики М. Авила Камачо. Он сказал художнику: «Уезжайте из страны как можно скорее. По имеющимся у меня сведениям, ваши враги — троцкисты — собираются убить вас. Я же этого не хочу, особенно в период моего правления. Формальности улажены, министр внутренних дел Алеман обеспечит все необходимое. Завтра утром вы вместе с женой и дочерью вылетите самолетом через Панаму на Кубу, а затем в Чили, где сможете спокойно жить и работать».

Сохранилась фотография, на которой Сикейрос был запечатлен в день выхода из тюрьмы Лекумберри. Случилось это 28 марта 1941 года. Выглядел художник не таким самоуверенным и напористым, как до роковых событий весны — лета 1940 года. Сикейрос окружен стеной полицейских агентов, и на лице его явные следы озабоченности: президент не шутил, когда говорил о планах мести со стороны троцкистов.

Мексиканскому художнику угрожали не только они. Власти США вели свое расследование обстоятельств смерти Роберта Шелдона Харта. В их объективность Сикейрос не верил и потому не стал тянуть с отъездом. Вспоминая позднее о своем бегстве из Мексики, он признавался, что во время путешествия в Чили испытывал настоящий страх: «Эти презренные гринго задержат меня в Панаме под предлогом расследования убийства Троцкого и отправят затем в Соединенные Штаты или вышлют в какую-нибудь небольшую центрально-американскую страну, например Коста-Рику. Недаром министр внутренних дел несколько раз спрашивал меня, почему я предпочитаю лететь в Чили, а не в Коста-Рику».

* * *

Американцы действительно вынашивали недобрые планы в отношении Сикейроса. Агент ФБР в Мехико[30] сообщил в Вашингтон 22 апреля 1941 года (с большим опозданием, но с пометкой «срочно») об освобождении «коммунистического художника» под залог. Со ссылкой на конкретный источник в правительственных кругах давалась информация о предполагаемом маршруте Сикейроса (Чили или Советская Россия).

В ответном меморандуме от 29 апреля отмечалось, что «Сикейрос является весьма опасным радикалом и вскоре даст о себе знать, если ему позволят обосноваться в какой-либо стране». И маленькая приписка рукой Эдгара Гувера: «Нашему человеку в Гаване это известно». Директор ФБР испытывал большое желание «разобраться» с Сикейросом, выяснить подоплеку его работы на НКВД (переписка шла под рубрикой «шпионаж-Р(оссия)», определить степень вины мексиканца в исчезновении Харта. Впрочем, серьезных претензий к художнику у ФБР быть не могло. Из материалов мексиканской полиции было известно, что в последний раз Шелдона видели живым и здоровым в компании братьев Ареналь в их летнем домике в поселке Санта-Роса.

Они-то и обвинялись в убийстве, их розыск шел по всей территории Мексики и Соединенных Штатов. По информации, поступившей от полковника Санчеса Саласара, кто-то из братьев нажал на спусковой крючок револьвера, стреляя в спящего Харта. Переполох в ФБР вызвало агентурное сообщение о том, что Луиса и Леопольдо видели на выставке мексиканской живописи в Нью-Йоркском музее современного искусства. Не замышляют ли они терактов на территории США? По всем офисам ФБР разослали тревожную ориентировку. Было установлено негласное наблюдение за квартирой, в которой проживала жена Луиса — Роза Бигель, активизирована агентура в коммунистических кругах. Среди них — источник Х. Фэбээровцы пытались получить от него какую-нибудь зацепку, чтобы разыскать братьев Ареналь и выяснить маршрут бегства Сикейроса из Мексики. Вот типичный отчет о беседе с этим агентом:

«Х. отметил, что накануне первого покушения Сикейрос обладал значительными суммами денег, которые довольно щедро тратил в клубах. Х. предположил, что Сикейрос получил тогда плату за свои картины, которые выставлялись в Нью-Йорке. Месяца за три до покушения можно было догадаться по внешнему виду художника, что он весь в трудах — покрасневшие глаза, от рук пахло краской. По предположению Х., деньги на убийство

Троцкого поступили как из России, так и из Соединенных Штатов, но не от коммунистических организаций, а от ОГПУ. По мнению Х., Сикейрос, ярый сталинист и авантюрист, относится к такой породе индивидуумов, которые совершают поступки по собственной инициативе и без какого-либо подстрекательства со стороны. Тем не менее Х. верит, что и первое покушение на Троцкого было инициировано ОГПУ. Далее Х. рассказал, что если с Сикейросом ему довелось общаться достаточно часто, то с Луисом Ареналем всего один-два раза. Луис был отнесен Х. к породе революционеров, способных во имя дела пойти на любое преступление. При этом Х. добавил, что Ареналь добывал в Соединенных Штатах финансовые средства для издательской деятельности (МКП) в Мехико и растратил эти деньги на собственные нужды (это сообщил источнику сам Луис)»[31].

Таких отчетов о беседах с другими информаторами ФБР были сотни. Но они не содержали точных сведений: кто, где, по какому адресу, по какому маршруту. Отправляясь в далекий путь в Чили, Сикейрос был настороже, опасаясь ловушек ФБР. В Центральной Америке американцы могли перехватить его в любой стране. В «дружеском совете» президента Камачо было много недоговоренностей. Вполне возможно, что он подыгрывает гринго. Его, Сикейроса, арестуют сразу же после выезда из Мексики, чтобы не компрометировать правительство. Поэтому Давид Альфаро, его жена Анхелика и ее дочь от первого брака Адриана отправились в путь-дорогу до Сантьяго-де-Чили запутанными маршрутами латиноамериканской глубинки. Чилийские визы в их паспортах оформил Пабло Неруда, занимавший тогда пост генерального консула Чили в Мексике. Однако посол Идальго, сотрудничавший с ФБР, узнал о «проступке» Неруды и аннулировал визы. Поэт был отстранен от исполнения консульских обязанностей. «Сикейрос — это политический вопрос, и вы не имели права через мою голову решать его!» — кричал разъяренный посол.

* * *

Для «станции» ФБР в Мехико выявление основных участников операции в Койоакане оказалось крепким орешком. Американцам наиболее подходящим «подозреваемым» казался Карлос Контрерас, бывший политкомиссар Пятого полка в Испании. Фэбээровцам было известно, что его связывает с Сикейросом прочная дружба по совместной работе в компартии Мексики и Антиимпериалистической лиге. Именно Сикейрос в 20-х годах

придумал для итальянца Видали «конспиративное» имя — Карлос Контрерас. Присутствие Контрераса в Мехико в период подготовки и проведения операции по «Старику» в какой-то мере помогло Эйтингону и Григулевичу остаться в тени. ФБР затратило много усилий на разработку итальянца, пока не установило, что это — ложная цель.

К слову отметить, что в НКВД «эпохи» Ежова Карлосу Контрерасу тоже не доверяли. Причина понятна: он был слишком близок к некоторым из репрессированных сотрудников разведки. В сентябре 1937 года Москва «предупредила» резидента Орлова о том, что в Испании «находится» некто Сорменти-Видаль-Виктор-Джон, он же Карлос Контрерас, 1900 года рождения, из Триеста, выпускник Академии коммерческих наук, который проверялся НКВД по подозрению в шпионаже в пользу Италии и в троцкистских связях. В ориентировке были такие слова: «Есть данные, что он проник в руководство испанской республиканской армии, В случае обнаружения возьмите Контрераса в тщательную разработку».

Эта «ориентировка» о герое многих корреспонденции Михаила Кольцова и Ильи Эренбурга из Испании показывает, какой колоссальный ущерб нанесли разведке разнузданные, иначе не скажешь, политические чистки. Новички, пришедшие на смену «вычищенных», не знали порой элементарных вещей, имен, которые были у всех на слуху…

* * *

ФБР, развернув контроперацию под рубрикой «Шпионаж-Р(оссия)», само того не ведая, шло по пятам одного из активных участников «охоты» на Троцкого — Иосифа Григулевича.

В список лиц, разыскиваемых по делу, бюро расследований включило некоего Хосе Арари (Jose Harari), который, по данным американского консула в Мехико Джорджа Шоу, являлся политическим беженцем из Аргентины и, без всякого сомнения, «располагал важной информацией» по обстоятельствам убийства Троцкого. В телеграмме, направленной из посольства США в Мексике в Госдепартамент, сообщалось, что Арари, получивший в американском консульстве 28 июня 1940 года транзитную визу, может быть связан с ОГПУ (данные об этом были получены от надежного источника). В послании указывалось также, что «аргентинца» можно разыскать в Нью-Йорке по адресу — 351 West 19th Street на квартире Х. Купера (J. H. Cooper).

Из Госдепартамента сведения на Арари передали

телефонограммой в штаб-квартиру ФБР. Агенты были завалены работой и потому не слишком торопились с опросом подозрительного «аргентинца». Только 18 сентября два сотрудника бюро, матерясь и чертыхаясь, отыскали искомый адрес и поднялись по замусоренной лестнице обшарпанного дома. После настойчивых звонков из-за обитой дерматином двери выглянула молодая женщина с настороженными глазами. Агенты представились и без долгих предисловий сообщили, что разыскивают Арари.

«Откуда вы знаете, что он должен быть здесь?» — неприветливо спросила женщина, не пригласив агентов в квартиру.

«Он написал нам письмо», — не моргнув глазом соврал старший агент.

Собеседница усмехнулась, явно не поверив ему:

«Да, он был здесь. Проездом. Останавливался на несколько дней. Когда будет снова, не знаю».

Женщина долго отказывалась дать дополнительную информацию, но потом все-таки сменила гнев на милость и призналась, что питала «смутные подозрения» в отношении этого человека и «тайком просмотрела его документы», чтобы выяснить, не фальшивые ли они. Вроде бы ничего настораживающего в них не было. Потом поинтересовалась, не является ли Арари агентом секретной службы Великобритании, поскольку у него в Нью-Йорке невероятное количество друзей. Агенты почувствовали, что женщина явно издевается над ними, и ушли не простившись. Когда вернулись в офис, старший агент подготовил отчет, в котором не без раздражения отметил: «По ее поведению можно сделать вывод, что она — коммунистка».

19 сентября в офис ФБР пришел муж этой женщины и выразил желание предоставить всю имеющуюся в его распоряжении информацию об Арари. Визитер оказался сотрудником полиции, вернее, инструктором полицейской школы и, по мнению агентов, «без двойного дна». Он рассказал следующее:

«Моя жена Энн впервые встретила Арари в Мехико, где мы находились в очередном отпуске. В тот период Арари, по его словам, учился в какой-то школе. 24 июля 1940 года он появился в нашей нью-йоркской квартире и мы приютили его до 26 июля, после чего “аргентинец” простился с нами, заявив, что он намерен навестить своих друзей. Недели через две он позвонил и сообщил, что “путешествует” по домам приятелей, но что хотел бы на время снова остановиться у нас. Действительно, Арари появился, как ни в чем не бывало, и проживал у нас до

понедельника 16 сентября. В этот приезд он рассказал, что находится в стране по “студенческому обмену” и намерен обучаться экономике в Корнуэльском университете (Cornell University, Itaca, N.Y.)».

Сдержанность жены в беседе с агентами визитер объяснил боязнью навредить ему по службе «неосторожным словом». Полицейский рассказал также, что за время проживания у них Арари нередко получал письма из различных штатов США и Мексики. Он охотно обрисовал внешний облик жильца: рост — 165 сантиметров, вес — около 70 килограммов, телосложение — среднее, волосы — черные. Примерный возраст — 25 лет.

Между тем представитель ФБР в Мехико продолжил работу по сбору сведений об Арари. Ему удалось установить, что «объект» прибыл в Мехико в мае 1938 года как лицо, спасающееся от политических преследований в Аргентине. Был выявлен один из адресов «аргентинца» в Мехико — на улице Хусто Сьерра. Консьерж сообщил, что Арари писал статьи для сталинских газет и активно работал в компартии. Не обладая явными источниками поступления денег, он производил впечатление человека, который не испытывал в них нужды. Арари довольно часто получал корреспонденцию из России и имел в Мехико дядю (с которым познакомил консьержа). За время проживания на улице Хусто Сьерра Арари совершил две поездки: одну в Нью-Йорк на Конгресс молодежи (в 1938 году), другую — в Гавану. «Аргентинец», несмотря на свою лояльность партии, неожиданно был исключен из нее незадолго до покушения 24 мая «по подозрению в троцкизме», о чем не преминул рассказать консьержу.

За день до того как покинуть Мексику, Арари организовал прощальный обед в доме миссис Кайса в Колонии Легария. Эта дама, полячка по происхождению, сталинистка по убеждениям, подрабатывала уроками английского языка. Она приехала в Мехико из Испании. По словам одного из приглашенных на обед, это была «типичная пирушка гринго», в которой принимал участие и Жак Морнар. Представил его гостям Хосе Арари. По данным, полученным от другого информатора ФБР в Мехико, «аргентинец» присутствовал на другой пирушке, когда Морнар с «помпой» обмывал приобретение в США шикарного «бьюика».

Уезжая из Мехико, Арари одним знакомым говорил, что возвращается в Аргентину, другим — что собирается учиться в американском университете на стипендию, которую ему выделило посольство США в Мексике. В Нью-Йорк Арари выехал 13 июля 1940 года. По оценке ищеек ФБР, на основании этих данных локализовать Арари на территории США будет несложно.

Однако агенты ошиблись. Арари как в воду канул. Никакой новой информации о нем ФБР получить не удалось…

* * *

По распоряжению Центра Иосиф приступил к подготовке своей собственной «эвакуации» в Аргентину, где ему предстояло отсиживаться до тех пор, пока не затихнет «шум погони». Информация, которой располагали в резидентуре, была тревожной: агенты ФБР развернули поиски по всей стране, предъявляя фотографию «Арари» осведомителям в ресторанах и злачных местах, в портах и на вокзалах. Поэтому паспорт на это имя был сожжен, а взамен появился другой — чилийский, подлинность которого не вызвала бы сомнений у самого дотошного сотрудника пограничной стражи. Григулевич был доволен. Ему предстояло вернуться в Буэнос-Айрес. Куратор из резидентуры посоветовал избрать окружной путь: перебраться из Нью-Йорка в Сан-Франциско и там приобрести билет на пароход в Гавану. Оттуда можно спокойно отправляться в «южносельскую страну»[32] Аргентину, не опасаясь цепких глаз агентов ФБР.

* * *

Лауре тоже пришлось бросать дела в Мехико и срочно уезжать в Нью-Йорк. Случилось это летом 1941 года после тревожного предупреждения, полученного от директора школы: ее разыскивает полиция. Неутомимый Нестор Санчес вспоминал все новые подробности о таинственном «французском еврее». Однажды кто-то показал ему на худенькую девушку с косичками и сказал, что это «подружка» «Фелипе», учительница начальной школы. Этого было достаточно для организации розыска.

Нью-йоркская резидентура взяла Лауру под опеку. Ее надежды на скорую встречу с Иосифом не оправдались. На все просьбы отправить ее туда же, где находится муж, курирующий сотрудник Н. просил «набраться терпения» и «дать Иосифу время для устройства на новом месте». Но извещение о том, что в целях безопасности ее «перевели» из Мехико в Нью-Йорк, «Артур» получил. На вопрос о возможности приезда Лауры в Буэнос-Айрес ответ был дан уклончивый.

К сожалению, каких-либо воспоминаний Лауры о пребывании в Нью-Йорке не сохранилось. Известно только, что некоторое время она жила на конспиративной квартире на Авеню Рокамбо,

часто бродила по ботаническому саду в Бронксе, часами сидела в читальных залах Нью-Йоркского университета. В архиве семьи Араухо есть несколько писем, которые Лаура послала своей матери из США. Это были странные письма. В них нет ни одного имени, нет названий улиц, нет ничего, никакого ориентира, за который можно было бы уцепиться, чтобы, при желании, отыскать автора. На одном из писем дата — 26 сентября 1941 года:

«Моя любимая мамулька!

Сажусь за пишущую машинку, чтобы сообщить тебе о моих делах. Знаю, что ты беспокоишься. Но ты не волнуйся, я чувствую себя лучше, здоровье мое идет на поправку. Недавно я побывала в школе, в которой буду учиться. Это современное заведение со всеми необходимыми условиями.

Среди огромного количества учащихся есть студенты, которые говорят по-испански. Так что будет с кем поговорить и скрасить мое пребывание здесь.

До начала занятий я решила побывать в самых известных местах Нью-Йорка (их тут много): ходила на театральные спектакли, в кинотеатры (очень элегантные), музеи естественной истории и изобразительного искусства, гуляла в городских садах и парках. Как видишь, я использую мое свободное время наилучшим образом. Пока не могу послать тебе мой адрес, потому что не знаю, где окончательно поселюсь. Вскоре надеюсь это сделать.

Здесь у меня уже есть несколько друзей. Это очень приветливые и гостеприимные люди, которые делают мою жизнь приятной, за что я им благодарна от всей души. Только за пределами своей страны по-настоящему начинаешь ценить дружеское отношение.

Как там ребята?[33] Надеюсь, что они не огорчают тебя. Если у тебя есть жалобы, напиши мне. Самое мое большое желание, чтобы они с каждым днем все лучше относились к тебе и исполняли свои обязанности по дому. Скажи им, что я часто вспоминаю о них. Крепко обнимаю тебя».

Примерно через месяц Лаура вновь пишет в Мехико:

«Любимая мамочка!

Прежде всего хочу сказать, что я была настолько занята, что у меня не оставалось ни одной свободной минуты. Лекции тяжелые, я должна посвящать им много времени и при этом часто не успеваю выполнить задания. Но ты должна быть полностью спокойна: дела у меня обстоят отличнейшим образом. Чтобы ты не беспокоилась, скажу, что лечит меня превосходный врач, университетский профессор, видный специалист. Мне делали инъекции инсулина, что-то около 30 или 40, помимо

тонизирующих вливаний и питья витаминов от “a” до “z”. А если упомянуть о том, что у меня специальный режим питания, то ты поймешь, что результаты налицо. Я поправляюсь на килограмм, а то и два, в неделю. С первоначального веса я прибавила целых восемь килограммов, сейчас он — 44 кг.

Часто думаю о вас. Главное мое желание, чтобы все было хорошо в вашей жизни. Ребята сейчас завершают учебный год, и я представляю, как они загружены. Скажи им от моего имени, что они должны подналечь, чтобы каждый успешно сдал экзамены, как это всегда бывало раньше. Это письмо предназначено для всех, включая тетушек и бабульку, поскольку ты понимаешь, что в настоящее время я не могу написать каждой в отдельности. Родился ли малыш у Чапарриты? Если увидишь ее, передавай от меня привет. Если ты не захочешь отвечать мне, пусть это сделает кто-нибудь из сестричек. Шлю самые сердечные пожелания всем членам семьи вместе и по отдельности, а также друзьям. С любовью к тебе — твоя дочь. Со следующим письмом пришлю адрес, чтобы вы мне ответили. Обнимаю, Лаура».

Глава IX.
НЕВЕЗУЧИЙ РАМОН МЕРКАДЕР

Несмотря на настойчивые поиски полиции, основные участники операции «Утка» благополучно покинули Мексику. «Марио», братья Ареналь, Антонио Пухоль оказались в конце концов на Кубе. Туда же, по Хороге в Москву, прибыли Эйтингон и Каридад Меркадер. Надо было затихнуть, отсидеться. Помощь в устройстве на жительство в Гаване им оказала Тереса Проэнса. «Том» воздерживался от личных встреч с Леопольдо Ареналем. Связником, при необходимости, была Тереса. Эйтингон знал, что делал. Мужское очарование Леопольд на нее не действовало: она была лесбиянкой.

Для Тересы приезд «Тома» был очень кстати: переводы с английского языка для журналов «Эльяс» и «Пахинас» большого заработка не давали, а «Том» умел пристроить в хорошее место, да и сам платил неплохо. В Гаване он старался продвинуть Тересу на должность в министерстве иностранных дел. По его совету она написала соответствующее прошение на имя Фульхенсио Батисты. На фоне таких латиноамериканских диктаторов, как Убико и Трухильо, Батиста выглядел вполне прилично. Демократически избранный президент. И не запрещает компартию! Он дал работу Проэнсе, но в министерстве просвещения. При всей тропической широте натуры Батиста не хотел иметь в своем МИДе людей с коммунистическими убеждениями. Эйтингону только и оставалось, что бессильно развести руками.

* * *

Из участников операции «Утка» больше всего не повезло Рамону Меркадеру. «Исполнителю» воли Сталина пришлось отсидеть в «Черном замке» — мексиканской тюрьме Лекумберри — почти двадцать лет! Все эти годы в переписке НКВД — МГБ — КГБ он проходил под именем «Гном».

Надо ли говорить, что обычно спецслужбы делают все возможное и невозможное, чтобы выручить своих людей из беды. Почему же советская разведка не помогла своему агенту выйти досрочно? Почему не организовали побег? Почему через влиятельного адвоката Эдуардо Сенисероса не добились сокращения срока? Что подвело в механизме столь всемогущей

организации, как НКВД?

Одна из причин на виду. Через десять месяцев после убийства Троцкого началась Великая Отечественная война. Усилия внешней разведки были сосредоточены на обеспечении стратегической информацией советского руководства и командования Красной Армии. Другие задачи, какими бы важными они ни казались до 22 июня, разом потеряли приоритет. Наверное, и сам «Гном» понимал, что его друзья в НКВД заняты более важными вопросами. Не до него! Хорошо еще, что «Том», покидая страну, оставил «группу поддержки», главной задачей которой было оказание узнику помощи деньгами и качественным питанием, организация защиты от покушений уголовных элементов, нанятых троцкистами. Необходимые средства были оставлены адвокату Сенисеросу и нелегалам «Хуану» и «Гарри».

В таком статичном положении принял дело Меркадера резидент Лев Тарасов (Василевский), прибывший в Мексику под дипломатическим прикрытием в мае 1943 года. Среди поставленных перед ним в Москве задач было вызволение «Гнома». Рамону Меркадеру приходилось сидеть в тюремных казематах Испании в начале 30-х за организацию забастовок. Но мексиканский опыт был тяжелее. Не раз на него нападали уголовники, лезвия ножей сверкали в сантиметрах от горла. Досаждали визитами назойливые журналисты, подстерегавшие момент, когда он расслабится и будет готов «рассказать все». Рамон похудел, ибо страдал от желудочных болей. Ему казалось, что его травят намеренно, чтобы, как собаку, бросить в безымянную могилу на тюремном кладбище. Он тосковал по общению с единомышленниками, но посещения «симпатизантов» вызывали у него беспокойство. Не скрывается ли за дружеской улыбкой враг? Не таится ли за очередным предложением о помощи ловушка троцкистов? В его положении нельзя ошибаться: доверчивость смертельна.

Исчерпывающую информацию о закулисной работе советской разведки по вызволению Меркадера «из плена» получить, наверное, весьма сложно. Но есть свидетельства, по которым можно составить четкую картину событий «вокруг» «Гнома». К Рождеству 1944 года «группа поддержки» наконец-то подготовила побег Рамона. Планировалось перебросить его в Веракрус и после «профилактической отсидки» на конспиративной квартире переправить в Гавану на судне, курсировавшем между этими портами. Кубинский паспорт на «Гнома» был заготовлен и дожидался своего часа в сейфе у резидента.

В это же время, в декабре 1944 года, в Мехико вновь появилась Каридад Меркадер (новый псевдоним «Кира»), Рапорт

на ее командировку подписал Лаврентий Берия. Каридад приехала в Мехико в сопровождении кадровой сотрудницы нелегальной разведки Анны Каратаевой («Инее»), которая по легенде прикрытия являлась «дочерью» Каридад. В оперативной переписке женщины проходили под кодовым словом «Дуэт».

Как и следовало ожидать, «Дуэт» распался. «Кира» отказалась от встреч с Каратаевой, с которой не нашла общего языка. Каридад вообще плохо уживалась с женщинами, и постоянное присутствие рядом спутницы «от НКВД» ее раздражало, хотя, по замыслу разработчиков операции, «Инес» должна была выступать в роли связной Каридад с «легальной» резидентурой. Упрямство Каридад не пересилили ни Василевский, ни затем — Григорий Каспаров, сменивший его на посту резидента.

В Мехико Каридад решила действовать самостоятельно. Материнская боль, недовольство «медлительностью» разведки в деле освобождения ее сына подтолкнули ее к неподчинению. Резидентам было тяжело с ней. Каридад постоянно ставила им в пример Эйтингона, его разворотливость и эффективность, с которой тот проводил самые рискованные операции. «Кира» не могла понять, что романтические времена в разведке миновали, а разведчики-импровизаторы безвозвратно ушли в прошлое. Операции жестко контролировались аппаратом Центра, для которого разведчик был «строго подотчетным» исполнителем. Каждый серьезный шаг согласовывался, и за «импровизации» сурово взыскивали.

Вторжение Каридад в операцию (иначе не скажешь) стало катастрофой. Не советуясь ни с кем, пренебрегая конспирацией, не разобравшись в обстановке, Каридад начала действовать почти вслепую. Она решила опереться на людей Эйтингона, многие из которых были «заморожены» после операций мая и августа 1940 года. А ведь Каридад Меркадер слишком хорошо знали в Мехико. В 1936 году она приезжала туда по заданию испанского правительства для закупки оружия. Переговоры велись со многими влиятельными лицами, в том числе с президентом страны Ласаро Карденасом, и привлекли всеобщее внимание, включая прессу и секретные службы. Оказавшись в Мехико вновь, Каридад не могла рассчитывать, что останется незамеченной. Крупное лицо драматической актрисы, строгий взгляд неуступчивых глаз, упрямый лоб, уверенная поступь — ее замечали повсюду. «На меня всегда смотрели, всегда выделяли из толпы, всю жизнь», — призналась она как-то младшему сыну Луису. И Мехико не был исключением. Конечно, «Кира» постаралась изменить свой облик: осветлила волосы, подстриглась, ходила без очков, обновила гардероб, не

поскупившись на дорогие одежду и обувь. Но вряд ли это помогло замаскироваться. А отсутствие очков и вовсе сделало ее беспомощной: она перестала замечать за собой наружное наблюдение.

Если личность убийцы Троцкого раньше связывали с Советским Союзом и НКВД по косвенным признакам, по принципу «кому выгодно?», то появление Каридад в Мехико и ее неуклюжие маневры вокруг Лекумберри, неосторожные высказывания и непродуманные контакты неумолимо вели к раскрытию подлинного имени и связей убийцы Троцкого. В Мехико прибывало все больше испанцев, общавшихся с Каридад в Москве, в той или иной степени посвященных в ее прошлую жизнь. Они не забыли орден Ленина на отвороте се жакета и догадывались, за что он получен. Испанская колония в советской столице была как одна большая семья, секреты «просачивались», и слухи о Рамоне распространялись все активнее. Ну а в Мехико никаких ограничений на «разговорчики» не было: Берия был далеко.

Не прошло трех недель после приезда Каридад в Мехико, а последствия уже сказались: посуровел режим содержания Рамона в тюрьме, появились дополнительные надзиратели, больше внимания уделялось его «визитерам». К тому же из Лекумберри сбежали уголовники, что заставило начальство взяться за перетряску персонала. Угроза увольнения повлияла на имевшиеся «договоренности» с рядом охранников и тюремных чинов. Но «Киру» ничто не могло остановить. Она считала, что в 1941 — 1943 годах можно было вполне безболезненно вытащить Рамона из тюрьмы. Никто не стал бы связывать его побег с «рукой Москвы», поскольку посольства СССР в Мехико тогда не было[34].

«Кира» настояла на встрече с руководителем «группы поддержки». В противном случае пригрозила, что самовольно пойдет к Рамону. Это был ультиматум, и поэтому за одну ночь, в нарушение всех правил безопасности, пришлось организовать встречу Каридад с нелегалом Александром Купером, который вел кропотливую работу по подготовке «выписки больного из госпиталя». Именно он стал новым нелегальным уполномоченным НКГБ вместо «Хуана» и «Гарри»[35]. Побег «Гнома» из тюрьмы являлся, по мнению Купера, альтернативой на тот случай, если бы не удалось договориться о полюбовной сделке с мексиканскими властями. Во время личной встречи Купер вроде бы сумел уговорить «Киру» не вмешиваться, добился от нее согласия на немедленный отъезд на Кубу. Но прошло несколько дней, и Каридад показалось, что с ней ведут нечестную игру.

Она переправила Рамону письмо: «Дорогой мой, я наконец-то попала в Мехико, и теперь никакая сила не заставит меня уехать отсюда. Пока ты за решеткой, я тоже не свободна».

В начале 1945 года адвокату Рамона Сенисеросу все-таки пришлось организовать свидание Каридад с сыном. Оно подтвердило всем «заинтересованным лицам», что главная цель ее приезда — «Жак Морнар». После этой встречи можно было ожидать активности по вызволению узника. «Охотники» из ФБР насторожились: еще бы, имелся верный шанс захватить с поличным «агентов Москвы».

Известно, что Каридад лично ходатайствовала о прощении «Жака Морнара» перед экс-президентом Ласаро Карденасом, уговаривала Ломбардо Толедано взять на себя инициативу по проведению пропагандистской кампании с требованием амнистии узнику. Она же умоляла Ломбардо замолвить слово за «Морнара» президенту, попросить о помиловании. Профсоюзный лидер согласия не дал: наверное, не смог подобрать убедительную аргументацию, несмотря на гибкий ум и навык закулисных сделок.

Имена Толедано и Каридад Меркадер в восприятии мексиканского руководства ассоциировались с Советским Союзом. Любые инициативы этих лиц были бы истолкованы однозначно: советское посольство выдвигает свои фигуры, оставаясь в тени.

* * *

Суетливые действия Каридад отдаляли проведение операции. Внутриполитическая ситуация в Мексике тоже менялась не в лучшую сторону. Особенно неблагоприятной она стала после гибели советского посла Константина Уманского[36]. Создавалось впечатление, что в результате катастрофы в аэропорту Мехико реакционные силы получили «добро» на безнаказанные провокации против советских учреждений и граждан. Любая осечка в операции «Гном» могла привести к непоправимым межгосударственным последствиям. «Киру» начали терзать мысли о том, что ее присутствие в Мехико и в самом деле навредило Рамону. Она вспоминала резкие слова, сказанные ей сыном при личной встрече. Из депрессивного состояния Каридад пыталась выйти неумеренным употреблением спиртного. Последствия не заставили себя ждать: она попала в автомобильную аварию. Женщину обнаружили на мостовой в бессознательном состоянии, со сломанными ребрами. При ней была значительная сумма денег

и шифроблокнот, которые чудом не оказались в руках полиции.

В марте 1945 года Каспаров передал «Кире», что Центр затребовал у нее отчет за весь период после отъезда из Москвы. Смирив гордыню, Каридад ответила на запрос, но выборочно, проигнорировав невыгодные для себя темы. Свои комментарии, дополняющие «пробелы» ее отчета, подготовил резидент. Из них следовало, что Каридад по-прежнему намерена «бороться за сына». Пришлось прибегнуть к последнему, но сильному средству: воздействовать на нее через Рамона. Сейчас невозможно узнать, что он написал ей, но можно догадаться, что под влиянием пережитого стресса (свобода была близка — протяни только руку) он был несдержан и безжалостен. Примерно в это же время Каридад узнала, что сотрудники советской разведки предпринимают шаги по вызову из Франции в Советский Союз ее сына Хорхе. «Кира» восприняла это известие как явный признак недоверия к ней: «Москва пытается заполучить еще одного заложника помимо Луиса», который, к слову, вполне освоился в советской действительности, был доволен своей жизнью и считал, что перед ним открываются блестящие научные перспективы.

После этих потрясений Каридад словно подменили. Уговоров больше не потребовалось. Со свойственной ей энергией она засобиралась в путь. На вопрос французского консула о цели поездки ответила: «Дети — Монсеррат и Хорхе — нуждаются в моей помощи. В годы войны они очень страдали, особенно сын, пробывший в немецком концлагере четыре года». На вопрос об источнике доходов ответила: «Имею состояние на Кубе». Чтобы обновить свой кубинский паспорт, Каридад добилась приема у посла и очаровала его своими манерами, светскостью, знанием закулисных сторон жизни в Гаване, подробно поведала о родственных связях с состоятельными людьми на острове.

В начале октября 1945 года «Кира» обменялась прощальными письмами с сыном, а 24-го числа того же месяца в нью-йоркском порту поднялась на борт парохода.

Между тем обстановка вокруг советского посольства постепенно накалялась. Антисоветская кампания набирала силу. Едва ли не каждый шаг наших дипломатов незамедлительно расценивался как «подрывная деятельность». Это отпугивало мексиканцев. Незаметно подкрадывалась холодная война. Наработанный американцами опыт нейтрализации нацистской агентуры на континенте пригодился теперь в отношении советских учреждений.

«Морнар»-Меркадер установил дружеские отношения с секретарем-делопроизводителем тюрьмы. По мнению Рамона, его можно было использовать для организации побега. Но тот

поставил условие: бежать вместе и прямиком в Советский Союз. Этого секретаря «группа помощи» раньше изучала и не могла с уверенностью поручиться за его надежность. Такое бывает. Полная непроницаемость. Поэтому «Гному» рекомендовали: ни в какие переговоры с секретарем не вступать. Впоследствии выяснилось, что это предостережение было не лишним. Американцы готовили крупную провокацию по захвату Рамона и «группы помощи».

Полицией было установлено демонстративное наблюдение за руководителями мексиканской компартии. Генеральный секретарь МКП с тревогой делился своими опасениями в советском посольстве: реакция готовит общественное мнение к полицейской акции по разгрому левых организаций. Ожидалось нападение на штаб-квартиру компартии. Вступление в МКП Давида Альфаро Сикейроса в мае 1946 года тут же ознаменовалось слежкой. Просил о восстановлении в партии Диего Ривера. Его приняли «с испытательным сроком», потому что «троцкистские завихрения» Риверы помнили многие. Художник оправдывался, говорил, что Троцкого «пригрел» сознательно, чтобы «друзьям Советского Союза» было легче следить за ним. Насколько он был искренен, возвращаясь в МКП? Известно, что Диего собирался написать заявление о вступлении в партию ручкой Троцкого, которую Фрида Кало берегла как «исторический сувенир». Ручку Диего так и не получил: в «новых исторических условиях» Фрида не одобряла политически двусмысленных поступков мужа. На подрамнике в ее мастерской стоял холст с незавершенным портретом Сталина, ее новым кумиром. За Фридой и Диего тоже следили.

Один из участников уотергейтского скандала Ховард Хант поведал в своих мемуарах о том, как он работал в резидентуре ЦРУ в Мехико в 50-х годах. Рутинным делом были нелегальные проникновения в помещения миссий «народных демократий», незаконные прослушивания, склонения к побегам «во имя свободы», дезинформация. Оперативникам ЦРУ помогали американские предприниматели, осевшие в стране, мексиканские журналисты и политики, желающие «заработать», беглецы из компартий. Довольно подробно Хант рассказал о деятельности аппарата ЦРУ, работавшего «бок о бок» с плотной сетью агентов Гувера, «которые с начала Второй мировой войны по декрету президента Франклина Делано Рузвельта превратили Латинскую Америку в протекторат ФБР». Об усилении американских спецслужб в Мексике в советском посольстве знали. Решению дела «Гнома» это, конечно, не способствовало.

Время шло, и Рамон постепенно свыкся со своим положением.

Он не испытывал дискомфорта в тюрьме. Жил в просторной одиночной камере со всеми удобствами, даже с телевизором. Два раза в неделю его навещала жена. Меркадер все с меньшим интересом выслушивал очередные предложения по организации побега. После смерти Сталина таких предложений больше не поступало. И это радовало узника. Он не исключал, что под предлогом побега его попросту собирались убрать. С 1953 года в высшем руководстве СССР начался перманентный период ожесточенной борьбы за власть. Меркадер был отнесен этими людьми к «нежелательным свидетелям», по удачному выражению Павла Судоплатова, хлебнувшего тюремной баланды из-за «парт-разборок». Партийные иерархи не хотели вспоминать о существовании «Гнома» в далекой Мексике. Старые сталинские делишки. Мало ли что может наговорить и натворить Меркадер, этот наемный убийца. Он получает денежный пенсион? Получает. Жалуется на что-нибудь? Нет, не жалуется. Ну и хорошо. Пусть сидит. Знал, на что шел…

На свободу Рамон Меркадер вышел в мае 1960 года и был тут же переправлен в Советский Союз. Изредка виделся с матерью. По свидетельству брата Луиса, Рамон так никогда и не простил мать: «По ее вине я провел лишних шестнадцать лет в тюрьме».

Каридад умерла в 1975 году в своем доме во Франции. Рамон пережил ее на три года. Уходил он из жизни в муках — от рака костной ткани. Оба до самой смерти получали пенсию от КГБ. Надгробья на их могилах были также установлены за счет КГБ: ее — на парижском кладбище Пантин, а его — на Кунцевском в Москве…

* * *

Гибель Троцкого довольно быстро стала перевернутой страницей истории. В Европе шла война, весь мир с тревогой наблюдал за воздушными сражениями над Англией. Ежедневно в газетах и в радиоэфире появлялись сообщения об успешных торпедных атаках гитлеровских субмарин против английских судов.

После завершения операции «Утка», когда стало ясно, что «осложнений» не последует, руководство НКВД решило поощрить ее основных участников. Под грифом «Сов. секретно» 6 июня 1941 года на имя Сталина в ЦК ВКП(б) СНК СССР был направлен следующий документ:

«Группой работников НКВД в 1940 году было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить

орденами Союза ССР шестерых товарищей, участвовавших в его выполнении. Прошу Вашего решения. Народный комиссар внутренних дел Л. Берия».

Сталин взял листок приложения с перечнем имен исполнителей, внимательно просмотрел его и написал: «За (без публикации)». Все остальное было формальностью. Через десять дней Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР были награждены орденами Ленина — Каридад Рамоновна Меркадер и Наум Исаакович Эйтингон. Орденом Красного Знамени — Лев Петрович Василевский и Павел Анатольевич Судоплатов, орденом Красной Звезды — Павел Пантелеймонович Пастельняк и Иосиф Ромуальдович Григулевич.

* * *

Когда улягутся страсти, связанные с операцией «Утка», отгремят сражения Второй мировой войны, уйдет в мир иной Сталин, а «реальный социализм», управляемый партийной номенклатурой, деградирует и развалится от собственной тяжести, образ «печального рыцаря перманентной революции» Троцкого приобретет своеобразную привлекательность. Место его гибели будут посещать не только члены маргинальных партий троцкистского толка, но и туристы из бывшего Советского Союза. Они будут прибывать в Койоакан, кто своим ходом, кто на туристических автобусах, бродить по аккуратно выбеленным помещениям особняка, рассматривать пулевые выбоины в стенах, задумчиво стоять у могилы большевистского вождя. Редкий посетитель возложит на нее цветы. Ведь Троцкий не всегда был жертвой: он виновник тысяч смертей в России после Октябрьской революции 1917 года.

В Мексике к событиям прошлого относятся без привычного у нас в России стремления переписать, пересмотреть и подкорректировать историю с учетом «идеологического заказа» современности. В Мексике умеют чтить прошлое. Скорее всего потому, что в этой стране было много революций, войн, кровавых политических «разборок» и громких покушений. Поэтому мексиканцы бережно сохраняют названия улиц, которые имеют отношение к новейшей истории. Есть среди них и советская «тема». Вот улица Сталина, на которой располагается много автомобильных мастерских. А в квартале от нее — улица Леона Троцкого. Названия эти появились при жизни Григулевича и, думаю, дали ему повод для тяжких размышлений о целесообразности использования террора для «корректировки»

истории.

Глава X. ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУЭНОС-АЙРЕС. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ

В Аргентину Григулевич вернулся через четыре года после своего отъезда в Испанию. Он был рад новой встрече с Буэнос-Айресом: шумным и беспокойным, как улей, в дневное время, возбужденным и праздничным — в сумерках и в ночные часы, когда просторные авениды украшались ожерельями электрических фонарей. Не напрасно Буэнос-Айрес называют южноамериканским Парижем.

Иосиф бродил среди полутора миллионов его обитателей, невысокий, неприметный, в клетчатом английском кепи, в легком дорожном пиджаке, и был счастлив. Он снова среди портеньос! Казалось, что мелодии танго звучат отовсюду. Он даже не вспомнил о том, что когда-то назвал эту музыку «мелкобуржуазными стенаниями». Сейчас она воспринималась иначе: сто раз правы те, кто считает танго отражением национальной души, а «Кумпарситу» — подлинным гимном страны.

Григулевич всматривался в лица прохожих и размышлял о том, что аргентинская нация возникла из вавилонского столпотворения иммигрантов. Среди них можно различить испанцев, итальянцев, ирландцев, немцев, сирийцев, ливанцев, евреев с западных границ бывшей Российской империи, бежавших в Южную Америку от погромов начала века. В своем путешествии по городу Иосиф старался избегать тех мест, где находились «технические бюро» КПА и всевозможные партийные «крыши»: от спортивных до благотворительных. «Если хочешь сохранить голову на плечах, никаких контактов с “земляками”, — предупредил его «Том». — Партия в Аргентине порядком засорена. Слишком много мятущихся интеллигентов»… Григулевич «честно бегал», как он сам выражался, от недавних друзей по партии.

В 1939-м — первой половине 1941 года КПА твердо придерживалась взгляда Коминтерна на мировую ситуацию: война между Германией и западным миром — не более чем схватка империалистических хищников. Советская Россия и мировой коммунизм выбрали правильную позицию: наблюдать за схваткой со стороны. Коммунисты Аргентины перестали критиковать Гитлера, а партийные газеты с восторгом писали о

французских рабочих, не желавших проливать кровь в войне с Германией, отстаивая хищнические интересы национального капитала. Германская печать в Аргентине также воздерживалась от критики в адрес коммунистов. Наглядным примером такого «мирного сосуществования» нацистов и коммунистов в Аргентине стала «мода» на обучение в немецких школах детей руководящего звена КПА…

* * *

Испытания последнего времени не изменили внешний облик Иосифа. Посторонний наблюдатель сказал бы уверенно: этот склонный к полноте человек любит спокойную жизнь, солидную порцию чурраско с кровью и с красным вином на обед, «непыльную» работу канцелярско-бухгалтерского плана. Люди с такой внешностью внушают доверие. А если у тебя хорошо подвешен язык, нет проблем с чувством юмора и коммуникабельностью, — то в Буэнос-Айресе ты не пропадешь.

Милые городские картинки: мальчишки, бегущие за трамваем; хозяйки, спешащие с сумками на рынки: держать служанок накладно, Буэнос-Айрес — дорогой город; на тележках торговцев щедро навалены плоды земные: апельсины, авокадо, яблоки, персики и виноград из провинции Мендоса. В элегантных кварталах, сердцевиной которых является зеркально-витринный бульвар Флорида, фланируют «сливки» столицы, в подпольных игорных домах проигрываются огромные деньги, зазывно распахнуты украшенные бронзой двери кинотеатров, ночных клубов, дорогих ресторанов и танцевальных залов, в которых чаще всего царит танго, иногда джаз, а то и просто аккордеон.

В многочисленных кафе невозможно обнаружить свободный столик, с утра до вечера здесь решаются серьезные, не совсем серьезные, а то и вовсе легкомысленные мужские дела. Эмоциональная температура Буэнос-Айреса разогревается к вечеру. Аппетитные запахи паррильи наслаиваются на тонкие ароматы цветущего жасмина и женских духов, пробуждая либидо у пылких обитателей столицы. В Буэнос-Айресе, где мужское население заметно превышало женское, — невероятное количество публичных домов. Многие аргентинские буржуа сколотили свои первые капиталы на домах свиданий. До начала Второй мировой войны торговцы живым товаром «завозили» женщин из Франции, Италии и Восточной Европы. Разгар военных действий на Старом континенте негативно отозвался на налаженном деле, вербовщики женщин устремились в

аргентинскую провинцию и за Кордильеры — в Чили. Скандалы с похищением и насильственным вовлечением девушек в самое «древнее ремесло» почти ежедневно выплескивались на страницы газет…

В три-четыре часа утра приступают к своим обязанностям хлебопеки, водители продуктовых автомашин, развозчики молока…

Буэнос-Айрес никогда не спит…

* * *

Первые недели после возвращения Григулевич жил на квартире Теодоро Штейна, с которым познакомился в Париже в 1934 году, когда посещал Высшие курсы в Сорбонне.

«Чем ты занимался все эти годы?» — спросил Теодоро, всматриваясь в круглое улыбающееся лицо друга.

«Приближал счастье на земле, — ответил гость. — Боролся за общество всеобщей справедливости».

«Интересное занятие, — заметил, не моргнув глазом, Штейн. — У тебя были великие предшественники, Христос и Маркс. Рад за тебя. Удалось?»

Тонкая ирония друга всегда восхищала Григулевича, он рассмеялся:

«Ты считаешь меня охотником за миражами?»

«Нет. Искателем. Конечная цель ничто, движение к ней — все».

«Думаешь, наша цель недостижима? — насторожился Иосиф. — Ты повторяешь меньшевистские формулировки».

«Достижима. Тут я скорей оптимист, чем пессимист. Но будет ли будущее таким, каким мы представляем в своих теориях? Абсолютного предвидения не существует. И мы, — то есть ты, я, наши друзья, прохожие, вообще — все современники, — вряд ли дождемся всемирного пришествия коммунизма, слишком коротка наша жизнь. Борьба за то, чтобы приблизить светлое будущее, — вот что будет лейтмотивом наших судеб. Но конечной цели, коммунизма, победившего планетарно, мы не увидим. Поэтому формула: конечная цель ничто, движение к ней — все, является справедливой».

«Схоласт ты, Теодоро, — снисходительно похлопал друга по плечу Иосиф. — Темпы преобразований в Советской России показывают, что светлое будущее не абстракция. Оно достижимо, оно, возможно, на расстоянии протянутой руки. Социализм победит раз и навсегда в России, и трансформация мира

неимоверно ускорится. Конечная цель видна, и мы обязаны прорваться к ней, это наше историческое предначертание».

Иосиф произнес эти тяжеловесные фразы на одном дыхании, и Штейн не смог сдержать улыбки:

«Надо еще посмотреть, кто из нас неисправимый схоласт…»

* * *

Иосиф жадно впитывал свежие впечатления, старался понять, куда движется Аргентина в столь непростое время. Он тщательно, с карандашом в руках читал и перечитывал недавно опубликованный «теоретический труд» министра иностранных дел Александра Руисагиньясу «Аргентинская позиция перед лицом войны». Фактически это программа нейтралитета и жестко заявленного национализма:

«Надо избавляться от людей и организаций, которые работают против исконно аргентинских интересов. Не надо делиться на англофилов и германофилов и этим вносить раздор в аргентинские семьи. У нас слишком много приверженцев западных идеалов. Я уверен: желать чьей-то победы на далеких фронтах, — это предаваться пустяшным и фальшивым страстям. Любой победивший империализм будет преследовать свои собственные цели, а Аргентина не получит ничего. Не надо говорить, что коммунизм и нацизм — это рога одного и того же дьявола, это слишком большое упрощение. Германско-советский договор о ненападении — не более чем временная сделка. Сталин продался лучшему покупателю. И в этом суть аморальности нынешней международной ситуации: Гитлер, победив на Западе, вспомнит о своих планах, изложенных в его книге “Моя борьба”, и повернет на восток. Для нас единственная дорога — нейтралитет! Мы нейтральны ко всем иностранцам! Вначале — наши собственные дела, затем все чужие!»

Через день этот же самый текст Иосиф услышал в двухчасовой программе «Радио Бельграно». Лейтмотив ее был очевиден: Руисгиньясу куда больше симпатизирует тоталитарным диктатурам Германии и Италии, чем режиму Сталина или фальшивой демократии США. «У Советского Союза и США есть много общего, — настаивал аргентинский министр. — Их бог — материальное процветание, только пути для этого избраны разные: у русских — через нищету, у американцев — через комфорт и изобилие. В Аргентине есть, конечно, такие, которые стремятся подчиняться североамериканскому стандарту потребления или деградации на почве марксистского

материализма. Но в отличие от либералов, я верю не в автоматизм прогресса, а в героизм, с помощью которого Родина будет способна преодолеть родовые муки и стать великой. Вот суть моего подхода: не эгоизм либерального индивидуализма, а идея личного самопожертвования во имя общего блага. И поэтому диктатура, в принципе, допустима, как своего рода мост между старым и новым порядком вещей…»

О Сталине Руисгиньясу всегда упоминал как бы между прочим. Было понятно, что это не герой его романа. А вот Гитлеру и Муссолини он посвятил весьма неравнодушные слова:

«Когда выступает фюрер германской нации, города Третьего рейха пустеют, как по мановению руки. Гитлер субъективен, романтичен, пылок до сумасшествия в своих политических комбинациях. Речи Гитлера многое теряют на бумаге, их нужно слушать по-немецки, живьем, стоя перед трибуной. Поражаешься, с какой легкостью ему даются слова, как легко он варьирует голос, доводя его до крещендо, когда звуки становятся гортанными и непреклонными, как сталь, магнетизируя аудиторию…»

Однако, по мнению Руисагиньясу, «только Муссолини является наиболее величественной фигурой XX века, гениальным государственным деятелем. Когда-то фашизм принадлежал только Италии, сейчас он распространяется по всему миру. Достижения дуче общеизвестны: он создал концепцию “тотального” государства, модернизировал корпоративную и профсоюзную системы и, отстаивая идеи социальной справедливости, полностью снял проблему классовой борьбы в своей стране. Ему принадлежит героическая концепция жизни, столь необходимая Аргентине…»

Иосиф усмехнулся, выслушав последние слова Руисагиньясу: теперь все понятно, в Розовом доме — президентском дворце — намерены строить фашизм по итальянским калькам, но с аргентинским лицом. Тогда к чему все эти разговоры о нейтралитете?

Новая страна — новый псевдоним: Иосиф стал «Артуром». Романтический герой Войнич, предпочитающий смерть бесславию, не казался ему литературным преувеличением, мелодраматичным чтением для подростков.

«Возьмешь паузу в Аргентине, — сказал ему на прощание «Том». — Пусть ищейки потеряют твой след, утихнет шум погони. Будь уверен, о Троцком скоро забудут. Пройдет несколько месяцев, и его уход в мир иной будет интересовать только историков. Грядут другие события. Поэтому не расслабляйся. Курортная жизнь не для разведчиков. Помни: перед тобой стоит

задача легализации. Надо нормализовать ситуацию с документами, создать приличную крышу. Не забудь о подборе почтовых ящиков, список пошли в Нью-Йорк. Центр напомнит о себе в самый неожиданный момент. Так всегда бывает, ты знаешь».

* * *

Григулевич прибыл в Аргентину по чилийскому паспорту. В соответствии с иммиграционным законом документ был задержан властями в порту Буэнос-Айреса. Возвратить его должны были накануне выезда владельца из страны. Таков установленный порядок. Но Иосиф не планировал на ближайшие месяцы поездок за границу, и потому даже не пытался «вытащить» паспорт из полиции. Лучше перестраховаться. По этой чилийской «липе» можно было установить, что владелец ее проживал в Мексике. Кто знает, какие ассоциации вызовет название этой страны у бдительного полицейского агента.

Так что чилийский паспорт благополучно затерялся среди тысяч и тысяч «забытых» в иммиграционном департаменте документов. Вряд ли он будет полезен агентам: отпечатков пальцев на нем не было, а фотография большого сходства с Иосифом не имела. Вместо «липы» ему в качестве временного удостоверения личности вручили карточку с номером. Никаких персональных данных, лишь дата въезда в страну: 24 декабря 1940 года. Канун Рождества, когда самые ревностные полицейские служаки теряют бдительность, стараясь поскорее сесть за праздничный стол в кругу семьи.

В Аргентине, которой правили военные, находиться в положении «беспаспортного» было крайне опасным. «Адресок», где могут помочь с легализацией, Иосифу подсказал старый друг-товарищ Моисей Тофф, который считал необходимым помогать в беде всем евреям, каких бы политических взглядов они ни придерживались. Моисей для начала связал Иосифа с Хулио Морено, частным сыщиком агентства «Дрейфус». Тот через друзей в полиции получил дубликат удостоверения личности Григулевича, которым он пользовался во время первого пребывания в Аргентине, а также свидетельство о благонадежности. Все это обошлось в 50 долларов.

Через неделю Моисей свел Иосифа с представителем еврейского благотворительного общества Давидом Гольдманом. У этого мага и кудесника «незаконного документирования» было все «схвачено» в отдаленной провинции Чако, что граничила с

Парагваем. Благодаря Гольдману были натурализованы десятки немецких, польских, венгерских и других евреев, которые накануне войны предусмотрительно покинули европейский континент. Конечно, все делалось за деньги, и немалые.

Проблема состояла в том, что в конце 30-х годов в Аргентине издали декрет, запрещающий органам власти выдавать документы для натурализации подданных воюющих или оккупированных стран. Лазейка в «железном» законодательстве страны все-таки имелась: правительственные декреты юридически не являлись обязательными для судебных инстанций, которые руководствовались только законами, одобренными парламентом. Вот этот «зазор» и использовал Гольдман, чтобы оформлять нужные документы преследуемым соплеменникам и тем самым недурно зарабатывать на жизнь.

Для консультации с Гольдманом Иосифу пришлось отправиться на его дачу в Эль-Тигре. Гостю предложили воды, и тот с жадностью выпил ее. Жарко, а добираться до Эль-Тигре пришлось два часа. До появления просителя хозяин мирно сидел в кресле и читал роман аргентинского писателя Уго Васта «Кагал».

Перехватив удивленный взгляд Иосифа, Гольдман объяснил:

«Да-да, это антисемитский писатель. Недавно его издали в Германии. Хочу понять, что понравилось нацистам в этой книге. А заодно, что думают о нас коренные аргентинцы».

«Уго Васт — реакционер, — сказал Иосиф. — Почти фашист. Его мнение ничего не стоит».

«Это как смотреть. А вдруг это одно из первых предупреждений для нас? Не готовят ли в Аргентине такую же охоту за евреями, как в Европе? Стефан Цвейг недавно выступал по этому поводу, предостерегал. Вот цитата из предисловия Васта: “Аргентинцы не выдумали еврейский вопрос. Он существовал за пределами Аргентины много раньше, чем появились мы, аргентинцы. Но теперь этот вопрос встал и перед нами”. Когда начинают говорить о “еврейском вопросе”, жди беды. Может, и мне вскоре придется искать спасения в чужой стране, добиваясь права на жительство всеми доступными способами…»

Они сидели под большим полосатым зонтом в легких скрипучих креслах из плетеного тростника. По зеленоватой поверхности речного протока время от времени проплывали лодки с флиртующими парочками, проносились катера, скользили изящные яхты с пассажирами в белых костюмах. Иосиф провел рукой по зеленой поверхности бутылки из-под минеральной воды. Прочел на этикетке: «“Вильявисенсио”.

Неповторимая прохлада андских вершин».

«Лицемер, — подумал он. — Подслащивает пилюлю. Сейчас загнет такую сумму, что в исподнем придется ходить по улицам».

«На все расходы потребуется около шестисот долларов, — твердо сказал Гольдман. — Половину ты вручишь мне сейчас, в качестве гонорара. Остальные деньги потребуются позже, в процессе твоего, Иосиф, гарантированного превращения в полноправного гражданина этой благословенной страны. Имеешь такие средства?»

Он с сомнением оглядел Григулевича, прикидывая, видимо, его реальную платежеспособность. «Эх, ты, бедняга, — угадывалось в его глазах. — Вечный постоялец дешевых пансионов, гурман портовых трактиров, искатель счастья, обреченный на поражение. И не надейся на услуги в кредит! Благотворительность имеет свои пределы!»

Иосиф вытащил банкноты из новенького кожаного бумажника. Вручая доллары, он всем своим видом показывал, что расстается с ними с кровью сердца. Такая предосторожность была не лишней: пусть думает, что денег — в обрез, чтобы не появилось соблазна потребовать еще больше. Но, конечно, у брата по крови мог бы брать дешевле…

Гольдман дал необходимые указания: получить иммиграционное свидетельство о первом въезде в страну в 1934 году, раздобыть дубликат литовского паспорта и легализовать копию свидетельства о рождении, которая чудом сохранилась в бумагах у отца.

Вспоминая много позже о Гольдмане, Григулевич не был к нему снисходителен:

«Давид — жуткий прохвост. Коммунистов на дух не переносил, и мне пришлось играть перед ним роль типичного обывателя, что стоило невероятного напряжения. Мне казалось, что он телепатически читает мои мысли, догадывается о моей красной подкладке. Но дело свое он сделал ловко: взял собранные мною бумаги и отвез их в Чако, в город Ресистенсия. Через близкого адвоката представил их в окружной суд с моим заявлением о натурализации. Два месяца спустя Гольдман сообщил, что суд вынес положительное решение, после чего мы отправились в Чако, где я принял присягу как полноценный аргентинец. Мне вручили натурализационную книжку, а потом и военный билет, без которого мужчине в Аргентине невозможно получить удостоверение личности. Имея на руках эти документы и справку о благонадежности, можно было оформлять заграничный паспорт и ехать в любую страну мира. Правда, за натурализацию мне пришлось заплатить всем участникам

процедуры посвящения меня в аргентинцы. Адвокату я подарил швейцарские часы, прокурору — бинокль и позолоченный хронометр для ипподрома, свидетелям — вручил по двадцать долларов. Кроме того, я оплатил несколько обедов для этой дружной компании по обдиранию советского разведчика. Даже швейцар в суде нажился: в самый ответственный момент он, подлец эдакий, спрятал мое дело. Чтобы он “нашел” его, мне снова пришлось лезть в кошелек…»

Год спустя бизнесу Гольдмана пришел конец. Фашистская газета «Памперо» опубликовала разоблачительную статью, в которой обвинила суд в Чако в деятельности, подрывающей безопасность государства: «Сионисты платят большие деньги, чтобы стать аргентинцами». Началось следствие, которое постепенно привело к еще более скандальным разоблачениям, связанным с поголовной коррупцией провинциальных властей во главе с самим губернатором. Контрабанда, дома терпимости, торговля наркотиками, подпольные казино, преследование журналистов — все пороки аргентинской жизни разом проступили в Чако.

* * *

В архиве провинциального суда мне не удалось обнаружить никаких следов «деятельности» Гольдмана. Не нашел архивариус и папки с документами Григулевича. За шестьдесят с лишком лет, прошедших с того времени, в хранилище было несколько пожаров. Не исключено, что часть документов, хранившихся в подвальных помещениях суда, была намеренно уничтожена из-за шумихи, поднятой газетой «Памперо». Огонь — лучшее средство для сокрытия махинаций и для расчистки пространства для новых мошенничеств.

Возвращаясь из Чако с новенькими документами, Иосиф сошел на станции Ла-Кларита, чтобы повидать отца. Долго прогуливался по утоптанной земле под вокзальным навесом, всматриваясь в окна аптеки и тесно придвинутых к ней одноэтажных домов. Лишние предосторожности не помешают. Эхо выстрелов в Койоакане еще не отшумело. Кто знает, не докатилось ли оно до скромного селения в провинции Энтре-Риос?

Встреча с отцом больше расстроила, чем порадовала. Он заметно сдал: волочит правую ногу, расплескивает чай из чашки, поднося ее ко рту, не слишком отчетливо произносит слова. Из-за застарелого ревматизма он почти полностью утратил

работоспособность и, без всякого сомнения, будет все больше нуждаться в постоянном присмотре. В Ла-Кларите условий для этого нет: отцу надо будет подыскивать новое пристанище.

Иосиф поинтересовался мнением Румальдо на этот счет.

«Жаль покидать насиженное место, — сокрушенно вздохнул отец. — Привык я к аптеке. Но болезни ходят за мной по пятам. Я выяснял, где можно устроиться, чтобы не слишком досаждать тебе моими болячками. В Консепсьоне есть недорогой пансион с “присмотром”. Если перебираться, то только туда. Не хочу быть тебе обузой».

«Не надо так говорить! — возмутился Иосиф. — Но с пансионатом ты правильно придумал. И река там есть, будешь ходить на берег, вспоминать Нямунас. Новых друзей заведешь. Давай адрес, я съезжу, посмотрю…»

* * *

В Буэнос-Айресе Григулевич снял квартиру в невзрачном одноэтажном доме на улице Суипача, на ее отрезке между авенидами Алем и Посадас. Жилище было обставлено скудно: кровать, простой платяной шкаф с картинками из журналов, кое-как приклеенными на внутреннюю створку двери: водопад Игуасу, кинозвезда Либертад Ламарке, Гитлер и Муссолини, театрально пожимающие друг другу руки. На окне — занавеска неопределенного цвета. На подоконнике — забытые постояльцами журналы и затрепанные книжки с «розовыми романами». Картинки Иосиф сорвал и сунул в пакет с мусором. Туда же отправились «розовые романы». В доме обитало еще несколько жильцов, не проявивших интереса к общению. Иосиф тоже не предпринял никаких шагов к сближению. Помнил о предупреждении «Тома»: сиди тихо, создавай удобное для себя прикрытие.

Часть денег, врученных ему резидентом в Сан-Франциско, пришлось истратить на новый костюм и ботинки: «в Аргентине всегда встречают по одежке». Обойдя несколько магазинов, купил недорогой радиоприемник «Эрикссон», главным образом из-за рекламы: «Наши приемники перенесут вас в любую часть света!» В эфире было густо от аргентинских и уругвайских музыкальных программ, радиопостановок и прогнозов погоды. Порой прорывались гортанные немецкие фразы. Гитлер праздновал очередную победу. Иосиф пытался нащупать какую-либо из советских станций, но безуспешно. Обманывает реклама…

Аргентина жила своей обычной жизнью.

На курорте Мар-дель-Плата аншлаг отдыхающих. Несмотря на войну в Европе, побиты все рекорды. Только автомобилистов прибыло в город больше сорока тысяч, а сезон далеко не закончился. В Луна-парке Буэнос-Айреса чилийские всадники-уасос проводят показательные выступления. Пароход «Кабо де Буэна Эсперанса» доставил в страну около 400 амнистированных республиканцев из Испании. Этот великодушный жест генералиссимуса Франко получил высокую оценку аргентинцев. Журналист Рикардо Велес продолжает чтение цикла своих статей на тему: «Война — это массовое помешательство». В Буэнос-Айресе все говорят о модной новинке — «футинге»: разминочной ходьбе — самом лучшем способе для знакомства. «Угрозы войны между Германией и Россией не существует, — заявил германский посол в Аргентине фон Терманн. — Подписанный нашими государствами договор — это надежная гарантия мира». В Мендосе организован публичный показ документального фильма «Вдали от страны предков», в котором рассказывается о жизни немецких колонистов в Аргентине, их преданности фюреру, взвалившему на свои плечи гигантскую работу по перестройке Европы…

* * *

Став полноправным аргентинцем, Иосиф взялся за налаживание делового прикрытия. Затевать дело на собственное имя было опасно. Регистрация любого коммерческого предприятия сопровождалась публикацией подробных данных о самом коммерсанте в «Официальной газете» и изданиях справочного характера. Арест на вилле Аугусто Бунхе, фотографии и отпечатки пальцев, осевшие в архивах полиции, делали такой вариант очень уязвимым. К тому же Григулевич узнал, что один из его прежних знакомых работал на охранку — «Сексьон эспесиаль». Позднее, прикрываясь вымышленным именем Бенито Фалькон, он опубликовал в газетенке «Кларинада» воспоминания о своих похождениях в стане «красных агентов». В числе «пропагандистов», связанных с Москвой, Фалькон назвал «Мигеля», описал его приметы, круг обязанностей в «Красной помощи». В заключение отметил, что после отъезда в Испанию «след этого враждебного Аргентине элемента затерялся» и что, «по неподтвержденным данным, он погиб в Мадриде». Фалькон не удержался от шутки: «Ходят слухи, что “Мигеля” похоронили в общей могиле среди десятков неопознанных трупов. Надо отдать ему должное: он до конца сохранил верность своим

коллективистским убеждениям».

Публикация в «Кларинаде» отчасти успокоила Иосифа: в полиции, по-видимому, не ожидали его возвращения в Аргентину.

В компаньоны Григулевич выбрал Теодоро Штейна, который должен был стать «безупречной витриной» дела. На его имя Григулевич решил создать небольшой свечной заводик. Когда сил и средств уже было затрачено немало, вдруг оказалось, что предприятию грозит суровая конкуренция. Теодоро пришлось выдержать не менее десяти визитов «стеариновых королей» Буэнос-Айреса, которые пытались отговорить от «неразумного эксперимента, грозящего убытками и слезами». Визитеры приводили сходные аргументы, особенно упирая на то, что рынок давно поделен и что «непрошеным гостям» грозят различного рода неприятности, вплоть до пожаров.

До пожаров, однако, дело не дошло. Свечи, изготовленные на импровизированной фабрике «Т. Штейн и К^0», оказались неконкурентоспособными. Себестоимость их заметно превышала цены на продукцию, предлагаемую «королями».

«Они используют демпинг, чтобы разорить нас, — сделал безнадежный вывод Теодоро. — Еще неделя, и мы банкроты. Пора принимать решение».

Иосиф обежал взглядом производственный цех. Так громко они называли барак, в котором происходило зловонное таинство рождения свечей. На аренду этой постройки с кирпичным погребом, в проезде Деламбре, в промышленном районе Велес-Сарсфилд, они не потратили ни гроша. Владелец недвижимости довольствовался обещанием щедрого вознаграждения, «если дело станет процветающим». Увы, увы…

Водитель грузовичка, на котором развозили готовый товар по окраинным лавочкам, подтвердил опасения: «Больших свечей “Прометео” продано всего две дюжины. Упаковки “Лусерито” для праздничных тортов не берут. В церквях говорить со мной не захотели, а в синагоге — свои поставщики. Не идет товар».

«Людям не нужен огонь Прометея, — вздохнул Иосиф. — Придется закрывать лавочку…»

* * *

В дальнейшем «Артур» не пытался создавать громоздкие прикрытия, которые требовали много времени и финансовых средств. Как правило, он предпочитал обзаводиться рекомендательными письмами авторитетных фирм. Так, во время первой поездки в Чили он раздобыл через Гало Гонсалеса, одного

из руководителей чилийской компартии, две рекомендации, которые представляли Иосифа как коммивояжера винодельческой фирмы «Конча и Торо» и фармацевтической — «Андраде». Иосиф делал все возможное, чтобы представительство не было фикцией. Но каких усилий это стоило! Как капризен был рынок! То цены на вино и лекарства *«made in Chile»* оказывались неприемлемо высокими для аргентинского потребителя, то их ввоз запрещался из-за непреодолимых транспортных проблем или мимолетных обострений в двусторонних отношениях.

Трудности возникали и в связи с «уругвайским представительством» от виноторговой фирмы Космелли. Фирма уже имела в аргентинской столице своего агента, и потому активная коммерческая деятельность Григулевича под этой «крышей» распространялась только на небольшие провинциальные города.

* * *

Для наведения справок о некоторых друзьях из интербригады Григулевич февральским днем 1941 года навестил писателя Кордобу Итурбуру, с которым познакомился в Испании. Высокий лоб, гладко зачесанные волосы, живые глаза, обостренная реакция на затронутые в разговоре политические темы. Писателю не нравилось то, что творилось в стране. «Нацисты наступают, — то и дело повторял он. — Наши аргентинские генералы окончательно обезумели. Они скоро заставят нас приветствовать друг друга криком “Хайль Гитлер!” И пошлют воевать в Европу, чтобы помочь фашистам не говяжьей тушенкой, а пушечным мясом…»

Итурбуру подарил Иосифу свою книгу очерков «Испания под командованием народа», в которой в повышенном эмоциональном ключе, но честно описывались события гражданской войны, ее успехи и поражения. Иосифа поразило, насколько были близки по интонации и пафосу очерки Кордобы Итурбуру и репортажи советских журналистов Кольцова и Эренбурга. Наверное, иначе и быть не могло. Иосиф нашел в книге много знакомых имен: Андре Мальро, Людвиг Ренн, Густаво Дюран, Армандо Кантони, Давид Сикейрос. Их лица всплывали в памяти, и Григулевич словно вернулся в те времена, когда в Европе начиналась первая серьезная схватка с международным фашизмом. Она была проиграна, но это временное поражение. Реванш не за горами.

В апреле в Буэнос-Айрес прибыли морем братья Ареналь и

Пухоль. Война внесла коррективы в их планы. На Кубе разворачи

* * *

валась охота за нацистскими шпионами. Сначала британская разведка — Сикрет интеллидженс сервис (СИС) — взялась за выявление абверовских агентов. Потом, несмотря на заявленный нейтралитет Соединенных Штатов, к этой работе подключились американцы. Всякий путешественник, который не мог внятно объяснить цели своей поездки, вызывал подозрение. Именно поэтому боевиков после тщательной подготовки «эвакуировали» с острова. Нелегальный сотрудник «Кельт» прибыл в Гавану специально для решения этой задачи.

Григулевич встретил товарищей в порту. С первого взгляда стало ясно, что с ними не все в порядке. Действительно, как рассказал Леопольдо, Луис и Антонио нуждались в постоянном контроле. Больше всего товарища «Кельта» в Гаване беспокоил Луис, который после мексиканских событий находился в депрессивном состоянии. Он не покидал конспиративную квартиру, окно которой выходило на Малекон, часами недвижно лежал на кровати, ел через силу и почти не притрагивался к рому, который, по утверждению Пухоля, обладал хорошим «анестезирующим эффектом». Сам Антонио поглощал алкоголь в невероятных количествах и всегда находил возможность пополнить его запасы.

* * *

Иосиф поселил друзей в заранее подобранные номера пансионата на авениде Альвеар, скуповато снабдил деньгами, провел инструктаж на тему «как прожить в Аргентине, не привлекая к себе внимания». Вновь прибывшим надо было менять «книжки», оседать в Буэнос-Айресе на неопределенное время, подыскивать работу. В той прощальной инструктивной беседе на окраине Мехико, когда Григулевич готовился к отъезду, «Том» предупредил Иосифа:

«Не позволяй парням бить баклуши. Койоакан был тяжким испытанием. Они — не профессионалы. Если ты их не займешь делом, кто-то может сорваться. Не балуй их деньгами. Пусть зарабатывают сами. Борьба за выживание, знаешь ли, здорово отвлекает от рефлексий и комплексов».

В первые недели после приезда «команды» Иосиф не раз

вспоминал эти слова «Тома». Луис с трудом выходил из затянувшейся прострации. Пухоль капризничал, считая, что участием в операции «Утка» заработал себе пенсию на всю жизнь. Пожалуй, только Леопольдо держался молодцом. После периода летних отпусков, когда «весь Буэнос-Айрес» перемещался на пляжи Мар-дель-Платы, Монтевидео, Пунта-дель-Эсте и тихоокеанского побережья Чили, в аргентинской столице стала набирать обороты светская жизнь. Леопольдо с удовольствием погрузился в нее. Он не пропускал премьер в театре Колон, посещал художественные выставки, вечера модных литераторов, дипломатические мероприятия, если туда удавалось попасть. Чаще всего так и было: выручал безукоризненный английский язык.

Его элегантность и непременная улыбка, как бы демонстрирующая: «у меня все в полном порядке», — пришлись очень кстати в Буэнос-Айресе. Леопольдо было легко принять за одного из тех «портеньо», что беззаботно фланировали по бульвару Флорида. Зарабатывал он репетиторством, давая уроки английского языка юнцам из богатых домов в Бельграно.

На очередном вернисаже Леопольдо познакомился с чилийским художником Раулем Мантеолой, который приехал в Буэнос-Айрес «за птицей счастья» и, благодаря упорству, таланту и харизме, сумел ухватить ее за сверкающие золотые перья. Мантеола прославился акварельными и гуашевыми портретами хорошеньких женщин. Выполненные им портреты украшали обложки иллюстрированных журналов. Основными клиентками Мантеолы были светские львицы, которым художник льстил своим творчеством без зазрения совести.

В разговорах с Мантеолой, несомненным представителем буржуазной формулы «искусство для искусства», Леопольдо старался не травмировать его гипертрофированное артистическое *ego* беспощадными формулировками из учебников марксисткой эстетики. Сам Леопольдо полностью разделял взгляды Сикейроса и художников его круга на классово-революционную направленность искусства.

«Это не творчество, — возмущался Леопольдо, рассказывая Иосифу о своих визитах к Мантеоле. — Это косметический салон. Ты когда-нибудь видел художника без пятен краски на руках? У Мантеолы они чистенькие, как у младенца!» Но посещать Рауля Леопольдо не перестал, потому что в ателье модного мастера на улице Санта-Фе было всегда тесно от привлекательных визитерш.

О быстротечных романах Леопольдо, возникших в атмосфере «искусства для искусства», история умалчивает. Однако одно его знакомство, не имевшее лирической подоплеки, оказалось

полезным. Однажды «на огонек» к Раулю заглянула чилийская писательница Марта Брунет[37]. Заглянула не одна, а в сопровождении Антонио Кинтаны, профессионального фотографа, тоже чилийца, который весь вечер выпытывал у Мантеолы, какими именно заклинаниями ему удается привораживать самых богатых женщин Буэнос-Айреса.

Леопольдо пригласил чилийскую парочку в кафе. Он уже знал, что Марта работает в консульстве Чили, что Антонио — ее интимный друг, и догадался по некоторым репликам, что они — по политическим взглядам — близки к коммунистам. Леопольдо поведал им свою кубинскую легенду, сказал, что путешествует по Южной Америке, намереваясь затеять торговое дело.

«Самое главное — не ошибиться в выборе страны, чтобы укорениться, — сказал Леопольдо. — Кубинские товары — это ром, сахар, сигары, диктаторы…»

Его собеседники рассмеялись. Марта сняла затемненные очки — у нее с детства было плохое зрение, — протерла платком стекла и высказала свое мнение:

«В Аргентине ты напрасно теряешь время. Тут есть все. А в Чили твой тропический товар придется кстати, особенно ром. Зимы у нас холодные».

В то время Ареналь не собирался в Чили даже в качестве туриста, но знакомство с Мартой и Антонио продолжил. Сорокалетняя писательница была сторонницей Народного фронта, участвовала в президентской кампании Педро Агирре Серды, за что и была поощрена назначением на консульскую работу. Творческая судьба ее сложилась удачно. Совсем молодой она опубликовала роман «В глубь горы», и критика назвала ее «чилийским Горьким». Марта самозабвенно участвовала в акциях солидарности с республиканской Испанией и потому приобрела репутацию «красной интеллектуалки».

«Левацкие завихрения» писательницы сделали ее излюбленной целью реакционных католических изданий в Чили. «Марта Брунет пишет хорошо, но мыслит не очень, — высказалась одна из таких газет. — Для нее “светлое будущее” Испанской республики связано с теми, кто продался за советское золото, сжег дотла 160 монастырей и расстрелял иезуитов в Барселоне. О таком ли будущем мечтает Марта Брунет для Чили? Действительно ли она уверена, что социальное и экономическое процветание страны зависит от красных варваров?»

Переезд в Аргентину отдалил Марту от бескомпромиссных политических баталий в Чили. Ей поручили курировать вопросы культурных связей, пропаганды и информации. Генеральный консул Аугусто Мильян доверял ей, и Марта, в случае

необходимости, всегда могла «порадеть визой» товарищу с близкими политическими убеждениями. Связь писательницы с Антонио Кинтаной не была продолжительной. Он не сумел устроиться в Буэнос-Айресе, где, по его словам, «было много аптек, еще больше — парикмахерских и невероятное количество фотоателье». Кинтана вернулся в Сантьяго, чтобы добиваться профессионального успеха на родине. У руководства КПЧ он пользовался доверием, о чем свидетельствуют поручения деликатного характера: например, изготовление фотографий для «самодельных» паспортов. Когда Пабло Неруде пришлось бежать из страны из-за преследований «президента-предателя» Гонсалеса Виделы, фотографию для его паспорта делал Кинтана.

О своем знакомстве с чилийской писательницей Леопольдо рассказал Иосифу:

«Ее можно использовать для получения надежных документов и виз. Конечно, она не член партии. Но наши взгляды разделяет. Рискнуть?»

«Марта Брунет? — переспросил Иосиф. — Писательница? Не боишься? Она же почти наверняка ведет дневники. Не удержится, обязательно напишет с кучей подробностей все, что знает о загадочном мужчине с кубинским паспортом. Женщины очень наблюдательны, писательницы — тем более. А в тебе, Леопольдо, хочешь ты этого или нет, просвечивает профессиональный конспиратор. Это у вас, мексиканцев, неотъемлемая черта национального характера. Марта расскажет о тебе подруге. Или в романе изобразит».

«Так что, не встречаться?»

«Я этого не говорил. Общайся. Поддерживай отношения. Приглашай на чашечку кофе. Не будь столь прагматичным и загадочным. Всему свое время».

Леопольдо усмехнулся:

«Спасибо за советы. В области общения с женщинами мне их очень не хватает».

* * *

В июне 1941 года после напряженного путешествия через Центральную и Южную Америку Сикейрос (новый псевдоним «Дедушка») и его спутницы добрались, наконец, до Сантьяго-де-Чили. Школа имени Мексики, в которой Сикейрос должен был писать мураль, еще достраивалась, и художник не торопился перебираться в разрушенный недавним землетрясением провинциальный город Чильян, расположенный в четырехстах

километрах к югу от Сантьяго.

Как он ни прятался от журналистов, остаться незамеченным ему не удалось. Сикейрос снова оказался в центре внимания. Пребывание художника в Сантьяго перестало быть тайной после того, как корреспондент «Юнайтед Пресс» в Чили направил в свое агентство сообщение от 21 июня о том, что Сикейрос был задержан полицией при выходе из ресторана «Childs», где обедал вместе с женой и дочерью.

Сикейроса отвели в префектуру и потребовали документы, которые доказывали бы легальность его нахождения на территории страны. Предъявленного паспорта с визой, выданной консулом Чили в Мехико Пабло Нерудой, и подробных разъяснений оказалось недостаточно. Формально чилийцы были правы, ведь посол Идальго аннулировал визу художника. Только после вмешательства мексиканского посла и его обращения к президенту Серда Сикейроса «отпустили», хотя и дали понять, что его пребывание в столице нежелательно. Затем, чтобы разрядить ситуацию, последовала серия заявлений. Первое сделал министр внутренних дел Чили Олаваррия Браво, известный своей реакционностью. По его словам, полиция «не знала» о том, что въезд Сикейроса в Чили был осуществлен на законных основаниях, то есть после соответствующего запроса мексиканского правительства, которое поручило художнику расписать стены школы в Чильяне. С разъяснениями выступил и посол Мексики Октавио Рейес Эспиндола, который объяснил газетчикам, что Сикейрос «несколько задержался в Сантьяго из-за того, что штукатурка в школе просыхала слишком медленно, препятствуя быстрому началу работы над муралью». Эти же слова повторил журналистам сам художник, не преминув отметить, что «прибыл в Чили легально, что по делу Троцкого все благополучно разъяснилось и что к нему, Сикейросу, у мексиканских властей никаких претензий нет».

После всех этих пертурбаций Сикейрос вместе с семьей поспешил перебраться в Чильян. Впереди у него — большая и интересная работа. Будни художника заняты раздумьями над эскизами, ожиданием художественных материалов, заказанных в Соединенных Штатах. Чилийские власти одобрили предложенный Сикейросом сюжет будущей росписи. Не последовало возражений и со стороны мексиканского посольства. Посол Эспиндола поинтересовался у Сикейроса: в какую сумму обошлась бы работа, если бы художник потребовал за нее гонорар?

«Около сорока тысяч долларов, не меньше, — сказал Сикейрос. — Но это для Чильяна. В США я запросил бы втрое больше…»

Потом посол не раз повторял эти цифры в интервью, давая понять, что Мексика готова пойти на любые расходы ради чилийских друзей:

«Библиотека с фреской Сикейроса станет подлинной жемчужиной искусства, незатухающим очагом знаний и, конечно, культурного воздействия на детей, источником наслаждения для ценителей прекрасного…»

* * *

Шумиха вокруг Сикейроса затихла так же быстро, как и началась. Еще бы — у журналистов появилась новая сенсационная тема! Гитлер разорвал пакт о ненападении с Москвой и двинул свои армии на Восток. Вторая мировая война набирала все новые обороты! Как интересно наблюдать за этими событиями с удобной южноамериканской трибуны! Болельщиков предостаточно: симпатии разделились между командами «Юнион Джек», «коричневыми» и «красными». Почти как в футболе, а вернее, на гладиаторской арене.

Именно тогда, в конце июня, на имя Григулевича поступило, возможно, самое главное послание в его жизни, серо-голубой квадратик бумаги с тайнописным посланием Центра: «Вы назначаетесь… Примите меры по налаживанию…»

* * *

После получения директивы из Москвы Иосиф спал по три-четыре часа в сутки. В Буэнос-Айресе надо было ударными темпами создать разведывательную сеть и диверсионную группу. Традиционный способ — с затяжными проверками на поручениях различной сложности — не годился. Резидентуру надо было ставить быстро, фактически на пустом месте.

В ИНО НКВД агентурно-контрольное дело по Аргентине — «Пшеничная» — было заведено в сентябре 1939 года[38]. Началась Вторая мировая война, и руководство разведки решило отслеживать в оперативном плане все мало-мальски «важные» страны, в том числе в «южносельском» регионе. Первоначально в дело «Пшеничная» подшивали случайные материалы, «окрошку». Например, собирались сводки ТАСС об Аргентине с грифом «Не подлежат оглашению». В соседстве с ними находилось коллективное обращение к советским властям от крестьян-выходцев из Украины и Белоруссии. По их словам, они «устали от

Аргентины» и просили разрешения переселиться на Сахалин или Камчатку: «Все мы — трудоспособные труженики сельского хозяйства, и расходы по переезду возьмем на себя». Трогательно звучало письмо изобретателя Макара Зязина, предложившего безвозмездно передать российскому пролетариату свое «секретное изобретение». «Американцам не продам ни за какие доллары, — писал он, — хотя жена по этому поводу страшно ругается, ей надоело жить в нищете». Нашло свое место в деле и сообщение Ассошиэйтед Пресс о том, что голливудский фильм «Аргентинские ночи» запрещен местными властями в связи с общественными протестами по поводу карикатуризированного изображения национальных обычаев: «Если верить фильму, то Аргентина является невероятно комичной банановой страной».

Извлечь что-то «оперативно полезное» из этих материалов, чтобы поддержать «Артура» на первых порах, было невозможно[39].

Неясность ситуации с Сикейросом (сообщения в газетах были противоречивыми) заставила Иосифа ускорить создание разведывательной «точки» в чилийской столице. Руководителем ее мог быть только один человек — Леопольдо Ареналь. В конце июня 1941 года он воспользовался помощью Марты Брунет и получил чилийскую визу в свой кубинский паспорт[40]. К тому времени Ареналь уже успел познакомиться со всеми сотрудниками консульства, включая «генерального» — Аугусто Мильяна. Вся процедура оформления заняла не более получаса, по десять минут на каждый паспорт — Луиса, Пухоля и его, Леопольдо (новый оперативный псевдоним «Алекс» — для Центра и «Педро» для сети).

Иосиф в те дни лихорадочной активности утратил свою обычную благожелательную улыбку: груз ответственности был невыносимо тяжел. «Алекс» почувствовал это в ходе инструктажа. Ничего лишнего. Все продумано. Все разложено по полочкам. «Артур» вручил другу мандат, подписанный Кодовильей. В нем подтверждались полномочия «подателя сего» на ведение спецработы в Чили. Иосиф дал подробные наставления своему новоиспеченному «заму» по налаживанию аппарата в Чили, призвал с максимальной осторожностью подбирать людей, особенно для использования в диверсионной работе. Ни одного включения в сеть не проводить без его, «Артура», одобрения. Он говорил уверенно, даже с апломбом, словно всю жизнь занимался созданием резидентур в отдаленных регионах мира:

«О твоем приезде в Сантьяго знают. В Байрес приезжал Гало Гонсалес, его партийный псевдоним “Альберто”. Я встречался с ним, посвятил в наши проблемы. Тебе окажут поддержку. Жду

твоих сообщений о “Дедушке”. Выясни, не стояли ли за его арестом американцы? Если он действительно выпутался из проблем, следом за тобой в Чили выедут Луис и Пухоль. Отправь их в Чильян, пусть помогают Давиду».

Иосиф обнял товарища:

«Не рискуй без нужды. Мы будем полезны Москве, пока остаемся на свободе…»

О своем решении создать разведывательный пункт в Чили Иосиф сообщил в Нью-Йорк. Резидент «Лука» переслал информацию в Центр без комментариев. «Артуру» виднее, что делать. Ответственность тоже его…

Начиная поиск материалов о деятельности резидента «Артура» в Южной Америке, я часто задавал себе вопрос: а были ли у него предшественники? Или для советской разведки Григулевич был «первооткрывателем» континента?

Предтечи у «Артура» были.

Во-первых, это легендарный «Рустико» — руководитель Южноамериканского бюро Коминтерна в 1930—1934 годах Абрам Яковлевич Хейфец (Август Гуральский). Он не имел прямого отношения к разведке, но сама специфика нелегальной работы предполагала использование изощренных приемов конспирации и тесную кооперацию с органами ВЧК—ГПУ. «Эль Вьехо», «Хуан де Дьос», «Арнольд», «Отто», «Хуберт» — это лишь некоторые псевдонимы, которые помогали ему сбивать со следа полицейских ищеек. Главной задачей «Рустико» на период командировки в страны Южной Америки было идейно-политическое «подравнивание» компартий континента под политические установки Москвы.

Даже в схематичном изложении биография Хейфеца полна таких разнообразных событий, что его без колебаний можно отнести к неискоренимой породе авантюристов и искателей приключений. Родился он в Риге в 1890 году в бедной еврейской семье. В четырнадцать лет стал членом Бунда. Был активным участником революционных событий 1905 года в Латвии. Неоднократно арестовывался, и однажды по решению военно-полевого суда был приговорен к смерти. В самый последний момент его помиловали как несовершеннолетнего. После другого ареста — в Киеве — Хейфец бежал в Швейцарию. Оттуда он был направлен Бундом на нелегальную работу в Лодзь. Снова арест, заключение, очередной побег. Октябрьская революция застала Абрама Хейфеца в Италии, откуда он поспешил вернуться в Россию.

Гражданскую войну Хейфец встретил на Украине. Участвовал в работе советов в Одессе и Киеве, арестовывался контрразведкой

гетмана Скоропадского. В 1918 году вступил в подпольную большевистскую организацию Киева. В 1919 году был направлен на работу в ИККИ, и с 1920 по 1923 год находился в Германии, руководя подготовкой вооруженного восстания. Затем перебрался в Париж в качестве представителя ИККИ при компартии Франции. После ареста в 1926 году и полугодичной тюремной «отсидки» будущий эмиссар «Рустико» вернулся в Москву. За участие в троцкистско-зиновьевской оппозиции был исключен из партии XV съездом ВКП(б), но покаялся на страницах «Правды» — и был восстановлен в рядах[41].

С симпатией написал о нем в своей книге «Большой обман, проникновение Кремля в Иберoамерику» Эудосио Равинес[42]. «Рустико» для него — «морской волк революции», великолепно владевший собой в любых сложных ситуациях. Именно он сыграл решающую роль в обращении в коммунистическую веру Луиса Карлоса Престеса, бразильского военного, руководившего дивизией повстанцев в 1925—1927 годах и известного под прозвищем «Рыцарь надежды». Южноамериканское бюро Коминтерна не имело постоянной базы и действовало как своего рода «летучая бригада», для которой не существовало препятствий при пересечении границ. Бюро предпочитало осуществлять свою деятельность с территории Аргентины и Уругвая, однако не исключались выезды в Бразилию, Чили, Перу, Боливию.

Усилия «Рустико» так и не были по достоинству оценены «Домом», то есть в Советской России. Пока он путешествовал по экзотическим южноамериканским странам, в ВКП(б) тоже проходила унификация, идейно-политическая, сталинская, кадровая! Независимо мыслящие, нестандартные партийцы «изымались из обращения». В конце августа 1936 года Хейфеца вновь исключили из партии, а чуть позже — в первые дни и недели «ежовщины» — без долгих проволочек осудили на восемь лет. Через два года он был амнистирован. Во время войны органы НКВД использовали Хейфеца в качестве пропагандиста в лагерях немецких военнопленных. В 1950 году он снова был арестован, на этот раз в рамках кампании борьбы против «космополитизма». Освободили его в 1954 году. Своей реабилитации «эмиссар Коминтерна» так и не добился. Ему поставили в вину то, что, будучи негласным сотрудником органов госбезопасности, он в 40-е годы «дезинформировал их, докладывая о принадлежности тех или иных лиц из государственного и партийного аппарата к иностранным шпионским организациям». Умер «Рустико» в 1960 году.

Еще одним предшественником «Артура» на континенте был

«легальный» резидент НКВД в Уругвае Наум Маркович Белкин («Кади»)[43], о котором упоминалось на страницах, посвященных испанскому периоду Григулевича.

Резидент «Кади» был направлен в Южную Америку по распоряжению начальника разведки Артура Христиановича Артузова[44]. Можно сказать, что у Белкина дела в Уругвае сложились не лучшим образом. Должность заведующего канцелярией посольства не давала никакой возможности вести разведработу. «Кади» объяснился с послом Александром Минкиным на повышенных тонах, разъяснил, что без паспорта, дипломатического прикрытия и своего рабочего кабинета ему, Белкину, будет трудно выполнить возложенные руководством в Москве задачи. Общий язык с послом найти удалось. Из канцелярии Белкина перевели в консульство. Это облегчило организацию конспиративных встреч, легендирование отлучек из полпредства.

На первых порах «Кади» подбирал полезные контакты из числа посетителей полпредства. Работа с ними требовала бдительности и проницательности, особого чутья на «двойничество». Провокаторы и агенты полиции неутомимо нащупывали «нелегальные связи» полпредства с местными коммунистическими организациями, Секретариатом южноамериканского бюро Коминтерна, латиноамериканским филиалом Красного Профинтерна (штаб-квартира которого находилась в Монтевидео). Болезненным вопросом для «Кади» была организация связи с Москвой. За все время его работы в Монтевидео туда ни разу не прибыли дипкурьеры, а постоянное телеграфное общение было невозможно из-за финансовых ограничений: выделенных денег хватало на 2—3 телеграммы в месяц. Переписку с «Домом» резидент вел через «оказии» — выезжавших в Советскую Россию сотрудников полпредства. Свои послания «Кади» маскировал под журналистские материалы, в которые тайнописью вписывал оперативный текст. Работе «Кади» в Уругвае сильно навредила серия скандалов вокруг «Южамторга», привлекшая внимание прессы и полиции к деятельности советских граждан в Южной Америке. Ключевой фигурой в одном из таких скандальных дел был кассир «Южамторга» в Монтевидео Абрам Каплан, о котором резидент писал в Центр с нескрываемым возмущением:

«Этот мошенник, выходец из Литвы, был принят на службу в 1928 году. Любитель выпить, кутила, лентяй — об этих пороках многие знали и предупреждали. Но тогдашний руководитель “Южамторга” в Уругвае повысил его в должности. В результате — ведение документов карандашом, подчистки, махинации. И вот —

недостача в 120 тысяч песо!»

Разоблаченный Белкиным Каплан бежал в Бразилию и начал выдавать себя за правдолюбца, который пытается вывести «Южамторг» на чистую воду: дескать, за его фасадом скрывается «представительство Коминтерна». Уругвайский посол в Рио-де-Жанейро «по дружбе» сообщил одному из адвокатов «Южамторга», что обвинения Каплана произвели негативное впечатление на правящие круги многих латиноамериканских стран. И это понятно. В ходе арестов в Сан-Пауло полиция обнаружила у коммунистов крупные секретные счета в банках. Эти средства предназначались для закупки оружия и организации восстания в Бразилии. Полиция не исключала, что деньги поступили из России через «Южамторг».

«Кади» уделял немалое внимание изучению дел в колониях русских эмигрантов в Уругвае, Парагвае и Бразилии. Наибольшую помощь в этом оказал ему агент «Роке», 25 лет, который был совладельцем типографии и издательства «Пегасо». Его родители были революционерами. Они покинули Россию в 1915 году, отбыв ссылку в Тобольской губернии. «Роке» с благоговением относился ко всему, что имело отношение к Советскому Союзу. Ценным информатором обещал стать полковник Андрей Двигубский, который пришел в консульство в начале декабря 1934 года и предложил Белкину услуги по разоблачению антисоветской деятельности Лиги Обера и его представителя в Асунсьоне — Лонера.

Несмотря на эти и другие многообещающие разработки «Кади», руководство ИНО признало непродуктивным сохранение разведточки в Уругвае. В феврале 1935 года Белкин был отозван. В декабре этого же года уругвайское правительство под давлением Бразилии и Аргентины разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. В коммюнике утверждалось, что Москва через свое полпредство в Уругвае «инспирировала» коммунистическое восстание в Бразилии. В январе 1936 года была прекращена деятельность «Южамторга», большая часть сотрудников которого уже находилась на пути к родным берегам…

* * *

По уникальному совпадению обстоятельств «Артуру» пришлось совмещать в странах Южной Америки две ипостаси: резидента советской разведки и фактического эмиссара Коминтерна. Этим наслоением функций, которое создалось не по

вине Григулевича, его будут потом упрекать контролеры и кураторы Центра, «позабыв» о том, что инструкции, полученные им в июне 1941 года, подталкивали его к работе именно в этом направлении. Кстати сказать, эти инструкции до начала 1945 года не были отменены.

Глава XI.
КРАСНАЯ СЕТЬ НАД АРГЕНТИНОЙ

Иосиф знал, что «любимчиком» Кодовильи в КПА был Хуан Хосе Реаль. Ему прочили пост Генерального секретаря, разумеется, после того, как товарищ «Медина» решит уйти на покой. Хуану была доверена секретная работа партии: выявление полицейской агентуры, направление «своих парней» на службу в полицию, подбор помещений под «технические бюро», поддержание связи с Коминтерном.

Григулевич перехватил Хуана на подходах к «техбюро» ЦК, чтобы договориться о встрече. На следующий день на десять минут раньше назначенного срока Иосиф вошел в небольшое кафе на авениде Коррьентес. Он хотел спокойно обдумать вопросы, которые со всей прямотой придется поставить перед Реалем. И самый главный: согласится ли Хуан «поделиться» частью своего секретного аппарата? Знать бы, какие аргументы лучше всего подействуют на него…

Однако Реаль уже был на месте. Он задумчиво курил, рассматривая фотографии киноактрис на стене.

«Не помню, когда в последний раз был в кино, — он протянул пачку сигарет «Фонтанарес» Иосифу. — Угощайся».

Минуту помолчали.

«Знаю твои проблемы, — сказал наконец Реаль. — Викторио просветил. Неужели по анкетам никого не подобрал?»

Иосиф насторожился. Ему почудилось, что в голосе собеседника проскользнула ироническая интонация.

«Одно другому не помешает. Поэтому говорю откровенно: мне нужны лучшие люди твоего аппарата. Мне нужен помощник, которому я мог бы доверять как самому себе. Не жадничай, Хуан. Это только на время войны. Потом все они вернутся в партию. После победы».

«Все мы надеемся, что победа не за горами, — Реаль стряхнул пепел на блюдечко. — Надеюсь, что мои парни уйдут к тебе ненадолго».

«Максимум, год-полтора», — заверил его Иосиф.

«Ты так думаешь?» — Хуан покосился на газету, лежавшую перед ним, но от дальнейших комментариев воздержался.

На этой встрече Реаль порекомендовал Иосифу трех человек. Один из них был помощником Реаля по обеспечению партийной безопасности — 28-летний аргентинец Аугусто Уэрта. Он окончил педагогический институт в городе Парана, преподавал историю и

литературу. Одно время занимал пост секретаря райкома КПА в провинции Энтре-Риос. Аугусто был рассудительный, выдержанный, в высшей степени организованный человек. Жена Аугусто Эльза окончила факультет философии и литературы университета в Буэнос-Айресе. Была комсомолкой, но из-за соображений партийной конспирации от активной политической работы отошла.

Жили супруги в собственном двухэтажном доме на улице Гавана в буржуазном районе. Их семейный клан был многочисленным и политически разнородным. Поэтому Аугусто прикрывал свои частые отлучки по партийным делам, а потом — разведывательным, «работой» коммивояжером и хлопотами по выращиванию пиретрума, урожай которого продавал на фабрики по производству инсектицидов. Сотрудничество с советским представителем Аугусто рассматривал как поручение особой важности и вначале считал, что Иосиф прибыл в Аргентину по линии Коминтерна. Когда разведывательная сеть была налажена, Аугусто расставил точки над «i», сказав Иосифу:

«Не морочь мне голову сказками о Коминтерне. Я знаю, какую организацию ты представляешь. Так и сообщи в Москву, Аугусто обо всем догадался, благодарит за оказанное доверие и обещает бить наци-фашистов в Аргентине до полного разгрома…»

Аугусто получил псевдоним «Бланко», Эльза — стала «Дорой».

В периоды служебных отъездов «Артура» «Бланко» заменял его, властной рукой направляя деятельность разросшейся аргентинской сети, в которой к началу 1942 года было 80 активных членов. В нее входили служащие военного министерства, депутаты, дипломаты, коммерсанты, журналисты, активисты национальных общин, технические служащие ряда посольств, а также хозяин брачного агентства и профессиональный контрабандист, которого Иосиф использовал в качестве связника с чилийской точкой.

* * *

Вторым ключевым помощником «Артура» стал итальянец Васко Галетти («Маго»), 45 лет, покинувший родину из-за преследований полиции в 1926 году. В его «итальянском прошлом» было несколько арестов, избиений до полусмерти в «воспитательных целях» и даже «стенка». В полиции любили инсценировать расстрелы, выявляя среди политических узников слабых на излом людей. В том далеком году следователь, в

очередной раз выпуская Васко на свободу, предупредил: «Попадешься снова, живым не выйдешь».

Галетти перешел на нелегальное положение и затем выехал в Аргентину. Он устроился механиком в мастерскую порта и все свободное время посвящал партийной работе. Васко легко устанавливал связи в рабочей среде, обладал даром убеждения, умением популярно излагать марксистские постулаты и, несмотря на свою неброскую, «без особых примет» внешность, сумел настолько усилить позиции КПА в порту, что в ЦК стали серьезно подумывать о переводе его на «освобожденную» партийную работу. Галетти, человек слова и дела, хладнокровный, уверенный в себе, был идеальным кандидатом для включения в диверсионную группу.

* * *

И еще одного надежного человека получил Григулевич от Реаля: Рикардо Велеса, члена КПА с 1932 года, литератора и кинодокументалиста, снявшего несколько фильмов о парагвайско-боливийской войне в Чако. Самые обездоленные страны Южной Америки, которых подстрекали иностранные нефтяные компании, сошлись в кровавой схватке за пустынные земли вдоль своих границ. Разоблачительный пафос этих документальных съемок был настолько очевиден, что правая аргентинская пресса окрестила Велеса «русским шпионом», скорее всего потому, что его фильмы с успехом были показаны в Советской России. Так Рикардо попал в «черные списки» прокоммунистических элементов в Аргентине.

Велес не скрывал своих политических симпатий. В популярном еженедельнике он опубликовал серию «просоветских» статей. По мнению журналиста, после победных пятилеток и успехов индустриализации СССР «созрел» для решающего вмешательства в международные дела, чтобы «переустроить мир на справедливых началах».

Я встретился с вдовой Велеса, чтобы узнать подробности об истории вхождения Велеса в команду «Артура».

«Еще до встречи с Хосе, — вспоминала она, — Рикардо искал в Аргентине людей, которые не на словах, а на деле боролись с наци-фашизмом. Он тяжело переживал бездействие, говорил, что во время такой войны нельзя сидеть сложа руки. Мой муж догадывался, что англичане и американцы проводят подобную работу в Аргентине и вроде бы даже готовят восстание против военной диктатуры. Он посетил Джона Гриффитса, атташе по

культуре американского посольства, чтобы, как говорил Рикардо, “присмотреться и определиться”. Ходили слухи, что Гриффите помогает разведке США, подыскивая для нее контакты в журналистских, университетских и интеллектуальных кругах. Не знаю почему, но Рикардо медлил, никак не мог принять решения. И тут однажды вечером у нас на квартире раздался телефонный звонок. С собеседником на другом конце линии Рикардо говорил недолго. Потом положил трубку, прошелся несколько раз по комнате, многозначительно посмотрел на меня и сказал: Человек от “Медины”…»

С этого звонка все и началось. Рикардо с жаром взялся за нелегальную работу. Необходимо было хорошо изучить национальные колонии, подобрать людей для организации надежных маршрутов для переброски добровольцев в отряды Сопротивления. Успешнее всего шла работа с греческой колонией. У Рикардо появились друзья на греческих пароходах, которые курсировали между Аргентиной и Португалией, Испанией и Италией под нейтральным швейцарским флагом. С помощью греческих коммунистов был налажен один из каналов по отправке антифашистов в Европу.

За подозрительной активностью Велеса следили агенты «Сексьон эспесиаль». Григулевич понимал, что арест и высылка Рикардо в Патагонию «на перевоспитание» были вопросом времени. Надо было предпринимать срочные меры для вывода его из Аргентины. После бессонных дискуссий остановились на предельно простой комбинации: Велес за три бессонных ночи написал и опубликовал антинацистскую брошюру. Он использовал фразеологию и стандартные формулы пропагандистских изданий США, которые в то время в изобилии распространялись в странах Латинской Америки: «Нацисты сталкивают рабочих и хозяев… стараются уничтожить церковь… подавляют свободу мысли, преследуют равным образом и христиан, и атеистов, и евреев, и масонов… расистская идеология нацистов является смертельной угрозой для многих народов земли… Только создание Национального союза в Аргентине спасет страну от нашего смертельного врага — наци-фашизма…»

«Диссонирующая» брошюра Велеса была замечена властями. Очередное покушение на политику нейтралитета! У Рикардо начались проблемы, его вновь стали называть шпионом, но на этот раз — Вашингтона, и, разумеется, ему не оставалось ничего другого, как взывать к солидарности друзей-журналистов из Соединенных Штатов. Далеко не сразу, но помощь пришла: Велес был приглашен на работу в латиноамериканскую редакцию одной из газет в Нью-Йорке. Велес выехал в США и до середины 1944

года был «явкой» для курьеров «Артура».

* * *

В октябре 1941 года в небольшом ресторане на улице Санта-Фе Иосиф встретился с Мануэлем Деликадо[45], представителем компартии Испании в Аргентине. Тема беседы — привлечение испанских товарищей для ведения разведывательной работы против стран «оси» в странах Южной Америки и заброске наиболее подготовленных из них в оккупированную Европу. Деликадо рассказал, что КПИ уже отправила первую группу своих людей в Испанию и Францию. Их задача: создание партизанских групп в горных районах Франции, граничащих с Испанией.

«После разгрома Гитлера и Муссолини наступит очередь Франко, — сказал Деликадо. — Когда Красная Армия ворвется в Европу, а партизаны-республиканцы сделают первые выстрелы, испанский народ восстанет и режим рухнет, как карточный домик. Партизанские отряды триумфально войдут в Мадрид. И это будет реванш за поражение республики в 1939 году».

«Отправка людей в Европу связана с невероятными трудностями, — Иосиф откинулся назад, перекинул руку через спинку стула. — Проверки на всех границах — сухопутных и морских. Любую поездку на старый континент надо безупречно мотивировать. Как вы добываете “книжки”?»

«У нас есть возможности, — подмигнул Деликадо. — Солидарность с республикой крепнет с каждым днем. Наши документы — лучше подлинных. На любой вкус: уругвайские, эквадорские, парагвайские».

«Мне бы к таким документам десяток интербригадовцев, получивших боевой опыт в 14-м партизанском корпусе».

Мануэль посуровел:

«Из них мало кто уцелел. Эх, столько их умерло от инфекций и голода в лагерях для интернированных во Франции! В Аргентину и Чили после поражения республики попали немногие. Может, в Мексике их больше? Если хочешь, наведу справки».

«Нет, Мексика не подходит», — сказал Иосиф, не объясняя по какой причине.

Мануэль Деликадо появился в Аргентине после бурного политического скандала в Чили, Посол франкистской Испании — маркиз Лука де Тена — направил в МИД Чили ноту протеста по поводу «враждебной активности» руководителей республиканской колонии. В качестве «врагов» были названы Мануэль Деликадо, Альфредо Кабельо и Пабло де ла Фуэнте Мартин, которые

проводили в чилийской столице митинги протеста против репрессий Франко, публиковали разоблачительные статьи, призывая президента Педро Агирре Серду к разрыву отношений с Испанией. Но посол сам пригрозил чилийцам «приостановлением» дипломатических отношений, если «красные провокаторы» не будут арестованы. Министерство внутренних дел дало распоряжение о высылке из страны трех беспокойных республиканцев. Агенты полиции поторопились выполнить приказ министра: схватили двоих из них (Деликадо успел перейти на нелегальное положение), погрузили в «воронок» и повезли к перевалу Лос-Либертадорес. Однако аргентинские жандармы «красных испанцев» на свою территорию не пропустили, справедливо считая, что декрет чилийского министра для них — пустая бумажка. Испанцев пришлось везти назад в Сантьяго.

На защиту Деликадо и его друзей поднялись все, кто был с республиканской Испанией в годы ее борьбы с мятежниками. Студенты скандировали под окнами посольства Франко: «Маркиз, убирайся из Чили!» В театре «Империаль» на улице Сан-Диего прошел митинг в поддержку арестованных, на которой с зажигательной речью выступил заместитель председателя Конфедерации трудящихся Сальвадор Окампо. Экс-посол республиканской Испании в Чили Родриго Сориано и генсекретарь КПЧ Карлос Контрерас Лабарка побывали у испанцев в тюрьме и заверили их, что движение солидарности будет шириться. Президент Агирре Серда, пришедший к власти благодаря союзу радикалов с социалистами и коммунистами, оказался меж двух огней. Необходимо было как-то выходить из положения. Ссориться с послом Франко он не хотел. Но и коммунисты были правы: Мануэлю Деликадо и его друзьям грозила депортация из Аргентины в Испанию, а это было равносильно смертному приговору.

В конце концов власти пошли на компромисс. Декрет о высылке был как бы «забыт», но республиканцам пришлось дать клятвенное обещание, что публично «бузить» против Франко они не будут. Мануэль Деликадо все это время прятался у родственников чилийской жены, а потом нелегально перебрался в Аргентину. Из Буэнос-Айреса он координировал деятельность ячеек КПИ в Южной Америке. Деликадо был старше Григулевича на двенадцать с лишним лет, но их связала дружба, освященная войной в Испании. Их объединила общая цель: победа над фашизмом…

* * *

В резидентуру «Артура» поступала обширная информация о «пятой колонне», которая действовала в Аргентине в интересах фашистской Германии. Нужно признать, что важность ее для Советского Союза была ограниченной. Евразия — вот что находилось в центре интересов Кремля.

Вопрос о том, как использовать сведения о нацистах, «Артур» обсуждал с «Бланко», который подсказал нужное решение: через цепочку посредников передавать их в парламентскую комиссию по расследованию антиаргентинской деятельности[46]. Иосифу понравилось предложение. Оно соответствовало указанию Центра: «Наносить ущерб врагу всеми доступными способами». Для Григулевича не было секретом, что британская СИС и американское посольство превратили комиссию в «рупор» по разоблачению «пятой колонны». Члены комиссии честно выполняли свои обязанности и были заинтересованы в получении разоблачительных материалов. Не колебался «Артур» и в выборе человека, который мог бы отладить «цепочку»: Аугусто Бунхе! Он в рекомендациях не нуждался. Так что спокойной жизни у местных нацистов не будет!

* * *

Через контакты в КПА Григулевич не забывал отслеживать деятельность троцкистов, считая, что с началом войны они представят еще большую опасность для Советского Союза. О «предательской смычке» троцкистов и нацистов в то время говорили и писали так много, что не поверить в нее было невозможно. Среди троцкистских организаций в Аргентине наиболее заметными были Рабочая революционная лига (РРЛ) и Рабочая социалистическая лига (РСЛ). В первой на роль лидера и теоретика претендовал Либорио Хус-то, сын экс-президента республики А. П. Хусто (1932—1938). Либорио прославился тем, что во время торжественного заседания парламента Аргентины по поводу визита президента Рузвельта, выкрикнул ему в лицо: «Долой американский империализм!» Так же публично Либорио порвал с Коминтерном, выступил с осуждением московских процессов над «троцкистско-бухаринскими элементами» и «предательского пакта» Молотова — Риббентропа.

В РСЛ авторитетной фигурой был Хорхе Абелардо Рамос. Имелись в стране и другие группы троцкистской ориентации, которые пытался объединить в единую партию эмиссар IV Интернационала Шерри Манган. Он работал стрингером в журналах «Лайф», «Тайм» и «Форчун» и имел возможность

легально перемещаться из страны в страну. В Аргентине Манган действовал особенно решительно.

Григулевича появление эмиссара IV Интернационала обеспокоило. Неужели троцкистам стало известно о пребывании членов боевой группы Сикейроса в Аргентине? Через Кантони он навел справки о Мангане и причинах его пребывания в стране. Армандо усмехнулся, услышав это имя:

«У троцкистов проваливается очередная объединительная кампания. Все хотят быть вождями, и Манган ничего не может с этим поделать. Организационный запал его почти выдохся. Человек он богемный, любит рестораны, женщин, веселую жизнь. Среди троцкистов, которых в Аргентине не больше сотни, есть серьезные подозрения в том, что толстяк Шерри работает на ФБР».

Информация Кантони успокоила Иосифа: троцкисты погрязли в бесконечных дискуссиях, друг другу не доверяют, дееспособной организации в Аргентине создать не могут и убийц Троцкого не ищут.

* * *

К декабрю 1941 года агентурная сеть в Аргентине была в основном создана. Среди помощников только «Бланко» знал, что «Артур» — представитель советской разведки. Все другие считали, что он — ответственный по «специальной работе компартии». В общении с членами своей сети Иосиф использовал различные имена, хотя чаще всего представлялся как «Антонио».

В аппарат «Артура» поступали сведения о различных сторонах политической, экономической и военной жизни в Аргентине. В министерстве иностранных дел агент «Гарса», дипломат с опытом работы в Европе и США, имел постоянный доступ к депешам, которые докладывались министру. «Гарсу» нередко привлекали для подготовки важных нот, меморандумов и проектов докладов для президента. С агентом Иосиф встречался на конспиративной квартире в брачном агентстве. Ирония этих встреч состояла в том, что «Гарса», в силу своей нетрадиционной ориентации, интереса к женскому полу не испытывал.

В министерстве внутренних дел канцелярией одного из департаментов заведовал агент «Вальенте». Он делал копии с документов, в которых анализировались самые острые и болезненные проблемы жизни страны. Многие из этих документов обсуждались на совете министров, причем «Артур» знакомился с их содержанием раньше, чем сами министры.

«Вальенте», однако, не довольствовался материалами, которые проходили через его руки, и пытался добывать документы из других отделов МВД. Он был «старожилом» в министерстве и хорошо знал, где что «плохо лежит», когда приходит первый и когда уходит последний служащий, как коротают время на дежурстве охранники. Все это принималось во внимание, чтобы без осечек провести очередную операцию по выемке документов. Делал это «Вальенте» не в одиночку, а с ассистентом, молодым хирургом «Кандидом», гибкие пальцы которого не только профессионально проводили сложные операции, но и артистически вскрывали сейфы.

Еще один агент — «Бартоломе» — был опытным экономистом, который вел свое «частное» досье на все крупные торгово-промышленные предприятия и финансовые учреждения в стране. В партиях не состоял, но был, как выразился однажды Армандо Кантони, «симпатизером КПА». Он вручал «Артуру» аналитические документы о проникновении германского капитала в экономику Аргентины, сведения о конкретных немецких фирмах и коммерсантах, судах, использующих «чужой флаг» для перевозки товаров для стран «оси». Информация «Бартоломе» использовалась при определении целей для диверсий. В середине 1943 года «Бартоломе» принял участие в манифестации, главным лозунгом которой был разрыв отношений с Германией и Японией. Его арестовали, продержали несколько недель в Вилья-Девото, а потом отправили в Патагонию.

Успешно шла работа с полицейским агентом «Отто», который служил в департаменте охраны иностранных посольств. О тайном членстве «Отто» в КПА до знакомства с ним «Артура» знали только двое — Викторио Кодовилья и Хосе Реаль. Перед «Отто» партийные руководители поставили долгосрочную задачу — устройство на работу в репрессивный орган — «Сексьон эспесиаль». В полицейском аппарате Буэнос-Айреса, помимо «Отто», служили «Пако» и «Данте». От кого-либо из них обязательно поступил бы сигнал тревоги, если бы резидентуре угрожала опасность. Особые надежды Иосиф возлагал на «Данте», который трудился в полицейской фотолаборатории. Скрытая фотосъемка «объектов» активно практиковалась службой наружного наблюдения. Использование «наружки» означало, что в полиции придают данному конкретному делу большое значение. В материалах, которые передавал «Данте» «Артуру», чаще всего мелькали лица американцев, реже — немцев. Изредка фигурировали члены сионистских организаций, среди них однажды «Артур» увидел американского дипломата Т., Моисея и

Флору Тофф. Их сфотографировали на ступеньках дома на улице Айякучо…

* * *

Нельзя не упомянуть еще одного помощника «Артура» — «Чато», аргентинца по рождению, 30 лет. По путевке КПА он попал в Испанию, сражался в интербригаде. Был не раз отмечен командованием за храбрость. После поражения республики был интернирован во Франции. На пароходе спасения «Виннипег», зафрахтованном по указанию президента Педро Агирре Серды, «Чато» эвакуировали в Чили в числе трех тысяч республиканцев. В августе 1941 года он вернулся в Буэнос-Айрес и стал работать таксистом. Однажды в машину «Чато» сел Армандо Кантони. Они разговорились. Кантони расспросил таксиста о жизни, политических настроениях, отношении к троцкистам, вспомнили об испанской эпопее. Интербригадовец посетовал на отсутствие настоящего боевого дела. Вскоре в гости к «Чато» пришел «Бланко»…

Так «Чато» вошел в состав резидентуры. Одним из первых он был включен в диверсионную группу (в переписке — «Д-группа»).

Глава XII. СОЗДАНИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ

Проведение актов саботажа против объектов стран «оси» — вот главная задача, которую Центр поставил перед южноамериканской резидентурой. Поэтому в июле—декабре 1941 года Григулевич занимался формированием диверсионной группы. Начинать пришлось с азов. Прежде всего он отыскал у букинистов потрепанную книжку шпионских мемуаров Франца фон Ринтелена. Прославленный мастер саботажа с истинно немецкой педантичностью описал свою работу по проведению диверсионных акций в американских портах и трюмах транспортных судов. Мемуары Ринтелена были, по сути, беллетризированным пособием для начинающего диверсанта и саботажника.

«Артур» «взял на карандаш» многие «рекомендации» немца. Взрывчатку надо использовать только в крайнем случае, взрыв — явный признак диверсии. Подготовка эффективных снарядов в условиях войны — сложная задача, поскольку контрразведка берет под контроль места хранения и продажи сырья и материалов, которые могут быть использованы для фабрикации взрывного или зажигательного устройства. Иосиф отметил для себя, что фон Ринтелен опирался в диверсионной работе на соплеменников, проживавших в Соединенных Штатах (многие имели военную подготовку), и ирландцев, которые были готовы пойти на любой риск во имя достижения полной независимости своей страны. В его, «Артура», случае, параллель была очевидной: при налаживании Д-работы надо опираться на братьев-славян и испанцев.

Похождения фон Ринтелена имели счастливый конец. После всех своих «подвигов» на американской территории он сумел-таки избежать ареста. Агент кайзера покинул США по фальшивому паспорту. После разнообразных злоключений он поселился в Англии. Если судить по предисловию к мемуарам, убежденный монархист не хотел сотрудничать с главарями Третьего рейха. Но Иосифу показалось, что фон Ринтелен лукавил. Скорее всего, он исчерпал свой ресурс на авантюры во время Первой мировой войны. А потом просто понял, что писать мемуары все-таки безопаснее.

* * *

О выборе целей для диверсий «Артур» думал постоянно. В конце 30-х годов немецкие коммерческие миссии усиленными темпами закупали в странах Латинской Америки стратегическое сырье. В Чили их интересовала селитра, в Боливии — олово, в Аргентине — продовольственные товары, кожа и шерсть, в Бразилии и Колумбии — кофе и какао. Когда разразилась Вторая мировая война, германский торговый флот оказался фактически запертым в Балтийском море. Поэтому десятки тысяч тонн грузов для стран «оси» перевозились на судах под нейтральным флагом — Португалии, Испании, Швеции и даже Швейцарии. Из портов Испании и Португалии грузы переправлялись сухопутным путем в Германию и Италию.

Торговые эмиссары Третьего рейха наладили четкую систему закупок стратегических материалов через подставных лиц. В номенклатуру этих материалов входили, помимо упомянутых, медь, вольфрам, слюда, платина, промышленные алмазы и… даже печеночный экстракт. Считалось, что экстракт улучшает «ночное зрение» военных пилотов. За годы войны немцы истратили в Аргентине миллионы долларов на приобретение стратегического сырья. Комиссионные выплаты посредникам достигали астрономических сумм. На подобных «услугах» создавались огромные состояния. Конечно, далеко не все южноамериканские поставщики знали адреса получателей. Транспортные компании и портовые власти чаще всего не настаивали на этом. Шла война, и зарабатывать деньги становилось все сложнее. Трудно быть разборчивым в таких условиях.

В начале 1942 года «Артур» получил информацию о том, что контрабандой сырья на нужды военной промышленности рейха руководит Дитрих Нибур (псевдоним «Диего»), главный резидент абвера в странах Южной Америки с 1936 года. По «крыше» он являлся военно-морским атташе германского посольства в Аргентине. В 1939—1941 годах его люди чаще всего для переброски контрабанды использовали итальянскую трансатлантическую авиалинию ЛАТИ, но вступление США в войну привело к прекращению полетов ЛАТИ на континент. Немецкие разведчики переориентировались на морской канал, вербуя моряков с португальских и испанских судов. Морякам трудно было удержаться от соблазна: провоз контрабанды оплачивался щедро, вдвое-втрое перекрывая обычный заработок за рейс. Самый рискованный этап подобных незаконных операций был связан с обязательным досмотром «нейтралов» британской «морской таможней», которая базировалась на Бермудах.

Действовала она крайне жестко, нередко пренебрегая даже дипломатическим иммунитетом.

Поначалу сведения о подставных фирмах, наемных коммерсантах наци, характеристике грузов, моряках-контрабандистах и судах, используемых для операций абвера, добывались резидентурой «Артура» с немалым трудом. Но по мере привлечения новых людей в разведсеть эта проблема постепенно решалась. На первых порах весьма полезным был «научный архив» доктора «Бартоломе». С его помощью удалось выйти на ведущих «поставщиков» рейха в Аргентине. Затем в сеть «Артура» вошел лидер профсоюза портовых служащих «Гелеос», через активистов которого стала ежедневно поступать информация о конкретных судах и конкретных грузах для стран «оси». Масштабы тайной торговли Аргентины, Чили, Бразилии и Колумбии с Третьим рейхом поражали. Пособники нацистов были готовы на все в погоне за сверхприбылями. Но нет ничего тайного, чтобы не стало явным.

Люди «Гелеоса» анализировали сводки о приходе и отходе судов, копались в бортовых списках экипажей, ворошили таможенные документы и архивы, «вычисляя» нацистов, которые скрывались под маской безобидных «нейтралов». Ветеран советской разведки, первый биограф Григулевича, Лев Воробьев написал в своем исследовании об истории диверсионной работы резидентуры в Буэнос-Айресе: «Благодаря усилиям своих помощников “Артур” разгадал весь этот сложный механизм. Были выявлены морские компании, изучены расписания и маршруты судов-перевозчиков, установлены склады, выявлена система их охраны, режим в порту и многие другие вопросы. После анализа собранной информации решили: уничтожать предназначенные для Германии грузы путем организации диверсий в порту Буэнос-Айреса и на судах-перевозчиках».

Особенно «перспективным» объектом для проведения диверсий была чилийская селитра. Мировая пресса с 20-х годов настойчиво сообщала о достижениях науки по созданию искусственной селитры. Тем не менее потребность в натуральном минерале была огромной: прожорливая военная промышленность рейха поглощала все. Из селитры изготовлялись взрывчатка, черный порох, различные материалы для химических лабораторий и предприятий Германии, обслуживавших вермахт. Поставки чилийской селитры были жизненно необходимы для военных усилий рейха. Минерал большими партиями закупался нацистской агентурой в портовых терминалах на тихоокеанском побережье Чили — в Вальпараисо, Антофагасте и Икике. Коммерсанты действовали безнаказанно, потому что президент

Педро Агирре Серда, а после него президент Хуан Антонио Риос, поддерживали дипломатические отношения с гитлеровской Германией до 1943 года. Из Чили мешки с селитрой перевозились морем в порты Буэнос-Айрес и Монтевидео (через Магелланов пролив) или по железной дороге через андский перевал Лос-Либертадорес.

* * *

Иосиф понимал, что просить Центр о помощи по организации Д-работы бесполезно. В пригородах Москвы шли ожесточенные бои с танковыми колоннами немцев. Там решалась судьба Советского Союза. Как настаивать в такое время о направлении в Буэнос-Айрес специалиста-подрывника? В немецком тылу они куда нужнее. Хорошо еще, что Центр обещал прислать резидентуре деньги на текущие расходы, но и они запаздывали. Из сложного положения надо было выходить своими силами. Поэтому Иосиф дал себе зарок: воздерживаться от просьб! Он будет направлять в Центр только отчеты о проделанной работе и информацию, которая может быть полезной Москве. Подготовка этих документов занимала много времени. Сообщения кодировались при помощи так называемого «книжного шифра». На подоконнике в его квартире среди энциклопедических словарей, справочников «Кто есть кто», «бедекеров» на испанском языке и подшивок литературного журнала «Сур» затерялся томик Гёте с романом «Страдания молодого Вертера». Это был шифровальный инструмент резидента, и реальных страданий он доставлял немало. Как вспоминал позднее Григулевич, небольшие тексты оперативной информации раздувались из-за использования «книжного шифра» до «слоновьих размеров».

Можно представить, как проклинал несовершенство своего кода Григулевич, готовя очередное послание. Вначале подготовить текст информации, потом сочинить фиктивное письмо воображаемому американскому адресату на нескольких листах и только затем симпатическими чернилами вписать между строк оперативное сообщение. Для энергичного человека с беспокойным темпераментом это было хуже пытки. «Артур» избавился от изнурительного труда по шифрованию только тогда, когда в Буэнос-Айрес приехала жена Лаура…

* * *

На создание диверсионного снаряда потребовалось больше времени, чем предполагалось. Иосиф последовал заочному «совету» Ринтелена и решил не пользоваться взрывчаткой, поскольку это было чревато быстрым провалом. Пример из недавнего прошлого имелся. В мае 1940 года нацистские саботажники взорвали динамитные заряды в машинном отделении и трюме английского судна «Гасконь», на которое в порту Буэнос-Айреса грузилось мороженое мясо. Один грузчик погиб, пять других получили тяжелые ранения. Полиция без труда вычислила «виновника» диверсии: Германия и Англия находились в состоянии войны. Были предприняты меры для ареста Карла Арнольда, который возглавлял группу нацистских экстремистов. По его приказу разгромили торговый дом Харродса (английский объект!) и внедряли гнилостные бактерии в мясопродукты, поставляемые в Англию.

И тут не спасали никакие взаимные политические симпатии. Аргентина самым строгим образом предупредила германское посольство о том, что не позволит превращать свою территорию в «поле боя». Карл Арнольд бежал в Уругвай, где был арестован по указанию местного шефа полиции. После угрожающей ноты германского посольства Арнольда доставили в порт и на японском торговом судне отправили в Рио-де-Жанейро, откуда шеф немецких саботажников вылетел на итальянском самолете в Европу. Диверсионная деятельность его в Аргентине не продлилась и года, несмотря на наличие надежных укрытий, многочисленных помощников и тщательную подготовку в диверсионной школе. Рейх высоко оценил его заслуги. Арнольда послали работать в резидентуру в дружественном Мадриде.

Чтобы не повторять чужих ошибок, «Артур» сделал выбор в пользу зажигательной мины замедленного действия.

Для создания «зажигалки» он привлек своего друга-аргентинца Антонио Гонсалеса (псевдоним «Доминго»), работавшего в химической лаборатории «Патагон», которая выполняла заказы по производству товаров бытовой химии: от стиральных порошков до косметики и ароматических свечей. Антонио и его жена с тревогой следили за событиями в Европе, военные успехи Гитлера беспокоили их все больше: неужели Аргентину ожидает такая же участь — оккупация и охота на евреев? Самоубийство писателя Цвейга и его жены в феврале 1942 года в Бразилии они восприняли как проявление панического страха перед нацистами. Осудили этот поступок и решили, что их путь — не капитуляция, а активная борьба с нацизмом. Когда «Артур» пригласил их войти в нелегальную «Антифашистскую группу», они не колебались.

После ряда неудачных попыток Антонио разработал конструктивную схему зажигательного снаряда. В феврале 1942 года «Артур» сообщил в Нью-Йорк, что для подготовки опытных образцов создана мастерская-лаборатория. Возглавил мастерскую, а потом и Д-группу Феликс Клементьевич Вержбицкий (псевдоним «Бесерра») — поляк, выходец из Западной Украины. Он отправился в Аргентину за «лучшей долей» в конце 20-х годов. Проливал пот на сельскохозяйственных фермах, потом трудился ремонтником в порту. Пытался стать «стопроцентным аргентинцем», но не получилось. Наверное, поэтому он болезненно переживал дискриминацию славян, к которым в Аргентине нередко относились как к «гражданам второго сорта». В 1936 году Вержбицкий рвался в Испанию. Но в КПА ему рекомендовали продолжить работу в «Движении по защите Республики»: проводить летучие митинги в поддержку Испании, собирать деньги на интербригаду, отправлять посылки с одеждой и продовольствием для испанских детей. Рекомендацию на Вержбицкого дал «Артуру» Армандо Кантони: «Обладает волевым характером и задатками руководителя. Владеет навыками конспирации. Образование — начальное, но политически подкован, не раз говорил своим друзьям, что бросил бы все, чтобы уехать в Советский Союз бить фашистов на фронте».

Пробный образец зажигательного снаряда отрабатывался несколько недель. В марте, на одной из контрольных встреч с Антонио Гонсалесом в парке Палермо Иосиф сказал: «Нацисты все больше наглеют: на причалах ежедневно загружается по три-четыре судна для стран “оси”. Вы с Феликсом должны сделать этот снаряд. Д-группе пора приступать к действию. Представь себе чувства ребят, когда они провожают глазами пароходы, безнаказанно уходящие в Европу».

Усилия «кустарей-изобретателей» по созданию «чудо-оружия» увенчались успехом. Внешне оно напоминало обычную фляжку для оливкового масла. Горючая смесь начинки составлялась из имевшихся в свободной продаже безобидных химических реактивов, которые надлежало смешивать в необходимых весовых пропорциях. Получалась вязкая, тягучая масса оранжево-красного цвета, которая горела ослепительно-белым пламенем и давала температуру более 2000 градусов. Антонио мог гордиться своим *«know-how»*. После проведения испытаний «Артур» убедился, что термитный снаряд эффективен и может применяться для осуществления диверсий с «замедлением» от одной до двух недель[47].

Для серийного производства «зажигалок» стали подыскивать помещение под мастерскую. Иосиф вспомнил о постройке в

Велес-Сарсфилде, в которой некогда ютился прогоревший «свечной заводик». Феликс Вержбицкий побывал там и договорился с хозяином об аренде. «Что будете делать в мастерской?» — спросил хозяин. «Банки для мясных консервов». — «Для англичан?» — оживился хозяин. Он слышал краем уха о том, что Аргентина подписала с Англией контракт на поставку говядины. «Нет, для собак». Поторговались о стоимости аренды и ударили по рукам.

Материалы для изготовления «зажигалок» добывались с большой осторожностью и в разных местах. Часть реактивов Антонио приносил в мастерскую из лаборатории «Патагона». Окись железа удалось отыскать в городе Росарио у владельца хозяйственного магазина, еще до войны закупившего большую партию. Как написал в одном из своих отчетов «Артур»: «Долгое время этот товар не находил сбыта. И вдруг — везение! Какой-то столичный “лаборант” решил приобрести сразу всю партию, не потребовав даже счета. Что ж, хозяин хозмага хорошо *нажился* на этой сделке, а “лаборант”, возвращаясь в Буэнос-Айрес, деловито подсчитывал, сколько снарядов можно будет смастерить из купленного материала. Получалось, что сотни три, не меньше».

Феликс Вержбицкий с энтузиазмом взялся за сборку зажигательных снарядов. В одиночку справиться с этим сложным делом было невозможно, и вскоре он привлек к этой адской работе — в глухом, плохо проветриваемом подвале, при тусклом освещении, — своего земляка с Волынщины Павла Борисюка («Пабло»). Через их руки прошли десятки «зажигалок». Через «Пабло» делались заказы на изготовление детонаторов. Первоначально этим занимались братья-итальянцы, владевшие мастерской по ремонту кухонной посуды. Позже выяснилось, что они были «на крючке» у полиции как злостные изготовители «агуардьенте». Самогонный бизнес в те годы не был чем-то особым, многие подрабатывали этим. Но конспирацию никто не отменял, и «Артуру» пришлось братьев-самогонщиков «уволить».

После напряженных поисков вышли на хорошего мастера по металлу — «Оскара». По совету Феликса, он уволился с прежней работы и устроился в мастерскую морского арсенала. Взяли «Оскара» без колебаний: еще бы, в отдел кадров он принес письменную рекомендацию священника, в которой было тесно от похвальных эпитетов: «благонамеренный», «послушный», «исполнительный», «богобоязненный». Вскоре «Оскар» освоился в арсенале, был отмечен начальством и повышен в должности до мастера. Он получил доступ к станкам и в течение двух лет снабжал Д-группу необходимыми деталями для «зажигалок». Терпеливо, изо дня в день в течение двух лет он изготавливал

компоненты зажигательного снаряда и, вручая их «Феликсу», «Маго» или «Чато», требовал передать «начальству», что настаивает на личном участии в боевых операциях. «Бланко» стоило больших усилий внушить ему, что он — самый незаменимый участник Д-группы и потому ни при каких обстоятельствах не должен рисковать своей жизнью.

Глава XIII.
РАЗВЕДТОЧКА В ЧИЛИ

По прибытии в Сантьяго Леопольдо Ареналь отыскал товарища Хорхе, который занимался в чилийской компартии секретной работой.

«Я из Буэнос-Айреса от “Медины”. Прошу срочной встречи с товарищем “Альберто”».

Чилиец внимательно изучил мандат, написанный тушью на тонком клочке подкладочной ткани, удостоверился в том, что он содержит условные знаки, подтверждающие подлинность документа, и окинул взглядом улыбающегося, элегантно одетого гостя.

«Ты, товарищ “Педро”, ориентируешься в городе?»

«Пока что не очень», — признался Леопольдо.

«Не пройдет и недели, будешь знать Сантьяго как свои пять пальцев, — успокоил Хорхе. — На первый раз я тебя провожу. Встретимся у касс вокзала Мапочо…»

* * *

В далекие 40-е годы Гало Гонсалес — товарищ «Альберто» — был заметной фигурой в коммунистическом движении Латинской Америки. Он никогда не подвергал сомнению директивы Коминтерна и в этом походил на Кодовилью — руководителя сталинской закалки. Родился Гало 23 февраля 1894 года в семье бедного крестьянина в провинции Вальпараисо. «Классовое сознание» пробудилось у Гало, по собственному признанию, довольно поздно, лет в двадцать пять, когда он работал на медном руднике «Эль Теньенте».

Марксистские идеи с трудом преодолевали Анды, но вести о победе большевистской революции докатились и до чилийского пролетариата. Писатель Луис Энрике Делано в посмертной биографии Гало не умолчал о том, что будущий Генеральный секретарь партии «переболел» анархо-синдикалистскими теориями, штудировал Бакунина и Кропоткина. Годам к тридцати Гало стал эволюционировать в сторону Коминтерна.

В 1926 году он вступил в МОПР. Именно Гало Гонсалес организовал в 1927 году отправку продовольствия и теплой одежды руководителям КПЧ, которых диктатор Ибаньес сослал на безлюдный, обдуваемый ветрами Тихого океана островок

архипелага Хуана Фернандеса. Старания Гало, о котором в КПЧ ничего прежде не знали, были замечены. С этого эпизода и началось его сближение с коммунистами. В 1932 году, когда после падения недолговечной «Социалистической республики Чили» начались гонения на левых политиков и активистов, Гало арестовали и отправили в ссылку на остров Моча на юге Чили. Чилийская зима, особенно на юге, — это нелегкое испытание даже для крепких, выносливых мужчин: потоки свинцового антарктического воздуха, ледяные дожди, контрастные смены дневных и ночных температур, от чего даже камни разваливались на части. Но Гало с честью выдержал это испытание.

В 1937 году он совершил первую заграничную поездку, конечно в СССР. Вместе с Элиасом Лафферте[48] Гало принял участие в праздновании 20-й годовщины Октябрьской революции. Его пригласили на ряд совещаний с руководителями Коминтерна, в том числе Димитровым и Мануильским. Гало им понравился: «Именно такими руководящими кадрами — с надежной пролетарской основой — необходимо укреплять партию». Гало в ускоренном порядке прошел подготовку по спецработе на коминтерновской «даче». «Председатель контрольно-кадровой комиссии обязан владеть техникой конспирации и обеспечения внутренней безопасности партии в совершенстве. Компартия должна защищаться от проникновения чуждых элементов: от троцкистов до полицейских агентов», — этот главный урок Гало усвоил крепко и навсегда.

В качестве «блюстителя партийной дисциплины» Гало Гонсалес заявил о себе во весь голос на 9-м пленуме партии, который прошел в Театре Кауполикан в Сантьяго-де-Чили в октябре 1940 года. Партия не потерпит идеологических отклонений! Никакого флирта с чуждыми идеями и умонастроениями! При подготовке доклада Гало опирался на рекомендации Викторио Кодовильи, который первым обратил внимание на засилье масонов в КПЧ и «странно примирительное» отношение к ним со стороны генерального секретаря Карлоса Контрераса Лабарки[49]. При столь надежной поддержке Гало Гонсалес развернулся во всю мощь. Он обрушился с жесткой критикой на масонскую ложу Чили, которая «тихой сапой» проникала в КПЧ, приобретая «братьев» из ее рядов. Гало заявил, что партия не позволит разлагать ее изнутри. Более того, он пригрозил ответными мерами: «Для этого мы располагаем нужной информацией. И в соответствии с нею будем действовать. Масоны и их политическая организация — радикальная партия — являются нашими соратниками в Народном фронте, но это не означает, что мы будем проявлять беззубость!»

В течение многих лет Гало Гонсалес боролся за чистоту партийных рядов, называя себя «практиком революции» и стараясь быть образцовым коммунистом. Принципиально не употреблял спиртного, не курил, был известен как примерный семьянин. В отличие от Лабарки, Гало Гонсалес не питал слабости к комфортной жизни «в буржуазном духе». Только в 1940 году он обзавелся собственным домиком «без удобств» в пригороде Сантьяго. У него было трое детей, — Гильермо, Гильермо Григорио и Сталин, — они часто болели, и до взрослых лет дожил только второй сын.

Внешне Гало казался человеком сухим и жестким. Но это было внешнее впечатление. Он умел прощать «житейские проступки» членам партии и только в самых серьезных случаях настаивал на исключении. Непримиримую позицию он занял, в частности, в отношении Маркоса Чамудеса, который занимался финансовой и коммерческой деятельностью предприятий (типографий, фабрик, мастерских), принадлежавших КПЧ. В «комиссию контроля» поступили данные о том, что Чамудес является предателем, регулярно встречается с шефом тайной полиции Освальдо Сахуэсой. Кроме того, узнали о пагубной страсти Чамудеса: он проигрывал в казино курортного города Винья-дель-Мар значительные суммы из партийной кассы.

Объяснения Чамудеса не были приняты во внимание. Его исключили из партии, после чего ему пришлось уехать в Соединенные Штаты. Гало Гонсалеса он ненавидел до конца жизни и, превратившись в ярого антикоммуниста, во всех своих писаниях называл Гало «чилийским Берией». В Чили имя Чамудеса до сих пор является нарицательным, что-то вроде Азефа или Малиновского.

Такую же непримиримость Гало проявил по отношению к перуанцу Эудосио Равинесу. Бывшего Генерального секретаря компартии Перу Коминтерн прислал в Сантьяго для оказания чилийцам помощи в создании Народного фронта. Когда Фронт был успешно создан (то ли по стечению благоприятных исторических обстоятельств, то ли в силу исключительных политических способностей Равинеса), ему поручили издание газеты «Френте Популар», предшественницы «Эль Сигло». Он слишком увлекся своим «эмиссарством» и стал бесцеремонно вмешиваться в дела КПЧ. Чилийцы стали жаловаться, и Равинес получил из Москвы серьезный «втык» за «авторитаризм» и настоятельный совет «не вмешиваться в ключевые вопросы руководства партией».

К тому же стало известно, что он сблизился с масонскими деятелями и превратил газету в чисто коммерческий орган,

выхолостив из нее революционный дух. На страницах «Френте Популар» Равинес уделял гораздо больше внимания победам гитлеровских генералов и дипломатическим миссиям Риббентропа, чем выступлениям Сталина или Мо-лотова. Материалы «Супресс», отражающие жизнь в Советском Союзе, Равинес публиковал на «газетных задворках». Зато новости о событиях в нацистской Германии появлялись только на первой полосе. У Кодовильи возникли подозрения: а не получает ли Равинес ежемесячное денежное содержание от немецкого атташе по печати Вильгельма Хаммершмидта? «Париж пал!» — такой торжествующий (иначе не скажешь) заголовок дал Равинес на первой полосе «Френте Популар» после вступления гитлеровцев во французскую столицу. Сомнений не осталось: перуанец откровенно симпатизирует Третьему рейху. Единодушным решением ЦК КПЧ его отстранили от партийной работы[50].

…Встреча «Алекса» с руководством КПЧ прошла поздним вечером на конспиративной квартире партии в офисе адвоката Луиса Капдевильи на улице Театинос, в нескольких кварталах от железнодорожного вокзала Мапочо.

Товарищ Хорхе подвел Ареналя к двухэтажному особняку, сказал: «На первом этаже, дверь с буквой “А”».

Первым Леопольдо увидел Гало Гонсалеса, который отложил в сторону газету и приветливо улыбнулся. Сидевший рядом Контрерас Лабарка с неприкрытым любопытством стал рассматривать гостя. Особой радости в его глазах не было. Очередной эмиссар, который будет учить уму-разуму?

Леопольдо протянул чилийцам свой мандат, на котором стояла подпись Кодовильи, и без долгих предисловий сообщил:

«Я назначен Москвой для организации разведывательной сети в Чили. Поэтому мне потребуется помощь. Большая помощь. Особенно людьми».

«Лучше поздно, чем никогда, — сказал Контрерас, усмехнувшись. — Западные союзники уже здесь. Штаты посольств растут, как на дрожжах. У американцев и англичан число прикомандированных атташе перевалило за добрую сотню. Так, Гало?»

Тот кивнул головой и заверил:

«Помощь окажем. Опыт специальной работы нашим людям не помешает. Для каких конкретно целей необходимы кадры?»

«Работа по нацистам. Пресечение поставок селитры и меди во враждебные страны. Вплоть до использования методов саботажа».

«Москва настаивает на саботаже в Чили? — удивился Контрерас. — Может, для начала предпочтительнее использовать другие методы? К мнению нашей партии в стране

прислушиваются, поэтому, может, лучше не торопиться с саботажем и диверсиями…»

Разговор затянулся на несколько часов. Звучали имена возможных кандидатов для использования в разведсети, но Леопольдо они мало что говорили.

«И еще надо посмотреть сотрудников в “Эль Сигло”, — сказал в завершение разговора Гало. — В редакции есть много боевой, идеологически зрелой молодежи. С ними можно в огонь и в воду. Я наведу справки у Луиса Корвалана».

Без помощи Гало Леопольдо вряд ли удалось бы быстро построить разведывательную сеть. В КПЧ даже после изгнания Чамудеса и Равинеса не все было благополучно. Сомнительные элементы, нестойкие попутчики, скрытые троцкисты и «тайные друзья» полиции все еще таились в организации, несмотря на «чистки». Гало был откровенен с товарищем «Педро», не приукрашивал реального положения дел и потому был предельно осторожен в своих рекомендациях по привлечению товарищей к «специальной работе». В список кандидатов Гало и Леопольдо включили два десятка имен.

Среди них были люди самых различных профессий и социальных слоев, но преобладали журналисты, в основном из коммунистической печати. Чаще всего упоминались сотрудники газеты «Эль Сигло». Директором ее в то время был Луис Корвалан, будущий генеральный секретарь компартии.

О событиях тех далеких лет мне рассказал сам Луис (Лучо) Корвалан. О встрече мы договорились по телефону, и я приехал к нему домой в Ньюньоа, в тихий малоэтажный район Сантьяго. Просторный дом, где у каждого, даже внучек, есть свое «жизненное пространство», семья Корваланов приобрела благодаря усилиям самого Лучо. Проявленные им деловые способности до сих пор с восхищением комментируются в семье. Общее мнение таково, что старейшина рода хорошо вписался бы в неолиберальную эпоху и стал богатым человеком, если бы проявлял чуть больше «гибкости». Но в том то и дело, что Луис Корвалан не из тех, кто меняет убеждения.

В тот день мы говорили с доном Лучо обо всем: о текущем историческом моменте, об эксцессах неолиберализма, о трагических последствиях развала Советского Союза для судеб Латинской Америки. Много говорили о прошлом, о тех годах, когда Лучо руководил газетой «Эль Сигло». Благодаря упорству Корвалана и молодой плеяды журналистов, газета стала самой читаемой в стране. Она ни в чем не проигрывала своему антагонисту — газете «Меркурио», которую издавал Агустин Эдварде, консерватор, тысячью нитей связанный с замкнутым

миром чилийской олигархии. «Англизированность» его манер и привычек гармонировала с пробританской ориентацией газеты. Проамериканской она стала позже, когда денежный интерес возобладает над ностальгией по «туманному Альбиону».

Корвалан вспоминал о том, как поздно ночью в редакцию «Эль Сигло» пришло телеграфное сообщение о нападении Германии на Советский Союз. Пришлось срочно переделывать верстку: «Разумеется, мы дали сообщение на первую страницу, снабдив ее большой фотографией Сталина, а также заголовками и комментариями, выражавшими твердую уверенность в неизбежном поражении фашизма». Позже в «Эль Сигло» постоянно публиковались материалы агентства «Супресс», пламенные комментарии Ильи Эренбурга и Хосе Саладо. Газета была вдохновителем кампании солидарности с Советским Союзом, вела борьбу за разрыв отношений Чили с державами тоталитарной «оси», чего удалось добиться из-за сильнейшего противодействия чилийской реакции лишь в 1943 году.

Немцы и их пособники в Чили делали все возможное, чтобы парализовать газету. Луису Корвалану в качестве ответственного директора «Эль Сигло» пришлось даже посидеть в тюрьме, после того как посольство Германии подало на газету в суд за «неоднократные оскорбления фюрера, лидера страны, с которой Чили поддерживает нормальные дипломатические отношения». Нацисты ловко использовали демократические судебные процедуры, чтобы защититься от «неоправданных нападок и преследований», исходящих от газет и журналов, которые были на стороне Объединенных наций…

Я затронул тему участия сотрудников газеты в подпольной борьбе против нацистов.

«Что касается особых заданий, то этим всегда занимался Гало. Я его не расспрашивал по понятным причинам. Вполне допускаю, что наши молодые репортеры участвовали в слежке за нацистами, — сказал Корвалан. — Сколько раз мне приходилось наблюдать за “конспиративным” шушуканьем этих ребят в дальних закоулках редакции. И я одобрял их: “пятая колонна” в Чили действовала с чрезвычайной наглостью. Дошло до того, что наци-фашисты оспаривали любую публикацию, оскорблявшую их “чувство собственного достоинства”. Такие чувствительные нацисты!»

Дон Лучо с теплым чувством вспоминал о «конспираторах» — блестящей плеяде молодых авторов газеты. Среди них были поэт Хоакин Гутьеррес из Коста-Рики, еще один поэт — сын выходцев из Палестины Марио Ауэса Абукалил, чилиец Кристиан Касанова и венесуэлец Эдуардо Пекчио. Их имена еще появятся на

страницах этого повествования…

* * *

В начале августа 41-го года Леопольдо наведался в Чильян. Работа Сикейроса над муралью была в самом разгаре. Ему помогала «команда художников», в которую входил Луис Ареналь и Антонио Пухоль. Леопольдо сообщил брату, что по поручению «Антонио» (один из псевдонимов Григулевича того времени) создает в стране нелегальную организацию. Ее задача — вести наблюдение за местными нацистами и при всяком удобном случае наносить по ним «сокрушительные удары». Тут же решили, что Луис покинет Чильян и совершит поездку по северным селитряным районам Чили. Требовалось изучить обстановку, состояние дел с добычей минерала, возможность пресечения его отгрузки в порты Буэнос-Айреса и Монтевидео. «Бойкот, конечно, — предпочтительнее, — заметил «Алекс». — Но, если этот номер не пройдет, будем взрывать бомбы».

Анхелика Ареналь втайне от мужа пожаловалась брату на Пухоля: он продолжает пьянствовать, причем в компании «подозрительных чильянских друзей». Через несколько месяцев, по совету «Алекса», Григулевич перевел Пухоля в Монтевидео, где обстановка была гораздо спокойнее. Серьезных поручений ему больше не давали[51].

С Сикейросом Леопольдо о разведывательной работе не говорил, памятуя о строжайшем запрете «Артура»: «“Дедушка” находится под неусыпным надзором, не вздумай его привлекать».

Предупреждение было не лишним. На улице 10 Апреля, 12, находился всевидящий отдел Криминальной полиции. Там не слишком озабочивались проблемами монументальной живописи. Главным для них было одно — вовремя среагировать на политически вредные деяния «мексиканского террориста» и просигнализировать о них в министерство внутренних дел. Подтверждение о неусыпной слежке через надежного посредника передал Сикейросу региональный секретарь КПЧ Энрике Кирберг-Балтянский, для которого секретов в городе не существовало. За годы правления Народного фронта компартии удалось «продвинуть» своих людей в полицию и корпус карабинеров.

Луис ничего не таил от своих, и вскоре Сикейрос знал о причинах, побудивших Леопольдо заглянуть в Чильян. «Антонио» затевает новое дело. Странно, что он не передал ему из Буэнос-Айреса никаких поручений. Стали меньше доверять после мексиканского провала? Сикейрос после пережитых в Мексике

испытаний полностью погрузился в творчество. С местными коммунистами не контактировал, хотя знал, что по адресу улица Майпон, 562, располагалась штаб-квартира регионального руководства КПЧ. Железнодорожники, строители и розничные торговцы были опорой организации. Даже на городском рынке существовала партячейка. В нее входили продавцы, рубщики мяса и уборщики. Они регулярно встречались и обсуждали такие серьезные дела, как коррупция в чильянской алькальдии, ход соревнования между ячейками по сбору миллиона песо на типографское оборудование, социальная политика правительства Народного фронта, факты несправедливого распределения дачных участков для горожан.

После нападения Гитлера на Россию коммунисты Чильяна надолго отложили в сторону мелкие повседневные дела. Под руководством Кирберга они уже 22 июня 1941 года провели в Чильяне массовую манифестацию в поддержку Советского Союза. Вечером того же дня Кирберг собрал на совещание руководство Ассоциации друзей СССР, на котором было решено приступить к сбору средств на Красную Армию, изготовить и приобрести в качестве подарка красным бойцам максимальное число шерстяных свитеров и комплектов теплого нижнего белья. Недели через три в кинотеатре «О'Хиггинс» прошла конференция «Защитим СССР!». Основным докладчиком был известный журналист и писатель Танкредо Пиночет Ле Брун. Он прочитал несколько глав из своей брошюры «Почему я стал другом Советского Союза». Коммунистом Танкредо Пиночет не был, но достижения Страны Советов в различных областях жизни в такой степени поразили его воображение и так живо были описаны в брошюре, что лучшего «главного оратора» для этого вечера не нашлось бы. Собрание вел сенатор от КПЧ Амадор Пайроа, бросивший в зал полемичные, но с одобрением воспринятые всеми слова: «От победы или поражения СССР зависит будущее человечества, его дальнейший прогресс или же погружение в обскурантизм нового средневековья со зловещим нацистским символом — свастикой-пауком».

Амадор Пайроа был популярен не только среди коммунистов. Все знали, что благодаря собственному труду и упорству он сумел сколотить немалое состояние, владел сетью кинотеатров в Сантьяго и провинции, контролировал прокат немецких (до войны) и советских кинолент в Буэнос-Айресе и некоторых других южноамериканских столицах. «Коммунист-миллионер» — иронизировали парламентарии от буржуазных партий, заведомо зная, что значительную часть своих доходов Пайроа передает в партийный бюджет. Но на этот раз сеанс был бесплатным.

Участникам конференции показали фильм «Непобедимая Красная Армия», о котором в обязательной для тех времен программке было сказано: «Этот фильм дает представление об ударной мощи советских вооруженных сил, которые сегодня ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеровским агрессором».

По инициативе компартии в Чильяне в начале октября 1941 года был создан филиал Антифашистского союза Чили, в директорат которого вошел вездесущий Кирберг-Балтянский. Союзом при содействии Провинциального комитета Народного фронта, Конфедерации трудящихся Чили и Ассоциации друзей СССР был проведен «Марш за демократию», в завершение которого — на массовом митинге — были зачитаны призывы-требования, составленные Кирбергом и одобренные на заседании регионального руководства КПЧ:

1. Обратиться к послам США, Франции, Германии, Испании, Бразилии и (чилийскому) правительству с требованием об освобождении выдающихся лидеров рабочего класса, находящихся в тюремном заключении за свою демократическую деятельность, в первую очередь Эрла Браудера, Луиса Карлоса Престеса, Эрнста Тельмана, Марселя Кашена.

2. Потребовать от правительств Виши, Франко и Германии прекращения репрессий и казней рабочих лидеров в оккупированных странах.

3. Разорвать дипломатические отношения с Третьим рейхом и прекратить направление туда стратегических сырьевых материалов.

4. Установить дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом.

5. Призвать (чилийское) правительство с большей энергией бороться с проникновением и деятельностью нацифашистов, национализировать предприятия и собственность нацифашистских элементов в Чили.

На 2-й региональной конференции КПЧ в ноябре 1941 года прозвучали эти же требования, но в более жесткой форме. По заведенному порядку был избран почетный президиум в следующем составе: Сталин, Тельман, Марсель Кашен, Морис Торез, Пассионария, Эрл Браудер, Луис Карлос Престес, Элиас Лафферте, Карлос Контрерас Лабарка, Сальвадор Окампо. С докладом «О политической ситуации в Чили, мире и провинции Ньюбле» выступил Кирберг: «Надо всеми средствами помогать борьбе демократий с фашизмом, пресекать нацистское проникновение в Чили, а прогрессивным силам объединяться для защиты суверенитета и национальной целостности страны».

Можно представить, каких усилий стоило Сикейросу — с его

взрывным темпераментом — воздержаться от участия в актах солидарности с Советским Союзом. Он прочел книгу Танкредо Пиночета и согласился с каждым ее словом. В эти трудные времена художник в числе первых вступил бы в Ассоциацию друзей Советского Союза, но теперь, под тяжестью обстоятельств, был вынужден со стороны наблюдать за ее деятельностью. Сикейрос проходил мимо скромной вывески Ассоциации друзей СССР на улице Арауко, 806, даже не делая попыток заглянуть туда. Откровенной слежки за собой он не замечал, но была ли она нужна в столь небольшом городке, где все друг друга знали, как в одной большой семье. Эта внутренняя напряженность и опасения отзовутся через несколько лет такими словами художника: «Чильян был для меня городом добровольного тюремного заключения».

Слухи о деятельности «пятой колонны» ползли по всей стране, и Чильян не остался в стороне. К югу от города простирались земли, плотно заселенные немцами, которые до начала войны не скрывали своих тесных связей с рейхом и предпочитали нацистские флаги со свастикой чилийским с одинокой белой звездой на синем фоне.

О вездесущих агентах Гитлера так много говорилось по радио и в газетах, что они мерещились повсюду. В начале августа 1941 года Чильян был взбудоражен слухами о прибытии в город подозрительных ящиков, скорее всего с оружием. Под прикрытием темноты их вывезли на грузовиках с фальшивыми номерами в некую таинственную асьенду, которую, по данным полиции, посещали люди, говорившие по-немецки. Видимо, в Чильяне и его окрестностях действовала законспирированная нацистская группа, которая готовилась к вооруженному выступлению.

Полиция провела обыски асьенды, административных и складских помещений Торгового дома «Империо». Оказалось, что владельцы груза ухитрились перевезти ящики в Чильян (на этот раз на повозках, запряженных быками) и укрыть их на складах фирмы. Когда ящики вскрыли, то обнаружили внутри скобяные изделия, предназначенные для продажи на ярмарке. Конфуз вышел немалый. Никто не потрудился задать вопрос — для чего потребовалось завозить «скобяные изделия» в асьенду, если ими собирались торговать в Чильяне. В «команде» Сикейроса решили, что в ящиках действительно было оружие и что полицейские, сочувствовавшие нацистам, не только предупредили их об опасности, но и дали возможность агентам «пятой колонны» перепрятать опасный груз.

* * *

«Немецкий вопрос» обсуждался в Национальном конгрессе, и чилийцы с напряженным интересом следили за ожесточенными дебатами парламентариев. Радикалы, социалисты и коммунисты стояли на четких антинацистских позициях. Партии консервативной ориентации выступали за нейтралитет в мировой войне, за «равноудаленность» как от стран «оси», так и союзников. В центре парламентских дискуссий фактически находилась проблема внешнеполитической ориентации: с кем? Какой союзник соответствует больше стратегическим интересам Чили? Не придется ли таскать каштаны из огня для стороны, которая, в конце концов, потерпит поражение?

Президенты Педро Агирре Серда, а потом и Антонио Риос воздерживались от каких-либо обещаний западным демократиям по поводу вступления Чили в войну. Дипломатические миссии и разведслужбы США и Англии пытались «исправить» этот «ошибочный курс». Союзники целенаправленно вели обработку общественного мнения в стране, не жалея для этого ни сил, ни средств. Все большее распространение приобретал тезис англо-американских пропагандистских служб о том, что немецкая и итальянская колонии в странах Южной Америки должны рассматриваться как «вражеские», и потому «изолироваться» путем применения превентивных финансово-экономических мер, а в случае необходимости — карательных. Чилийские власти, однако, идти на репрессии против выходцев из Германии, Италии и Японии не спешили.

Немецкие общины пытались противодействовать пропаганде союзников, переломить в свою пользу общественно-политический климат в стране. Такую попытку, в частности, предприняли власти городка Фрутильяр, которые направили письмо протеста против «клеветнических заявлений» одного из сенаторов о том, что собрания муниципалитета во Фрутильяре ведутся только на немецком языке. Это произошло на заседании парламента 19 августа 1941 года. Председательствующий сенатор Маса попытался занять умеренную позицию в отношении немецких обитателей юга Чили, с похвалой отозвался об их трудолюбии и вкладе в национальный прогресс. Но его прервал сенатор-коммунист Амадор Пайроа:

«Но они же все нацисты!»

«Нацисты встречаются не только там, но и в других районах страны, — парировал Маса. — Потомки немецких колонистов честно работают во имя общества. И это заметно у нас в Сенате, где столь видное место в прошлом занимали сенаторы Шурман,

Корнер и другие, а сейчас — сенатор Хавербек…»

«Он тоже нацист», — воскликнул Пайроа.

Газету с репортажем об этой полемике прочли все члены «команды Сикейроса». Несмотря на внешне объективный тон репортажа, можно было сделать вывод о том, что в Сенате пытались защищать тайных пособников Гитлера:

«Председательствующий потребовал от сенатора Пайроа не прерывать его, но тот вновь заявил, что сенатор Маса не желает признать присутствия нацистов в стране. Сенатор Маса ответил, что весьма трудно говорить взвешенно и спокойно, когда в зале Сената находится человек, который бьет в колокола, словно на тонущем судне, повторяя, как попугай, одну и ту же фразу. Конечно же, в указанном регионе есть люди, сочувствующие Германии и вполне естественно, — сказал сенатор, — что потомки немцев желают Германии победы в этой войне. Но было бы преувеличением считать, что по этой причине на юге страны безнаказанно действуют нацистские организации. Те, кто утверждает это, плохо информированы. Это голое, ничем не обоснованное подстрекательство против трудолюбивых немецких колонистов. Все знают, что они сумели найти общий язык с коренными жителями страны и создали в районе города Вальдивия одну из наиболее процветающих зон в Чили, а в районе Осорно и Льянкиуэ — самые продуктивные аграрные хозяйства».

Но противники «нейтралов», судя по репортажу, сумели оставить за собой последнее слово в этой дискуссии. Сенатор Пайроа вновь заявил, что нацисты действуют по всей территории страны и коммунисты разоблачают не немцев, а нацистов и фашистов из их среды. По словам сенатора, проведение заседания муниципалитетов на немецком языке в условиях войны — это явная нацистская вылазка. И такое происходит во Фрутильяре, Пуэрто-Варасе, Пуэрто-Монтте и других городах юга Чили.

Читая парламентские отчеты, Сикейрос твердо решил: после завершения росписи он совершит поездку по немецким поселениям. Неужели на юге действительно зреет заговор, успех которого гарантирует Гитлеру плацдарм в Патагонии и контроль над Магеллановым проливом?

Глава XIV.
ЗАПАСНАЯ БАЗА В УРУГВАЕ

Для создания филиала в «образцово демократическом» Уругвае и обеспечения «тылов» на случай провала в Аргентине Григулевич в конце 1941 года ездил в Монтевидео, где встретился с Михаилом Певцовым (псевдоним «Роке»), тем самым Певцовым, с которым в свое время работал резидент «Кади». Услышав пароль, «Роке» просиял:

«Наконец-то! Жду гостей с 1937 года! Тогда я получил из Франции письмо в несколько строк и деньги. “Жди, скоро буду, твоя Лола”, — написали мне. Хорошенькое дело “скоро”. Четыре года ожидания!»

«Лучше поздно, чем никогда, — улыбнулся Иосиф. — Уругвай, между прочим, не ближний свет. К тому же страна маленькая, не на всякой карте обозначена».

Певцов рассмеялся, всмотрелся в лицо Григулевича сияющими от эмоций глазами:

«Проездом? Или для работы?»

«Для работы, — успокоил его Иосиф. — По немецкой и итальянской колониям, фалангистам. По германскому посольству. Какие новые заговоры организует в стране посол Огго Лангман? Чем дышит президент Альфредо Бальдомир? Будет ли содействовать чилийцам в использовании порта Монтевидео для переброски селитры в Испанию? А если будет, как этому помешать? Так что, Мигель, вопросов много…»

Михаил Певцов владел типографией и небольшим издательством «Пегасо». Умеренные расценки на печатание книг, брошюр, рекламных листовок и приглашений на официальные и дипломатические приемы привлекали клиентов. Среди них были «братья» из масонских лож Восточной республики Уругвай, с которыми у «Роке» завязались дружеские связи, возникли взаимные симпатии, интересы. Масоны — по определению — читающие и пишущие люди, так что заказов от них поступало много. Вскоре Певцов стал членом одной из столичных лож. В нее входили уругвайцы, американцы, французы, англичане, евреи. В ложах не принято говорить о политических и международных проблемах на злобу дня. Главное на сходках масонов — вопросы самоусовершенствования, духовного самовозвышения, интеллектуального прорыва к вершинам человеческого познания. Но за пределами ложи, в ресторанах на улице Саранди или в парке Родо, можно затронуть любые животрепещущие темы,

обменяться актуальной информацией. И в этом плане Певцов был нарасхват, он был интересным собеседником и, самое главное, умел слушать…

Они шли вдоль набережной имени президента Вильсона, и у Иосифа возникло ощущение, что он не покидал Буэнос-Айреса. То и дело рядом звучала характерная речь «портеньос». Уругвайские курорты — излюбленное место отдыха аргентинцев. Скоро — Рождество, новогодние праздники, и потому «весь Буэнос-Айрес» съехался сюда, чтобы отдохнуть, развеяться, поиграть в казино. Аргентинцы — хорошие гости: денежные, ведут себя культурно, редко злоупотребляют алкоголем. Ну, а уругвайцы — образцовые хозяева. Работа с туристами привычное для них занятие. Они услужливы, но без утраты чувства достоинства. Они предупредительны, но без признаков подобострастия.

В этот приезд в Монтевидео Григулевич с помощью «Роке» подобрал кандидатов в уругвайский филиал своей сети.

Особенно полезными стали со временем сотрудник МИДа «Фред», близкий к министру иностранных дел Альберто Гуани, и «Корсар», чиновник почтового ведомства, причастный к деятельности «черного кабинета». Он переснимал наиболее интересные сводки перлюстрации и передавал их Певцову. Делать это приходилось с крайней осторожностью: в управлении почт англичане имели несколько агентов. Владелец фирмы «Космелли», коммерческим представителем которой был «Артур», предоставлял ему крышу над головой, чем спасал от немалого риска: отели в уругвайской столице были плотно «схвачены» агентурой союзников. Приезжие из Аргентины, «рая для нацистских шпионов», изучались самым пристальным образом.

* * *

Однажды «Роке» показал Григулевичу здание, расположенное на углу улиц Ринкон и Мисьонес.

«Здесь находится резидентура британской разведки, — сказал он. — Но у англичан шпионят все, даже посол».

Действительно, помещение резидентуры на верхнем этаже арендовал сам посол Миллингтон Дрейк, который, тщательно осмотрев подходы к зданию, решил, что оно соответствует требованиям безопасности. По сведениям «Роке», текущее руководство оперативными делами осуществлял военный атташе капитан Рекс Миллер, действовавший под псевдонимом «Рей Мартин». Большая группа английских разведчиков использовала «крышу» консульства, в первую очередь отдел по судоходству.

Для проведения эффективных пропагандистских акций в Латинской Америке резидентура в Монтевидео прибегала к услугам «рекламного бюро Уолтера Томпсона», тесно сотрудничавшего с британским министерством информации.

«Сикрет интеллидженс сервис» (СИС) активизировала свою деятельность в странах Латинской Америки с первыми выстрелами Второй мировой войны. И это понятно: англичане первыми из будущей союзнической коалиции вступили в борьбу не на жизнь, а на смерть с рейхом. Особое беспокойство у англичан вызывал германский шпионаж в портовых городах тех стран, куда традиционно вели морские и океанические маршруты из Великобритании. Гитлеровские субмарины безжалостно топили торговые и пассажирские суда с «Юнион Джеком», стремясь полностью блокировать «туманный Альбион», пресечь поставки жизненно важных стратегических и сырьевых материалов на острова, и — в итоге — сломить волю англичан к сопротивлению.

Колонии английских граждан в странах Латинской Америки, «глядящих» на атлантические и тихоокеанские просторы, заметно выросли: прибыли новые дипломатические и консульские сотрудники, пополнились военно-морские атташаты, появилась армия молодых коммивояжеров и торговцев, которые занимались не столько коммерцией, сколько заведением полезных связей. И результаты не заставили себя ждать. Мировой резонанс получило в 1940 году так называемое «дело Фурмана», раздутое усилиями британской разведки до размеров «континентального заговора». Немецкий учитель, увлеченный идеологией национал-социализма, набросал что-то вроде воображаемого плана захвата Уругвая силами небольшого германского десанта и местных «штурмовых отрядов». По «прогнозам» Фурмана, хватило бы двух-трех дней, чтобы Уругвай перешел под полный контроль Германии.

О «зловещем проекте» Фурмана кто-то из его соотечественников «стукнул» в полицию. Там всполошились и перевернули все вверх дном в скромном доме учителя. В числе его знакомых отыскали других «подозрительных» немцев. В итоге, предполагаемые члены «организации Фурмана» были арестованы и подвергнуты суду. По материалам процесса издали книги, содержание которых могло убедить любого: нацистское подполье в стране представляет угрозу для государственной безопасности. Особенно «впечатляли» фотографии из семейных альбомов арестованных «заговорщиков». Вот группа пожилых «штурмовиков», марширующих по проселочной дороге. Вот отряд нацистов, отдыхающих на опушке леса, все в черных рубашках,

над головами развевается флаг со свастикой. Вот фотокопии расписок фрау К. или герра Х., сделавших очередной взнос в пользу Трудового фронта…

После разоблачения «группы Фурмана», в Уругвае была развязана беспрецедентная кампания по запугиванию членов немецкой колонии. Организовали ее английские разведчики. Британия уже вступила в войну с Третьим рейхом, а Соединенные Штаты все еще сохраняли нейтралитет. Принадлежавшие немцам кафе, рестораны, магазины, парикмахерские, мастерские забрасывались камнями, бойкотировались, подвергались грабежам. Немцев как бы лишили всех гражданских прав на время войны. Те из них, кто дожил до сегодняшних дней, с содроганием вспоминают о преследованиях, которые им пришлось перенести. Что касается «дела Фурмана», то, несмотря на всю истерию по поводу «заговора», он довольно скоро вышел на свободу: за отсутствием состава преступления…

Но самая нашумевшая разведывательная операция была проведена послом Дрейком в декабре 1939 года — еще до «дела Фурмана» — в отношении германского «карманного» крейсера «Граф Шпее». После неравного боя с английской эскадрой крейсер был поврежден, и его капитан Ганс Лангсдорф пытался получить у уругвайских властей разрешение на проведение неотложных ремонтных работ в порту Монтевидео. Дрейк, используя самые изощренные методы дезинформации и воздействия на правительство президента Бальдомира, сделал все возможное, чтобы не допустить этого. У Дрейка был надежный союзник и «агент влияния»: проверенный временем друг — министр иностранных дел Уругвая Альберто Гуани!

В воскресенье 17 декабря «Граф Шпее» вышел в свое последнее плавание и был затоплен экипажем в илистых водах Рио-Ла-Плата. Германское посольство в Уругвае и капитан Лангсдорф поверили в то, что английский флот располагает превосходящими силами и что все пути для успешного прорыва на оперативный простор Атлантики перекрыты. Команда крейсера была интернирована в Аргентине, и Лангсдорф, узнав о том, что был введен в заблуждение британской агентурой, покончил с собой в одном из отелей Буэнос-Айреса. Он постелил на полу военно-морской флаг кайзеровской Германии (не рейха!), лег на него и выстрелил в висок из парабеллума.

К числу успешных «активок» Сикрет интеллидженс сервис (СИС) в Латинской Америке можно отнести так называемый «патагонский заговор нацистов». «Подлинные материалы» заговорщиков, стремившихся реализовать «план Гитлера» по захвату территории Патагонии, вызвали в Аргентине взрыв

антинацистских настроений. Были проведены массированные обыски в немецких учреждениях, клубах и школах. Десятки немцев были арестованы и подвергнуты допросам.

Эта и другие акции СИС вызвали на континенте волну шпиономании. Нужды в добровольцах для работы против нацифашистов британская разведка не испытывала. Так, в Уругвае наиболее удачливым агентом англичан в немецкой колонии был уругваец австрийского происхождения Эрих Эрдштейн (псевдоним «Перехиль»). Изо дня в день «Перехиль» посещал кафе «Старый Берлин», где обычно встречались нацисты, прислушивался, приглядывался, неназойливо заводил беседы, проклинал «англо-американскую плутократию», а на следующий день отчитывался перед сотрудником СИС. Одним из главных направлений работы был сбор сведений для составления «черных списков». Если перелистать такие «списки» по Уругваю, то можно без преувеличения сказать, что помимо Эриха Эрдштейна на англичан на этом поприще трудились десятки добровольцев-антинацистов.

* * *

После японского нападения на Перл-Харбор в Уругвае появились десятки «тихих американцев». Соединенные Штаты добились права на строительство военной базы в стране, несмотря на упорное сопротивление уругвайских националистов, которых возглавлял депутат Луис Альберто Эррера. Американская военная контрразведка и Специальная разведывательная служба США (СРС), фактически «латиноамериканский департамент ФБР», тоже взялись за выявление подозрительных на «нацистскую вшивость» немцев. Многие из них были включены в «черные списки», что означало пребывание в «изгоях» на весь период войны. Такая тщательность в выявлении нацистов объяснялась тем, что именно с уругвайской территории американцы вели масштабную разведывательную работу против Аргентины, которая считалась в Соединенных Штатах главным «союзником» фашистской Германии на континенте.

* * *

«Артур» воспользовался тем, что в Уругвае находился Мануэль Деликадо, и с его помощью установил полезные связи

среди испанских коммунистов. В Уругвае они чувствовали себя вольготно. Председатель местного союза помощи республиканцам, сенатор Сабала Муньис делал для беженцев все, что мог. А мог он почти все. Сенатор познакомил Деликадо с начальником полиции в городке Такуарембо, который был обязан своей политической карьерой Муньосу и потому бескорыстно выполнял все его просьбы, особенно по изготовлению надежных документов.

«Я помогаю вам не за деньги, — любил повторять начальник полиции. — Это мой революционный долг».

Механика изготовления паспортов была отработана до совершенства. Если требовалось «документировать» человека 30 лет, то для него подбиралась метрика умершего столько же лет назад ребенка. С этой метрикой надо было обратиться в полицию, и на ее основании получить удостоверение личности. Затем в конторе записи актов гражданского состояния оформлялось удостоверение о гражданстве. На основе полученных бумаг «документируемому» выписывался заграничный паспорт. Чистой воды бюрократия. Через «революционного начальника полиции» в Такуарембо прошло несколько десятков испанцев, которые в качестве «коренных уругвайцев» были направлены КПИ в Испанию и Францию для ведения нелегальной работы и организации партизанского движения «маки». В Такуарембо был впоследствии изготовлен паспорт для Лауры — на имя Инелии Идалины де Пуэрто-Ньевес.

Глава XV. КОНТРОЛЬНАЯ ПОЕЗДКА В САНТЬЯГО

После Монтевидео Григулевич направился в Сантьяго-де-Чили. Надо было определяться с людьми, подобранными «Алексом» для включения в сеть, наметить дальнейшие направления разведывательной работы. Не будет лишним еще раз напомнить ему о строгом соблюдении безопасности и конспирации.

Железнодорожный путь между Буэнос-Айресом и Сантьяго тянется вначале по бесконечной аргентинской степи — пампе, затем карабкается по горным карнизам Андского нагорья. Трансандинскую железную дорогу всегда почитали за чудо инженерной мысли. Путь между двумя столицами поезд покрывал за сутки, но путешествие было рискованным: снежные завалы, землетрясения, ливни, после которых оползали склоны, выводя из строя километры рельсового пути. На отдельных участках трассы из-за крутых подъемов поезд продвигался настолько медленно, что пассажирам предлагали покинуть вагоны и шагать рядом с ними, чтобы «помочь» паровозу. Чинная публика послушно пробиралась «индейской цепочкой» по узкой тропе, стараясь не заглядывать в зияющие провалы пропасти. Вершины гор — совсем рядом: протяни руку и прикоснешься.

Среди них величественно выделяется семитысячник Аконкагуа. Куда ни бросишь взгляд: мрачные бездонные ущелья, голубые чаши долин, развалины старинных фортов, — все это пробуждало творческие импульсы у Григулевича. Когда-то здесь проходили героические армии генералов Сан-Мартина и Бернардо О'Хиггинса, освободителей Аргентины и Чили. Отсюда и название перевала между этими странами — «Лос-Либертадорес». Во время своих поездок по странам Латинской Америки Иосиф «нашел» героев многих своих книг. О чем только не передумаешь под шорох автобусных колес или рельсовый перестук. Не раз его пути-дороги совпадали с нелегкими маршрутами Франсиско Миранды, Симона Боливара, Хосе де Сан-Мартина, Бернардо О'Хиггинса, Антонио Хосе де Сукре и других. Это были гиганты человеческой расы, способные преодолевать любые препятствия ради торжества идеалов свободы, равенства и братства. Когда-нибудь он обязательно напишет о них. Но пока Иосиф старался не думать о том времени, когда сможет спокойно

сесть за письменный стол, отбросив в сторону заботы о сборе информации, Д-работе и муках по подготовке шифрованных посланий с помощью «слоновьего кода».

* * *

Контрольно-пограничные пункты Чили и Аргентины отстоят друг от друга километров на двадцать. Между ними на плоской площадке, зажатой между гор, высится монумент Христу-Примирителю, возведенный в начале прошлого столетия. Его рука простерта в направлении границы. На бронзовой доске надпись: «Скорее эти скалы рухнут к подножию Христа, чем аргентинцы и чилийцы нарушат клятву мира».

Рабочие расчищали рельсы от очередной каменной лавины, и пассажирам разрешили экскурсию к монументу. Нет сомнений, что резиденту «Артуру» было тогда не до красот горного пейзажа. Для разведчика-нелегала каждое пересечение границы — серьезное испытание. Любая мелочь может привлечь внимание карабинеров-пограничников и агентов криминальной полиции. Вдруг им покажется подозрительным его новенький заграничный паспорт с гербом Аргентины и странным именем Григулявичус?

Могут подумать, что это немецкая фамилия, а к немцам даже в нейтральной республике Чили настороженное отношение: «Все немцы — потенциальные шпионы». К счастью, паспорт — настоящий, не придерешься. Были и другие документы, подтверждающие его личность. Например, письмо-рекомендация солидной импортно-экспортной фирмы из Уругвая: «Сеньор Хосе Григулявичус обладает полномочиями на ведение переговоров с чилийскими партнерами о поставках товаров». В элегантном чемодане лежали образцы. При необходимости можно даже преподнести «образчик» чрезмерно любознательному агенту. Судя по первым впечатлениям, чилийцы скуповаты, но подарки принимают охотно.

Место, где высится Христос-Примиритель, людным не назовешь. Особенно тоскливо на перевале зимой, когда все завалено густым снегом. В 40-х годах прошлого столетия единственными постоянными обитателями «площадки» с монументом были метеорологи и радисты. Они жили, словно полярники, отрезанные от Большой земли. «Зимовщики» должны были сообщать о погодной обстановке в горах, обеспечивая безопасность полетов самолетов.

По стечению обстоятельств, в годы Второй мировой войны эту работу исполняли чилийцы немецкого происхождения, что

страшно нервировало американских контрразведчиков в Чили. Наверное, им мерещился заговор «пятой колонны», зреющий на неприступных вершинах. Когда американский посол в очередной раз обратил внимание министра иностранных дел Чили на «немецкое проникновение» в стратегически важный пункт на чилийско-аргентинской границе, министр тяжко вздохнул и сказал:

«Мы уберем этих немцев. Но среди чилийцев трудно найти столь выносливых людей, которые согласились бы полгода сидеть в продуваемых ледяными ветрами горах, без женщин, развлечений и запасов спиртного — сухой закон, знаете ли! Если вы направите кого-либо из своих американских парней на эту адскую работу, пожалуйста. Мы с радостью пойдем вам навстречу и уберем оттуда арийцев!»

Никого не нашлось. Чилийская провинция казалась американским агентам скучнейшим местом на планете. Добровольно забраться под сень Христа-Примирителя на макушку Южной Америки было для них непосильным испытанием.

* * *

Поздно ночью поезд прибыл на вокзал Мапочо, и Григулевич вышел на перрон, вдыхая бодрящий воздух чилийской столицы. Тишина, черные силуэты гор на фоне густо-синего неба, разрозненные огни в окнах невысоких домов. Поселился Иосиф в отеле, расположенном в сотне метров от вокзала. Заснул быстро, зная, что впереди — насыщенный событиями и беседами день. Так и получилось. Утром, в назначенный час, Иосиф встретился с Леопольд о на ступеньках национальной библиотеки. Они позавтракали в мрачноватом заведении, которое по аргентинским понятиям скорее походило на арестантскую столовую, чем на кафе. Затем углубились в аллеи Санта-Лусии, ухоженного парка, расположенного на горе в историческом центре Сантьяго.

Иосиф дал Леопольдо возможность выговориться. Нет, на трудности он не жаловался. Он нуждался в элементарных словах поддержки. Главное его сомнение: не отправил ли его Иосиф в чилийское захолустье как бы за «ненадобностью», только для того, чтобы «занять» делом после «мексиканской операции». Для Григулевича этот вопрос стал неожиданным: он думал, что события в Койоакане для «Алекса» преодоленный этап. Пришлось поговорить с ним на повышенных тонах. Как он мог вообразить такое! Как можно заниматься совместной нелегальной работой, если ты не полностью доверяешь товарищу?

К чести Леопольдо, он быстро понял, что сморозил глупость. Сказал, что это результат одиночества. По прошлой работе привык работать в тесном контакте, в коллективе. Здесь же — почти полная изоляция, и переписка — не спасение. Между заданным в Сантьяго вопросом и полученным из Буэнос-Айреса ответом проходит в лучшем случае неделя. Обстановку для разведывательной работы в Чили трудно назвать благоприятной: даже в партии есть паникеры, считающие, что Москва вот-вот падет. Для него, «Алекса», вера в победу Советского Союза — главный критерий при отборе людей. Тех, кто сомневается, он безжалостно отметает.

В дальнейшем Леопольдо никогда не возвращался к этой теме. Работал на совесть, искренне переживая, что не все из намеченных дел удается завершить.

Успешнее всего шла работа на «фабрике документов», которая имела кодовое название *«Mercado»* (Рынок).

Сомнений в том, чем мог быть полезен резидентуре 28-летний Марио Ауэса Абукалил, у «Алекса» не было. Его семья занималась типографско-издательской деятельностью. Печатали все: от календарей до железнодорожных билетов. Три брата — Соломон, Марио и Максимо издавали «Арабский бюллетень», что позволяло им влиять на умонастроения в колонии. В этом еженедельнике Марио публиковал свои стихи и обозрения на международные темы, в которых не скрывал своего восхищения Советским Союзом и деятельностью Сталина. Тайное вступление Марио в КПЧ положило конец публикациям на политические темы. «Надо сделать так, чтобы о твоих коммунистических увлечениях вспоминали как можно реже», — сказал ему Гало.

Партийный псевдоним у Марио был довольно прозрачный — «Поэт», но, помня чилийскую поговорку «подними любой камень и под ним найдешь поэта», менять его не стали. Вначале «Поэт» «освещал» нацистское проникновение в местную арабскую колонию, где «приветствовался» антисемитизм Третьего рейха. В Сантьяго печаталась еще одна арабская газета — «Арабский мир», в которой из номера в номер появлялись перепечатки из геббельсовских изданий и пропагандистских брошюр германского посольства в Чили. Газета с ожесточением выступала против англо-американских союзников, в первую очередь из-за их позиции в отношении Палестины. Планы создания на ее территории еврейского государства вызывали почти единодушное недовольство арабской общины.

После небольшого испытательного срока «Поэту» поручили создание секретной типографии, которая в переписке «Артура» и «Алекса» обозначалась как «Mercado» (Рынок). Марио был

прирожденным конспиратором и идеально подходил для столь ответственной работы. В подвальных помещениях «Рынка» трудились граверы и печатники, изготовляя паспорта, удостоверения личности и другие необходимые для жизни в Чили и передвижения по миру бумаги. В распоряжении «паспортистов» имелись подлинные печати и штемпеля, акцизные марки, без которых удостоверения личности не имели силы, образцы подписей полицейских начальников. В подвальных помещениях «Рынка» трудились граверы и печатники, изготовляя паспорта, удостоверения личности и другие необходимые для жизни в Чили и передвижения по миру бумаги. В распоряжении «паспортистов» были подлинные печати и штемпеля, акцизные марки, без которых удостоверения личности не имели силы, образцы подписей полицейских начальников.

За 1942—1943 годы «Рынок» снабдил чилийскими паспортами не менее 150 испанцев, которые без единого провала перебрались в Аргентину и Уругвай, а оттуда — в воюющую Европу. Многие из них попали в отряды партизан — «маки» и сражались против немцев на оккупированной французской территории, а после освобождения Франции — на испанской земле против Франко. «Артур» и «Алекс» уделяли много внимания бесперебойному функционированию *«Mercado»*, из самых невероятных источников добывали деньги для оплаты бумаги и материалов, необходимых для изготовления документов. Создание *«Mercado»* они считали одним из главных достижений своей резидентуры в Чили[52].

* * *

По заданию Москвы в Чили были подобраны люди для нелегальной работы в Испании и Португалии. Советская разведка намеревалась создать в Лиссабоне и Мадриде «наблюдательные пункты». Португальская и испанская столицы воспринимались в Москве как подозрительные места, кишащие нацистскими шпионами и дипломатами из союзнических стран. «Там они сговариваются против Советского Союза», — однажды сказал Берия Фитину.

Одним из агентов «Артура» в Испании стал Кристиан Касанова Суберкасо. Рекомендовал его Гало Гонсалес. Кристиан родился в Сантьяго в 1919 году в обедневшей, но влиятельной аристократической семье. Он с юношеских лет весьма иронически относился к своей родне «голубых кровей», что легко прочитывается в его автобиографическом романе «Натали, или

Человек в белом»[53]: семья «состояла преимущественно из дилетантов. Это был ярчайший пример поверхностности. Их культура ограничивалась знанием немногих стихов Альфреда де Мюссе и умением бойко сыграть два-три этюда Шопена».

Отец, тем не менее, был для Кристиана вне критики, потому что являлся человеком высоко образованным, настоящим тружеником. Он возглавлял правительственный журнал «Экономика и финансы», являясь ведущим экспертом в этих материях[54].

Во время учебы в университете Касанова стал посещать занятия в марксистском кружке, который вел фотограф Антонио Кинтдна. Для Кристиана Кинтана был моральным и идейным авторитетом. Под влиянием своего кумира Касанова вступил в комсомольскую организацию. Чтобы доказать искренность и бесповоротность своего выбора, выполнял любые поручения, вплоть до продажи газеты «Коммунистическая молодежь» на центральных улицах столицы, высокомерно игнорируя насмешки знакомых из светского общества.

Вскоре Кристиан ушел из семьи и стал жить самостоятельно, в «пролетарском» пансионе, где витали ароматы дешевого писко и где допоздна шумели, ссорились и мирились картежники. Усердие адепта из чуждой среды было замечено, Касанову избрали секретарем комсомольской ячейки! Время было горячее: на улицах едва ли не ежедневно комсомольцы сражались с молодежными нацистскими группами фон Марееса. Мелькали металлические прутья, летели камни, сыпались разбитые стекла, кровь текла по разбитым лицам. Потом появлялись конные карабинеры и разгоняли непримиримых врагов. Иногда комсомольцев и нацистов запирали в общую камеру, что позволяло в очередной раз решительно «размежеваться», но на идейно-теоретическом уровне.

В газете «Эль Сигло» Касанова вел рубрику, посвященную театру и искусству. Он писал пьесы, и за одну из них получил университетскую премию. Кристиан был талантлив, но относился к своему дару легкомысленно. Потом, на склоне лет, он не без сожаления, признавал, что растратил, рассыпал свой дар на пустяки, не сумев проявить настойчивости и воли. Он списывал это на вырождение своего рода: «Мои благие намерения разбивались об аристократическую лень».

В 1941 году Кристиан опубликовал в университетском журнале «Эль Мастиль» статью о международном положении, в которой изложил свою точку зрения на внешнеполитическую стратегию Чили в набиравшем силу мировом конфликте. Статья попала на глаза министру иностранных дел Барросу Харпе, и он

рекомендовал способного студента своему другу, который возглавлял министерство торговли и финансов. Так Кристиан стал секретарем министра Харамильо. К этому времени и относится знакомство Касановы с «Пед-ро». Этот памятный для Кристиана эпизод описан в его романе следующим образом:

«Однажды летним утром 1942 года в мой офис вошел человек в белом костюме. Он был молод, обладал приятной внешностью и говорил с легким иностранным акцентом, принадлежность которого я не мог определить. Он бросил взгляд по сторонам и убедился, что кроме нас в помещении никого нет. Человек с любопытством всмотрелся в меня и как-то очень просто сказал:

— Я пришел по поручению Гало.

Конечно же, я знал, кем был Гало, и молчаливо кивнул головой. Человек в белом добавил с улыбкой:

— Это наш общий друг, не так ли? Начиная с сегодняшнего дня нам придется о многом переговорить. Но прежде ты должен получить подтверждение моих полномочий у Гало. Только потом будешь следовать моим инструкциям, конечно, в том случае, если сохранишь верность своему решению. В противном случае, забудь о моем визите.

Я снова выразил согласие кивком головы, стараясь представить себе, о чем все-таки идет речь. Гость предложил мне сигарету, но как раз в этот момент зазвучал цитофон. Меня вызывал начальник. Я довольно неуклюже извинился, но он, улыбаясь, стал прощаться:

— Меня зовут Педро, и я на следующей неделе позвоню тебе по телефону, чтобы условиться о встрече. К этому времени ты должен поговорить с Гало»…

Разумеется, полномочия «человека в белом» Гало Гонсалес подтвердил, и «Педро» вновь появился в офисе со своей открытой располагающей улыбкой. Он пригласил Кристиана выпить пива в укромном баре на авениде Лас Делисиас. Главной темой беседы была «почти забытая» гражданская война в Испании: «Педро» уверял, что после победы союзников, а подобное предсказание казалось в те дни весьма сомнительным, упадут головы Гитлера, Муссолини и Франко. Правда, по словам «Педро», ближайшие планы Франко были неясны. Если испанский диктатор присоединится к странам «оси», то серьезных изменений в соотношении противоборствующих сил в Европе не будет. Наоборот, это только ускорит падение диктаторского режима. По мнению «Педро», опасность состояла в том, что Франко не поддастся на давление Гитлера и в конце войны пойдет на союз с американцами.

Перед тем как распрощаться, «Педро» предложил Касанове

добиться дипломатического назначения в Испанию. Тот покачал головой:

«Это невозможно. Дипломатическая карьера имеет свой четкий регламент, и мои шансы весьма слабы, чтобы претендовать на такую должность», — ответил Кристиан.

«Сделай что-нибудь. Настоящий революционер всегда найдет выход из затруднительного положения».

«Я простился с «Педро» несколько озабоченный, — вспоминал Кристиан, — но вдохновленный тем, что меня причислили к настоящим революционерам».

Встречи с «Педро» приобрели регулярный характер. Любимым местом для деловых бесед стал тенистый парк Форресталь и тихий район Ньюньоа с его невысокими уютными виллами. Первое задание — «вернуться в свою социальную среду».

«Тебе нужны деньги для приобретения смокинга?» — поинтересовался однажды «Педро».

«Нет, не надо. Моя бабушка подарила мне фрак и смокинг, когда узнала, что я собираюсь покончить с комсомольскими заблуждениями и возобновить светскую жизнь».

Недавний комсомольский активист стал принимать приглашения на танцы «в избранном аристократическом кругу». Иногда его фотографии появлялись в социальной хронике газеты «Меркурио». Друзья-комсомольцы считали Кристиана перебежчиком. Любимая девушка не могла понять, что с ним происходит. Художник «социальной направленности» Вентурелли прошел мимо Касановы с презрительным выражением на лице, сделав вид, что не заметил его.

Но «Педро» был доволен развитием событий. Все шло по плану, и он, обсуждая дальнейшие шаги, закуривал очередную сигарету и протягивал пачку Кристиану. Тот чаще всего отказывался, говоря, что курение вредит здоровью. «Человек в белом» покачивал головой, глаза его по-китайски суживались от смеха, и он говорил:

«Но гораздо раньше можно умереть по другим причинам»…

Каким именно причинам, он, конечно, не уточнял. Но было понятно: от пули в бою…

Встречи с «Педро» действовали на Кристиана вдохновляюще. Человек из Коминтерна рассчитывает на него. Поэтому надо сделать все, чтобы поездка в Испанию состоялась.

* * *

Сотрудник «Эль Сигло» 35-летний венесуэлец Эдуардо Пекчио Эрасо[55] был самой подходящей кандидатурой для заброски в нейтральную Португалию. Он вел в газете колонку международного комментария и относился к этой работе с энтузиазмом, хотя его материалы публиковались без подписи. Был он среднего роста, худощавый, по-птичьи подвижный. Приехал Эдуардо в Чили как политический изгнанник в 1937 году. Правивший в то время в Венесуэле генерал Лопес Контрерас выслал из страны большую группу «агитаторов-революционеров». К ним относился и Эдуардо, хотя в опубликованном списке политических изгоев его имени не было. Об этом побеспокоился отец — Акилес Пекчио, который возглавлял Торговую палату Каракаса и был, несомненно, одним из самых влиятельных людей в стране. Ходатайствовали за Эдуардо и родственники матери из семьи латифундистов Эрасо.

Из Венесуэлы молодой Пекчио уезжал с легким сердцем. После смерти диктатора Гомеса политическая ситуация в Венесуэле была нестабильной, чреватой репрессиями. Пройдет несколько месяцев, думал Эдуардо, обстановка в стране нормализуется и можно будет спокойно вернуться. Он ошибся. Его путешествие затянулось на десять лет. Впоследствии Эдуардо говорил: «Я был втянут судьбой в историческую турбулентность». В Сантьяго кто-то рассказал, что в Венесуэле ему пришлось пройти через изощренные пытки в тайной полиции. Эта легенда придала ему образ революционера-мученика. Однако родственники Эдуардо, с которыми автору книги довелось встретиться в Каракасе, таких подробностей его биографии не припомнили: «Он просто уехал, чтобы переждать смутные времена. Посмотреть на мир. Остепениться. В нем было слишком много мальчишества. Поэтому его и потянуло в революцию. Отец любил его, понимал его характер, прощал и помогал всем, чем мог. Особенно деньгами».

В Сантьяго Эдуардо с головой погрузился в жизнь шумной разноперой колонии молодых латиноамериканцев, которые съехались в Чили из тех стран, где самодурствовали диктаторы. Молодежь горела праведной ненавистью к тиранам. Излюбленным ее занятием было обсуждение подготовки вооруженных экспедиций. Пекчио расцветал в этой атмосфере, побуждающей к героизму и самопожертвованию.

По Сантьяго ходила также легенда о том, что его отец был преуспевающим нефтяным дельцом. Эдуардо тайно завидовали и под любыми предлогами «занимали» у него деньги. Даже прозвали «Маркизом»: слишком легко, по-аристократически, он прощался с «презренным металлом». Писал он быстро и много,

его статьи брали в редакциях газет и журналов разного направления, хотя лучше всего Эдуардо чувствовал себя в «Эль Сигло».

Своим бессребреничеством и донкихотством Пекчио настолько поразил воображение костариканца Хоакина Гутьерреса, что через много лет писатель сделал его героем романа «Ты помнишь, брат». Позднее Хоакин говорил об этом образе: «Это — типичный студент, лидер по натуре, несколько заблудившийся в жизненных хитросплетениях». Сохранил писатель в романе и реальное прозвище Пекчио: «Маркиз».

Луис Корвалан рассказал автору, что Пекчио увлекся коммунизмом из-за несогласия с существующим порядком вещей, стихийного бунтарства. Когда началась война Германии против Советского Союза, он участвовал в манифестациях и актах протеста, которые КПЧ проводила у посольств «нацифашистских стран». Одевался Эдуардо с привычной для него элегантностью и этим походил на Кристиана Касанову. Члены редакции, обладавшие незапятнанным пролетарским происхождением, иногда называли Эдуардо и Кристиана — шутливо, без злобы — словечком «pije», означающим нечто среднее между маменькиным сынком, задавакой и пижоном. Пекчио относился к таким подковыркам хладнокровно, словно это чилийское словечко к нему — венесуэльцу — не могло иметь никакого отношения. А Касанова свирепел от ярости, лез с кулаками на обидчика, старался доказать, что он никакой не «pije». К слову сказать, не избежал этого определения и Сальвадор Альенде, о котором многие мемуаристы писали — «он был типичный “pije”». Так что, может быть, зря возмущался Кристиан: быть в одной компании с Альенде…

* * *

Пекчио знал несколько языков. Подкупали его аристократические манеры. Там, в Лиссабоне, вдали от южноамериканских берегов, никто бы не заподозрил в нем «красного агента». В предварительной беседе о возможности такой «заброски в тыл врага» Эдуардо сказал «Педро»: «Если требуется для общего дела, еду». После бесчисленных чашек кофе и выкуренных сигарет Леопольдо, наконец-то, признался, что является представителем Коминтерна в Чили. Для Пекчио это было откровением. «Педро» — эмиссар Коминтерна! А Коминтерн — это Советский Союз!

Впервые о Советской России Эдуардо услышал в Венесуэле из

уст единственного русского, который тогда проживал в стране. Это был художник Николай Фердинандов, воплощавший в себе много других ипостасей: путешественник, авантюрист, коммерсант, искатель жемчуга, неисправимый романтик и фантазер, мечтавший построить «Плавучую академию», что-то вроде Ноева ковчега для художников всех стран и народов, чтобы бороздить океаны и своим творчеством проповедовать идеи мира и братства. Эдуардо было 15 лет, когда он познакомился с Фердинандовым. Случилось это в Торговой палате Каракаса, куда подросток нередко заглядывал, чтобы поговорить по душам с ее секретарем и своим приятелем — Хулио Планчартом.

В тот день у Хулио были гости — его брат Энрике, поэт и литературный критик, и светловолосый голубоглазый иностранец, — об этом можно было догадаться по акценту, — в улыбке которого легко прочитывались открытость и дружелюбие. Хулио представил Фердинандова Эдуардо, сказав при этом: «Ты расспрашивал меня о русской революции, теперь можешь задавать вопросы ему — он русский». Николас, в котором было много озорного, актерского, с деланой озабоченностью профессионального конспиратора спросил: «А можно ли доверять этому молодому человеку?» «Можно, — заверил Хулио. — Тайны хранить умеет».

Годы спустя, вспоминая о беседах с Николасом в его мастерской на площади Лопес, Эдуардо ясно представлял, что «Эль Русо», как его звали венесуэльские друзья-художники, никогда не был революционером и тем более — коммунистом. Но знаниями он обладал обширными, был свидетелем событий первой русской революции 1905 года, читал «запрещенную» литературу и мог на многое открыть глаза любознательному юноше, который критиковал всемогущего «хозяина» Венесуэлы Хуана Гомеса и восхищался героями вооруженных заговоров, которые пытались свергнуть ненавистного диктатора. «То, что произошло в России, — говорил Фердинандов, — обязательно будет повторено в других странах, таков закон исторического прогресса. Капитализм себя изжил, угнетение человека человеком — атавизм. Свободный раскованный труд — вот к чему, рано или поздно, придет человечество». А потом Фердинандов исчез, и через два года Эдуардо узнал от Хулио Планчарта печальную новость: Николас умер на Кюрасао от скоротечной чахотки, так и не успев осуществить главный проект своей жизни — «Плавучую академию»…

Перспектива командировки в Португалию воодушевляла Пекчио, хотя из бесед с «Педро» не слишком ясно представлял себе, чем конкретно придется там заниматься. На наводящие

вопросы «Педро» отвечал уклончиво, что еще больше возбуждало любопытство Пекчио, которому хотелось по-настоящему прикоснуться к опасностям, риску и тайнам разведки.

* * *

Во время своего первого пребывания в Сантьяго, «Артур» привлек к работе по иностранным общинам в Чили француза Клемента Дюро Бутри, немца Герхарда Фишера и итальянца Мануэля Солимано. «Артур» называл их в своей переписке с «Алексом» «мушкетерами». Информация, поступавшая от них, позволяла судить не только о степени проникновения нацистской агентуры во французскую, немецкую и итальянскую общины, но и проявляемом к ним интересе со стороны чилийской тайной полиции, английской и американской разведок.

Имя Дюро было хорошо известно в испанской колонии. Он работал под руководством Андрэ Марти в Интернациональных бригадах. Был участником операций по переброске военного снаряжения в Испанию на французских пароходах. Участвовал в ряде кровопролитных сражений с франкистами бригады «Марсельеза». В апреле 1937 года «пираты Франко» захватили его вместе с группой французских моряков в плен. Скоротечный военный трибунал приговорил Дюро к смерти. Два года ожидания расправы! В марте 1939 года под давлением правительства Франции Клемент был освобожден и выслан из Испании. Он помогал Пабло Неруде, специальному уполномоченному чилийского правительства, в организации вывоза в Чили трех тысяч испанских республиканцев, узников лагерей во Франции, на «пароходе спасения» «Виннипег». Если бы эта миссия провалилась, то заключенные были бы захвачены наступавшей гитлеровской армией и выданы Франко. Спасаться на пароходе пришлось и самому Дюро: франкистская охранка продолжала охотиться за ним. В Чили Дюро вступил в местную компартию, стал членом Комитета Свободная Франция. Он нашел общий язык с президентом Комитета — Андре Пиро, который был приверженцем генерала Шарля де Голля и контролировал многие французские организации в стране. Через Дюро «Алекс» получал информацию о дипломатах, представлявших в Чили коллаборационистское «правительство Виши». Впрочем, «вишисты» понимали эфимерность режима, сотрудничающего с Германией Гитлера, и на деле только имитировали работу в интересах стран «оси». Многие сотрудники «посольства Виши» тайно помогали делу союзников, обеспечивая себе индульгенции

на послевоенный период. Постоянная работа велась резидентурой среди добровольцев, которых Комитет отправлял в Англию для вступления в части, организуемые де Голлем. Не всем удалось добраться до места назначения: немецкие подлодки не снижали интенсивности своих атак в Северной Атлантике. Об этих потерях резидент «Артур» сообщал в Центр коротко: имя агента, примерная дата гибели, на каком судне…

* * *

Герхард Фишер оказывал большую помощь в работе по немецкой колонии. Он вступил в компартию Германии в 17 лет. По ее заданию поддерживал контакт с советским представителем, работавшим под крышей берлинского представительства ТАСС. В марте 1933 года Фишер бежал из Германии в Швецию, поскольку его разыскивали молодчики Геринга. Советское посольство в Стокгольме выдало Герхарду въездную визу, и он три года провел в Москве, работая в одной из химических лабораторий.

В 1936 году по предложению Коминтерна Фишер поехал в Испанию. Он работал переводчиком в группе советских специалистов ПВО, которые монтировали звукоуловители и прожектора под Мадридом, Барселоной и Валенсией. Герхард покинул Испанию с последними частями республиканской армии. Прибыл в Чили в конце 1939 года и устроился фотографом в газету «Эль Сигло». С учетом знаний Герхарда в радиоделе планировалось привлечь его к постройке радиопередатчика для установления связи с Москвой. «Алекс» подолгу проверялся, отправляясь на встречи с немцем. Прошлое Фишера было таким пестрым, что за ним не могло не быть плотной слежки со стороны полиции, конкурирующих спецслужб и, конечно, нацистской агентуры.

* * *

Мануэль Солимано, член компартии и, «по совместительству», состоятельный владелец авторемонтных мастерских стал главным контактом «Алекса» в организации «Италия Либре», созданию которой в немалой степени способствовали «Артур» и «Алекс».

Идея формирования антифашистского движения итальянцев в Чили родилась во время встречи «Артура», «Алекса» и Гало в городке Виньа-дель-Мар. В конце 1941 года она была воплощена в

жизнь через членов КПЧ Ирен Турко (жену Клемента Дюро) и Паскуаля Касаулу. «Инициативной группе» активно помогали многие влиятельные персонажи итальянской колонии, в том числе Гино Капелло, бывший редактор римской газеты «Аванти». В организацию входило около 300 человек, и до разрыва правительством Чили дипломатических отношений с Италией она доставила много неприятностей официальным представителям Муссолини в Сантьяго. Антифашисты издавали газету «Италия Либре». Радиостанция с таким же названием вела регулярные пропагандистские передачи на страны континента.

Первые месяцы существования организации Леопольдо уделял ей особенно много внимания, согласовывал с Мануэлем проведение акций протеста у посольства, манифестаций, различного рода мелких «диверсий», затруднявших работу дипломатов, вплоть до выбитых фар и проколотых шин у посольских автомобилей. Посол итальянского диктатора направлял ноту протеста в МИД Чили, требовал разыскать и наказать виновных и… в очередной раз обращался к Солимано по поводу срочного ремонта.

Пока автомашину приводили в порядок, Мануэль щедро угощал очередного «соотечественника» из посольства, беседовал с ним как лучший друг, стараясь как можно естественнее сыграть роль патриота, мечтающего о возрождении Великой Римской империи. Артистичности Солимано было не занимать, рюмка-вторая писко довольно быстро развязывала язык собеседнику. И тут выяснялось, что «фашиста» не столько волнует будущее империи Бенито Муссолини, сколько свое собственное — как выбраться живым и здоровым из катаклизма, в который попали все без исключения итальянцы по вине «этого сумасшедшего, вообразившего себя древнеримским императором». Собеседник признавался, что давно бы сбежал из посольства, чтобы начать новую жизнь в Южной Америке, но не может, поскольку пострадают родственники, проживающие в Палермо и Флоренции. Они сыты по горло бомбежками, разрухой и карточной системой и намерены, когда закончится это безумие в Европе, перебраться в Америку.

«Если судить по речам, которые ведут итальянцы из посольства, они уже сейчас не верят в успешный исход войны, — говорил Леопольдо Гало Гонсалесу, обсуждая очередное донесение Солимано. — Они понимают, что если даже все это затянется и удастся продержаться год-другой, финал будет один — капитуляция».

Озабоченность дипломатов Муссолини будущим жизнеустройством приводила их к выводу, что практичнее всего

не дожидаться неизбежного краха Италии, а вести свои индивидуальные переговоры о сдаче позиций, договариваясь с будущими победителями о приемлемых условиях. Солимано испытывал очевидную брезгливость от подобных кульбитов фашистских дипломатов, но с одним из них — Франко Велутини, — все-таки сблизился. Во-первых, по настоятельной просьбе «Алекса» и, во-вторых, из-за откровенных рассказов итальянского атташе о внутренних конфликтах в посольстве и содержании тех депеш итальянского МИДа, с которыми Велутини доводилось знакомиться. «Шпиономания — это наш нынешний образ жизни, — как-то признался дипломат. — Никто никому не доверяет. Все следят за всеми. Ждем, у кого первого не выдержат нервы, кто первым сбежит из посольства…»

«Я бы не советовал тебе торопиться с этим, — сказал ему Солимано. — Разве так уж плохо — изредка встречаться и беседовать о текущих дипломатических и иных делах, как делаем мы? А друзья, будь уверен, всегда помогут, если тебе потребуется в Чили защита и надежный кров над головой».

«Какие друзья?»

«Надежные, Франко. И, конечно, не фашисты…»

Глава XVI.
ВРАГИ И СОЮЗНИКИ-КОНКУРЕНТЫ

Чилийская сеть «Артура» постепенно расширялась, улучшалась ее информационная работа. Из материалов, поступавших в резидентуру, становилось все более очевидным: гитлеровская разведка, обладая поддержкой в правительственных и военных кругах, действует в стране почти безнаказанно.

Главой абвера в Чили был Людвиг фон Болен (он же — «Бах», «Ривера»), военный атташе Германии. Формально он подчинялся военному атташе в Аргентине Нибуру, но функционально обладал полной свободой действий. Фон Болен знал Чили как свои пять пальцев: здесь он родился и учился в средней школе. Для получения университетского образования фон Болен уехал в Германию, но Первая мировая война сломала его планы: пришлось воевать «за кайзера, за фатерланд». После возвращения в Сантьяго фон Болен сделал быструю карьеру: он стал личным секретарем у президента Карлоса Ибаньеса (1927—1931). Вторая мировая война застала фон Болена в Германии. На этот раз от фронта его спасла учеба в разведывательной школе. За день до нападения Германии на Советский Союз резидент отправился в Сантьяго.

Несмотря на отсутствие опыта, фон Болен сумел довольно быстро создать в Чили шпионскую сеть. Первыми ее агентами стали германские консулы в портах от Арики до Пунта-Аренас. Годовой «бюджет» резидентуры равнялся 400 тысячам американских долларов, так что денежных затруднений абверовцы не испытывали. Вскоре после прибытия фон Болену удалось наладить с помощью агента «Касеро» работу радиостанции, которая вела передачи на Гамбург из небольшого загородного имения в Кильпуэ, расположенного близ Вальпараисо. Немецкие позывные звучали в эфире больше года и обеспечивали стабильную связь фон Болена с радиоцентром абвера. Передатчик обслуживал также абверовскую агентуру в андских странах, Мексике, Бразилии и даже Китае. Всего через радиостанцию фон Болена в Гамбург было направлено более четырехсот сообщений…

При вербовке агентов фон Болен предпочитал лиц с тевтонскими корнями. Но было немало чилийцев, которые охотно шли на службу рейху: одних поразили молниеносные победы вермахта, других очаровала национал-социалистическая идеология. Конечно, в резидентуре абвера в Чили были и свои

проблемы. Иногда фон Болен устраивал своим агентам разносы за «леность» при сборе информации. Его можно было понять: в качестве «источников» они нередко использовали журналы и газеты, старательно вырезая фотографии всех американских самолетов, которые появлялись в чилийской прессе.

К апрелю 1942 года сеть фон Болена разрослась до внушительных размеров. Один из немецких сотрудников — «Дункель» — совершил длительное путешествие по чилийскому селитряному северу, где завербовал для абверовской сети нескольких агентов. За ежемесячную плату в 20 долларов они периодически направляли доклады об активности портов Токопилья, Кокимбо, Икике и других. Ценным сотрудником резидентуры стал немецкий коммерсант, представитель фармацевтической фирмы «Байер» Вернер Сиеринг. Под его началом на фирме работало около 30 немцев, и многие из них стали помогать абверу в сборе политической и экономической информации. Сиеринг предоставил в распоряжение фон Болена свою картотеку на чилийских немцев (членов НСДАП), что заметно облегчило вербовочную работу резидента.

Другим особо доверенным лицом фон Болена был Хейн-рих Рейнерс, владелец транспортной фирмы в Вальпараисо. Он отвечал за сбор информации о движении судов через южные порты Чили. В немецких районах юга страны сбор информации шел через Эриха Карчлена, управляющего банком «Трансатлантик» в городе Вальдивия. Шпионские достижения фон Болена были несомненными, но в докладах американских дипломатов и разведчиков они сильно преувеличивались. Так, в 1941—1942 годах в Вашингтон шли неоднократные сообщения о том, что в провинции Айсен в укромных заливах и бухтах на юге Чили функционирует шесть тайных баз германских подлодок. Туда пособники наци подвозили топливо, продовольствие, питьевую воду, а иногда доставляли «сменные экипажи» моряков (!).

Конечно, впечатление от таких докладов было сильным: в Вашингтоне были уверены в том, что «пятая колонна» в Чили была близка к захвату власти, располагая прочными позициями в армейских частях, на флоте, в полиции, вообще—в государственном аппарате. Конечно, очагов «пятой колонны» на континенте было немало, хотя нередко за таковые выдавались места скученного проживания немцев. Эти города и поселки предавались остракизму, а предприятия с немецким капиталом или немецкими хозяевами заносились в «черные списки».

Сети абвера и СД в Латинской Америке создавались в пожарном порядке. Этот регион воспринимался гитлеровцами как

удобный плацдарм по наблюдению за передвижениями судов союзников. Конкретных планов по захвату континента в германском генеральном штабе не разрабатывалось. Существовали лишь проекты возможных вариантов высадки экспедиционного корпуса вермахта в Южной Америке, сочиненные любителями-стратегами из разных стран, да распространялись «активки» британской разведки, призванные доказать (в первую очередь Соединенным Штатам), что угроза германской агрессии на континенте «реальна как никогда». До нападения Германии на Советский Союз британцы изнемогали от тягот войны в одиночку и считали, что только вступление США поможет им выстоять. Схемы и карты с жирными стрелами, нацеленными на Соединенные Штаты и Южную Америку, устрашающе действовали на обывателей. В частности, немалый резонанс имела подобная карта, опубликованная в книге перуанца Мануэля Сеоане «Наша Америка и война» в 1940 году.

Политическая элита Соединенных Штатов никогда не сомневалась в том, что воевать придется. Требовалось, однако, преодолеть нежелание американцев идти на войну. Одним из этапов этой кампании стало выступление президента Франклина Делано Рузвельта в конгрессе 12 августа 1941 года, когда он продемонстрировал присутствующим «секретную нацистскую карту» будущей «перекройки» Латинской Америки. Страны, которые «симпатизировали» гитлеровской Германии, получали значительные территориальные «приращения» за счет соседей. Бразилия, если судить по этой карте, должна была вырасти еще больше. Чили получала дополнительное «жизненное пространство» за счет Перу и Эквадора. На месте Венесуэлы, Колумбии и Панамы предполагалось появление странного симбиоза под названием «Новая Испания». Не была обижена Аргентина: она должна была увеличиться почти вдвое, присоединив Парагвай, Уругвай, часть Боливии и, конечно, Мальвинские острова.

Один из сенаторов — Бартон Вилер — не поверил в подлинность карты. «Это британская подделка», — крикнул он. Эта реплика никого из членов конгресса не удивила. Британская империя предпринимала все, что было в ее силах, чтобы подтолкнуть США к войне. «Нет, не подделка, — ответствовал Рузвельт. — Карта получена из источника, пользующегося у меня полным доверием».

Два американских исследователя Лесли Роут и Джон Братцель через десятки лет после той патетической сцены в конгрессе смогли проследить, из какого «надежного источника» возникла карта. Оказалось, что это действительно была подделка,

вернее копия карты, которая висела у всех на виду в штаб-квартире нацистской партии в Буэнос-Айресе. И вот в голове тогдашнего военного атташе США в Аргентине М. Девине родилась хитроумная идея создать что-то вроде дубликата той карты, чтобы подтолкнуть «несознательных американцев» в нужном направлении.

О нацистском шпионаже в Латинской Америке написаны сотни книг. Многостраничные опусы, которые появлялись на эту тему в 30—40-е годы, нельзя рассматривать как достоверный источник информации. Пропагандистская направленность этих изданий сказалась на их объективности. Десятки журналистов рыскали по городам и весям Латинской Америки, выискивая «жареные» факты, как сейчас говорят, о «подозрительных» сторонах жизни немецких общин и выходцев из Германии. Особенно тесно от пишущих «охотников за нацистами» было в Чили и Аргентине. На них-то паразитировали мошенники-фальсификаторы, предлагавшие сенсационные «разоблачительные документы» с официальным грифом рейха.

Подделки с «подлинными» нацистскими секретами пользовались особым спросом у журналистов. Полученный материал умело препарировался, тенденциозно преображался, приобретал хлесткость и пугающую остроту. У читающей публики складывалось впечатление, что к югу от Рио-Гранде «пятая колонна» наци-фашистов вот-вот овладеет континентом. С особой охотой пишущая братия эксплуатировала тему секретных аэродромов нацистов в Колумбии. Самолеты «люфтваффе» якобы уже были там и только дожидались команды на взлет, чтобы разбомбить шлюзы Панамского канала. С задором обсуждался вопрос о готовящемся нацистском перевороте в Боливии. Нацисты нуждались в олове и других металлах. Бразилия подавалась как естественный плацдарм для высадки германских армий в Южной Америке, поскольку от африканского континента до бразильских портов Ресифе и Наталь было рукой подать.

Некий корреспондент Ассошиэйтед Пресс купил по сходной цене целый пакет «нацистских документов» и не без выгоды перепродал их посольству США. Посол Армур ознакомился с содержанием «документов» и направил их в Вашингтон как неопровержимое доказательство «замыслов рейха по захвату Патагонии». Возможность получения сверхсекретных документов «за смешную цену» в сто—двести долларов настолько воодушевила Армура, что он в декабре 1940 года создал «посольскую разведку». Самодеятельность эта продолжалась до тех пор, пока в мае 1942 года в Аргентину не прибыл атташе по правовым делам Вильям Дойль, «человек Эдгара Гувера».

Распоряжение о создании Специальной разведывательной службы (СРС) Рузвельт подписал 24 июня 1940 года. Службе предписывалось обеспечение безопасности США в странах к югу от Рио-Гранде. О слабости разведывательных позиций США в странах Латинской Америки в Вашингтоне вспомнили, когда политика активного пробританского нейтралитета и «мирного диалога» с Японией стала бесперспективной, поскольку сковывала североамериканского гиганта на международной арене. Германия и Япония настойчиво осуществляли свои планы по завоеванию мирового господства. Надо было поставить заслон на пути агрессоров, в первую очередь в Западном полушарии.

Штат разведслужбы определили в 360 агентов, на обеспечение оперативной работы которых были выделены значительные средства. Шеф ФБР Эдгар Гувер понимал важность человеческого фактора в работе своей организации, но всегда стремился подкреплять его финансовым: вражеские амбразуры лучше затыкать долларами, чем телами сотрудников. В срочном порядке был создан центр по подготовке оперативного состава, предназначенного для работы в экзотических странах. Помимо учебных спецдисциплин, связанных с ведением разведработы, специальных агентов просвещали в отношении исторического прошлого, культурных и национальных особенностей латиноамериканских народов, социального устройства государств, в которых предстояло жить и работать. Кандидату на поездку, если он не владел ни испанским, ни португальским языками, давали интенсивную языковую подготовку.

Диктаторские режимы в Латинской Америке были в то время не исключением, а правилом. Гитлер и его победоносные легионы импонировали смуглолицым тиранам, хотя они явно не соответствовали арийским расовым стандартам. В подсознании каждого диктатора обитал свой собственный Гитлер, и поэтому агентам ФБР предстояла непростая работа.

К февралю 1941 года Гувер сообщил в Госдепартамент, что его «маленькая армия» разведчиков выдвигается на передовые позиции в страны Латинской Америки. Из них, помимо Мексики и Панамы, ключевыми для национальной безопасности США были признаны страны «южного конуса»: Бразилия, Аргентина, Чили и Уругвай. Американские разведчики работали «под крышей» посольств и других традиционных прикрытий, включая журналистские. Параллельно были подготовлены сверхсекретные планы по оккупации американскими войсками тех стран континента, которым могла угрожать агрессия. По оценкам главного их разработчика, командующего ВС США в зоне Панамского канала генерала Даниэля Ван Воорхиса, подобным

потенциалом обладали Германия и Япония. Граждане и выходцы из этих стран стали главными «фигурантами» разведывательных разработок.

Первое время дела у американцев в Чили и Аргентине не ладились. Местные полицейские власти не испытывали никакого желания сотрудничать с ними. Все приходилось делать незаконно, с оглядкой. Однако спецагенты ФБР шли на риск, особенно в столь сложном деле, как пеленгация абверовских радиостанций на территории «симпатизирующих» нацизму стран.

* * *

Информация о том, что «по соседству» действуют разведчики из союзных стран, в организацию «Артура» поступала все чаще. Схожесть задач — работа по нацистам и их сторонникам в Латинской Америке — приводила иногда к ситуациям пересечения интересов: одни и те же «объекты проникновения», одни и те же средства и методы, и даже кандидаты на включение в сеть могли одновременно заинтересовать разведчиков из «конкурирующих» структур.

Вообще, кодовое обозначение «конкурент» было удачным. Оно предполагало соперничество, но в рамках существующих союзнических отношений. Если это «конкурент», то свои профессиональные секреты (задачи, успехи, людей, средства связи) надо держать от него подальше. «Артур» ни на минуту не забывал, что сегодняшние союзники могут стать завтра злейшими врагами.

Глава XVII.
ДОВЕРЯЙ, НО — ПРОВЕРЯЙ

Наиболее подходящим объектом для первой боевой операции с «зажигалками» «Артур» считал газету «Памперо». Это издание было аргентинским отпрыском геббельсовской «Фелькишер Беобахтер». Финансировало газету германское посольство. Редактору ежемесячно вручалось, — конспиративно, конечно, — по 40 тысяч марок. «Артур» знал, что главным распорядителем средств на нацистскую пропаганду в стране был атташе по печати Сандстеде, «на бюджете» которого находилось не менее десятка других изданий прогерманской ориентации, включая «Дойче Ла Плата Цайтунг», «Кларинаду», «Нуево Орден».

Третий рейх наступал на всех фронтах, ежедневно направлял эскадрильи бомбардировщиков в небо Великобритании, вышел танковыми клиньями к окраинам Москвы и был как никогда близок к установлению «нового тысячелетнего порядка» в Европе. В газете «Памперо» публиковались победные реляции с Восточного фронта. Редактор газеты Энрике Осес передал германскому послу фон Терманну оригинал рисунка, напечатанного на первой полосе «Памперо»: германские летчики в кабине «штукас» пикируют на Кремль, чтобы сбросить смертоносный груз. Летчики улыбаются: для них это развлекательная прогулка. Рисунок, помещенный в рамку из каобового дерева, долгое время висел в рабочем кабинете посла.

Григулевич старался покупать «Памперо» в киосках, расположенных подальше от своего дома, чтобы не прослыть «пронацистом». Газета пользовалась успехом среди обывателей: хлесткие разоблачительные статьи, неизменная апелляция к национальному духу аргентинцев, постоянный поиск врага в стране, высокомерный «арийский» тон «передовиц», — все это отличалось от умеренного стиля аргентинских периодических изданий. Газета восхваляла рейх, осыпала комплиментами «боевой дух и волевые качества» аргентинской армии, вела многоплановую пропагандистскую кампанию против американского империализма, британской империи, еврейско-плутократического капитала и, конечно, «колосса на глиняных ногах» — Советского Союза.

«Спекулируют на свойственной люмпену расовой ненависти и жажде агрессии, — думал Григулевич, — воспитывают будущих штурмовиков-гаучо». Чтобы купить очередной номер «Памперо», ему приходилось стоять в очереди среди ярых поклонников

Гитлера и с заинтересованным видом выслушивать их восхищенные комментарии о победоносном продвижении вермахта на Востоке. Оставалось стискивать зубы и терпеть.

Вот подборка типичных заголовков из «Памперо»:

«Полный провал русских в Крыму»; «Финская авиация разгромила советские колонны на Ладоге»; «Немцы вошли в Тулу»; «Паника в Куйбышеве, где прячутся советские правители»; «Рузвельт — главный поджигатель войны в Латинской Америке»; «Независимая политика Чили вызывает недовольство Вашингтона»; «Москва в осаде бронетанковых частей вермахта»; «Пора положить конец пиратскому хозяйничанью британской империи на Мальвинских островах»; «Губернатор провинции Энтре-Риос — создал рай для коммунистов».

А вот несколько объявлений:

«Не пропустите премьеру документального фильма “Восточная кампания”, отснятого немецкими военными операторами в России. В кинотеатре “Сан Мартин”, улица Эсмеральда, 255. Вход детям воспрещен из-за жестокости некоторых эпизодов фильма».

«В книжном магазине “Гете” вы сможете приобрести разнообразную литературу, в которой рассказывается правда о нашем фюрере и грандиозных победах рейха».

Временами газета апеллировала к общественному мнению. Так, в конце 1941 года редакция сообщила следующее:

«Против нас плетется заговор. Агенты-провокаторы создают атмосферу нетерпимости вокруг нашей деятельности, обвиняя газету в подготовке условий для захвата Южной Америки и Патагонии германской армией и мифической “пятой колонной”. Особенное рвение проявляют депутаты Рауль Дамонте Таборда, Луис Сомми, Сильвано Сантандер и, особенно, Энрике Юргес, который бежал из Германии за совершенные им уголовные преступления». Первые трое входили в парламентскую комиссию по расследованию антиаргентинской деятельности, Юргес был немецким иммигрантом, непременным участником кампаний по разоблачению нацистской деятельности в Южной Америке. Разумеется, газета «Памперо» категорически опровергала обвинения в собственной подрывной деятельности, используя, в частности, лапидарную фразу Гитлера: «Латинская Америка находится от нас столь же далеко, как Луна».

Врагов у «Памперо» было много, и полиция охраняла редакцию с не меньшим рвением, чем подземные хранилища национального банка, которые ломились от золотых слитков (нейтралитет, как и следовало ожидать, приносил свои плоды). Отлаженная система пропусков в газете, тщательная проверка

посетителей, ночная охрана в помещениях газеты — все указывало на то, что в «Памперо» опасались и ждали покушения. Сотрудники газеты были подобраны из нацистских активистов, поэтому расчет на поиск «слабого звена» в редакции перспектив не имел.

«Артур», не без сожаления, отложил исполнение диверсии в «Памперо» до более благоприятных времен…

Первую боевую операцию провели в самом центре Буэнос-Айреса, на оживленной улице Коррьентес. Объектом стал пропагандистский центр нацистов и находящийся при нем книжный магазин «Гете», через который по всей стране распространялись издания НСДАП. Иосиф сам провел рекогносцировку в магазине, определяя наилучший вариант закладки зажигательного устройства.

Исполнителя подобрали идеального со всех точек зрения: секретаря-машинистку из бюро переводов Эльзу Броне. Ее отец был профсоюзным работником, выходцем из Восточной Пруссии, в прошлом он не раз вступал в рукопашные схватки с подручными гауляйтера Эриха Коха. Был у Эльзы жених — тоже немец, который сражался в интербригаде. На нескольких конспиративных встречах в парке Палермо «Артур» рассказал Эльзе о технике обращения с «зажигалкой», дал необходимые инструкции о месте закладки снаряда. Провел он и беседу «идеологического плана», чтобы укрепить боевой дух девушки.

Во время операции Эльза проявила удивительное хладнокровие: вошла в магазин в час пик, походила вдоль столов и стеллажей, купила несколько брошюр с трудами арийского теоретика Розенберга, потом проскользнула на склад и запрятала свою сумку между пачек с книгами. Снаряд выплеснул огонь поздно ночью: склад, магазин и часть помещений пропагандистского центра пылали около получаса, пока не прибыли пожарные автомашины. «Причины возгорания выясняются», — написала газета «Ла Насьон». Пожаров в Буэнос-Айресе было много, они вспыхивали ежедневно по разным причинам, в разных местах.

По мнению «Артура», Эльза оправдала доверие. Теперь можно было предпринять шаги по ее внедрению в организацию нацистов. Однако события стали развиваться настолько нестандартным образом, что «Артур», анализируя их, восклицал: «Хичкок! Ну просто Хичкок!»

* * *

Следуя указаниям «Артура», Эльза обратилась в немецкое консульство за получением метрики. Там ею заинтересовались: как это, мол, она не состоит в немецких организациях, почему не приходила раньше, бывала ли в рейхе, читала ли «Майн Кампф»? Затем Эльза посетила немецкий клуб верховой езды на ул. Эчеверрия, 955 и записалась в него. На следующий день в ее переводческое бюро нанес визит безукоризненно одетый мужчина лет сорока с седеющими волосами и холеным лицом. Он представился как фон Радовиц, личный секретарь немецкого посла. Пояснил, что его заинтриговал факт прежнего неучастия фрейлейн Броне в жизни немецкой общины. Сказал, что патриотический долг немки обязывает ее вступить в Трудовой фронт. Эльза ответила в соответствии с легендой: «У меня слабое здоровье, политика меня прежде не интересовала. Но сейчас, когда рейх напрягает свои силы в борьбе с большевизмом» и т. д. и т. п…

Радовиц понимающе улыбнулся, обещал прийти еще. Действительно, он пришел вновь и опять заговорил о патриотическом долге: «Рейх ведет героическою борьбу, у него множество врагов, о которых надо знать как можно больше». Радовиц сказал, что для Германии особую ценность представляет любая политическая и военная информация об Аргентине, Эльзу поразила такая прямолинейность, и она рассказала об этом «Артуру». Тот успокоил ее, разъяснив, что германские послы нередко создают свои собственные разведывательные организации, чтобы обладать дополнительными источниками информации. Иногда организации создаются на личной основе, иногда — через посредников. Не исключено, что Радовиц является таким посредником. Он-то и представил Эльзе некоего господина Ландера, танцовщика из кабаре «Табарис». «Ландер — образец трудолюбия и самопожертвования, — сказал Радовиц. — Он неустанно, изо дня в день общается с посетителями кабаре, получая от них полезные для родины сведения. Он будет вашим контактом. Через него вы будете получать мои задания».

Однако через неделю фон Радовиц позвонил Эльзе по телефону и сообщил, что уезжает из Аргентины и что она должна срочно встретиться с доктором Эрихом фон Мейненом. На встрече в посольстве Мейнен сказал, что отныне Эльза будет работать под его началом. Он был необычайно откровенен для первой встречи, признал, в частности, что национал-социалисты в Аргентине могут со временем оказаться в сложной ситуации. Именно поэтому посольство предпринимает меры по созданию нелегального аппарата. Вскоре Мейнен уведомил по телефону Эльзу, что хотел бы представить ей еще одного ответственного

сотрудника посольства. Мейнен отвез Эльзу в один из частных домов во Флориде, пригороде Буэнос-Айреса. Встретил Эльзу мрачный тип, «типичный наци», по ее словам. Мейнен в его присутствии заметно посуровел, сказал, что настал час «испытания кровью», и ушел. Без каких-либо преамбул «Фанатик» вытащил кинжал, которыми пользуются штурмовики, и стал требовать от девушки, чтобы она рассказала правду о себе и своем отце-коммунисте. В грубой вызывающей форме он назвал, вернее, выкрикнул несколько английских имен и потребовал признаться в том, что она знакома с этими людьми и выполняет их предательские задания.

Допрос продолжался полтора часа. «Живой отсюда не выйдешь!» — кричал «Типичный наци». Распалившись, он схватил девушку за отворот блузки и рванул так, что пуговицы полетели в разные стороны, оголив грудь. Потом он взмахнул кинжалом и полоснул ее по коже. Эльза закричала изо всех сил, но в доме, судя по всему, никого не было.

Ни звука в ответ. Раздраженный упорством девушки, мрачный тип схватил ее за руку и сделал еще несколько надрезов. Казалось, что Эльза действительно была обречена на мученическую смерть.

И вдруг все разом прекратилось. Тип расслабился, отошел в сторону, спрятал кинжал и неожиданно вежливым тоном попросил прощения. Он сказал, что был обязан провести ее проверку: именно в этом заключается его работа на рейх. Эльза пригрозила, что сообщит Мейнену обо всех пережитых издевательствах. «Наци» снисходительно засмеялся и заявил, что это он руководит Мейненом, а не наоборот. И тут Эльза догадалась:

«Так, значит, именно вы шеф гестапо, если командуете советником посольства?»

Человек захохотал и не без гордости заявил:

«Да, так оно и есть».

В этот же вечер Мейнен подтвердил, что подобное испытание обязательно для всех сотрудников и что теперь Эльза может рассчитывать на полное доверие. Он посоветовал ей отдохнуть несколько дней в отеле «Палатинадо», который находится в дельте Тигре, на берегу протока Капитан. Там Эльза познакомилась с известными нацистами Карлосом Сандстеде, Вудке и Шварце.

«Артур» часто повторял, что жизнь всегда богаче любой человеческой фантазии. Однако выслушав отчеты Эльзы, он решил прервать контакт с нею, подозревая, что у той — неполадки с психикой. Да, она подложила зажигательный снаряд

в книжный магазин. Но это единственное, что говорит в ее пользу. В рассказах Эльзы о встречах с «главными нацистами» в Аргентине было много неточностей. Создавалось впечатление, что она стремится поразить своими достижениями по проникновению в руководящие круги нацистов. А ее постоянные просьбы о деньгах? После пожара в книжном магазине Эльза потребовала вознаграждение и назвала сумму, заметно превышающую платежеспособность резидентуры. Позже выяснилось, что подобные советы давал Эльзе ее жених. Через Армандо Кантони еще раз проверили его и выяснили, что мнимый «интербригадовец» — «авантюрист и темный элемент».

Эльза рассказала ему о заданиях «Артура», и, судя по всему, «жених» посоветовал ей хорошо заработать на нацистах. Правда разбавлялась выдумками, выдумки — правдой. Волевых качеств Эльзе хватало. Ради возлюбленного она была готова на все. Вспоминая об этом случае, Григулевич говорил: «Эльза даже представить себе не могла, насколько мы были стеснены в средствах в тот период. На текущие расходы приходилось занимать у компартии и сочувствующих ей богатых людей. Эльза и ее жених просчитались: слишком тощий кошелек был у резидентуры…»

* * *

«Артур» пользовался любыми возможностями для добывания информации о деятельности нацистов в Аргентине. Для нанесения точных ударов по врагу надо было досконально изучить его объекты, кадровый состав и *modus operandi* в стране. С помощью «Отто» «Артур» получил список установленных нацистских агентов из секретной картотеки аргентинской полиции.

Люди «Артура» настойчиво выявляли места конспиративных встреч нацистских элементов. Для этого была создана своя «служба наружного наблюдения» из испанцев под руководством «Чато». Подробная информация стекалась к «Артуру» об украинских националистических группах, сочувствующих «освободительной миссии Гитлера» на Востоке, об итальянских и хорватских фашистах, испанских фалангистах. Не меньше внимания уделял «Артур» «белой» русской колонии в Буэнос-Айресе.

Широко раскинутые сети «Артура» порой «вылавливали» персонажей, разбираться с которыми иногда просто не хватало времени. Так, через актрису «Лилиан» была получена

информация на американца Дональда Ламберта. Судя по всему, он был агентом Гувера. Зная о левых взглядах своей хорошенькой знакомой, он пытался очаровать ее, используя свои мнимые «советские симпатии». Ламберт хорошо знал русский язык, бывал в Москве и Ленинграде, с восхищением отзывался о достижениях Советской России. Он несколько раз водил «Лилиан» в кинотеатр «Мундиаль» на советские фильмы. Больше всего его интересовали не прелести «Лилиан», а ее контакты среди коммунистических деятелей Аргентины и Коминтерна.

Благодаря «Лилиан» Иосиф узнал о том, что конкретно интересовало Ламберта в КПА: ее руководители. Американцы пытались отслеживать перемещения членов ЦК КПА — Викторио Кодовильи, Родольфо Гиольди, Херонимо Альвареса — по стране. Последнего «люди Гувера» разыскивали по всей Аргентине, считая, что с ним можно будет договориться о «совместной работе». По словам Ламберта, в посольстве США воспринимали партию как влиятельную политическую силу, которую можно было использовать для дестабилизации «пронацистского режима».

Американец хорошо знал, что нелегальные ячейки КПА имелись практически во всех населенных пунктах страны. Он был осведомлен и о том, что при ЦК КПА действовала специальная группа по борьбе с провокациями и преследованиями со стороны полиции, то есть контрразведка, которая следила за тем, как члены партии соблюдают правила конспирации. Ламберта интересовало содержание инструкций и циркуляров по технике безопасности, условная терминология для ведения секретной переписки.

Чтобы не отпугнуть «Лилиан» излишним любопытством, Ламберт вначале расспрашивал ее о внешне безобидных вещах, внушая, что пытается составить для себя «словарь конспиративной партийной лексики». При каждом удобном случае он просил ее уточнить у «друзей из партии» значение десятков условных слов — «куэва», «консигна», «компаньера» и других. И она во время очередных свиданий «простодушно» разъясняла: «куэва» — пещера, употребляется для обозначения «Сексьон эспесиаль» в Буэнос-Айресе; «консигна» — актуальный политический лозунг. Эти лозунги предварительно обсуждаются в ЦК партии. Сейчас самым популярным лозунгом у коммунистов является — «Объединенный фронт демократов против нацифашистов»…

О «любопытствующем» американце Иосиф рассказал Реалю, а «Лилиан» посоветовал расстаться с неискренним поклонником.

* * *

После удачной операции в пропагандистско-информационном центре «Гете» «Артур» принял решение о переносе «боевых акций» в порт Буэнос-Айреса. Именно там Д-группа могла развернуться в полную силу. Кто же входил в нее?

Люди в группу подбирались «Бланко», «Бесерро» и «Маго» из портовых рабочих. После их проверки на конкретных поручениях «Артур» выносил свое суждение о пригодности или непригодности кандидатов. Одним из первых в «бригаду» пришел «Флориндо», старший рабочий по обслуживанию причальных кранов. Для администрации порта он был авторитетным человеком — как-никак ответработник профсоюза грузчиков. При необходимости, «Флориндо» мог беспрепятственно проходить на любые суда, находящиеся под погрузкой. Он рекомендовал в Д-группу своего приятеля «Бонито», который хорошо пел и играл на гитаре и был незаменим для отвлечения стражников.

«Бесерро» вовлек в «бригаду» украинца «Грегорио», маляра в доках; его двоюродного брата «Гришу», матроса портовой баржи; «Якова», складского рабочего и грузчика «Матиса», испанца по национальности. «Матис» ненавидел Франко из-за того, что почти все члены его семьи в Испании пострадали в результате репрессий, развязанных каудильо против защитников республики. «У меня свои счеты с Франко, — часто говорил «Матис». — Личная война. И у меня есть шанс победить…»

Связь с исполнителями в порту обеспечивали «Бесерро» и «Пабло».

На «Пабло» был возложен поиск помещений для хранения «зажигалок». Город он знал прекрасно, потому что раньше работал почтальоном. Среди его связей были в основном люди скромных профессий: смотрители кладбищ, старьевщики, консьержи, сторожа и охранники. Они обладали доступом в многочисленные кладовки, подвалы, сараи, а также более солидные постройки — гаражи, склепы и садовые павильоны. Полиция редко проявляла интерес к подобным местам, и это было на руку диверсантам-антифашистам. За два с лишним года «Пабло» подобрал не менее двух десятков безопасных «складов». Каждый из них служил какой-нибудь одной цели: скажем, в бывшем винном подвале испытывались новые «разработки», в домике для садовых принадлежностей отставного генерала размещалась запасная мастерская по сборке «зажигалок», а в склепе забытого политика XIX века на кладбище Чакаритос они складировались. Разумеется, помещения периодически менялись, чтобы не привлекать внимания полицейской агентуры.

* * *

Каждая операция в порту тщательно отрабатывалась, чтобы избежать досадных осечек. Боевая зарядка «зажигательных снарядов» проводилась в «лаборатории». За день до операции их перевозили на «склад». За несколько часов до закладки «доставщик» извлекал «снаряд» и совершал рискованное путешествие по городу к месту его передачи «исполнителю». Чаще всего для этого пользовались трамваем или автобусом, реже таксомотором, на котором работал «Чато».

«При транспортировке держи снаряд в вертикальном положении, — инструктировал доставщика «Маго». — Если ошибешься, сгоришь как спичка».

Говорить было легко, но попробуй в трамвае, забитом пассажирами, сохранить вертикальность не только «зажигалки», но и свою собственную.

Передача снаряда осуществлялась на явочной квартире близ порта.

Иногда «доставщик» вез две или три «зажигалки», если требовалось подстраховаться. Не все снаряды были стопроцентно надежными, учитывая кустарные условия их изготовления. Нервные нагрузки, которые испытывали участники «диверсионной цепочки» в день «Д», были огромными. Больше всего «гипертонии» приходилось на долю «Артура», который болел за исход очередной операции по закладке, зная о том, что любая случайность может сорвать идеально просчитанную хронограмму действий. Поэтому для него стало железным правилом: после очередной операции — проведение встречи с «Бланко» и разбор, шаг за шагом, ее хода, критических ситуаций, нестыковок в действиях людей, особенно на последнем, самом ответственном этапе — при закладке заряда в трюм с грузом.

Первое время «зажигалки» проносили в порт в сумках с едой. Снаряды были запрятаны в пакеты из-под чая «йерба-мате». Килограммовые упаковки не привлекали внимание портовой стражи. Без «йербы», густо заваренной кипятком в специальных сосудах, трудно представить обеденный перерыв аргентинского рабочего. Этот тонизирующий «чаек» неторопливо потягивается через трубочку-бомбилью, и процедура его поглощения, по мнению некоторых этнографов и социологов, является, наряду с танго, объединяющим фактором единой «Лаплатской культуры», в орбиту которой ученые включают аргентинцев, уругвайцев и отчасти парагвайцев…[56]

Поэтому член Д-группы, белорус, украинец или испанец, несущий пакет с парагвайским чаем, воспринимался охраной с

покровительственной снисходительностью. Старается походить на нас. Еще не совсем, но почти аргентинец…

Несколько месяцев Д-команда действовала без видимых осложнений. «Зажигалки» запрятывались среди грузов, очередное судно выходило в море и через несколько дней пути в его трюмах неожиданно вспыхивал пожар. Команды были подготовлены для всех чрезвычайных ситуаций военного времени, в том числе для борьбы с огнем. Чаще всего с ним удавалось справиться, но ценой потери значительной части грузов. Судя по отчетам «Артура», поджоги привели к полной гибели не более двух-трех судов. Пожары на судах с грузами для стран «оси» возникали с пугающей регулярностью. После каждой успешной диверсии портовая стража ужесточала меры безопасности. Обязательным был личный досмотр рабочих и служащих, проверка содержимого сумок, свертков и ящиков с инструментами.

Эти меры вынуждали «конструкторов» «Артура» взяться за «оптимизацию» размеров и внешней формы термитных снарядов. Первые образцы конструировались в форме небольших «фляжек». Однако на судах, переживших пожары, обнаружили несколько полуобгорелых «емкостей», по которым можно было судить о внешнем виде термитного снаряда. Это облегчало его выявление при личных обысках. Пришлось срочно искать иные конструктивные решения «зажигалки». Так появился «плоский» заряд, внешне напоминавший грелку уменьшенных размеров. Его привязывали к внутренней стороне бедра бинтом, что позволяло с успехом проходить самые пристрастные досмотры. Чуть позже новаторский поиск «Антонио» привел к созданию «зажигалки» в форме изогнутого «батона». Такой латунный «батон» подвешивался на груди и заматывался шарфом.

* * *

Закладкой «зажигалок» занимался в основном «Гриша», который работал матросом на самоходной барже «Люсия». С нее перегружали селитру на суда, стоявшие на рейде. Поскольку механизированных причалов не хватало, в порту было несколько таких барж. Обычно перегрузка шла два-три дня, и потому хозяева груза нанимали на ночь сторожей. Если груз шел в Испанию или Португалию, в числе первых на дежурство просился «Гриша». На всю процедуру закладки у него обычно уходило не больше 10—15 минут: распороть шов мешка с селитрой, выбрать и выбросить часть минерала, заложить «зажигалку», заделать шов крупными стежками суровой нити.

Казалось, что все было предусмотрено, отработано до мельчайшего движения. И все-таки никто не застрахован от чрезвычайных ситуаций. Однажды «зажигательный снаряд» из-за какого-то технического дефекта воспламенился не где-нибудь, а на борту «Люсии». Пламя стало лизать мешки с селитрой и угрожало перекинуться на соседнюю самоходную баржу. «Люсию» спешно отбуксировали на середину акватории порта, пригнали пожарные катера с мощными водяными пушками, но запоздали: портовый труженик ушел на дно вместе с грузом. Через несколько дней были организованы подъемные работы, и силами военной контрразведки и морской полиции проведено расследование причин пожара. В одном из мешков обнаружили искореженные куски металла и следы зажигательной смеси: яркие ржавые пятна на уцелевших фрагментах мешка. Вывод был очевиден: совершена диверсия. Все прежние случаи «самовозгорания» селитры были автоматически отнесены на счет неведомых диверсантов. «Гришу» допрашивали в течение нескольких дней, ведь это он дежурил ночью на «Лусии».

Агенты применяли тактику «контрастного» допроса. Один из них — жесткий, грубый, угрожающе размахивающий кулаками перед лицом. Второй — мягкий, тактичный, вкрадчивый, предлагающий закурить сигарету. На стол перед «Гришей» бросили латунную оболочку «зажигалки»:

«Мы тебя отпустим только в одном случае, если скажешь, от кого ты ее получил. В противном случае, будешь гнить в подвалах Вилья-Девото!» — кричал «плохой» следователь, стоя за спиной «Гриши», который инстинктивно втягивал голову в плечи, ожидая удара.

«Не надо тянуть время, — улыбался «хороший», — мы знаем твоих друзей, они сидят неподалеку отсюда. Смотри, ты можешь опоздать. Кто-то из твоих дружков расколется раньше. И тогда тебе обеспечены льды Патагонии лет на десять».

Но «Гриша» стоял на своем:

«Ничего не знаю».

Полиция предприняла беспрецедентные меры для розыска «саботажников». В превентивных целях отстранили от работы всех «неблагонадежных лиц», главным образом из левых партий. По месту жительства проверили «образ жизни и мысли» многих докеров и рабочих из мастерских. В спешном порядке в подозрительные коллективы были «устроены на работу» агенты из рабочей среды. Но все оказалось бесполезным. В итоге, чтобы спасти честь мундира, следователи выдвинули в качестве окончательной версию о том, что «зажигалки» закладывались в мешки с селитрой не в Буэнос-Айресе, а в чилийских портах. Это,

мол, дело рук английской и американской разведок.

Через допросы следователей прошли практически все члены Д-группы. «Временно лечь на дно» — такой приказ был отдан «Артуром». В своих квартирах участники группы уничтожили материалы, которые могли бы свидетельствовать об их симпатиях к Советскому Союзу, коммунистической идеологии и даже об интересе к деятельности оппозиционных партий буржуазного толка[57]. При посещении «фабрики зажигалок» старательно проверялись, чтобы сбить со следа наружное наблюдение. При сборке и упаковке «снарядов» стали пользоваться медицинскими перчатками, чтобы не оставлять на их корпусах отпечатков пальцев. Но проколы, тем не менее, случались. Так, «Бонито» получил строгий разгон от «Бесерро» за вырезанную из столичной газеты «Республика» статью, в которой сообщалось о гибели португальского парохода «Лусеро» на траверзе бразильского города Ресифе. Причиной гибели судна было названо «самовозгорание льна» на борту. И это позабавило «Бонито», потому что он сам устанавливал «зажигалку». Другой случай был опаснее по возможным последствиям: «Чато» попал в сложный переплет, когда вез на своем таксомоторе химические реактивы в мастерскую. Неожиданно они вспыхнули в багажнике, и вдоль улицы потянулся черный зловонный шлейф дыма. Днем! При большом стечении народа! К счастью, хладнокровие не покинуло «Чато». Он подогнал машину к обочине, бросился в магазин, схватил два сифона газированной воды и, как заправский пожарный, загасил огонь.

В дополнение ко всему, «Артур» получил сведения о том, что в Буэнос-Айресе появились испанцы Перес и Барсело, — которые усиленно разыскивали… Хосе Окампо! «Артур» знал, что в своем партизанском прошлом они совершали успешные вылазки в тылы франкистских войск, взрывали мосты и железнодорожные пути, брали в плен вражеских офицеров. «Отважные парни» — так он говорил когда-то о них.

И все-таки Иосиф подавил в себе желание встретиться с ними и предложить работу в организации, хотя сам не так давно подыскивал «мужественных ветеранов из 14-го корпуса». Теперь Иосиф понимал, что формула — «воевал в Испании — значит, надежен», — не была безошибочной. История с предательством Нестора Санчеса в Мексике стала для него хорошим уроком. Поэтому, чтобы подстраховаться, «Артур» с помощью «Чато» организовал наблюдение за испанцами. За несколько дней слежки было установлено, что один из «смелых парней» — Перес — регулярно встречается с дипломатом из посольства Франко, а Барсело усиленно посещал ресторанчики близ порта, пытался

завязать дружбу с докерами.

Эти сведения игнорировать было нельзя, и «Артур» на время уехал в Монтевидео, чтобы не искушать судьбу. В середине 1942 года он вернулся в Буэнос-Айрес и на следующий же день столкнулся с Пересом и Барсело на улице Сан-та-Фе. Иосиф понимал, что это была не такая уж случайная встреча, но не подал и виду: радостные эмоции, «сколько лет, сколько зим», объятия, похлопывания по спине.

«Скучаем по настоящему делу, — сказал Перес с подкупающей улыбкой. — Готовы к любому риску. Ты знаешь, мы не подведем».

Иосиф постарался убедить их, что после отъезда из Испании он не имеет отношения к «специальной работе». Но по реакции собеседников понял: испанцы ему не поверили.

Вскоре Перес вновь «случайно» встретился с Иосифом и стал убеждать его в том, что «не заслуживает подозрений», что его «боевое прошлое говорит само за себя» и что его «оскорбляет недоверие». Уклончивость «Артура» вывела испанца из себя. В адрес «Артура» неожиданно раздались прямые угрозы: «Ты еще пожалеешь, что оттолкнул меня. Думаешь, я не знаю, кто помогал советской *checa* убрать Нина? Берегись, Окампо, я обид не прощаю. У меня разговор короткий, ты знаешь!» Возможно, это была всего лишь угроза. Перес был несколько раз контужен, психика его явно нуждалась в лечении. Самым тревожным было то, что Перес упомянул историю с Андресом Нином. Вот что грозило настоящей бедой. Если эта информация попадет в полицию, цепкие ищейки смогут раскрыть правду об «Окампо». Большой город Буэнос-Айрес, но укрыться в нем от преследователей, знающих тебя в лицо, способных «просчитать» твои возможные маршруты и контакты, почти невозможно.

Иосиф рассказал об этой встрече Мануэлю Деликадо.

«Да, мы давно наблюдаем за этими парнями, — сказал он. — Они пытаются проникнуть в нашу группу, занимающуюся переброской людей в Испанию и Францию. Оставь решение этой проблемы для нас. Мы их пугнем, как следует».

Вскоре в полицейской хронике столичных газет появились сообщения о том, что испанский иммигрант Перес подвергся нападению у выхода из портового бара. Он получил огнестрельное ранение в грудь. На Барсело тоже было совершено покушение: к нему пристали «пьяные матросы» и нанесли ему несколько ударов кинжалом в филейную часть тела. На языке республиканцев это, видимо, и называлось «пугнуть, как следует».

Залечив раны, Перес и Барсело поспешили перебраться в Монтевидео, опасаясь за свою жизнь…

* * *

Вот таким тревожным образом «аукнулась» для Григулевича история с исчезновением Андреса Нина, о которой под грузом новых забот и обязанностей «Артур» почти не вспоминал. И это понято: дела давно минувших дней, погребенные песком и пеплом времени. Оказалось, что всегда есть кто-то, кто не забывает.

Глава XVIII.
ЧИЛИЙСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В марте 1942 года Григулевич встретился с Гало Гонсалесом, чтобы обсудить вопрос об укреплении «секретной службы» партии. Кое-что в этом направлении в КПЧ предпринималось, но время показало, что недостаточно. Официальные органы по-прежнему проводили в отношении «пятой колонны» и нацистских шпионов политику «бархатных перчаток». Григулевич понимал, что требовались серьезные, хорошо документированные разоблачения, чтобы положение сдвинулось с мертвой точки.

В Аргентине точные данные о шпионской деятельности нацистов, подброшенные в парламент, вызывали нужный эффект. Депутаты проводили слушания, и полиция, пусть вынужденно, но начинала шевелиться, проводила демонстративные аресты, вызывая замешательство в нацистских рядах. В Чили, по мнению «Артура», возможностей было еще больше. Добытые материалы можно было бы без особых ухищрений передавать Гало, а через него — сенаторам Пайроа и Окампо, испытанным бойцам парламентских баталий, или — в партийную прессу.

* * *

Вскоре Гало Гонсалес позвонил Энрике Кирбергу в Чильян:

«Приезжай. Есть срочное дело».

Когда на следующий день Кирберг вошел в кабинет «секретаря по контролю и кадрам» в здании компартии на улице Ла Монеда, тот вместо приветствия обрушил на него град вопросов:

«Ну что, Энрике, как обстановка в Чильяне? Какие-нибудь сложности? Нерешенные проблемы?»

Кирберг пожал плечами, не понимая, к чему клонит Гало:

«Насколько я знаю, в Чильяне полный порядок. Но из твоего, Гало, кабинета видно лучше, иначе бы не вызвал».

Гонсалес серьезно взглянул на гостя.

«Первый вопрос такой. Не кажется ли тебе, что ты засиделся на должности регионального секретаря?»

«Есть такое ощущение», — признался Кирберг.

«Хочешь вернуться в Сантьяго?»

«Разумеется».

«Что ж, считай, что решение принято, — сказал Гало, по-

простецки улыбаясь. — Кстати, партия подыскала тебе новую работу. Будешь воевать с нацистами».

«Как это? — не понял Кирберг. — В отделе пропаганды?»

«Правильнее сказать, в секретном, — *brigada perdida,* — усмехнулся Гало. —Поэтому — никому не слова. Руководить твоей работой будет товарищ из Коминтерна. А о деталях узнаешь, когда завершишь дела в Чильяне…»

* * *

Умение говорить конкретно, по делу и — главное — убедительно обеспечило Кирбергу быструю карьеру в партии, а внешняя представительность, высокий рост, харизма, обещали достижение еще больших политических вершин. Его организаторские способности проявились, когда Чильян встречал президента Серду. Он приехал, чтобы лично проверить, как восстанавливается город после землетрясения. В честь президента провели демонстрацию. Колонна социалистов растянулась на один квартал, радикалов — на полтора. А колонна коммунистов была самой длинной — шутка ли, двенадцать кварталов с хвостиком! Помогла партийная дисциплина. Коммунисты привели с собой не только членов семьи, но и всех соседей. Кирберг участвовал в парламентских выборах 42 года и уступил победителю всего несколько десятков голосов.

Идея назначить Кирберга руководителем «секретной группы» исходила от «Артура». Он познакомился с ним в Чильяне на торжественной церемонии открытия мурали Сикейроса «Смерть оккупанту!». Энрике произвел благоприятное впечатление: динамичный, уверенный в себе, с чувством юмора, с опытом конспиративной работы в прошлом, — он идеально подходил для того, чтобы возглавить операцию «Большая слежка» в Чили.

До середины 1942 года резидентура в Чили существовала на средства, привезенные «Алексом» из Буэнос-Айреса, и на деньги, взятые в долг из кассы КПЧ. Затем Леопольд стал зарабатывать сам — в качестве оптового поставщика стирального порошка фирмы «Индустриас де Асеитес и Ферретериас»[58]. С ее владельцем Ареналя познакомил главный финансист КПЧ Энрике Роблес Гальдамес, который консультировал начинающего предпринимателя. На паях с Роблесом Леопольд создал еще одну фирму — «Оркред»[59], которая вела розничную торговлю в Сантьяго и приморских городках. Шелковые ленты, пуговицы, нитки, иголки, бисер и разные виды позумента — такой товар

предлагали «лотошники» Леопольдо, — принося неплохой, по чилийским понятиям, доход. Чтобы расширить товарный ассортимент фирмы, Ареналь заключил договор с Агустином Аруми, владельцем парфюмерной фабрики в Вальпараисо. Так на лотках продавцов появились мыло, духи, одеколон и помада.

* * *

Жил «Алекс» в Сантьяго по кубинским документам. Отсюда происхождение его клички для узкого круга друзей — «Кубано», то есть «Кубинец». Он дважды продлевал туристическую визу, но в третий раз это было бы рискованно. Такие вещи привлекают внимание полиции: почему этот приезжий не спешит нормализовать свое пребывание в стране? Любовь зеленоглазой девушки, которую звали Гладис, помогла Леопольдо окончательно укорениться на чилийской земле.

Ее покойный отец был администратором на американских рудниках в Боливии и оставил семье небольшое состояние. Гладис работала стенографисткой в английской фирме по импорту сельскохозяйственной техники «Вессел и Дюваль». Претендентов на ее руку было много, но Леопольдо оказался счастливее других кавалеров. Поженились они в 1942 году. «Алекс» завел «чилийскую семью», не посоветовавшись с «Артуром». Наверное, не был уверен в том, что получит «добро», и потому решил действовать на свой страх и риск. Свидетелем на церемонии в загсе был Мигель Конча[60], кадровый работник КПЧ, занимавшийся проблемами рабочего страхования, и сестра Гладис — Дэзи.

Молодожены сменили несколько квартир, пока не подыскали идеальное со всех точек зрения «гнездышко» на аве-ниде Генерал Бустаманте.

Для своего времени Гладис заметно выделялась из числа своих подруг начитанностью в «серьезной литературе», интересом к социально-общественным проблемам страны. Она участвовала в Движении за эмансипацию женщин Чили (МЕМСН), в которое входили первые феминистки страны Ольга Поблете, Елена Каффарена, Лили Гарафулич и Делия Вергара. Их тяготение к марксизму и советскому опыту «раскрепощения женщины» отразилось на деятельности МЕМСН и, соответственно, на идейно-политическом становлении его участниц. По примеру Ольги Поблете Гладис организовала кружок пролетарских женщин и вела в нем просветительскую работу. Однажды она подготовила беседу на тему «женщина в русской литературе».

Выступление Гладис вызвало горячую дискуссию, в которой образы героинь Толстого и Тургенева стали предлогом для обсуждения судеб чилийских женщин, эксплуатируемых, дискриминируемых, лишенных элементарных прав, даже избирательных.

* * *

Примерно в этот период в Чили приехали Электа и Берта Ареналь. Решение о поездке у Электы возникло спонтанно. Она получила письма от Луиса и Анхелики, и ей показалось, что дети нуждаются в материнской поддержке: в их жалобах на тяготы изгнанничества и безысходность жизни в чилийской глуши она почувствовала отчаянный призыв о помощи. Сикейрос творил, созидал свою гениальную мураль «Смерть захватчику!», и ему, конечно, было не до «примитивно-земных» страданий близких. Не задерживаясь в Сантьяго, Электа и Берта первым же поездом отправились в Чильян. «Воссоединение» семьи было отмечено щедрым застольем с текилой, по которой мексиканские изгнанники скучали не меньше, чем по родине. Прошло несколько дней, и Электа убедилась, что ее переживания из-за детей были преувеличены. Поэтому она решила перебраться из полуразрушенного Чильяна в цивилизованный Сантьяго.

Гладис и Дэзи почти ничего не знали о прошлом Леопольдо. Для них он был «кубинцем», решившим заняться коммерцией в Чили. Когда мать и сестра неожиданно появились в Сантьяго, Леопольдо твердо решил: свою мексиканскую родню знакомить с чилийской не будет. Они не должны знать друг о друге. Но Сантьяго в те времена был небольшим городом, и замысел Леопольдо самым непредвиденным образом провалился. Однажды он отправился с женой и Дэзи отдохнуть в Апокиндо, погулять по зеленым улочкам пригорода, посидеть в одном из бесчисленных ресторанчиков. Электа и Берта тоже решили посетить Апокиндо. Там у трамвайной станции и произошла неожиданная встреча.

Леопольдо был вынужден представить своих спутниц матери и сестре. Гладис и Дэзи узнали, что он — не кубинец, а гражданин Мексики и тесно связан с Сикейросом, знаменитым художником-революционером. Позже Берта «проболталась», и сестры узнали, что у Леопольдо в далекой России есть жена-мексиканка и две дочери, что он — коммунист и работает в Коминтерне. Эмоций, восклицаний, слез и объяснений по поводу неожиданных «разоблачений» было много. Но все вошло в

спокойные воды. Чилийки — в большинстве своем — практичны и умеют прощать. Гладис почувствовала, что Леопольдо лучше не задавать вопросов о прошлом. Лишь однажды она поинтересовалась: действительно ли Сикейрос был причастен к смерти Троцкого? Леопольдо ответил, что все это выдумки Диего Риверы. Он, мол, очень ревниво относится к таланту Сикейроса, поэтому не останавливался ни перед какой клеветой. А на Троцкого покушался сам Ривера, из-за ревности, потому что Фрида Кало изменяла ему с русским революционером.

Свои огорчения и переживания Гладис постаралась забыть, и вскоре Леопольдо привлек ее к разведывательной работе. Спокойная, уравновешенная, надежная, она стала незаменимым «делопроизводителем» резидентуры: помогала писать оперативные письма, кодировала их, посещала почтовые ящики, поддерживала связь с некоторыми членами сети. «Артур» познакомился с Гладис, чтобы лично убедиться в том, что рядом с «Алексом» — надежный человек.

* * *

Электе быстро наскучило в Чили, и она стала внушать сыновьям, что пора возвращаться в Мексику:

«На родине все будет забыто и прощено. Если дверь в Мексику для вас все еще закрыта, поживете где-нибудь по соседству — в Гватемале или на Кубе. Я не пожалею сил, чтобы уладить вопрос об амнистии, и вы вернетесь в Мексику на законных основаниях…»

Луис стал с радостью собираться в дорогу. С помощью Сикейроса он «вернул» через посла Эспиндолу свое мексиканское гражданство и — соответственно — паспорт. Леопольдо на все уговоры матери отвечал решительным «нет». Сикейрос просил Электу дожидаться его и Анхелики на Кубе, чтобы потом всем месте хлопотать о «допуске» в Мексику. Но она решила, что возвращаться на родину через Нью-Йорк будет быстрее и практичнее.

Накануне их отъезда в Сантьяго появился один из руководителей испанской компартии, живущий в Аргентине. Он вручил «Алексу» почту «Артура» из Буэнос-Айреса, предназначенную для пересылки в Нью-Йорк. Леопольдо решил, что поездка семейства в Соединенные Штаты — удобная «курьерская» возможность — и вручил Луису «упаковку» с микропленкой перед посадкой на пароход.

В октябре 1942 года Электа, Берта и Луис покинули Чили.

Через три недели путешествия на пароходе семейство прибыло в Нью-Орлеан. Электа и Берта легко прошли все формальности, а Луис Ареналь был задержан пограничой стражей. Аукнулось мексиканское дело. Электа оповестила Сикейроса о случившемся по телефону. Художник почти ежедневно звонил мексиканскому консулу в Нью-Йорке, требуя вмешательства. Тот ругал «неоповоротливых» американцев и клялся, что *«manana»* все проблемы будут решены. Где-то на 35-е по счету *«manana»* нужное колесико в иммиграционной службе США завертелось. Прошла еще неделя, и полицейские «гринго» довезли Луиса до мексиканской границы, вернули чемодан с запрятанной в нем почтой «Артура», сказали не верящему своему счастью мексиканцу *«good bye»* и укатили прочь…

Можно себе представить гнев Григулевича, когда в январе 1943 года он, прибыв в очередную командировку в Сантьяго, узнал о легкомысленном шаге Леопольдо. Использовать Луиса, которого разыскивало ФБР, в качестве курьера! Какая непростительная оплошность! В воспитательных целях «Артур» временно отстранил «Алекса» от должности своего помощника по Чили.

* * *

Нет сомнения, что 1942 год был трудным для Леопольдо. Заботы о материальном обеспечении Электы и Берты почти полностью легли на его плечи, и это порядком осложнило жизнь. На помощь Сикейроса рассчитывать не приходилось: его гонораров за написанные в Чили «коммерческие» портреты еле-еле хватало на то, чтобы сводить концы с концами. Чилийские заказчики щедростью не отличались[61]. Художник привык жить с размахом, не считая денег, а в Чили приходилось экономить на всем, даже на красках и кистях. По просьбе Леопольдо, именно в этот период Гладис и Дэзи потребовали у матери свою долю отцовского наследства. Деньги были целиком вложены в фирму «Оркред». Благодаря дельным советам компаньона Роблеса Гальдамеса фирма постепенно превратилась в рентабельное предприятие. Соответственно, нормализовалось и финансовое положение резидентуры.

* * *

Роблес пережил многих своих современников, и, честно

говоря, когда я отыскал в новейшей телефонной книге Сантьяго телефон человека с его именем, то подумал, что это однофамилец. На всякий случай я все-таки позвонил. Каким было мое удивление, когда выяснилось, что на другом конце провода был нужный мне Роблес Гальдамес из далеких 40-х годов! Голос его звучал энергично, без возрастных дребезжащих ноток. Мы договорились о встрече. Принял меня дон Карлос в дверях квартиры, высокий, сухощавый, доброжелательный. Рукопожатие его было не по возрасту крепким и энергичным. В старике не было и следа настороженности, хотя из короткого телефонного разговора он знал о причине моего визита.

Квартира Роблеса показалась мне нежилой: повсюду одряхлевшие предметы — безделушки из Китая, тусклые бессюжетные картины, диваны с продавленными сиденьями. Хозяин квартиры недавно овдовел и никак не мог оправиться от этой утраты. Детей он не имел, жена Ракель была его семьей. До моего прихода старик сидел за бумагами. Дон Карлос собирался на заслуженный отдых, и потому готовил передачу своей фабрики по изготовлению полиэтиленовой пленки «коллективному директорату», сформированному из служащих.

«Я думал, что те старые события никого не интересуют, — признался он. — Иногда мне кажется, что я единственный уцелевший участник той забытой борьбы с нацистами, если не считать Луиса Корвалана. Все мои друзья ушли в мир иной. Многие из них входили в руководство КПЧ. После изгнания из партии Маркоса Чамудеса, я занял его место тайного казначея[62]. Коммерцию я вел честно, в казино не играл, и у партии завелись немалые деньги. Мы приобретали недвижимость, открывали магазины и типографии, имели даже рестораны на подставные лица. Источники поступления денег на партийные нужды мы, конечно, тщательно скрывали. Как и все другие партии. Кстати, никакого “золота Москвы” в те годы в КПЧ не водилось, мы все зарабатывали сами».

Беседовать с доном Карлосом было интересно. У него на все была своя точка зрения, к которой нельзя было относиться легкомысленно: он был очевидцем! По мнению Роблеса, лучшим руководителем партии за весь период ее существования был Контрерас Лабарка, который сопротивлялся сталинскому, непререкаемо-авторитарному стилю, внесенному в жизнь КПЧ Кодовильей. Гало Гонсалес во всем поддакивал «аргентинцу», потому что сам был человеком авторитарного склада, типичным «партийным цербером».

«У меня всегда было ощущение, — сказал Роблес, — что Кодовилья и Гало заставляли повторять нас одну и ту же фразу:

“Я люблю Сталина”. И это было унизительно. Уважаю, почитаю, пусть даже благоговею, но слово “люблю” было вырвано из другого, не чилийского контекста».

Я протянул Роблесу фотографию Григулевича. Узнает ли? Мой собеседник взял пожелтевший снимок в руки и почти вплотную поднес к глазам. Голос его дрогнул:

«Неужели это “Антонио”? — Глаза Роблеса повлажнели: — У меня такое ощущение, что он пришел вместе с вами и мы снова повидались: ровно через пятьдесят лет. Надо сказать, что “Антонио” всегда появлялся у меня неожиданно, словно ниоткуда. Он очень оберегал свои тылы, и я, несмотря на свое общение с ним, здесь в Сантьяго, в Буэнос-Айресе, Монтевидео, почти ничего не знал о его личной жизни, занятиях, месте, вернее — стране постоянного проживания. В “Антонио” я чувствовал русского, хотя он мог вполне сойти за аргентинца или уругвайца. По-испански он говорил почти без акцента, был физически крепким человеком, энергичным, подтянутым, очень внимательным ко всему, что происходило вокруг. Своим интеллектом он заметно выделялся из общего ряда. В нем ощущалось что-то от профессора. “Антонио” называл себя пожирателем книг, никогда не проходил мимо уличных лотков. Читал очень быстро, буквально фотографировал страницы. Не раз, чтобы не “светиться” в гостиницах, он останавливался у меня на квартире. Однажды “Антонио” попросил у меня на ночь фолиант по истории Чили. Наутро, во время завтрака, мне вздумалось “проэкзаменовать” его. Как бы невзначай, я задал “Антонио” несколько вопросов о Бернардо О'Хиггинсе, его родословной, освободительных походах, причинах, из-за которых он уехал в эмиграцию в Европу. Лучше бы я этого не делал. “Антонио” повернул все так, что пришлось отвечать мне. Хорошо помню, с каким невозмутимым видом он поправлял мои ошибки».

«“Антонио” и “Педро” ладили друг с другом?»

«Я знал, что “Педро” подчинялся “Антонио”. Однако отношения между ними были дружескими, никаких начальственных ноток я не замечал. “Антонио” всегда старался оставаться в тени, словно подчеркивал, что во всем доверяет “Педро”. Они нередко использовали мою автомашину для проведения встреч в других городах, поездок на север Чили и проведения пробных сеансов радиосвязи с Москвой. Насколько я знаю, они столкнулись с большими трудностями. Сказывалось огромное расстояние между Сантьяго и Москвой, что отражалось на прохождении радиосигналов. Я читал книги о немецком шпионаже в Чили. У них тоже было много проблем с установлением связи с Гамбургом, где у нацистов находился

радиоцентр».

«Можете ли вы, дон Карлос, припомнить какой-нибудь интересный эпизод вашего общения с “Антонио”?»

«Чаще всего мне вспоминается март 1942 года, когда я возил “Антонио” в Чильян. Там художник Сикейрос открывал для публики свою фреску, и “Антонио” хотел посмотреть эту работу, потому что увлекался мексиканским искусством. Во время поездки мы очень много говорили, и я убедился в том, как легко и быстро “Антонио” осваивался в новых для себя местах, ощущая себя их неотъемлемой частью. Его чилийские наблюдения были точными, проницательными, всегда с элементами доброго юмора, без которого “Антонио” я просто не представляю…»

Потом в разговоре вновь прозвучало имя «Педро», и я спросил Роблеса:

«Вы знали, что он был мексиканцем?»

«Неужели? — удивился он. — “Педро” мало говорил о своем прошлом. О Мексике — никогда, о Кубе — изредка и неохотно. Мне всегда казалось, что ему пришлось многое пережить на острове. Поэтому я воздерживался от расспросов. К тому же конспирация, излишнее любопытство всегда вредит. Чаще всего мы говорили с ним о коммерции, да-да, не улыбайтесь. Наша фирма “Оркред” располагалась на 9-м этаже здания на улице Нью-Йорк, того самого, которое называют первым небоскребом Сантьяго. Иметь фирму близ “Клуба Унион”, в котором проводила время чилийская элита, было престижно. Припоминаю анекдотический случай. Окна фирмы “Оркред” выходили на торговое представительство Германии. Однажды мы с “Педро” увидели странную картину: все мужчины — сотрудники торгпредства — подошли к окнам своего офиса, встали на стулья, сняли брюки и дружно продемонстрировали свои зады… Я онемел от удивления и негодования: да как они смеют, чертовы наци!.. Но “Педро” только рассмеялся: “Знаешь, — сказал он. — По соседству с нами снимают офисы американские и английские разведчики, они давно ведут наблюдение за немцами. И не забывай об агентах из Департамента 50, который разрабатывает 'пятую колонну'. У них здесь тоже свито гнездышко. Немцы об этом осведомлены и просто провели очередную контратаку”…»

* * *

После войны Роблес целиком посвятил себя коммерции, стал авторитетным предпринимателем на химико-фармацевтическом рынке Чили. Контакт с компартией он прервал. Во время войны в

Корее к нему приходил за пожертвованиями на организацию антиамериканской кампании член политбюро Хорхе Хирес. Деньги Роблес дал, но поставить подпись под антиамериканским воззванием отказался: для его бизнеса это стало бы катастрофой. Хирес возмутился, возникла ссора, и Роблес выставил гостя за дверь. В период правления Гонсалеса Виделы Роблес за принадлежность к компартии был поражен в избирательных правах. С помощью сенатора Сальвадора Альенде добился их восстановления. Потом, в благодарность, Роблес долгие года жертвовал деньги на его избирательные кампании.

«Многие трибуны, возведенные для митингов Альенде, — сказал мне Роблес, — были построены на мои средства…»

Когда в середине 50-х годов к Роблесу наведались гости из военной контрразведки и стали выяснять характер его связей с «Советами» и компартией, он мог, не кривя душой, сказать, что «политикой не занимается». Гости пытались выяснить, что известно Роблесу о фактах советского шпионажа в Чили. Контрразведка ничего не добилась и перестала беспокоить Роблеса своим вниманием. Он, однако, решил не рисковать и уничтожил архив «Педро», его запасные документы прикрытия и даже кодовую книгу под названием «О старости и дружбе». «Я очень переживал, что сделал это, — признался мне Роблес. — Думал, что "Педро", или кто-либо от его имени, придет ко мне. Но этого не произошло».

Слова Роблеса о наблюдательности «Антонио» заставили меня улыбнуться. После завершения своей разведывательной эпопеи в Южной Америке Григулевич составил заметки о своих чилийских впечатлениях. Вот что он написал о Сантьяго:

«Это довольно грязный город, грязь липнет к вам повсюду: в домах, ресторанах и трамваях. В столице — невероятное количество драк, разбоя, пьянства. Уровень жизни чилийского народа очень низок. Чилиец пьянеет не потому, что он много пьет (вина или чичи), а потому, что истощен и слаб. Любое количество алкоголя сбивает его с ног, и он теряет над собой контроль.

Туристы "в обязательном порядке" посещают две горы, находящиеся в центре столицы — Санта-Лусия и Сан-Кристобаль. Излюбленное место горожан для проведения "уикэндов" — окрестности города, где разбросаны "*quintas",* сады с ресторанами. Да и в самом городе имеется много парков, бульваров, скверов, уединенных зеленых зон. Большинство "*quintas"* и парков пригодно для явок и конспиративных встреч. Под вечер все они заполняются парочками, которые, не стесняясь прохожих, предаются любовным играм. Гора Санта-Лусия теплыми ночами превращается в "дом свиданий" на открытом

воздухе, а Сан-Кристобаль — в пристанище криминальных элементов.

Городской транспорт — трамваи, омнибусы, гондолы и такси — чрезвычайно изношен. Трамваи буквально разваливаются во время езды, омнибусы и гондолы ободраны и страшно устарели. Во время войны транспорт Сантьяго переживал самый настоящий кризис, пассажиры висели снаружи трамваев и автобусов, залезали даже на крыши. Нормальной посадки пассажиров не существует. Транспорт надо брать с боем. Если ты все-таки попал вовнутрь, береги кошелек, потому что местные карманники работают профессионально. Лучшие карманники Латинской Америки — чилийцы. В годы войны “поймать” в Сантьяго свободное такси было невозможно. Шофер всегда спрашивал, куда ехать, запрашивал цену с потолка, а иногда, если расстояние было большим, отказывался ехать, поскольку бензина у него было не густо. Из-за частых транспортных аварий вовремя прийти на явку в условиях Сантьяго было невозможно. Я сам не раз в этом убеждался.

Самым знаменитым клубом в Сантьяго является “Унион”, в котором собирается аристократия, главным образом помещичья. Членство в клубе — признак принадлежности к высшему обществу. Много масонских клубов. Надо отметить, что масонство в Чили чрезвычайно распространено, особенно среди мелкобуржуазного чиновничества, радикалов, социалистов. Почти все полицейское начальство — масоны. Это для них как этикетка надежности. Приличных кинозалов мало: “Метро”, “Санта-Лусия”, “Сервантес”, “Сентраль”. Все другие — захудалые, хотя их отчего-то называют “театрами”. Большим успехом пользуются концерты любых заезжих артистов. Вот и становятся сенсациями концерты перуанской певицы Сумак или балет полковника Басилио. У госслужащих, чиновников и полицейских в большом почете ипподром. Вот где можно ощутить пламенность чилийской натуры — через азарт! Стадионы тоже не пустуют. Чилиец — большой любитель футбола, хотя эта мания пока не приобрела таких сумасбродных форм, как в других латиноамериканских странах.

Из библиотек Национальная — самая крупная, но очень плохо организованная, с бессистемно подобранным книжным фондом. Даже по собственной истории Чили нет ничего путного. Правда, для посещений библиотеки никаких документов не требуется. В читальном зале можно свободно курить, в чем и заключается главное достоинство библиотеки…»

Вот что написал Григ о кулинарных пристрастиях чилийцев:

«В Сантьяго имеется несколько первоклассных ресторанов,

таких как “Ла Баиа” и “Чез Анри”, где собираются по вечерам политики, дипломаты, крупные чиновники и богатые туристы. Считаются также шикарными рестораны в гостинцах “Каррера” и “Крильон”. Затем идут рестораны второго сорта — все в центре, на улицах Аумада, Эстадо, Бандера и прилегающих переулках, куда ходит довольно-таки разношерстная публика. Среди ресторанов третьего сорта выделяются вегетарианские. В них можно обмануть голод разными овощными блюдами типа бифштекса из моркови.

Таких кафе, как в Буэнос-Айресе, в Сантьяго нет. Скорее это обычные закусочные, куда люди приходят съесть сандвич, выпить бутылку пива или прохладительного напитка.

Сандвичи — самая распространенная в Чили еда. Появление в этих заведениях прилично одетого человека с иностранным акцентом вызывает обязательный интерес у окружающих. Чтобы не привлекать внимания, в закусочных не следует просить коктейлей, а просто пиво или фруктовую воду. Следует также учесть, что рядовые чилийцы не курят дорогие американские сигареты. Не по карману! Поэтому, чтобы избежать неприятностей, лучше перейти на местные сорта сигарет или папирос.

Заработка рабочего еле-еле хватает на кормежку, хотя чилиец любого социального уровня любит поесть. Главные народные блюда это: *cazuela* — похлебка, в которую чилиец кладет все, что у него есть под рукой, и *caldillo* — рыбный вариант “касуэлы”. На чилийском столе часто присутствуют так называемые “мариски”, морская “ракушечья” еда типа “*jaibas”, “chorros”* и “*locos”*. Этими яствами можно полакомиться в любом ресторанчике средней руки. Местным блюдом является также яичница из морского ежа *(tortilla de erizo)*. Типично чилийская приправа — “*salsa de callampa”* (кальямпа — это особого рода древесный гриб). В дорогих ресторанах в почете лангусты и устрицы.

Чилиец не может обойтись без вина. В Чили производят великолепные вина: даже самое дешевое обладает высоким качеством. Через три-четыре часа после обеда чилийцы имеют “once”. “ *Tomar el once”* — это означает немного закусить в районе пяти часов. Говорят, что во времена колонии в этот час чилийцы любили выпить рюмку-другую. Свою местную водку они называли “онсе”, так как слово “*aguardiente”* состоит из 11 букв. Теперь же “онсе” потеряло алкогольный смысл. Чилийцы пьют чай или кофе с молоком, сопровождая их “тостадас”, поджареным белым хлебом с маслом.

Йерба-мате чилийцы пьют не часто. Предпочитают чай или, как они говорят, “*aguita”*. По-испански это значит — “водичка”.

Помню, какой конфуз случился со мной, когда я впервые оказался в Сантьяго. Пришел я в гости и застал семью за чаем. Меня радушно приняли, усадили за стол. Потом хозяин спрашивает, не желаю ли я *“aguita”?* Я подумал, что мне предлагают воду, и отказался. Сижу и жду, когда же мне нальют чаю. Но время идет, и кроме “агуиты” ничем угостить не хотят. Признаюсь, я уже начал возмущаться: что за хамское отношение к гостю! Сами пьют чай, а меня простой водичкой угощают. Я понял свою ошибку только после того, как кто-то за столом протянул чашку и сказал хозяйке: — Еще немного “агуиты”…»

Вот эскиз национального характера чилийцев:

«Характерной чертой имущих классов является комплекс неполноценности. Все им ненавистно в своей собственной стране: и прошлое, и настоящее, народ и его обычаи, законы и т. д. Буржуазные газеты, социологическая литература и беллетристика полны ругани по поводу “этой несчастной обреченной страны”. Если “приличный” чилиец встречается с иностранцем, то считает своим долгом уведомить его, что Чили — “паршивая страна” и что чилийцы — “окаянный народ”.

У “приличного господина” отсутствует всякое понятие национальной гордости, что характерно для соседей-аргентинцев. Такой чилиец завидует “аргентинскому образу жизни” от всей души, и Буэнос-Айрес для него почти то же самое, что Мекка для мусульманина. Он восторгается аргентинской модой, кинокартинами, изобилием в магазинах, даже аргентинскими полицейскими. У чилийских женщин особым шиком считается аргентинская одежда, сумки и украшения. Мужчины, впрочем, не отстают от них. Однако в Чили новая одежда весьма дорогая и потому для среднего чилийца недоступна. Поэтому очень популярны перекупщики и продавцы старого платья. Есть даже люди, которые зарабатывают этим: скупают поношенные вещи в Аргентине или США и с барышом — после штопки и чистки — перепродают их в Чили. Хорошо одетый человек в Сантьяго заметен, так как большинство горожан одевается скромно.

Среди слабостей чилийцев, я бы сказал, пороков, следует отметить их любовь к картам. Во всех пансионах, в которых я жил, обитатели по вечерам “резались” в карты, главным образом в покер. А с субботы на воскресенье играют ночь напролет: обычно на мелочь, но если матерым игрокам попадется провинциальный простофиля, то с него в азарте снимут последние штаны.

Чилиец в деловых отношениях скрытен и недоверчив. Он никогда не решается сказать “нет” — он всегда говорит “да”. Но у него это означает и “да” и “нет” одновременно, и согласие и

отказ. Даже наши испытанные помощники и то обычно не открываются, не откровенничают с первого раза. Чилиец — мастер притворяться. Таких в стране называют — “макуко” (по названию лисы, обитающей в песках Атакамы). Никогда не следует забывать этой особенности чилийского характера. Если чилиец пообещал что-то, то это не значит, что он непременно выполнит обещание. Подобный стиль исполнительности характерен для лидеров политических партий, деятелей правительства, парламентариев и купцов-коммерсантов.

Среди достоинств чилийца следует отметить смелость и отвагу, которые он унаследовал от своего индейского предка араукана (мапуче). В Чили, как и во всех странах Южной Америки, слово “*cobarde”* обозначает больше, чем просто трус. В нем есть и другие значения: низость и подлость, коварство и предательство. Боже упаси вас употребить это слово без надобности, а также “*cornudo”* — рогатый, — оно не менее оскорбительно, хотя поводов к этому в реальной жизни чилийцев бывает предостаточно. Нравы в стране очень распущены. Нередко можно встретить двоеженцев, а что касается любовниц, то у каждого «нормального» чилийца она обязательно найдется. Характерно, что в Чили отсутствует культ донжуанства, чем славятся аргентинцы. Чилийский мужчина из этого особой доблести не делает, не хвалится успехами у женского пола. Даже в рабочих кругах, и более того, у партийного руководства, — наиболее здоровых элементов общества, — двоеженство встречается сплошь и рядом. Нельзя сказать, что чилийка продажна по натуре. В большинстве случаев женщина отдается мужчине бескорыстно, но с такой ошеломляющей легкостью, которой мне не приходилось наблюдать ни в какой другой стране…»

По мнению Григулевича, этот «фактор» резидент должен всегда иметь в виду:

«На всех конспиративных квартирах, которыми мы пользовались, а они подбирались с чрезвычайной осторожностью, как назло, появлялась “роковая женщина”. Это могла быть жена хозяина, дочь, сестра, а то и прислуга. И причина неприятностей была в том, что они так и норовили затащить в кровать нашего связника. И потому в чилийских условиях надо тщательно подбирать связников и людей, обслуживающих квартиры. Надо помнить, что товарищи со слабинкой могут разложиться в нездоровой атмосфере “страстей”. Поэтому отношения резидента с ближайшими помощниками должны быть такими, чтобы сотрудники не боялись его, а откровенно делились своими заботами, в том числе и интимными. И тогда резидент будет в

курсе возможных осложнений и сумеет принять нужные меры, чтобы исправить промах сотрудника, например, с женой хозяина конспиративной квартиры».

* * *

В один из мартовских дней 1942 года Иосиф познакомился с писателем Танкредо Пиночетом, тем самым, который выступил в Чильяне с прочувствованной лекцией в защиту Советского Союза. Знакомство было делом случая. Из-за обеденного времени ресторан «Чез Анри» был переполнен. Григулевич и Кирберг с трудом нашли свободный столик. Говорили о делах нейтральных, потому что в зале было шумно, приходилось напрягать голоса, чтобы услышать друг друга. Неожиданно Кирберг прервал разговор и, встав из-за стола, направился к мужчине лет 60-ти, в темном костюме-тройке, который с озабоченным видом высматривал свободное место. Энрике пригласил его «составить компанию» и представил Григулевичу как «крупнейшего чилийского писателя 20-го столетия». Оказалось, что Иосиф был знаком с творчеством Танкредо: прочитал самую первую из написанных им книг: «Плебейское путешествие по Европе». Это был не только увлекательный рассказ о странствиях автора, но и пособие по выживанию для бродяг-романтиков, не имеющих гроша в кармане.

«Жаль, что “Плебейское путешествие” так поздно попало мне в руки, — сказал с улыбкой Иосиф. — Мне тоже довелось побродить по Европе, правда, лет на двадцать позже, чем вам, дон Танкредо. Прекрасная полезная книга. Я бы рекомендовал ее всем юношам, вступающим в жизнь. Она дает уроки ответственности, предприимчивости и самостоятельности».

Пиночет провел салфеткой по губам и рассмеялся:

«Верно замечено. Книгу издали накануне Первой мировой войны, и она пользовалась успехом. Романтически настроенные юноши покидали семейный уют, чтобы испытать себя в сложных жизненных обстоятельствах. Меня дружно обвиняли в том, что я учу молодежь бродяжничеству. Но потом почти все беглецы вернулись домой: война — не лучшее время для путешествий».

Дон Танкредо поведал, что работает над текстом брошюры, название которой «Вот что будет с нами, если Гитлер победит». Писатель предсказывал, что чилийцы не могут рассчитывать на снисхождение германских нацистов, если они появятся на скалистых берегах Чили. «Расово неполноценная» страна подвергнется полному разгрому. Конфискация промышленных

предприятий, разгон парламента, закрытие университета, запрет на смешанные браки, появление концентрационных лагерей, — в стране воцарится образцовый «новый порядок», как в Европе, захваченной Гитлером. Танкредо Пиночет заметил, что его брошюра — это призыв к бдительности, поскольку в Чили есть свои собственные нацисты, которыми командует фон Мареес — в основном «золотая молодежь» и «троянские кони» из немецкой колонии, ждущие своего часа.

«Мы живем в тяжелое время, — согласился Кирберг. — Вашу брошюру должны прочитать в каждом чилийском доме. Это будет прививкой от коричневой болезни, опасность которой в Чили многие не понимают».

«В наше время нельзя без надежды, — вмешался Григулевич. — Давайте заглянем в будущее. Союзные армии наступают на Берлин с востока и запада. Немцы сдаются в плен целыми дивизиями. Распахиваются двери концентрационных лагерей. По тайным норам разбегаются нацистские преступники. Исчадья зла — Гитлер, Геббельс и Гиммлер переодеваются нищими, чтобы избежать справедливого суда народов…»

Танкредо Пиночет с любопытством глянул на Иосифа:

«Это — готовый сюжет для захватывающей книги. Почему бы вам не написать ее?»

Григулевич покосился на Кирберга и постарался ответить как можно убедительней:

«Меня кормит коммерция. Писательство — ненадежная вещь: требует времени и больших усилий, без какой-либо гарантии на успех…»

* * *

Разговор в ресторане так и остался бы мимолетным событием в жизни его участников, если бы дон Танкредо не написал весной 1943 года свою очередную, 33-ю по счету книгу под названием «Трансформация Гитлера». В руки Григулевича роман Пиночета попал гораздо позже, в августе 1945 года. Читая книгу, Григулевич не переставал удивляться прозорливости автора. Дон Танкредо предсказал даже Берлинскую мирную конференцию, в которой в эти самые августовские дни принимали участие Черчилль, Трумэн и Сталин. Правда, писатель не мог предвидеть всего: у него представителем Соединенных Штатов был не Трумэн, а Рузвельт, умерший накануне победы. Своих «героев» — нацистских иерархов, скрывающихся от суда, дон Танкредо превратил не в нищих, а… в евреев. С живописными

подробностями писатель рассказал о том, как Гитлер «трансформировался» в Гольдштейна, Геббельс — в Гуттмана, а Гиммлер — в Мейера. Никому не пришло бы в голову искать нацистских преступников среди уцелевших от преследований евреев. Но возмездие неизбежно. Карающий меч судьбы настиг всех…

Глава XIX.
СИКЕЙРОС ВЫХОДИТ ИЗ ИГРЫ

Торжественное открытие Школы имени Мексики произошло 25 марта 1942 года. Посмотреть на мураль «в неофициальном порядке» приходили чильянские друзья и знакомые Сикейроса. Багрово-золотистый колорит росписи окутывал библиотечный зал, создавал иллюзию погружения в историю, одушевления персонажей прошлого, которые, казалось, вот-вот ступят вниз на паркет…

Сикейрос гордился достигнутыми в росписи «оптическими эффектами». Человеческие фигуры на ней жили своей жизнью: «Они сжимались и увеличивались, сходились или расходились в стороны… Все менялось и двигалось, когда мы направлялись к входной двери или шли в направлении окон, к противоположной стене… Мы просто развлекались, как дети, магией этих волшебных картин!» — так написал Сикейрос в мемуарах.

По заказу мексиканского посольства чилийский искусствовед Эрнесто Эслава подготовил к торжественному открытию школы брошюру с описанием мурали и сопутствующих ей живописных панно с портретами «либертадорес» и мыслителей Латинской Америки (исключение было сделано только для одного «нелатиноамериканца» — Авраама Линкольна). Эслава с восхищением отзывался о передовых концептуальных подходах Сикейроса к монументальной живописи, образной и цветовой энергетике мурали, использовании новейших материалов — от пироксилина и ярких анилиновых красок до «механических кистей».

По случаю открытия школы посол Эспиндола разослал несколько десятков приглашений. Трудно сказать сейчас, кто реально присутствовал на мероприятии. В списке, опубликованном газетой «Дискусьон», были названы среди прочих — посол США Клодт Боуэрс, шеф криминальной полиции Освальдо Сагуэса, посол Кубы Писси де Поррас, генеральный консул Коста-Рики Алехандро Орреамуно Бор-бон, лидер Социалистической партии сенатор Мармадуке Грове, перуанский публицист и политик Мануэль Сеоане, фотограф Антонио Кинтана, художники Алипио Харамильо, Эрвин Веннер и многие другие.

Среди этих «других» был Леопольд. Разве мог он пропустить столь важное событие в жизни Давида и Анхелики! Поэтому «кубинский коммерсант» прибыл в числе первых к

президентскому поезду, стоявшему под парами на Центральном вокзале в ожидании почетных пассажиров до Чильяна. Григулевич тоже присутствовал на церемонии открытия. Именно на март 1942 года пришлась одна из четырех служебных командировок Григулевича в Чили за период его руководства резидентурой. Но в официальном списке лиц, приглашенных на церемонию открытия мурали, он, конечно, не значился.

* * *

«Антонио» встретился с Сикейросом в импровизированной «конспиративной квартире» — пустой в утренний час проекционной будке городского кинотеатра. В разговоре не было преамбул, воспоминаний о пережитом, и тем более о мексиканском деле. Сикейрос поставил вопрос прямо, в своем стиле, без каких-либо маневров вокруг и около: «Мне пора возвращаться домой, в Мехико. Будь что будет. Свои обязательства перед Советским Союзом я полностью выполнил. Меня ждут новые творческие задачи. Я не могу гнить в глухомани. Если Москве потребуется в будущем моя помощь, ты знаешь, как со мной связаться».

Сикейрос стал подумывать о возвращении на родину с конца февраля 1942 года. Главный для него вопрос: сохраняет ли дело Троцкого — Шелдона актуальность для ФБР? Не арестуют ли его американцы, как только он покинет пределы Чили?

Григулевич понимал, что от своего решения Сикейрос не отступится. Это упрямец, каких поискать. Его не переубедишь. И в самом деле, сколько он должен обретаться в Чили, чтобы забыли о его причастности к операции «Утка»?

«У меня нет возражений, — сказал Иосиф. — Художнику нужны новые впечатления, поездки, выставочные залы и хорошие заработки. Можешь считать, что с этой минуты ты волен как птица. Но одну формальность все-таки нужно соблюсти».

«Какую?» — насторожился Сикейрос.

«Надо написать письмо на имя нашего общего начальника в Москве. Ты выскажешь ему то же самое, что я только что услышал от тебя».

«Ох уж эти бюрократические процедуры», — усмехнулся художник.

«А ты думал, что так просто выйти из дела, в котором мы участвовали? Бросить револьвер на паркет, сказать на прощание “адьос” и хлопнуть за собой дверью?»

Они рассмеялись, и раскатистое эхо заметалось по пустому

кинозалу…

Письмо в Москву Сикейрос вручил на следующий день. Григулевич узнал почерк Анхелики. Художник продиктовал ей текст и размашисто расписался под ним:

«Я поехал в Чили по личной инициативе. Я провел здесь два года и в основном жил на свои собственные средства, зарабатывая своим ремеслом художника. Я не отказывался от решения задач, которые считал посильными. Об их исполнении я всегда информировал Антонио.

Уезжая отсюда, я никак не нарушаю наше соглашение. Делаю это по материальным соображениям и необходимости серьезного медицинского обследования. Я намерен осесть где-нибудь на постоянном месте в ожидании возобновления контракта с фирмой и любого задания, которое Вы можете дать».

* * *

Одно из наиболее прочувствованных описаний чильянской фрески Сикейроса принадлежит перу Григулевича. Он же дал интерпретацию названия росписи: «Сикейрос сперва назвал чильянскую роспись “Художественная оратория”, но с началом войны нацистской Германии против СССР переименовал ее в “Смерть захватчику!”, а точнее “Смерть интервенту!” — слова, несомненно, почерпнутые из военных сводок Совинформбюро»[63].

«Роспись в Чильяне, — писал Григулевич, — состоит из гигантских фигур патриотических и революционных деятелей Мексики и Чили. На “мексиканской” половине изображены индейский вождь Куаутемок, боровшийся с конкистадорами, зачинатели войны за независимость Мигель Идальго и Хосе Мария Морелос, Бенито Хуарес, герой мексиканской революции Эмилиано Сапата и Аделита — сольдадера, сопровождавшая своего мужа-солдата в походах (ее писал Сикейрос с Анхелики), наконец, бывший президент Ласаро Карденас. Широкие линии и плоскости на потолке связывают эту аллегорию с аллегорией, представляющей Чили, на противоположной стене. На этой половине изображены арауканские вожди Лаутаро и Кауполикан, “отец нации”, возглавлявший борьбу за независимость Бернардо О'Хиггинс, президент Бальмаседа, свергнутый в конце XIX века реакционерами, зачинатель чилийского коммунистического движения Эмилио Рекабаррен.

В центре выделяются две гигантские головы — чилийца Бильбао, социалиста-утописта XIX века, и индейского вождя

Гальварино, четвертованного в Чили по приказу испанцев, и у них в ногах — тела поверженных завоевателей. Головы Бильбао и Гальварино объединены устремленным вперед единым торсом с обрубленными кистями рук. Эти борцы не сломлены, они продолжают оставаться в строю и теперь. Все фигуры вместе образуют как бы единое войско, стремительно наступающее на зрителя. Недаром посетители прозвали этот зал “Залом гигантов”».

* * *

Для Сикейроса присутствие официальных лиц на открытии мурали стало своего рода процедурой «снятия грехов и причащения к нормальной жизни». Он написал в своих мемуарах: «Мураль в школе имени Мексики была закончена, в связи с этим ослаб и полицейский надзор: мне разрешили в качестве “туриста” проехать по южному региону страны, а через некоторое время поселиться в столице».

Во время поездки художник увидел «потомков непокорных немцев, которые маршировали по улицам, облачившись в униформу фашистских молодчиков»: «Под влиянием нацистской пропаганды они воспылали любовью к современной “родине-матери” — гитлеровской Германии, и эта любовь оказалась сильнее идей, унаследованных от своих прародителей». Серьезных оснований для битья в тревожные колокола Сикейрос во время этого путешествия не обнаружил. Выходцы из Германии дорожили уютными оазисами личного благополучия. Чилийские «тевтоны» ограничивались эмоциональной поддержкой рейха, «сумевшего воспрянуть из праха и стальным кулаком восстановить справедливость». Но не более того. Никаких признаков вот-вот готовых разразиться заговоров и переворотов.

В начале 1943 года Сикейрос принял участие в митинге, организованном в кинотеатре «Бакедано» в Сантьяго в связи с учреждением «Центрального комитета борьбы за искусство в Америке на службе победы демократии». На митинге он огласил свой антифашистский манифест «На войне — военное искусство». В нем он призывал интеллектуалов, художников и писателей словом и делом оказывать помощь союзникам. Вскоре Сикейрос покинул Чили и по маршруту Перу — Эквадор — Колумбия — Панама добрался до Кубы, откуда рукой было подать до родной Мексики.

Путешествовал художник при финансовой поддержке американского Coordinating Committee. Предоставление ее

Сикейрос истолковал как свою «победу». Янки сменили гнев на милость. Гувер «смирился» с тем, что произошло в Мехико в мае 1940 года, и отныне не будет чинить препятствий его творческой работе, в том числе на территории США. Ведь конечным пунктом в поездке художника значились Соединенные Штаты. Перед отъездом он побывал в американском посольстве в Сантьяго и без проволочек получил въездную визу. Тем не менее слежка за передвижениями Сикейроса продолжалась. Во время поездки Сикейрос читал лекции о современной мексиканской живописи и создавал антинацистские «Группы боевого искусства». Григулевич в монографии о Сикейросе подробно описал эту поездку, отметив ее пропагандистский успех у творческой интеллигенции стран Латинской Америки.

Добравшись до Гаваны, Сикейрос узнал, что его виза в США аннулирована решением Госдепартамента от 28 апреля 1943 года. Американский посол на Кубе Браден сообщил художнику, что причина — «коммунистическая принадлежность» Сикейроса. Судя по рассекреченным страницам досье ФБР на Сикейроса, великодушному «фэбээровцу» из Сантьяго дали нагоняй «за потерю бдительности и чрезмерный либерализм», а сам художник долгие годы оставался под пристальным присмотром людей Гувера. Шла «холодная война», и «красный» мексиканец «воевал» в ней не на той стороне…

* * *

К сожалению, кроме росписи, других следов пребывания Сикейроса в Чильяне сохранилось мало. С трудом мне удалось восстановить некоторые его маршруты, адреса, излюбленные «точки» отдыха. Чильян времен Сикейроса и Григулевича ушел в прошлое. С туристической картой в руках я обошел немногие сохранившиеся места, которые так или иначе связаны с жизнью Сикейроса: здесь была гостиница «Эль Вьяханте», здесь находился «Ресторан Популар», где можно было «отдохнуть» от малосъедобного «питания» сеньоры Сааведры, прикрепленной к художникам в качестве повара; здесь — на некогда оживленном железнодорожном перроне — встречали прибывших на «Южной стреле» друзей из Сантьяго и среди них элегантного Леопольдо Ареналя; а вот здесь — в Школе имени Испании и Чилийско-испанском центре — устраивали выставки своих картин друзья Сикейроса. Не пропускали Давид Альфаро и Анхелика премьер в кинотеатре «О'Хиггинс», в котором иногда показывали мексиканские ленты, от них теплело на душе.

Темно-зеленая туша этого кинотеатра до сих пор высится над улицей Либертад. Это в его аппаратной проходила конспиративная встреча Григулевича и Сикейроса…

Глава XX.
ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШАЯ СЛЕЖКА»

На первых порах операция «Большая слежка» развивалась успешно. В контрразведывательную «группу Кирберга (псевдоним «Доре»)» входило около тридцати человек, в основном чилийские комсомольцы. Трех своих членов отрядила в нее испанская компартия. Кроме них Кирбергу помогали итальянцы и перуанцы. Вначале его люди наладили слежку в Сантьяго, затем организовали аналогичные группы наблюдения в городах Вальпараисо и Винья-дель-Мар.

«Алекс» встречался с Кирбергом на его конспиративной квартире, которая находилась неподалеку от Цветочного рынка. Вместе они анализировали добытую информацию о контактах, передвижениях, местах сбора и тайных совещаниях нацистов, определяли «фронт» работ на ближайшую неделю, прикидывали, как лучше всего использовать полученные сведения. В картотеку «группы Кирберга» за короткое время были внесены имена трех тысяч человек, потенциальных участников «пятой колонны», разведывательных точек абвера и службы безопасности рейха. На наиболее активных нацистов заводились досье. Сводки наблюдения «Алекс» в обязательном порядке переправлял в Буэнос-Айрес «Артуру», а «Доре» сообщал Гало Гонсалесу. С согласия Григулевича, часть материалов вручалась сенаторам Сальвадору Окампо и Амадору Пайроа для использования в парламентских дебатах. «Пятая колонна» продолжает безнаказанно действовать в стране, чилийский псевдонейтралитет — это откровенная поддержка стран «оси» — таким был лейтмотив их выступлений.

Несмотря на все усилия «Алекса», чилийская селитра регулярно поступала в порты Аргентины. Д-работа в Чили терпела явное фиаско. По мнению «Артура», Леопольдо оказался не на высоте: организацию создал, набрал в ее ряды интеллектуалов и почти никого — с практической жилкой. В Сантьяго есть люди с опытом войны в Испании! Почему не обращается к ним?

Леопольдо оправдывался, делился с Иосифом своими соображениями о причинах неудач:

«Такова позиция партии. Скрытый бойкот. Не хотят портить отношения с правительством. В этом я вижу руку Контрераса Лабарки. Он всегда был противником силовых акций. Считает, что скрыть причастность КПЧ к диверсиям не удастся. Кто в

сенате постоянно призывает покончить с поставками селитры? Сенаторы-коммунисты Пайроа и Окампо! В каких газетах постоянно пишут об этом? В тех, что издает компартия. Если начнутся пожары на складах и судах, перевозящих минерал в Буэнос-Айрес, не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, кто именно занялся саботажем».

В партии принимались боевые резолюции, но они не претворялись в жизнь. Рабочие комитеты по бойкоту, созданные в Икике, Арике и Антофагасте, выступали с громкими заявлениями, призывами к правительству и запросами в парламент, но не более того.

Нерешительность чилийских товарищей удивляла и раздражала «Артура». Он считал, что внутренняя ситуация в Чили благоприятна для осуществления диверсий. «Такое ощущение, что кое-кому в КПЧ нравится спокойная жизнь, — сказал он Гало Гонсалесу при очередной встрече. — Подумаешь, война! Это далеко! Это только в газетах. Личный комфорт важнее! А ведь Красная Армия в России проливает кровь и за чилийцев!»

* * *

Пытаясь преодолеть скрытое сопротивление партийных руководителей, Григулевич встретился с Сальвадором Окампо. Просил его энергичнее ставить вопрос о селитре в конгрессе, на заседаниях Конфедерации трудящихся Америки и в КПЧ.

Окампо сдержал обещание и произнес в парламенте пламенную речь по поводу бесстыдной торговли селитрой с франкистской Испанией. Сенатор ссылался на достоверные источники в Аргентине (информация была передана «Артуром»), Последние факты: аргентинское судно «Рио Неукен» и шведское «Амалия» доставили в буэнос-айресский порт очередной груз селитры из Чили, который затем был перегружен на испанские суда «Санти» и «Альдекоа». Для того чтобы скрыть контрабанду, пятидесятикилограммовые мешки с минералом прикрыли слоем пшеничного зерна. Такими же челночными перевозками минерала занимаются чилийское судно «Калифорния», аргентинские «Рио-Атуаль» и «Рио-Теуко», регулярно доставляя тысячи тонн селитры из Антофагасты в Буэнос-Айрес. Получатель известен — испанцы.

«Вы, конечно, знаете, на что пойдет селитра, — сказал Окампо, обводя взглядом амфитеатр Сената. — Из нее сделают черный порох и взрывчатку, чтобы убивать людей. При попустительстве наших властей “нейтральные коммерсанты”

войны продолжают свою преступную торговлю. Селитра подпитывает индустрию вооружений в Испании. Мне ли вам говорить, что Франко помогает Гитлеру воевать: изготавливает для него авиационные моторы, военные грузовики, танки, морские катера, порох и взрывчатые вещества. Кто в Чили ответит за это? Ведь весь этот арсенал будет использован против героических солдат демократии!»

С кресел консервативного крыла Сената раздалось несколько ироничных реплик. Кому-то показалось забавным, что коммунист Окампо заговорил языком американского посла Боуэрса. Однако выступления Окампо и Пайроа, пропагандистская кампания в чилийской прессе, организованная советскими разведчиками в Чили, получила мировой отклик. Видные политические деятели Корнелл Хэлл, Семнэр Уэллес, Энтони Идеи и другие в публичных выступлениях-откликах решительно поддержали призывы «прогрессивных чилийских сенаторов и журналистов» прекратить продажу стратегических материалов странам «оси».

* * *

«Артуру» было известно, что английская резидентура успешно действовала в Сантьяго и привлекла к своим операциям влиятельных членов Социалистической партии и тех чилийских дипломатов и военных, которые были связаны по службе, а иногда и родственными узами с Великобританией. Известно, что на формирование чилийской национальной элиты заметное влияние оказали выходцы из английских и шотландских родов. Этими именами до сих пор пестрят чилийские справочники «Кто есть кто». О чилийцах нередко говорят: «Это англичане Южной Америки», и для этого есть причины. Чилийцы издавна ощущают себя островитянами из-за географической обособленности страны на континенте. С одной стороны высятся неприступные вершины Анд, с другой плещут волны бесконечного Тихого океана. В прежние века затрудненность общения с соседями порождала ощущение оторванности, некоей несовместимости с теми, кто обитал по ту сторону границы из непреодолимых хребтов, вулканов и пропастей. Отсюда — островное самосознание чилийцев. Так что пришелец с «туманного Альбиона» легко может договориться с «англичанином» чилийского происхождения.

Коммунистам в СИС не доверяли, хотя атташе Бенни Филиппе однажды встретился с руководством КПЧ и заявил, что Англия хотела бы наладить совместную с коммунистами работу по сбору информации о пособниках стран «оси» и организации Д-

операций! Не обошлось без традиционных заверений в том, что на своей родине Филиппе был близок к коммунистам. Особого успеха миссия английского атташе не имела. Ему в КПЧ не поверили. Но и без коммунистов деятельность СИС в Чили приобрела заметный размах. Британская разведка финансировала издание газеты «Дефенса», через которую направлялась и координировалась антинацистская кампания в стране и на континенте. Рамок пропагандистской «дозволенности» редакция старалась не преступать: правительства президента Агирре Серды (до его смерти в 1942 году) и Антонио Риоса считали соблюдение нейтралитета принципиальным вопросом внешней политики Чили. Тем не менее в газете «Дефенса» ухитрялись сказать все, что требовал переживаемый исторический момент. Вот типичная публикация:

Вначале рисунок — силуэт зловещего мужского лица, пересеченного, как шрамом, знаком вопроса, и далее — текст:

> «КТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?
> Он имеет внешность чилийца.
> Он одевается как чилиец.
> Он говорит на языке чилийцев.
> Однако…
> Он ненавидит чилийскую демократию и ждет ее поражения.
> Он презирает священные свободы чилийского народа.
> Внешне он приветствует чилийский флаг, но на самом деле преклоняется перед другими враждебными символами.
> Он подражает нацистским хозяевам в проповеди антисемитизма, используя это как дымовую завесу, чтобы скрыть совершенное в отношении Чили предательство.
> Он ждет того дня, когда иностранная держава овладеет твоей страной и клич “Хайль Гитлер” заменит слова Национального гимна.
> КТО ЭТОТ ЧЕЛОВЕК?
> Это член “пятой колонны”.
> Не верьте ему.
> ЛИГА ОБОРОНЫ».

В Сантьяго, Вальпараисо и других крупных городах англичане развернули нелегальные резидентуры, для руководства которыми подобрали надежных чилийцев, в полном смысле этого слова, — безукоризненных джентльменов. Среди них выделялся модный

архитектор Серхио Ларраин Гарсиа-Морено[64]. Он организовал «секретную группу», деятельность которой прикрывалась газетой «Дефенса». Из внешне безобидной «конторы» велась постоянная слежка за немцами в портовых городах Чили, был организован пункт перехвата немецких радиопередач.

Англичане с пониманием относились к чилийскому нейтралитету и не форсировали событий, подталкивая правительство Риоса к разрыву отношений со странами «оси», хотя Соединенные Штаты воспринимали эту позицию как непродуманную, лишенную «союзнического духа». Несмотря на трудности военного времени, Лондон оценивал ситуацию в Южной Америке объективнее, чем Вашингтон. Правящий режим в Аргентине англичане квалифицировали не как «нацистский», а как «националистический». Британские послы в Сантьяго и Буэнос-Айресе, несмотря на постоянные «подсказки» американцев, вели свою линию, писали в МИД солидные, аргументированные депеши о том, почему Англии надо развивать нормальные отношения с Чили и Аргентиной. Главный тезис был очевиден: из этих стран бесперебойно поступают сырьевые и продовольственные товары. Рубить сук, на котором сидишь, нет никакой нужды. Опытные дипломаты предвидели, что США воспользуются войной для укрепления своих позиций на континенте, и не сомневались, что это будет делаться в ущерб английским интересам.

Посольство США в Чили возглавлял опытный дипломат Клод Г. Боуэрс. Когда Соединенные Штаты вступили в войну, Вашингтон поставил перед ним сложную задачу: добиться от чилийского правительства разрыва дипломатических отношений со странами «оси». Шли недели и месяцы, но послу не удавалось добиться желанной цели ни явными, ни тайными методами. Если бы на месте Боуэрса был кто-то другой, то в Госдепартаменте подыскали бы ему замену: этот слишком деликатен, не способен крепко ударить кулаком по столу! Однако у посла была мощная поддержка: сам Франклин Делано Рузвельт!

Будучи в годы гражданской войны послом в Испании, Боуэрс, в явном противоречии с официальной позицией Вашингтона, настаивал на «вмешательстве», на оказании помощи республиканцам — военной, экономической, финансовой. Его не послушали, республика пала, и Боуэрс вернулся в Соединенные Штаты с ощущением человека, потерпевшего сокрушительное поражение. Почти сразу же он получил новое назначение — в Чили, где к власти пришел Народный фронт. Во время беседы в Овальном кабинете Белого дома Рузвельт, затронув тему Испании, признался:

«Клод, я ошибся…»

Может быть, поэтому Рузвельт доверял мнению Боуэрса о чилийских делах больше, чем оценкам и рекомендациям Госдепартамента.

Нужно сказать, что чилийцы относились к Боуэрсу с симпатией. Он не претендовал на роль всемогущего «римского наместника». В нем было что-то от ученого-схоласта или редактора провинциальной газеты. Внешность его соответствовала такому впечатлению: небольшое морщинистое лицо, редкие волосы, разделенные пробором, нескладная сухопарая фигура с длинными руками, и при этом — четко поставленный голос эрудита, который привык выступать в научных аудиториях. Как ни странно, за годы пребывания в испано-язычных странах Боуэрс не научился складно изъясняться на «кастельяно».

Он понимал испанскую речь, ежедневно читал местные газеты, собственноручно делал вырезки для личного архива. Тем не менее на дипломатические и иные мероприятия посол всегда отправлялся с переводчиком. «Мы привыкли к энергичным, порой высокомерным американским дипломатам и бизнесменам, которые регулярно заполоняют Сантьяго, — писал о нем чилийский журналист. — Но именно Боуэрс воплощает подлинный тип американского гражданина, скромного, трудолюбивого, сердечного до простоты, без какой-либо аффектации»[65]. Боуэрс чувствовал идиосинкразию чилийцев, их крайне болезненное отношение ко всем формам диктата. Поэтому он не стучал кулаком по столу, оставаясь наедине с чилийскими президентами.

Боуэрс проработал послом в Чили 14 лет!

* * *

Представитель Гувера в Сантьяго как-то пожаловался Боуэрсу, что англичане «разобрали» почти всех подходящих для разведывательной работы людей. После недолгих раздумий посол рекомендовал ему «обратить внимание» на коммунистов: «Со времен Ленина и Чичерина в англичанах сидит комплекс недоверия ко всем коммунистам. Но Испания показала, что коммунисты — люди долга, если с ними честно договариваться. С ними надо дружить — у нас другого выхода нет».

Для начала гуверовцы взялись за изучение испанцев-республиканцев. Как-то к Ампаро Руис, работавшей в книжном магазине «Элите», пришел Роберт Уолл, американский атташе по

правовым вопросам. Он уже знал эту женщину, которая по вечерам преподавала испанский язык в посольстве. Сомнений в ее антифашистских убеждениях не было, и потому Уолл без долгих предисловий попросил ее порекомендовать ему «дельного испанца», который мог бы принять участие в работе «секретного характера» против фаланги. Будущему сотруднику был обещан неплохой заработок.

Ампаро сообщила об этой просьбе мужу — Рикардо Марину, редактору еженедельника «Вердад де Эспанья», а он — руководящему представителю компартии Испании в Чили Антонио Гуардиоле. Вскоре к Уоллу был направлен друг и «правая рука» Гуардиолы по партработе — Хосе Фрадес Мендибоуре, но с жестким условием: информировать руководство КПИ обо всех перипетиях «совместной работы», чтобы извлечь из нее пользу для антифранкистского движения. Гуардиола рассказал об «агенте» американской разведки товарищу «Алексу», и тот, недолго думая, попросил свести его с Фрадесом. Любая информация о работе «конкурентов» была полезной. Так Фрадес превратился в «тройного агента».

Без всякого сомнения, обращение Уолла к Руис Ампаро было импровизацией. Предварительных запросов о ней в штаб-квартиру ФБР сделано не было. Иначе ему вряд ли разрешили бы этот контакт. В архивах гуверовской «конторы» имелись компрометирующие материалы на Руис и ее мужа: сведения двухгодичной давности, связанные с покушением на Троцкого в Мехико. Супруги входили в обширный список «подозреваемых» агентов НКВД. Вот содержание одного из этих материалов, опубликованных на официальном сайте ФБР:

«Рафаэль (Рикардо) Марин — испанец, примерно 40 лет. Роста выше среднего, с черными волосами, тронутыми сединой. Носит очки, постоянно курит трубку. Один из основателей испанской компартии, псевдоним “Шаривари”. Жил на Кубе и в Мексике, принимал участие в коммунистической работе. Находясь в Париже с 1929 года, Марин стал видным руководителем Коминтерна и ГПУ. С 1931 года работал в Испании, являлся активным сотрудником “Пьера”, шефа ГПУ в стране. В период гражданской войны Марин принимал участие в казнях, организованных ГПУ в Барселоне. По линии этой организации выезжал в командировки за рубеж, включая Латинскую Америку. После падения республики жил во Франции. В феврале 1940 года прибыл в Америку. Виза в его паспорте была проставлена мексиканским послом Бассольсом, который подозревается в связях с НКВД. Жена Марина — Ампаро Руис, — 36 лет, небольшого роста, полная, брюнетка, энергичная,

решительная по характеру. Обладает высоким интеллектом. Пользуется авторитетом в компартии. Сопровождала Марина в загранпоездках как агент НКВД».

С таким «послужным списком» семейство Марии никак не подходило для выполнения конфиденциальных поручений американцев. Но война властно ломала привычные схемы разведывательной работы: порой приходилось идти на самые невероятные комбинации. Что же касается сведений ФБР о принадлежности Рикардо и Ампаро к действующей агентуре НКВД, то достоверность их сомнительна. Центр обязательно известил бы «Артура» о таких испытанных помощниках, как Рикардо Марин и его жена, но сделано этого не было.

Проникновение американской разведки в КПЧ стало приобретать все более опасный характер из-за попустительства Контрераса Лабарки. Роберт Уолл наладил с ним тесный контакт, используя «союзническую аргументацию»: Соединенные Штаты и СССР — верные союзники, и потому КПЧ не может оставаться в стороне. Для Лабарки этот тезис был неоспоримым. К тому же политическая аргументация американца была подкреплена выделением крупных долларовых сумм на антинацистскую работу партии. В качестве связника с американской разведкой был назначен инженер-железнодорожник Герман Амиот.

После очередного «денежного вливания» американцы уверенно шли на прямые контакты с коммунистами на разных уровнях партийной иерархии, не прибегая к «разрешениям» Контрераса. Протесты некоторых членов ЦК по этому поводу генеральный секретарь игнорировал. В 1942 году гуверовцы наладили тесные отношения с новым главным редактором газеты «Эль Сигло» Рикардо Фонсекой, и вскоре в авторитетном органе КПЧ стали появляться коммерческие объявления североамериканских фирм и компаний. Такой щедрости по отношению к «красной прессе» предприниматели из США никогда прежде не демонстрировали. Особенно «проамериканским» стал номер «Эль Сигло», посвященный Дню независимости США. Он был переполнен не только рекламой, но и статьями о боевых успехах американцев. Два восторженных очерка подготовил молодой публицист Володя Тейтельбойм под общим заголовком «Свобода или смерть!».

«Артура» возмутил столь неожиданный кульбит в редакционной политике «Эль Сигло». Фонсека придерживал материалы, подготовленные людьми «Алекса», о необходимости установления блокады на «селитряные поставки» в Испанию и не жалел места на рекламу американских монополий. Только для того, чтобы получить лишние доллары? «Артур» направил Гало

Гонсалесу письмо, в котором обращал его внимание на удручающую утрату бдительности в партии, которую в самом буквальном смысле «оседлала» американская разведка. По мнению «Артура», это «сотрудничество» было ловушкой:

«То, что американцы перекупили у англичан многих агентов из числа радикалов и социалистов — наиболее продажных политических элементов в Чили, — является секретом Полишинеля. Но этот же процесс, как ржавчина, разъедает и компартию. Она перешла на иждивение ФБР, получая деньги американского посольства на организацию манифестаций, митингов и собраний под предлогом борьбы с нацистами. Для меня нет сомнений в том, что компартия стоит перед лицом чрезвычайно опасного долговременного проникновения. В будущем американцы используют свое знание о КПЧ против нее же. Страницы “Эль Сигло” — толковой в общем-то газеты — сейчас мало чем отличаются от “Нью-Йорк Тайме”. Не этим ли объясняется гнилой оппортунизм, в который все заметнее впадает “Эль Сигло”, анализируя вопросы международной политики? Портреты Рузвельта на ее страницах появляются чаще, чем портреты Сталина. Неужели товарищ Фонсека не может отказаться от денег, которые подозрительно щедрая американская разведка вручает “на нужды партии”? Что он будет делать после того, как закончится война? Товарищу Фонсеке было бы полезно вспомнить пословицу: “Коготок увязнет, всей птичке пропасть”…»

В письме была приписка:

«Гало! Ты, наверное, знаешь, что американцы из ФБР спекулируют одеждой и обувью. Чаще всего они продают вещи своим чилийским агентам. Присмотрись, не обновлял ли кто из партийного руководства свой гардероб в последнее время?»

* * *

«Артур» постоянно предупреждал «Алекса» об опасности, которую создавало проникновение «конкурентов» в КПЧ. Утечка информации о советской разведывательной сети в Чили становилась все более вероятной. «Взаимопроникновение» разведок можно объяснить ограниченностью «вербовочного» контингента в стране. Человек, мало-мальски подходящий на роль агента, неизменно попадал в поле зрения разведчиков. Но для «Артура» «взаимопроникновение» было, естественно, неприемлемо. От жесткого демарша в отношении подобной «мягкотелой политики» КПЧ «Артура» удерживало одно: в России

шли тяжелые оборонительные бои. Любая операция, которая могла нанести вред противнику, имела значение для судьбы СССР. Информация о нацистском подполье и разведывательных ячейках Германии, добываемая его сетями в Аргентине и Чили, носила локальный характер и могла быть реализована только на месте. В этом плане «двойные» агенты были полезными, через них в стан «конкурентов» передавалась целевая информация. И, надо сказать, у англо-американских союзников она не залеживалась. Имена нацистских агентов появлялись в «черных списках», в долгих перечнях арестованных и высланных «на временное поселение в отдаленные районы», а то и осужденных за проведение шпионской работы против «страны пребывания».

«Алекс» был недалек от истины, когда писал «Артуру»: «Агенты Гувера действуют в Чили “широким фронтом”».

К решению своих задач американцы привлекли организацию басков в стране. Успешно шло проникновение в тайную полицию и контрразведывательные органы. На эти цели расходовались огромные суммы. Президент Риос знал о все более возрастающей активности СРС в стране, но устраивать из-за этого скандала не хотел. Трений с Вашингтоном по поводу нейтралитета и без того хватало. Поэтому весной 1942 года он приказал Акилесу Аумаде Фриасу[66], генеральному директору криминальной полиции: «Американской разведке не мешайте». Фриасу было несложно выполнить это «поручение», он регулярно встречался с Уоллом на явочной квартире, которая, по данным «Алекса», «для конспирации» находилась в публичном доме.

Повышенный интерес вызывали у американцев чилийские военные, которые «профессионально» восторгались блицкригами вермахта и гитлеровской «наукой побеждать». В посольстве и резидентуре США не исключали, что вооруженные силы Чили при определенных обстоятельствах могут решиться на переворот и создать режим авторитарного характера по образцу того, что существовал в Аргентине. В список офицеров с пронемецкими симпатиями, который был передан американцам, однажды попало имя Аугусто Пиночета. Причины для включения в список были по тем временам более чем основательные: Пиночет долгое время получал от германского военного атташе нацистские журналы и пропагандировал их содержание среди сослуживцев.

Составителем списка был Мануэль Солимано, ставший по поручению партии (и «Педро») «двойным агентом». Дональд Дотерс, у которого он был «на связи», платил щедро (по чилийским понятиям), но жестко требовал конкретные результаты: имена, адреса, контакты, характер профашистской деятельности. Почти на каждой встрече Дотерс подолгу

расспрашивал Солимано о знакомых ему итальянцах. Было очевидно, что американец, как и все разведчики, был озабочен поисками пополнения для своей «сети». Чтобы помочь Дотерсу качественными «кадрами», Мануэль вначале обсуждал этот вопрос с «Педро», потом — с Гало. Со временем в рядах гуверовцев «трудилось» не менее двух десятков близких к КПЧ итальянцев, включая друга Солимано — Паскуаля Касаулу.

Гуверовцы использовали амбициозность итальянских подопечных и вскоре установили полный контроль над работой антифашистской организации «Италия Либре». В самой «разговорчивой» колонии секреты сохранялись плохо. Многие ее члены знали, что американцы действуют с дальним прицелом, подыскивая людей для отправки в Италию (в этом ведомство Гувера оказывало содействие Управлению стратегических служб Билла Донована)[67].

Мануэль Солимано руководил своей «секретной ячейкой» до начала 1945 года. Охота за «итальянскими фашистами» со временем переросла в многоплановую операцию, включавшую слежку за потенциальными врагами из числа немцев, японцев, аргентинцев и русских из «белой колонии». Наружное наблюдение за «объектами», тайное проникновение в их квартиры и проведение негласных обысков, организация прикрытия для американцев из службы радиопеленгации, кампании по запугиванию врагов, сбор уличающих материалов, — это и многое другое делали «контрразведчики Солимано».

В середине 70-х годов, лежа в кровати, тяжело больной Мануэль отвечал на пытливые вопросы своей дочери. Ей хотелось сохранить для истории как можно больше подробностей о важных вехах его жизни, интересных встречах и событиях, определивших его судьбу. Беседы с отцом были записаны на магнитофонную пленку, о существовании которой автор этой книги узнал во время визита к дочерям Солимано. После долгих уговоров мне удалось ознакомиться с содержанием этих пленок. Конечно, больше всего меня интересовали воспоминания Солимано о годах Второй мировой войны. Нужно сказать, что он не слишком распространялся об этом периоде своей жизни. Описал некоторые приметы времени, рассказал о своем бизнесе — продаже подержанных автомашин, трудностях с приобретением бензина, покрышек и запасных частей. Все нормировалось.

«Неужели тебе больше не о чем вспомнить? — удивлялась дочь. — В мире шла война, в Чили — хозяйничала “пятая колонна”, все, кто интересовался политикой, считали своим долгом занять ту или иную позицию. Ты что, был в стороне от всего этого?»

«Не знаю… имею ли я право… говорить об этом, — по сбивчивому голосу Солимано можно было догадаться, что он действительно полон сомнений. — Видишь ли, я дал американцам обязательство… не разглашать. Времени с той поры прошло много, но вдруг это им не понравится…»

Солимано все-таки рассказал дочери о своей связи с сотрудником американского посольства Дотерсом (псевдоним «Жак»). О некоторых операциях по нацистам. О том, что партия была в курсе его контактов с американцами. Что американцы уговаривали его поехать в Италию продолжить борьбу с фашизмом. Умолчал он только о своих встречах с «товарищем Педро». Оставлять какие-либо свидетельства о связи с агентом Коминтерна было опасно. В стране не утихали репрессии: с помощью бывших гестаповцев, обосновавшихся в Чили после войны, охранка Пиночета методично выявляла и физически уничтожала «затаившихся красных».

Глава XXI.
ФОН ТЕРМАНН — ПОСОЛ РЕЙХА В АРГЕНТИНЕ

Разведчики антигитлеровской коалиции, действовавшие в Буэнос-Айресе, старались не выпускать из поля зрения посла Третьего рейха Эдмунда фон Терманна.

Для «Артура» «освещение» фон Терманна было не менее сложной задачей, чем для «конкурентов». Немецкий посол обладал солидным дипломатическим опытом, и в свои 56 лет не раз попадал в «поле зрения» разведок, работая в Мадриде, Будапеште, Брюсселе и Вашингтоне. Особенно напряженными для него были 1925—1933 годы, когда Терманн являлся генеральным консулом в «вольном городе» Данциге. Проблемы его не раз обсуждались в Лиге Наций. Германия и Польша претендовали на Данциг, и по этой причине между ними то и дело обострялись отношения, множились провокации, росло число жертв. Ведущие европейские страны обзавелись в «вольном городе» резидентурами. Их было столько, что Данциг мог претендовать на звание «шпионской столицы» Балтики.

В сводки советской разведки фон Терманн до отъезда в Аргентину попадал регулярно. Вот одно из этих сообщений:

«Сов. Секретно (для Розенфельда)

Эдмунд Фрейхер фон Терманн совершил поездку в Советский Союз, чтобы переговорить с послом Германии Дирксеном о своей работе в СССР. Он очень хочет получить назначение генконсулом в Тифлис. Фон Терманн знает русский язык, так как был военнопленным в Сибири. Жена его — Вильма Реймерс — рижанка (немка), окончила в Риге гимназию, прекрасно говорит по-русски. Увлекается русской культурой, историей русской аристократии, связями русской знати с Германией. Фон Терманн придерживается “восточной ориентации”, и в этом плане интересен для нас. Сторонник возрождения Германии на идеях Гитлера».

В том же 1933 году фон Терманн был поощрен победившим режимом. Его назначили послом в Аргентину! Он с радостью простился с Данцигом, не зная еще, что борьба за так называемый «данцигскии коридор» станет детонатором Второй мировой войны. Отправляясь в дальний путь, новоиспеченный посол запасся ящиком с местной водкой «голдвассер» и мешочком с медными и никелевыми гульденами данцигской чеканки — на

сувениры…

* * *

На официальных приемах в здании посольства на авениде Кинтана, 161 фон Терманн появлялся в эффектном мундире внешнеполитической службы Третьего рейха. Погончики, позументы, витые шнуры, кортик на парадном поясе, фон Терманн походил больше на капитана военного корабля, чем на посла. Это впечатление усиливали награды, полученные фон Терманном в годы Первой мировой войны, среди которых выделялся железный крест. По-немецки крупное, массивное лицо, волевой взгляд, высокий лоб профессионального игрока в шахматы, зачесанные назад седеющие волосы. Очевидная полнота и очки в роговой оправе смягчали несколько «военизированный облик» фон Терманна.

До начала Второй мировой войны и в первые месяцы он был, несомненно, самым популярным персонажем дипломатической жизни в Аргентине. В начале 1941 года немецкий посол ездил в Берлин и привез оттуда некие инструкции, В двадцатых числах марта фон Терманн провел совещание с другими немецкими послами в Южной Америке, избрав для этого чилийский город Антофагасту. Прибыли в этот «оазис цивилизации» на пустынном берегу Тихого океана послы из Чили, Перу и Боливии. Утаить странное совещание не удалось. В прессе появилась информация о том, что послы рейха «замышляют перевороты» в ряде южноамериканских стран, чтобы превратить их в протектораты рейха. Советник посольства Германии в Чили Вильгельм фон Пошхаммер поторопился выступить с разъяснениями:

«Фон Терманн вернулся из Берлина и решил поделиться с коллегами впечатлениями о том, что происходит на родине. Никаких других целей встреча в Антофагасте не имела».

Но это была обычная дипломатическая отговорка. Фон Терманн привез тревожное известие: Гитлер принял решение о войне с Советской Россией. Об этом посол и сообщил своим коллегам. Ориентировочный срок — май месяц. Очередной резкий вираж в политике Германии означал войну на два фронта, и это тревожило фон Терманна. Он знал Россию и русских и считал, что Советский Союз не надо было трогать до полного разгрома Англии. Но этими сомнениями он не делился ни с кем, даже с Вильмой.

Эйфория блестящих побед вермахта сделала германское посольство центром притяжения для всех желающих «подсесть»

на ходу в победоносную нацистскую колесницу. Посетителей было столько, что толстые книги для регистрации визитов менялись через две-три недели. «Артур» считал, что надо было знать об этих «визитерах» как можно больше: какие «услуги» они предлагали посольству, каким образом их использовали немцы.

Для «Артура» было очевидно, что для контроля за фон Терманном и немецким посольством требовалось несколько агентов. Далеко не сразу, но этого удалось добиться. Наиболее полезными были «Отто» и «Дино», которые с достаточной полнотой освещали деятельность штаб-квартиры рейха в Аргентине. Агента «Отто», как было сказано ранее, «уступил» «Артуру» Хосе Реаль, который в КПА курировал партайную контрразведку. «Так и быть, забирай парня себе, — сказал Реаль «Артуру». — Но временно. Мы ставим перед ним задачу проникновения в “Сексьон Эспесиаль”. Если “Отто” пробьется туда, ты мне его незамедлительно вернешь».

«Отто» служил в департаменте полиции, который обеспечивал безопасность иностранных посольств в Буэнос-Айресе. Фактически это была узаконенная слежка за дипломатами. Аргентинцы установили плотное наблюдение за миссиями США, Великобритании, Италии. Немцы не были исключением. «Отто» вел досье на сотрудников посольства Германии и Венгрии, руководил осведомителями из обслуживающего персонала, иногда организовывал слежку за «сомнительными» гостями из рейха, которые навещали фон Терманна и других гитлеровских дипломатов.

Из сообщений «Отто» «Артур» знал, что сотрудники посольства имели строгие инструкции в отношении заведения связей: недоверие к визитерам постоянно росло. Без проверенного *curriculum vitae* пронемецкой деятельности добиться доступа к фон Терманну было невозможно. Сотрудники гестапо, работавшие в посольстве под разными прикрытиями, считали возможным покушение на жизнь посла, чтобы вызвать напряженность в германо-аргентинских отношениях. Больше всего опасений вызывала британская СИС. Во имя спасения империи самая прославленная служба «плаща и кинжала» была готова на любые крайности.

* * *

Как-то «Отто» получил информацию о том, что на хозяйственный двор посольства Германии доставлены в грузовой автомашине подозрительные ящики. «Дипкурьером»,

доставившим груз, был Иоганнес Зигфрид Беккер, немецкий разведчик. Гадать о том, что содержится в ящиках, «Отто» не стал и поручил осведомителю — сторожу при посольстве — похитить один из них во время ночного дежурства. Агент не обладал геркулесовым телосложением. Чтобы выполнить задачу, ему пришлось вскарабкаться на грузовик и сбросить на землю тридцатикилограммовую упаковку с черным силуэтом «бокала» на крышке. Когда подручные «Отто» помогали переваливать ящик через ограду, то не смогли его удержать, и он снова всей своей тяжестью грохнулся о тротуар.

В укромном месте ящик вскрыли, и участники операции онемели: он был доверху набит аккуратными маслянистыми кубиками взрывчатки. «Я думал, что в ящике золотые слитки, предназначенные для финансирования “пятой колонны”, — признался позднее «Отто», — и даже прикидывал, как лучше распорядиться таким богатством, чтобы мои начальники сами его не присвоили…»

В «аргентинских инстанциях» решили не предавать гласности инцидент с взрывчаткой. Однако немцам нужно было раз и навсегда показать, кто является хозяином в стране. На следующий день в резиденции посла раздался анонимный звонок. Телефонную трубку взяла фрау Терманн. Говорил мужчина, голос которого был ей незнаком:

«На территории вашего посольства находится грузовик, который может поссорить наши страны. И тогда всем вам придется вернуться на родину. Избавьтесь от груза так, чтобы мы видели…»

Фрау Терманн дорожила спокойной жизнью в Аргентине и срочно вызвала супруга в резиденцию. Посол тут же разыскал «курьера» и в категорической форме потребовал вскрыть ящики, прибывшие с дипломатической почтой. Беккер сопротивлялся недолго и с явной неохотой признал:

«В ящиках взрывчатка».

Фон Терманн онемел:

«Какая взрывчатка»?

«На особые цели. Через день-два мы ее перепрячем».

«Я запрещаю делать это. Аргентинцы знают о взрывчатке. Они должны быть уверены, что мы не пустим ее в ход».

«Такого решения я принять не могу, — возмутился Беккер. — Нужно согласовать с Берлином».

«В Буэнос-Айресе решаю только я, — прервал его фон Терманн. — Из-за некоторых умников, которые осмеливаются возражать послу, Германия может надолго, если не навсегда, потерять лояльного партнера в Южной Америке. Вы хоть

понимаете, Беккер, какую большую и грязную свинью вы подложили в наши отношения с Аргентиной?»

Поздней ночью грузовик покинул территорию посольства и направился в сторону Авельянеды. Ехал он неторопливо, иногда казалось, что его можно обогнать на велосипеде. Грузовик переехал через мост над Риачуэло и в таком же неспешном темпе добрался до одной из городских свалок. Потом распахнулся брезент кузова, и в глубокую яму один за другим полетели ящики…

* * *

Второго источника, который использовался по Терманну, «Артур» «выловил» в партийных анкетах. Анкета была заполнена рукой Херардо Б., который работал кассиром в одном из банков. На вопрос анкеты, «имеются ли у вас или ваших родственников какие-либо связи с деятелями режима», он ответил: «Мой отец служит камердинером у генерала Хуана Баутисты Молины».

О пронемецких убеждениях генерала и его дружбе с послом рейха было широко известно. Военный атташе Молина познакомился с фон Терманном еще в Германии. Аргентинец был почитателем Гитлера и разделял многие положения национал-социалистической идеологии. В этом фон Терманн убедился, подолгу беседуя с генералом во время плавания на пароходе из Гамбурга в Буэнос-Айрес. Так получилось, что у аргентинца командировка завершилась, а у немца только начиналась. Прибыв в Буэнос-Айрес, фон Терманн старательно культивировал дружбу с генералом. Тот обеспечивал ему контакты в высших военных кругах Аргентины.

По словам Херардо, его отцу в семье генерала доверяли настолько, что не прятали от него ни деньги, ни служебные бумаги хозяина. Он был своим, привычным, домашним. Ни генерал, ни члены его семьи никогда не интересовались политическими взглядами камердинера, полагая, что он во всем подражает своим хозяевам. Но это было далеко не так. Когда-то он плавал на английских торговых судах, подолгу жил в портовых городах Англии и с восхищением относился ко всему английскому. Когда началась война между Германией и Англией, симпатии будущего агента «Дино», конечно, оказались на стороне Британской короны. Нацистов он тайком презирал: они поступили не по-джентльменски, разорвав имевшиеся соглашения с Англией. По секрету от хозяев камердинер регулярно слушал сводки Би-би-си и очень переживал: Англия с трудом отбивала

атаки Гитлера.

Предварительную беседу по вовлечению отца в разведывательную работу провел Херардо.

«Ты только и делаешь, что всячески клеймишь Гитлера и немцев. Англии от этого не легче. Разве ты не хочешь помочь английским друзьям не на словах, а на деле?»

«Я слишком стар, чтобы служить в английской армии, — отмахнулся отец. — А ходить на митинги в поддержку Англии я не могу. Если генерал узнает, я потеряю работу».

«Ничего этого от тебя не потребуется. Но я мог бы тебя свести с человеком, который сотрудничает с англичанами. Тайно сотрудничает. Помогает им в Аргентине, собирая полезную информацию».

Отец изумленно посмотрел на сына:

«Ты связан с “Интеллидженс сервис”?»

Херардо скромно потупился:

«Почему ты удивляешься? Разве не ты привил мне любовь к Англии? Разве не ты всегда мне твердил, что в традициях британской монархии куда больше демократии, чем в конституции Соединенных Штатов? Я не мог отказать человеку, который пришел ко мне по поручению британской разведки».

«Что ты делаешь для них?»

«Извини, отец, но этого я сказать не могу. Но знай: в группе нас несколько человек. Все они — мои друзья. Руководит нами француз, который бежал от немецкой оккупации».

«Вряд ли я подойду для вашей компании».

«Дело найдется для каждого. Хочешь, я организую встречу с этим человеком? Я рассказал ему о тебе и твоей работе у генерала. Он просил передать, что с удовольствием поговорил бы с тобой где-нибудь на скамье Костанеры, потягивая йерба-мате».

«Француз любит йерба-мате? — рассмеялся отец. — Я считал, что французы предпочитают шампанское…»

* * *

После этого предварительного разговора, который «Артур» тщательно отрепетировал с Херардо, камердинер не мог отказать «человеку из Интеллидженс сервис» в помощи. Отец не хотел отставать от сына. Не удивило его и поставленное задание. Частые встречи генерала Молины с послом вызывали опасение, что нацисты рано или поздно втянут Аргентину в войну на стороне Германии. Так, впервые в своей карьере камердинера, «Дино» стал украдкой знакомиться со служебными документами

и рабочими записями генерала. «Артур» предложил ему использовать в качестве помощника Херардо. Тот, при необходимости, мог стоять на страже или снимать на фотопленку наиболее интересные материалы. Но «Дино» отказался: «У него есть своя работа. Я буду делать мою». Из документов, записей бесед Баутисты Молины с фон Терманном, военным атташе посольства, гостями из Берлина и Рима, аргентинскими генералами «Дино» извлекал самое важное. «Артур» получал отчеты «Дино», но даже намеков на сверхсекретные «закулисные тайны» германско-аргентинского сотрудничества в разговорах и документах не было. Пожалуй, лишь настойчивые попытки Аргентины приобрести современное германское вооружение представляли разведывательный интерес. Попытки аргентинских военных так и остались попытками: война требовала от Берлина предельного напряжения сил, и Гитлер не собирался «делиться» оружием с нейтральной, пусть и симпатизирующей рейху, страной.

В начале 1942 года Гитлер принял решение об отзыве фон Терманна из Аргентины, словно давая понять, что его «заинтересованность» в этой стране как плацдарме для экспансии на континенте является пропагандистской выдумкой союзников.

Корреспондент еженедельника «Нуэстра Аурора» взял у фон Терманна предотъездное интервью. Посла пришлось дождаться на причале № 3, к которому был пришвартован испанский пароход «Монте Горбеа». Фон Терманн подъехал к причалу на черном лимузине. Начищенный до блеска орел на радиаторе сиял в лучах солнца. Посол подошел к дружественным коллегам из дипкорпуса, пожал руки итальянцу Боскарелли, японцу Шу Томии, испанцу де Магасу, нунцию Ватикана монсеньору Фиета, посланникам Финляндии, Болгарии, Норвегии…

Фон Терманн улыбнулся, увидев в толпе провожающих лицо «лояльного» журналиста, и махнул рукой, разрешая охране из дюжих моряков пропустить его к сходням.

«С какими чувствами вы покидаете Буэнос-Айрес, господин посол?»

«С самыми теплыми! Я доволен своей работой в Аргентине. Это лучшие годы моей жизни! Как никак восемь с половиной лет! Я имел возможность хорошо узнать вашу страну. Пользуясь возможностью, хотел бы передать мои приветствия трудолюбивому аргентинскому народу. Я уверен, что у него — многообещающее будущее. Я доволен, что возвращаюсь на родину. Идет война, и я хочу быть с моим народом».

Баронесса Терманн, воплощенная элегантность, слушала ответы мужа, улыбалась, но в душе ее не было оптимизма. Они

ехали в войну.

Отчалить в назначенное время не удалось. В трюмных помещениях «Монте Горбеа», там, где были складированы ящики с продовольствием, вспыхнул пожар.

В толпе провожающих возникла легкая паника:

«Саботаж, диверсия, поджог…»

Это было прощальное «послание» Д-группы «Артура» немецкому послу.

Пожарные прибыли быстро: они привыкли к подобным происшествиям в порту, считая, как и полиция, что диверсиями занимаются глубоко законспирированные английские саботажники. С запозданием на пять часов пароход все-таки отчалил. И это был не последний инцидент с «Монте Горбеа». Где-то на полпути между берегами Южной Америки и Африки пароход был перехвачен английскими крейсерами. Супругам Терманн пришлось еще раз пострадать за Германию: контролеры-досмотрщики перевернули весь багаж, перебрали все вещи, даже книги перелистали страницу за страницей. Несмотря на дипломатическую неприкосновенность немцев, англичане осуществили их физический досмотр, заставив раздеться почти донага.

«Наверное, они надеялись обнаружить на наших интимных местах новые секретные планы захвата Патагонии, — сказал фон Терманн, ступив на землю Португалии. — Конечно, они ничего не нашли. В отместку англичане похитили наши личные вещи и две тысяч долларов сбережений. Как измельчал британский пират за минувшие столетия!»

«Артур» понимал, что информация о деятельности германского посольства в Буэнос-Айресе не имела практического значения для Москвы. Поэтому на свой страх и риск (не впервые!) передавал ее в Комиссию по расследованию антиаргентинской деятельности. Потом, когда она была распущена, — депутатам, известным своими антинацистскими взглядами.

Глава XXII.
АРГЕНТИНСКИЕ БУДНИ «АРТУРА»

В середине 1942 года в Буэнос-Айрес приехала Лаура. Два года разлуки! И каких! Пережить их могла только настоящая любовь.

Ее путешествие было долгим и утомительным. Морем на пароходе через Панамский канал, затем вдоль Тихоокеанского побережья южноамериканского континента до Вальпараисо. В порту Лауру встретил Леопольдо Ареналь. В белом костюме, начищенных до блеска ботинках, элегантной шляпе — настоящий чилийский кабальеро.

До Сантьяго добирались на автомашине, которую Леопольдо взял напрокат у своего коммерческого компаньона Роблеса Гальдамеса. По дороге обсуждали дальнейшие планы Лауры. Не хотела бы она задержаться в Сантьяго? Провести несколько дней в Винья-дель-Мар? Встретиться с Давидом и Анхеликой?

На все следовал один отрицательный ответ. Все это потом, потом. Не надо привлекать внимание к ее приезду. Скорее в Буэнос-Айрес, к Хосе! Он ждет!

Поездка на трансандинском поезде через горный перевал, пересадка в Мендосе, бесконечные просторы пампы, пригороды аргентинской столицы, вокзал и, наконец, Хосе, ожидающе всматривающийся в идущих мимо него пассажиров.

Он заметно похудел, костюм свободно болтается на нем, галстук завязан небрежно. Они обнялись, застыли на несколько мгновений, словно выключили все остальное: людей, поезда, железную громадину вокзала, насупленное тучами небо.

«Как долго ты добиралась сюда! — сказал Иосиф, вглядываясь в лицо Лауры. — Пришлось послать много писем, чтобы в Нью-Йорке вспомнили, что у меня есть жена».

«Ну, это их волнует меньше всего, — улыбнулась Лаура. — Моя миссия: оказание помощи по связи, техническим вопросам и финансам. Про мужа ни слова…»

До улицы Суипача доехали на такси. Лаура с нескрываемым любопытством осмотрела скромную квартиру резидента «Артура». Самым дорогим предметом в ней был радиоприемник. Все остальное особой ценности не имело: покосившийся шкаф, стол в углу, два стула, узкая кровать, небрежно застеленная шерстяным одеялом. На подоконнике — стопка книг, несколько тарелок, одинокая чашка и сосуд для йерба-мате. На стене — портрет аргентинского просветителя Сармьенто и календарь с

изображением Луханской Святой Девы. Любой посторонний посетитель непременно бы отметил для себя, что хозяин квартиры проникся аргентинским духом.

«Все, кончилась твоя холостяцкая жизнь, — сказала Лаура, перебросив плащ через спинку стула. — Теперь ты в надежных руках!»

Она расстегнула кофту:

«Помоги снять пояс. В нем деньги на твою работу».

И тут же поправилась: «На нашу работу…»

Вскоре они сменили квартиру, переехав на улочку Сан-Матео, в неприметный четырехэтажный дом.

Через пятьдесят лет после описываемых событий автор этой книги разыскал место жительства Григулевичей в Буэнос-Айресе. С авениды Санта-Фе я свернул на внезапно тихую улицу с раскидистыми деревьями, которая была главным ориентиром поиска: где-то справа должна быть искомая улочка Сан-Матео. А вот и она, чем-то напоминающая ущелье: тесно сдвинутые фасады доходных домов, никакой зелени, вдоль тротуаров — жмущиеся друг к другу автомашины. Сан-Матео — улица небольшая, каких-нибудь двести-триста метров. На ней-то в 1942—1944 годах и жил в доме номер 3761 резидент советской разведки «Артур».

Позвонил наугад в несколько квартир, повторяя одно и то же: «Я разыскиваю старожилов этого дома, чтобы поговорить с ними о сеньоре Хосе Араухо, который жил здесь пятьдесят лет назад». Я не ошибался. Для конспирации Григулевич был «прописан» в этом доме по фамилии Лауры. Наконец расспросы увенчались успехом. Мои собеседницы — две пожилые дамы. Они вышли «на крылечко» в домашних платьях с сосудами йерба-мате в руках. Наверное, я оторвал их от просмотра очередной теленовеллы. Вот что вспомнили эти почтенные дамы:

«Мы были тогда подростками и вначале не слишком обращали на них внимание. Но потом, когда сеньор Хосе стал привозить из поездок и дарить нам конфеты, наш интерес к нему и его жене Лауре возрос. Она тоже баловала нас вкусной собственной выпечкой. Наши родители иногда говорили о них, все гадали, из каких они краев, и потом решили, что Хосе — европеец, скорее всего, француз, а Лаура — из Центральной Америки или Мексики. Они не производили впечатления богатых людей, одевались скромно, впрочем, как все в этом доме. Сеньор Хосе почти все время был в разъездах, пристраивая свои товары. Чем именно он торговал, нам сейчас трудно сказать. И еще мы запомнили, что он почти всегда ходил с газетой или книгой. Часто читал на ходу. Говорил ли он с нашими родителями о политике? Нет, никогда. Политика *его* не волновала. И полиция о

нем не спрашивала ни тогда, ни потом. Он был спокойный, тихий человек. Лаура была невысокой, худенькой, и ее легко можно было принять за такого же подростка, как и мы. Она всегда останавливалась, чтобы поговорить, справиться о наших делах и последних уличных событиях. Детей у Лауры не было, и поэтому она нередко гуляла с малышами своих друзей в парке Палермо. Мы увязывались за нею, зная, что во время прогулки она обязательно купит всем по мороженому. Уехали они из дома, кажется, в 1944 году. Вначале сеньор Хосе, потом Лаура. Все считали, что они обосновались в Боливии, в городе Санта-Крус, где сеньор Хосе открыл собственное торговое дело. Интересно, удалось ли им там разбогатеть?»

Немецкие агенты и временные союзники-«конкуренты» пытались обнаружить штаб-квартиру советского резидента в Буэнос-Айресе, его командный пункт, откуда он руководил своей сетью. Однако адрес на Сан-Матео так никогда и не был раскрыт.

* * *

Связь резидентуры «Артура» с Нью-Йорком поддерживалась через почтовый канал и курьеров. Подобным образом осуществлялась связь с филиалами в Чили, Уругвае и Бразилии. Почта в Южной Америке не отличалась надежностью. Письма порой пропадали, потому что почтальоны не всегда серьезно относились к выполнению своих обязанностей. Однако из нескольких сот писем, которыми обменялась резидентура в Буэнос-Айресе и филиалы за три годы активной работы, затерялось не более двух-трех. И все-таки связь с Москвой через Нью-Йорк оставалась слабым местом в деятельности южноамериканской резидентуры. Иногда Москва замолкала на два-три месяца. И это молчание тревожило Иосифа: может быть, Центр недоволен его работой? Или руководство дает понять таким странным образом, что главные события происходят в других местах? Не надоедай, мол.

Помня, что наиболее уязвимое место в работе разведчика — это связь, «Артур» старался чаще менять адреса для переписки. «Содержатели» почтовых ящиков подбирались после тщательной проверки среди лиц, которые отошли от партийной работы и контактов с «земляками» не поддерживали. Со временем тайнопись сменили на микрофотографию («ботанику»). Обучил «Артура» этой технике Виктор Дефрутос, «последний агент Коминтерна», о котором речь впереди.

Несмотря на все ухищрения, «проколов» избежать не удалось.

Перлюстрация почтовых отправлений, шедших на так называемые «нацизированные» страны Южной Америки — Аргентину и Чили, приняла в США тотальный характер. Зимой 1941/42 года американская контрразведка зафиксировала прохождение двух «подозрительных» писем из Нью-Йорка в Буэнос-Айрес. Загадочный «почтовый ящик» в аргентинской столице стал разрабатываться гуверовскими агентами. Делу присвоили название «Фридман», по имени получателя писем — Маурисио Фридмана. Когда в ФБР установили, что непонятная переписка идет на кириллице, дело было тут же «переквалифицировано» на рубрику «Шпионаж “Р(оссия)”» и в тома разработки стали «подшивать» информацию, которая имела отношение к «советской разведывательной активности» в странах Западного полушария.

Примерно с 1943 года в обстановке строжайшей секретности американцы приступили к реализации еще одной операции против «красного союзника» под кодовым названием «Венона». Они пытались расшифровать сообщения, которыми обменивалась Москва и ее дипломатические и торговые представительства за рубежом. В результате «конкурентам» стали известны имена некоторых советских агентов, действовавших в США и Мексике в 1939—1940 годах. Были подтверждены и данные ФБР о том, что в Аргентине находится хорошо законспирированный советский разведчик.

Когда в Москве узнали, что американцам удалось выйти на след «Артура», руководство разведки решило, что он должен сократить до минимума использование почтового канала, сделав упор на курьерскую связь. Одновременно Григулевичу дали указание создать в Буэнос-Айресе радиопункт. «Артур» незамедлительно приступил к выполнению задания. Был подобран радист — Бруно Гамеро. Ему помогал Теодоро Штейн, который обладал необходимыми знаниями в области радиодела. Нужные детали закупались постепенно и в разных магазинах. Вскоре радиостанция была готова.

Для кодирования радиосообщений Москва предложила ту же книгу, которой «Артур» пользовался для подготовки письменных сообщений в Нью-Йорк. По этой системе, которую «Артур» окрестил «страданиями Вертера», на каждую букву приходилось четыре цифры, что увеличивало радиосообщение размером в десять строк в сорок раз! К тому же в инструкции и расписании связи, которые «Артур» получил через нью-йоркскую резидентуру, были допущены серьезные неточности. Скорректировать эти недочеты кураторы Григулевича в Нью-Йорке быстро не смогли. Позывные Москвы Бруно Гамеро безответно выстукивал в течение

нескольких недель.

Предположив, что радиостанции в 300 ватт для связи с «Домом» недостаточно, Иосиф поехал в Сантьяго-де-Чили, где Кодовилья передал ему во временное пользование «коминтерновскую» рацию, которую он привез в Чили в разобранном виде незадолго до войны. Эта рация обладала мощностью в 500 ватт. «Алекс» срочно занялся ее ремонтом: приобрел недостающие и вышедшие из строя детали, заказал друзьям-испанцам изготовление антенны. Чтобы наладить радиосвязь, пришлось преодолеть немалые трудности. Правительство Чили запретило работу любительских радиостанций, а спецслужбы США и Великобритании к тому времени жестко контролировали радиоэфир и рынок радиодеталей в стране. Много времени потребовала подготовка тайника для передатчика в багажнике автомашины Роблеса Гальдамеса. «Артур» справедливо считал, что использование стационарного радиоцентра — провальное дело. Участившиеся аресты нацистских радиооператоров подтверждали это. Быстрее всего был решен вопрос с хранением рации: сенатор Амадор Пайроа прятал ее в библиотеке своего дома.

С очередным курьером в Нью-Йорк было сообщено о приобретении нового передатчика и о чилийском радисте — Герхарде Фишере. «Артур», «Алекс» и Фишер организовали несколько выездов на пустынный берег океана в районе Сапальяра, но пробные выходы в эфир результата не дали. «Дом» молчал как заколдованный. До получения новых инструкций из Нью-Йорка радиостанцию в очередной раз укрыли в доме Пайроа.

В декабре 1943 года «Артур» выехал из Буэнос-Айреса в Сантьяго, узнав от «Алекса» о том, что в Чили «по линии» Коминтерна прибыл Виктор Дефрутос[68]. В путь Григулевич отправился по «южному маршруту» через аргентинский город Барилоче. Путешествие было затратным по времени, но более безопасным, чем «северный» вариант — через перевал Лос-Либертадорес. Полиции и пограничной стражи по обеим сторонам границы было немного. Иосиф доехал по железной дороге до Барилоче, затем пересек на небольших пароходах озера на аргентино-чилийской границе и на автобусах — сухопутные участки между ними. Последний отрезок пути в 700 километров от Пуэрто-Вараса до чилийской столицы Григулевич преодолел на экспрессе «Южная стрела»…

* * *

В закрытой переписке того времени аппарат Коминтерна проходил под условным обозначением НИИ № 100. Оттуда в феврале 1943 года был направлен запрос начальнику внешней разведки П. Фитину: «По поручению тов. Димитрова Г. М. прошу вас оказать содействие в отправке в Южную Америку — конкретно в Аргентину, коммуниста Дефрутоса (псевдоним “Лео”)».

В конце марта 1943 года Фитин сообщил в ИККИ, что разведка берется перебросить Дефрутоса в Мексику. Вопрос решался более месяца: переброску необходимо было осуществить с максимальной надежностью, предусмотреть все «подводные камни», хотя в условиях военного времени это было невероятно трудно. Достаточно вспомнить неудавшиеся попытки командирования в Аргентину знаменитого вербовщика «кембриджской пятерки» Арнольда Генриховича Дейча (Стефана Ланга), который направлялся туда для усиления резидентуры «Артура». Первая попытка разведчика — добраться до Аргентины через Индию — провалилась из-за отсутствия в то время морского сообщения с Южной Америкой. Во время второй попытки Дейч погиб: танкер «Донбасс», на борту которого находился Стефан, был атакован в ноябре 1942 года немецким рейдером «Адмирал Шеер» и потоплен.

Разведка не подвела коминтерновского эмиссара. «Лео» пересекал границы как по «зеленому коридору». Из Владивостока он был переброшен в Сан-Франциско на советском пароходе «Кулу», который шел за очередным грузом по ленд-лизу. Дефрутоса поместили в салон, смежный с каютой капитана, где путешественник обретался более двух недель.

Пароход прибыл в порт утром 13 июня. К 15 часам были завершены паспортные и таможенные формальности, никакого досмотра американцы на этот раз не проводили. Таможенник был приглашен старпомом «угоститься» и не выдержал искушения. «Лео» в компании с резидентом НКВД в Сан-Франциско Григорием Хейфецом (псевдоним «Харон»!), капитаном судна и его помощником отправился на прогулку по городу, во время которой судовой «механик Фрутман» бесследно растворился…

По железной дороге «Лео» добрался до городка Сан-Антонио и без осложнений повторил одиссею «Артура» по переходу границы из США в Мексику. После трехмесячной передышки в Мехико Дефрутос совершил еще одно морское путешествие, которое окончилось не так благополучно, как предыдущее. В порту Вальпараисо Виктор был арестован. Причиной стала месть попутчика — офицера чилийской армии, добивавшегося благосклонности обаятельной сеньориты. В быстротечном романе

безусловной победы добился Дефрутос. Однако на берегу коварный соперник шепнул полицейскому чиновнику, что Дефрутос — «подозрительный тип, скорее всего торговец живым товаром».

Под стражей «Лео» пробыл сутки. После выяснения обстоятельств дела его выпустили с извинениями и понимающими улыбками. Пикантным моментом в этой истории было то, что сеньорита была дочерью чилийского посла в Мексике Мануэля Идальго, того самого, который «подставил» Неруду из-за визы, выданной Давиду Альфаро Сикейросу после покушения на Троцкого.

* * *

На встрече с Сантьяго Каррильо, который совершал инспекционную поездку по местам рассеяния испанской эмиграции и потому находился в Чили, Григулевич попросил связать его с Дефрутосом: «Пойми, Сантьяго, за три года это первый гость из Москвы! Если будешь прятать его, никогда тебе не прощу такой жестокости!»

Дефрутос поддерживал рабочий контакт не только с Каррильо, но и с руководителями чилийской и аргентинской компартий. Они знали о главной цели его миссии: налаживание устойчивой радиосвязи с Москвой. Коминтерн считал необходимым обеспечить большую координацию действий южноамериканских партий, своевременную передачу инструкций для них, двусторонний информационный обмен. Димитров не раз в приватных беседах критически высказывался о том, что компартии Южной Америки из-за войны и географической оторванности «варятся в собственном соку», не всегда верно ориентируются в изменчивой международной ситуации, допускают ошибки в ее анализе, а следовательно, и в вопросах политической тактики и стратегии.

Привыкшие к конспирации, не задававшие лишних вопросов партийные лидеры выделили «Лео» несколько тысяч долларов на конструирование трех «дальнобойных» передатчиков, размещение их в Чили, Аргентине и Уругвае, организацию радиоквартир и содержание радистов. Никто из руководителей КПЧ не стал напоминать Дефрутосу о том, что радиостанция Коминтерна в Сантьяго уже есть: раз в Москве решили, что нужен еще один передатчик, значит, так тому и быть.

* * *

Дефрутос был невысок, сухощав, можно сказать, миниатюрен. Лицо с тонкими чертами, отнюдь не рабочего, скорее учителя или интеллигента.

Иосиф был искренне рад человеку из «Дома», не воспринимал его как соперника и жадно впитывал информацию. Дефрутос рассказал о своей жизни в Советской стране, превращенной в военный лагерь, о судьбах общих знакомых, о специальной подготовке, которую получил перед отъездом из Советского Союза. Можно было позавидовать его знаниям: он виртуозно владел рацией и подрывным делом, в совершенстве освоил технику микрофильмирования (по методике, перенятой у абверовцев). Беседы с Дефрутосом успокоили «Артура», хотя никаких указаний — ни устных, ни письменных — Виктор ему не доставил. Из того, что поведал «Лео» в отношении Коминтерна, можно было сделать вывод: в Москве началась очередная «пора перетрясок». «Коминтерновская миссия» Дефрутоса потеряла смысл еще до отъезда из Москвы, когда президиум ИККИ по указанию Сталина принял решение о самороспуске. Тем не менее сила инерции, а отчасти и сумятица в аппарате Коминтерна, ставшего как бы ненужным, не помешали заброске «Лео» в Западное полушарие. Практически Дефрутос уже никого не представлял, но сам факт наделения его «полномочиями» открывал перед ним двери любого партийного руководителя в Южной Америке. Партийную дисциплину никто не отменял, и мандат Коминтерна, изготовленный на тонкой шелковистой материи водостойкой тушью, сохранял свою силу[69].

Из рассказов Дефрутоса Иосиф сделал такой вывод: если «закрыли» Коминтерн, который казался незыблемой, созданной на столетие организацией, то и в другие «смежные конторы», включая разведку, могли прийти перемены. Отсюда и непонятные перерывы в связи. Такое на памяти Иосифа уже бывало.

Дефрутос привез позывные и расписание для радиосвязи, и Григулевич, несмотря на его сопротивление, скопировал их. И вновь «Артур» со своей «командой» совершил несколько автомобильных поездок к океанскому побережью, чтобы установить радиосвязь с Москвой. Фишер раз за разом отбивал контрольные послания, дожидаясь ответа морзянки: «Вас слышу». Но эфир не подавал признаков жизни. Григулевич сообщил об этих неудачных попытках в Нью-Йорк, но оттуда вдруг поступило указание — «отбой». В Москве пришли к мнению, что в условиях Чили и Аргентины работа на рации представляет не меньшую опасность, чем почтовый канал. В регионе нелегально действовали американские специалисты из *Federal Communication Comission* (FCC), которые осуществляли перехват радиосообщений

и поиск вражеских передатчиков.

Еще в январе 1941 года администрация Рузвельта приняла решение о размещении в Латинской Америке пяти центров радиоперехвата и шестидесяти вспомогательных радиопунктов. Можно сказать, что ключевую информацию, обеспечившую демонтаж разведывательных сетей абвера и СД в Латинской Америке, добыли сотрудники FCC. Их работу в значительной мере «облегчали» абверовские кураторы латиноамериканских резидентур, которые допускали в радиопереписке много вольностей. Бывали случаи, когда почти открытым текстом назывались адреса и имена агентов, упоминались конкретные операции — проведенные и намечаемые. Американские эксперты удивлялись простоте шифров, которые использовали немцы. В перехваченных сообщениях нацистов дважды или трижды упоминались книги, с помощью которых кодировались телеграммы. Иногда сотрудникам FCC казалось, что подобная «открытость» не более чем хитроумный трюк асов германского шпионажа, скрывающая куда более зловещие разведывательные и диверсионные комбинации.

* * *

Американцы следили за советскими разведчиками, а советские — за американскими. Григулевич знал, что ФБР и военная разведка США бросили на Аргентину крупные силы. Эта страна представлялась американцам своеобразным гитлеровским заповедником, готовым плацдармом для высадки вермахта в Южной Америке. В годы своей работы в этой стране Иосиф постоянно ощущал близкое дыхание американских «конкурентов». Руководителем разведки Гувера в Аргентине был легальный атташе Уильям Дойл, человек упорный, предприимчивый, способный на риск. Но каждый оперативный успех давался ему неимоверным трудом. Аргентинские спецслужбы отказались от сотрудничества с людьми Гувера. Тезис использовался простой: «Если у вас есть какая-то информация о нацистах, передавайте ее нам. Мы наведем порядок в своем доме».

«Артур» считал, что американцы поверхностно планируют операции, нередко спешат и идут напролом, чтобы добиться конкретных результатов. В жестких контрразведывательных условиях Аргентины они часто пренебрегали конспирацией, отсюда — провалы. Иосиф постоянно пополнял свой архив именами установленных американцев-разведчиков…

Аргентинцы не слишком церемонились с «янки», если они попадались с поличным. Правительство президента Хуана Перона опубликовало после войны «Бело-голубую книгу» о фактах вмешательства военной разведки США и ФБР во внутренние дела Аргентины. Взять хотя бы дело «Палео». В сентябре 1943 года служащий военного министерства Освальдо Палео сообщил в контрразведку, что некие иностранцы предложили ему вступить в организацию, занимающуюся сбором информации о нацистах. После полученного от контрразведчиков инструктажа Палео «дал согласие» на работу в этой сети, которую возглавлял капитан Гиббоне, сотрудник военного атташата посольства США. Как выяснилось, под началом американца действовало несколько «информационных групп», добывавших сведения из официальных учреждений Аргентины.

Аргентинской контрразведке стало также известно о шпионских сетях Лимпенни, «Чешской группе» и «Джонс-группе». Шефом «Джонс-группы» был голландец Абрам Фрельер, который ежемесячно получал от американцев по 400 песо на личные оперативные расходы (плюс значительные суммы на оплату агентов). Фрельер поддерживал контакт со служащими Центральной почты Паппидесом и Леска, регулярно встречался с голландцем Хуаном Пеккларингом, который имел полезные связи в немецкой колонии и в профсоюзе портовых рабочих. В указанные группы входила весьма пестрая публика: сотрудники газеты «Либре Па-лабра» Фернандес и Уркиага, датчанин Свенд Иверсен, югославский журналист Хуан Борак, чешский писатель Маурисио Рапопорт и многие другие.

А вот дело «Беренгер — Роман». В октябре 1943 года власти узнали о предательстве начальника национальной жандармерии Беренгера, который по заданиям американцев вел шпионскую работу. В «связке» с ним действовал некто Ра-мон Роман, которому после разоблачения удалось бежать в Монтевидео (откуда координировалась разведывательная работа по Аргентине). По итогам следствия полиция арестовала югослава Милосайлевича, аргентинца Сарторетти (жандарма), Менкера, ранее работавшего в службе информации Франции, Буссемейера, изгнанного из Чили за шпионаж в пользу немцев, полицейских служащих Паксиоло и Пелигрини и т. д.

Головную боль у аргентинской контрразведки вызывал Джон Гриффите, бывший университетский профессор из Лос-Анджелеса, советник по культуре в посольстве США. Не меньше забот этот динамичный экс-профессор вызывал и у «Артура». Не раз его помощники сообщали о том, что Гриффите «свой человек», что он является близким другом коммунистического

лидера США Эрла Браудера, что этого деятельного атташе надо немедленно привлекать для разведывательной работы «в пользу» Советского Союза. Григулевич считал, что Гриффите — любитель, помогающий американскому послу в качестве «агента-добровольца».

Своей агентуре в Аргентине американцы за выполненные задания платили от 120 до 250 песо. По оценке составителей «Бело-голубой книги», агенты США нанесли серьезный ущерб государственной безопасности Аргентины. Они добывали военные бюллетени, издаваемые для внутриармейского пользования, получали сведения о секретных расходах армии, деятельности ответственных аргентинских чиновников и политических организаций, вели наружное наблюдение, подслушивали телефонные разговоры и перехватывали почтовую корреспонденцию. Американцы создали не менее двух десятков нелегальных резидентур в Аргентине. В «Истории ФБР», изданной через пятнадцать лет после описываемых нами событий, так рассказывалось о деятельности людей Гувера:

«Работа была тяжелой и опасной из-за враждебности полиции и правительственных чиновников. Направленные туда сотрудники нередко находились под неусыпным надзором, и наши информаторы, схваченные полицией, подвергались интенсивным допросам, в том числе с использованием *picana electrica,* вызывающей ужасную боль в чувствительных зонах человеческого тела. До разрыва Аргентиной дипломатических отношений со странами “оси” в 1944 году СРС использовала для своей работы старую моторную лодку, которую прятали в притоках реки Ла Плата, неподалеку от порта Буэнос-Айрес. Не раз случалось, что секретный сотрудник или информатор, преследуемый полицией, в сумерках пробирался вдоль берега к этой лодке. Он обменивался несколькими словами с ее владельцем-аргентинцем. И затем “Flota de Crandall” (так окрестили лодку сотрудники ФБР в честь человека, которому пришла идея использовать ее) тайно покидала свое укрытие и, избегая нежелательных встреч с агентами префектуры, поднималась вверх по реке Паране, чтобы высадить очередного беглеца живым и здоровым на уругвайской территории»[70].

* * *

С начала 1942 года американцы, не забывая о борьбе с нацистами, стали уделять все больше внимания противодействию националистическим кругам в Аргентине. Военный режим «не

воспринимал» Соединенные Штаты в качестве доминирующей силы на континенте, и Вашингтону это решительно не нравилось.

В отличие от Аргентины правящие круги Уругвая в сложной обстановке того времени поставили на Соединенные Штаты и не прогадали. Американцы не жалели ни денег, ни средств, чтобы продемонстрировать Аргентине и Чили, не столь покладистым южноамериканским странам, насколько выгодны дружеские узы и партнерство с Соединенными Штатами. Уругвай был превращен в витрину двустороннего сотрудничества по созданию военной инфраструктуры, укреплению уругвайских вооруженных сил, в торгово-экономических делах. Финансовые вливания стимулировали экономику страны, на глазах превращали Монтевидео в один из самых оживленных и процветающих городов на континенте.

Глава XXIII.
В ДНИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Сообщения о боях за Сталинград публиковали на первых полосах газет. Ими открывались выпуски радионовостей. Аргентинцы понимали, что именно там, в далеких приволжских степях, решается судьба войны: «Русские улучшили свои позиции в фабричной зоне Сталинграда. За каждый захваченный дом солдатам вермахта приходится платить огромной кровью. Ожесточенность контратак Красной Армии не снижается. Немцы не в состоянии переломить ход сражения за город. Во время традиционного выступления в Мюнхене Гитлер заявил, что битва в Сталинграде будет продолжаться до победного конца, потому что слова “капитуляция” в немецком языке не существует»…

Аргентинские власти с напряженным вниманием следили за событиями на берегах Волги. Сомнения в конечной победе Гитлера появлялись все чаще. Жесткий, полувоенный порядок, царивший в стране, несколько ослаб. В общественно-политических кругах возникли смутные надежды на либерализацию режима, ослабление цензуры над печатью, возобновление деятельности партий. Небывалое дело, президент Кастильо дал разрешение на въезд в Аргентину тысяче еврейских детей из Европы! Разве это не позитивный сигнал? А выставка, посвященная защитникам Сталинграда? Ее организовал Союз интеллектуалов, актеров, журналистов и писателей. Картины, рисунки, скульптуры, книги с автографами продавались посетителям, и выручка была использована на приобретение подарков для героев Сталинграда.

Торжественный акт в поддержку демократии прошел в Луна-парке. Зал был забит до предела. На сцене публику приветствовали послы США и Мексики, британские, бразильские, парагвайские дипломаты, аргентинские парламентарии. Не обошлось без полицейского вмешательства. От «начальства» поступило категорическое указание: снять портрет Сталина! Организаторы акта сопротивлялись, но полицейские чины были непреклонны. Тогда в президиуме приняли «солидарное решение»: снять портреты Рузвельта и Черчилля! Товарища Сталина в обиду не дадим! Союзники остаются союзниками при всех обстоятельствах!

* * *

По указанию «Артура», в октябре 1942 года группа «Стойкого» активизировала проведение Д-работы. Одной из целей стал портовый склад селитры, принадлежащий фирме «Гофман». Серая громада хранилища, в котором скопились десятки тысяч тонн минерала, высилась на берегу реки Риачуэло. Если промедлить с акцией, большая часть селитры будет отправлена в Испанию и оттуда по железной дороге — в гитлеровский рейх. Однако первая попытка провалилась: «зажигательный снаряд», заложенный «Яковом», не сработал. Через три дня попытка была повторена, на этот раз с использованием «сдвоенного заряда», чтобы избежать неприятных сюрпризов.

Ранним утром склад засветился изнутри, словно там включили мощный прожектор. Потом огонь вырвался наружу. Пылали опорные столбы, куски рифленого железа разбрасывало по округе раскаленными потоками воздуха, 50-килограммовые мешки с селитрой расползались как восковые. Пожарные команды, съехавшиеся со всего города, на пределе сил отсекали огонь от близлежащих складов с углем и химическими продуктами. Черный столб дыма завис над пробуждающимся Буэнос-Айресом. Он был виден на десятки километров. Хлопья сажи падали на крыши, брусчатку, стены Розового дворца, лица прохожих. В утреннем выпуске газеты «Ла Насьон» сообщалось, что в огне погибло около 40 тысяч тонн селитры. Ущерб от пожара превысил 2 миллиона 500 тысяч песо. Полиция арестовала сторожей, добиваясь от них признания в курении на рабочем месте, и совладельца фирмы Леманна, которого подозревали в «самоподжоге» с целью получения страховки. Велись допросы членов Чилийской селитряной корпорации.

Активность диверсионной группы «Артура» возросла в «дни и ночи» героической битвы на волжских берегах. Сталинград вдохновлял этих упорных рабочих людей на предельные усилия. Даже поверхностный анализ сообщений о пожарах в порту Буэнос-Айреса за октябрь 1942-го — февраль 1943 года показывает, что Д-группа с успехом вела свои собственные оборонительно-наступательные бои. Удары наносились по складам с хлопком, шерстью, кожей и продовольствием, если подтверждалась информация о том, что товары предназначены для отправки в Испанию. Термитные снаряды, как правило, проносили в загруженные трюмы в час обеденного перерыва, когда бдительность охраны ослабевала.

Аргентинский флот тоже терял суда. Но Д-группа не имела к этому отношения. Германские субмарины потопили несколько торговых пароходов Аргентины, среди них — «Рио Терсеро», который был торпедирован неподалеку от берегов Соединенных

Штатов…

* * *

В определении маршрутов судов и пунктов доставки грузов случались ошибки, и это создавало опасные ситуации для Д-группы. Так, пришлось срочно извлекать «зажигалку» из трюма парохода «Рио Кантарин». За сутки до его отхода выяснилось, что он шел не в испанский порт Виго, а в Нью-Йорк! Рискованную задачу пришлось решать «Матису». Точно таким же образом он «разрядил» испанский пароход «Тьерра де Фуэго»: на нем отбывал в Европу человек, жизнь которого нельзя было подвергать опасности. «Матису» сравнительно легко удалось подняться на борт «Тьерра де Фуэго» и спуститься в трюм. И тут он наткнулся на охранника, которому сам капитан поручил не подпускать к грузу «ни своих, ни чужих».

«Забыл брюки в трюме, — сказал «Матис» охраннику. — Жалко, совсем новые брюки, пропадут».

Грузчики, спускаясь в трюмы, именно там переодевались в рабочую одежду. В просьбе «Матиса» не было ничего настораживающего. Но охранник не хотел неприятностей на свою голову.

«Можешь обыскать меня, — сказал «Матис». — Не обижусь. Сам понимаю, беды не оберешься, случись что…»

Он поднял руки, демонстрируя, что готов к самому тщательному обыску. И это убедило охранника:

«Ладно, проходи, но живее!»

«Матис» сумел обнаружить и вынести «зажигалку» и потом — на пустынном причале Южного дока — избавиться от нее, бросив в воду…[71]

Основная нагрузка по работе с агентурой лежала на плечах «Артура» и «Бланко». Это была работа на износ. Даже невероятная энергетика «Артура» давала сбои. Не раз бывало, что он, перемещаясь на трамвае из одного конца Буэнос-Айреса в другой, засыпал мертвым сном, зажатый плотной массой пассажиров, с рукой, просунутой в кожаную петлю.

Постоянные стрессы привели к ЧП с «Бланко»: он потерял сознание на улице Ривадавия, рухнул на тротуар под ноги прохожих. Его отвезли в больницу, провели обследование и поставили диагноз — сильнейшее переутомление. «Артур» в то время находился в Уругвае, и первой о происшествии узнала Лаура. Она тут же помчалась в больницу. Тревожиться было из-за чего: «Бланко» мог иметь при себе компрометирующие

материалы.

Только после этого обморока «Артур» разрешил отдохнуть своему помощнику. Целых семь дней «заслуженного отпуска» за два года напряженной работы!

* * *

В конце 1942 года Эдуардо Пекчио приехал в Буэнос-Айрес. Нью-йоркская резидентура согласилась с предложением Григулевича об отправке венесуэльца в Лиссабон. Эдуардо предстояло пройти ускоренный «спецкурс молодого разведчика». Когда-то азам этой мудреной профессии учили Григулевича сотрудники резидентуры «Шведа». Теперь в роли профессора «разведывательных наук» оказался сам «Артур».

Пекчио поселился в недорогом отеле «Савой» на углу улиц Кальяо и Кангальо. В нескольких кварталах от него находилась явочная квартира «Артура», содержателем которой был зубной протезист Хорхе, пользовавшийся успехом в артистических кругах. Ослепительными зубами, которые изготовил он, улыбались многие звезды аргентинского кино. Занятия по оперативному искусству проходили в утренние часы в изысканно декорированном зале, который модный протезист нередко предназначал для интимных свиданий со «звездочками», у которых не было денег на оплату его профессиональных услуг. В основу своего «курса» Григулевич положил лекции Гражуля по оперработе, которые выучил наизусть в Малаховке. С той поры, когда Гражуль создавал свой труд, многое изменилось в теории и практике разведки: мировая война — мощный двигатель прогресса в этой специфической сфере человеческих отношений! Поэтому «Артур» творчески «дополнил и развил» многие положения учебника, опираясь на опыт, который он приобрел за месяцы руководства резидентурой.

Наверное, этот «спецкурс», прочитанный «Артуром» на явочной квартире в Буэнос-Айресе, был первым опытом его преподавательской работы…

* * *

В способностях Эдуардо заводить полезные связи Иосиф убедился, побывав на церемонии открытия монумента Симону Боливару. Григулевич с иронией относился к мании латиноамериканских правителей «обзаводиться» при любой

возможности все новыми статуями и монументами, особенно в свою собственную честь. В Буэнос-Айресе счет на подобные памятники перевалил за сотни. О деяниях многих бронзовых персонажей давно забыли, но они с тщеславной горделивостью возвышались на площадях и в парках. Однако в отношении монумента великому Освободителю — Либертадору — у Григулевича никаких сомнений не было. Это важное событие!

Среди представительной делегации из Венесуэлы «Артур» увидел Пекчио, который оживленно беседовал с соотечественниками. На следующий день Эдуардо рассказал Григулевичу, что министр иностранных дел Караксиоло Парра Перес пригласил его участвовать во всех мероприятиях, связанных с визитом. Занятия по разведподготовке пришлось отложить. Результатом «дипломатической активности» Эдуардо в Буэнос-Айресе стали рекомендательные письма Парры Переса в Лиссабон. Министр обращался к своим знакомым с просьбой «оказать помощь предприимчивому и многообещающему коммерсанту, преисполненному желания внести полезный вклад в развитие венесуэльско-португальской торговли».

По пути в Нью-Йорк Пекчио повидал родственников. Они ждали его на причале в венесуэльском порту Пуэрто-Кабельо. Свидание длилось несколько часов, как раз столько, чтобы на пароходе могли пополнить запасы пресной воды…

Пекчио пробыл в Лиссабоне полгода, дожидаясь связника, который по причинам, известным только Москве, так и не прибыл. С организацией коммерческого прикрытия Пекчио не спешил, потому что надежных вариантов вложения средств не нашел. Довольно быстро он понял, что в Лиссабоне шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на агентов стран «оси» или союзников. Дальний родственник — «тио» Нарсисо, — у которого остановился Пекчио, долго расспрашивал его о причинах приезда в Португалию, планах на будущее и финансовых возможностях. Потом сделал глубокомысленный вывод: «Тебя прислали американцы». Разубеждать его Эдуардо не стал, но понял, что его легенда — налаживание экспортно-импортной торговли на Венесуэлу — серьезной критики не выдерживает.

Португалию того времени то и дело сотрясали шпионские скандалы. Чаще всего они были связаны с разоблачением нелегальных немецких радиостанций и агентов в портовых городах. Союзники обвиняли политическую полицию Салазара в пособничестве странам «оси», после чего по распоряжению диктатора в рейх высылали очередную партию агентов абвера и гестапо. Пекчио считал, что и его дядюшка не был чужд «шпионских дел». Он служил в акционерном обществе

вольфрамовых руд «Минерос Сильвикуля». Германская военная промышленность нуждалась в поставках этого металла, и потому абвер делал все возможное, чтобы обеспечить высокую производительность шахт. Англичане и американцы неутомимо плели заговоры и готовили акции саботажа, чтобы шахты подольше простаивали. Пекчио пытался понять, на чьей стороне баррикад находится «тио» Нарсисо, и однажды порылся в его вещах. Ничего уличающего дядю не обнаружил, если не считать нескольких штук часов «фэнтези» швейцарского производства. Нарсисо спекуляцией не занимался, и, вероятнее всего, кто-то оплачивал его услуги таким образом.

Чтобы не мучиться сомнениями по поводу дядюшки, Эдуардо переехал в Мадрид. Колония латиноамериканцев была там многочисленнее и предприимчивее, чем в Португалии: коммерческие дела сразу же пошли в гору…

* * *

Новый, 1943 год Иосиф и Лаура встретили в компании друзей — на конспиративной квартире КПА, куда пришли Армандо Кантони и Мануэль Деликадо с женами. Праздничное угощение готовили в складчину, и женщины начали хлопотать над ним с полудня.

Радостными криками были встречены две бутылки шампанского «Арису», которые принес Кантони. Он честно признался:

«Благодарить надо не меня. Это подарок от партийной организации в Мендосе».

Первый тост поручили произнести Деликадо, и он сказал то, что сказал бы каждый из присутствующих:

«За разгром Гитлера под Сталинградом, за нашу победу!»

Второй тост сказал Кантони:

«За победу над нацизмом в Аргентине!»

Третьим говорил Иосиф:

«За всех республиканцев, живущих вдали от родины. Чтобы в наступающем году все они могли встретиться у ворот Солнца в Мадриде…»

* * *

Иногда из Центра поступали задания по розыску («установке») лиц, которые по тем или иным причинам вызвали

интерес у советской разведки. География запросов была обширной — от Аргентины до Венесуэлы. «Персонаж» мог находиться в Гуайякиле, Медельине или парагвайском Асунсьоне, и для его локализации, а тем более сбора характеризующих сведений о нем требовались не только дедуктивные способности, но и подходящие люди на местах.

Пожалуй, самый оригинальный запрос поступил в мае 1943 года, когда в мировой прессе появилось сенсационное сообщение о том, что генерал Вильгельм Фаупель, главный «специалист» рейха по Латинской Америке, провел в Аргентине тайные переговоры с военным правительством. В Москве заинтересовались этой новостью, и вскоре «Артур» получил из Нью-Йорка задание: перепроверить информацию, установить, действительно ли генерал посещал Буэнос-Айрес. Если да, то какие вопросы обсуждал он с аргентинской военной кликой? Если нет, то велись ли какие-либо другие важные переговоры между Германией и Аргентиной в указанный период?

На выполнение задания «Артуру» дали две недели.

Москва имела основания для беспокойства. Информационные агентства в подробностях описывали, как генерал Фаупель в середине апреля 1943 года погрузился на борт немецкой подводной лодки в испанском порту Кадис. В начале мая он прибыл в Аргентину и был якобы встречен адмиралом Скассо в обусловленном пункте на побережье, а затем перевезен в немецкую евангелическую церковь на улице Эсмеральда в Буэнос-Айресе. Там и проходила большая часть переговоров с членами военного правительства и командованием вооруженных сил Аргентины. После недели интенсивных контактов Фаупель якобы вернулся на подводную лодку, которая скрытно курсировала вблизи курортного города Мар-дель-Плата.

* * *

Иосиф долго размышлял над листком с расшифрованным текстом. О чем могли совещаться эмиссар Гитлера и правители Аргентины? О поставках германского оружия в страну? О возможности использования Аргентины как убежища для иерархов гитлеровского режима, которым рано или поздно придется спасаться от возмездия Объединенных наций за совершенные преступления? А может, Фаупель ходатайствовал о посреднической миссии Буэнос-Айреса с западными странами по вопросу достижения сепаратного мира? Последнее предположение казалось близким к истине. Коричневый зверь

метался в поисках спасения, прощупывал через посредников в Португалии и Швейцарии позицию западных стран по этому вопросу. Нейтральная Аргентина, в принципе, могла взять на себя роль ходатая по делам обреченного рейха.

В июне в Аргентине пришло к власти правительство ГОУ[72] — Группы объединенных офицеров (заговорщиков из так называемой «военной ложи»). Если тайный визит Фаупеля в Буэнос-Айрес не выдумки, логично было бы связать два этих события. По столице даже циркулировали слова, сказанные Фаупелем полковнику Перону: «Очень вероятно, что Германия проиграет войну. В этом случае вас и ваших друзей подвергнут международному суду за связи с рейхом. Чтобы избежать этого, вам надо перехватить инициативу, овладеть властью и держаться за нее любой ценой». Перспектива судебного преследования руководителей ГОУ не устраивала, и переворот был осуществлен. Один из собеседников Фаупеля будто бы направил ему после этого ликующую телеграмму: «Ваши аргентинские друзья увенчали свое предприятие полным триумфом».

В иерархии Третьего рейха Фаупель являлся ведущим авторитетом по иберoамериканским делам. До 1926 года он был советником в аргентинской армии. В подготовленной им «оборонительной доктрине» для Аргентины ключевой тезис звучал категорично — «военным путем Патагонию защитить нельзя»! Германскому стратегу верили. Поэтому в планах Генштаба не предусматривались операции по защите провинции в случае войны. В невероятно богатом сырьевыми ресурсами крае долгое время вообще не было никаких гарнизонов.

В 1934 году Гитлер назначил Фаупеля директором Иберoамериканского института (МАИ). Считается, что именно с этого момента ИАИ стал превращаться в центр нацистской пропаганды, формирования «кадров» из числа латиноамериканцев и. с их помощью — создания опорных пунктов нацистского влияния на континенте. Фаупель стал первым послом Гитлера в мятежной Испании Франко, активно наводя мосты с германофильскими кругами в фаланге. «Испания — ключ к двум континентам», — неутомимо повторял Фаупель. Эта формула нравилась генералу, потому что он хотел возглавлять столь перспективное дело как завоевание Латинской Америки для рейха. Он содействовал созданию Международного отдела фаланги, эмиссары которого должны были помогать германскому проникновению на континент.

Фаупель был тесно связан с абвером и СД, оказывая им помощь в подборе кандидатов для гитлеровской разведывательной сети в Латинской Америке. Генерал оказывал

содействие и «Бюро Риббентропа» — разведке МИДа.

«Артур» вызвал на внеочередную встречу агента «Гарса». Тот был категоричен: разговоры о Фаупеле — пропагандистская «утка».

«Я почти согласен с тобой, — сказал «Артур». — Но мы должны быть предельно точными. Необходимы ссылки на конкретные источники, подтверждающие или опровергающие эту информацию».

На следующий день «Гарса» представил ссылки: в МИДе Аргентины о «визите» Фаупеля ничего не известно, в военном министерстве — тоже, в окружении президента над выдумками американского информационного агентства просто посмеялись. По сведениям посольства Аргентины в Германии, успевшего «отреагировать» на «дезу», Фаупель в конце апреля находился в Берлине, вернее, в его окрестностях, на даче директора завода «Сименс» в Ленквиц, спасаясь от ежедневных бомбардировок. Степень влияния Фаупеля на руководителей рейха сознательно преувеличивалась пропагандой союзников. Если бы Гитлер намеревался послать эмиссара в Аргентину, то предпочел бы кого-нибудь из службы Гиммлера.

Информацию о «дезе» в отношении Фаупеля «Артур» направил в Нью-Йорк с очередным курьером.

* * *

И еще несколько слов о Фаупеле. В период побед вермахта генералу льстила репутация нацистского шпиона, создавшего эффективную «пятую колонну» в Латинской Америке. Ему приписывали подготовку заговоров по захвату Панамского канала, Магелланова пролива, нефтяных месторождений Венесуэлы и Мексики. Однако чем отчаяннее становилось положение Германии на фронтах, тем опасливее воспринимал Фаупель шпионские легенды о себе. Он верил измышлениям Геббельса о железных клетках, в которых в случае поражения рейха будут возить немецких генералов на потеху толпе.

В последние месяцы своего существования Иберoамериканский институт погряз в атмосфере раздоров, интриг и внутренних доносов- О ведении научной работы не было и речи. Студенты и аспиранты из Испании и Латинской Америки с нетерпением дожидались отправки на родину. Фаупель занялся последним своим проектом: организацией из разрозненных бойцов «Голубой дивизии» боевого «Отряда Эскерра» для обороны Берлина. «Отряд Эскерра» принял участие в боях на берлинских

улицах и близ Рейхстага. Командир отряда Мигель Эскерра, подполковник СС, даже успел получить Железный крест из рук Гитлера.

Фаупель страшился плена. Директор ИАИ не сомневался, что ему не миновать суда за деяния «пятой колонны» и разведывательных органов Германии в Латинской Америке. Поэтому он и его жена приняли решение о самоубийстве. Они воспользовались ампулами цианистого калия. Произошло это 1 мая 1945 года в летнем домике под Потсдамом. До подхода русских передовых частей оставалось не более часа.

* * *

К середине 1943 года использование порта Буэнос-Айреса для вывоза селитры и других стратегических материалов на Пиренейский полуостров заметно сократилось. Акции саботажа, проведенные Д-группой, сыграли в этом не последнюю роль.

Лев Воробьев в одной из своих статей привел данные о «стоимости» диверсионных операций группы «Артура» в Буэнос-Айресе. Деньги тратились на приобретение химических реактивов, инструментов и материалов для изготовления «зажигалок», аренду помещений для сборки и испытаний «изделий» и содержание конспиративных квартир в районе порта. Сюда же включались транспортные расходы по доставке «зажигалок». На всю деятельность Д-группы было истрачено не более двух тысяч долларов США!

Конечно, были и другие траты. Около 300 долларов у «Артура» ушло на постройку рации в Буэнос-Айресе. В порядке взаимопомощи было передано Мануэлю Деликадо 500 долларов для экипировки испанцев, направляемых во Францию в партизанские отряды «маки». Для их документации приобретались чистые бланки паспортов и военных билетов. Оплачивался проезд «стажеров», подготовленных «Артуром» и «Алексом», в Испанию и Португалию. «Под занавес» диверсионной работы членам Д-группы было вручено 100 долларов премиальных (на всех). За самоотверженную работу «Бесерро» был поощрен костюмом стоимостью в 50 долларов, а «Матис» — наручными часами.

В резидентуре зарплату получали только «Артур» и «Бланко», и она не превышала 250 песо. Часть этих денег неизменно тратилась на оперативные нужды. Другие участники группы перебивались на свои скромные заработки. Если финансирование из Нью-Йорка задерживалось, «Артуру» приходилось обращаться

за «займами» в КПА или к аргентинским «богачам левой ориентации». Спасительным для резидентуры был приезд Лауры. Она привезла «на себе» 10 тысяч долларов. К началу 1945 года «долги» резидентуры не превышали трех тысяч долларов. По распоряжению Центра почти все они были возвращены. «Почти» — потому что некоторые из «финансистов» от денег отказались: «Считайте это нашим скромным вкладом в победу».

Деятельность аргентинской группы «Артура» за июнь 1941-го — февраль 1945 года, по подсчетам Л.Воробьева, обошлась советской разведке в 23 тысячи долларов. В то же время ущерб, нанесенный странам «оси» за два с половиной года активной работы резидентуры, оценивается в 6 миллионов долларов.

Глава XXIV.
СВОЙ ЧЕЛОВЕК В ИСПАНИИ

Во время декабрьского пребывания «Артура» в Сантьяго «Алекс» принес на одну из встреч письмо от Касановы («Диего») из Мадрида. Вручив конверт Иосифу, Леопольдо не удержался от шутки:

«Теперь о диктаторе Франко мы будем знать всё!»

«Диего» сообщал, что с помощью влиятельных родственников основал экспортно-импортную фирму «Копачи»:

«Превратить ее в доходное предприятие будет сложно. Испания переживает не лучшие времена — экономическая стагнация, запутанное торговое законодательство, засилье бюрократов. Даже получение продовольственных посылок из-за рубежа стало проблемой из-за произвола чиновников. На одном из дипломатических приемов я познакомился с бароном Гансом фон Бюловым, представителем “И. Г. Фарбениндустри” в Испании, который предложил мне ориентировать деятельность “Копачи” на германский рынок. Будущее покажет, реально ли заинтересован в этом фон Бюлов».

Касанова вложил часть средств, полученных от нью-йоркской резидентуры, в акционерную компанию «Нокаут». Испанская фирма «Атлантида» предоставила чилийцу полномочия на ведение коммерческих дел с американскими партнерами. Это стало предлогом для сближения с атташе Уэдбе, который в посольстве США отвечал за составление «черных списков». С ним Касанова «консультировался» по конкретным сделкам, выявляя испанские компании, которые поддерживали деловые контакты с Третьим рейхом, предпринимателями в Швейцарии и оккупированной Франции. Касанова установил также дружеские отношения с коммерческим советником посольства США Ральфом Аккерманом, через которого познакомился с послом Карлтоном Хайесом и его дочерью. Они прониклись симпатией к отпрыску старинной аристократической семьи, вхожему в лучшие дома Мадрида. В резиденции посла Касанова стал постоянным гостем. Хайес разрешил Кристиану арендовать квартиру в доме, в котором проживали дипломаты-холостяки из американского посольства. В подвале этого «общежития» находился модный бар, где развлекалась «интернациональная молодежь» испанской столицы. Алкоголь развязывал языки, и под томные мелодии, наигрываемые тапером, легко заводились полезные связи. Не случайно там постоянно «крутились» сотрудники американской

разведки — Управления стратегических служб США (УСС). Завсегдатаи бара были в курсе мадридских новостей, слухов и сплетен.

Касанова близко сошелся с испанским дипломатом Хуаном Лохендио, который часто наведывался в бар не столько из-за стремления выпить, сколько из-за желания «закадрить» очередную статную блондинку «made in USA». Его брат Мигель познакомил Касанову с Анной — дочерью крупного испанского дипломата Хосе Антонио де Сангрониса. Генералиссимус Сангронису доверял и направлял его в ключевые для Испании посольства в Лондоне, Париже, Риме. В своем оперативном письме «Диего» сообщал, что в светском обществе Мадрида его и Анну считают женихом и невестой.

«Резво он начал, — сказал Иосиф, прочитав письмо. — Нелегальная разведка — это что-то вроде бега на длинную дистанцию с многочисленными препятствиями. Хватит ли дыхания нашему “Диего”?»…

* * *

Через сорок с лишним лет после миссии Касановы в Испании я познакомился с ним в Сантьяго. Произошло это в доме для престарелых. В Чили их называют «casa de reposo», что дословно переводится как «дом отдыха». «Casa de reposo», в котором обитал Касанова, роскошью не отличался. На каждую комнату приходилось по два-три «отдыхающих», хотя для моего собеседника за дополнительную плату сделали исключение: он жил один. Обстановка почти спартанская. Стеклянная дверь распахнута на небольшую террасу, с которой можно было видеть высокую каменную стену, чахлые деревца, запущенный газон и клочок неба. По всему было видно, что Касанова обрадовался моему посещению. Он отложил в сторону газету, сел на край кровати и нащупал ногами тапочки. Я достал из куртки экземпляр его романа «Натали, или Человек в белом»:

«Очень хотел поговорить с автором, но он так ловко законспирировался, что пришлось порядком потрудиться, чтобы его отыскать».

«Вы прочли мою книгу? — вскинул голову Касанова и негромко засмеялся. — Боже, передо мной первый живой читатель! А я думал, что напрасно потратил время, описывая мои приключения».

Он распахнул дверцу тумбочки, и я увидел в ней аккуратные стопки точно таких книжечек в красных обложках.

«Исповедь бывшего советского агента никого не интересует, — не без иронии посетовал Касанова. — Не та, видимо, конъюнктура на рынке».

Поговорили о романе.

Касанова рассказал, что много раз перекраивал его, чтобы снять излишнюю документальность и придать тексту «грэмгриновское» звучание. С Грэмом Грином он был знаком, любил его творчество и сознательно подражал ему. Первоначально роман был объемнее и назывался «Человек в белом, который так и не вернулся». Но Касанова решил, что на полноценные мемуары жизнь его «не тянет», и потому сократил автобиографическую часть и добавил вымышленную любовно-лирическую линию.

«Может быть, сохранился первоначальный вариант романа?» — спросил я. — Ваша антифашистская работа в Чили и Испании — это неповторимая страница истории. Любые подробности тех дней — на вес золота!»

«У меня нет архива, — развел руками Касанова. — Я почти все сжег. А на ваш вопрос о том, чем была для меня работа с “Педро” и “Антонио”, отвечу: главным событием жизни. Они мне доверили большое дело! Но по-настоящему я понял это слишком поздно»…

Мы проговорили несколько часов. Касанова вспоминал о прошлом, словно пытаясь восстановить те страницы рукописи, которые были брошены в огонь. С «Антонио» он познакомился в Сантьяго. «Педро» представил ему своего «шефа», и Кристиан понял, что стадия предварительных бесед завершена. Операция по заброске в Испанию перешла в практическую плоскость. В ходе этой встречи «Антонио» окончательно расставил все точки над «i»:

«У тебя есть все козырные карты, чтобы войти в светскую жизнь Мадрида и завязать нужные связи с целью получения полезной для СССР информации».

В небольшом посольстве Чили в Испании вакансий не предвиделось, поэтому пришлось остановиться на «крыше» торгового представителя. Касанова получил полномочия чилийского правительства на закупку испанских товаров, оформил в МИДе нужные бумаги. По пути в Нью-Йорк Касанова остановился на десять дней в Буэнос-Айресе, чтобы пройти с «Антонио» ускоренный курс разведывательной подготовки. В середине апреля 1943 года «Диего» поднялся на борт самолета и после четырех дней полета, — с пересадками и ночевками в промежуточных странах, — прибыл в Нью-Йорк. Через Рикардо Велеса он связался с резидентом «Максимом» — Василием

Зарубиным «для окончательного собеседования».

Касанова ему понравился: «Это серьезный и политически крепкий человек. Его молодость компенсируется эрудицией и пониманием наших задач. По своей природе он — осторожен и конспиративен. Формально едет в Испанию в качестве правительственного торгового агента с дипломатическим паспортом. Считаю, что “Диего” с поставленными задачами справится».

Зарубин поручил Касанове сбор сведений о различных аспектах поддержки Испанией военных усилий Германии и взаимоотношениях Франко с западными союзниками Советского Союза. Он же должен был отслеживать развитие внутренней ситуации в Испании, состояние морально-политического духа испанцев, поскольку Москва и испанская компартия прогнозировали, что близящийся разгром Германии повлечет за собой крушение режима Франко. Интересовало Центр и все, что касалось «Голубой дивизии».

В июле 1943 года Касанова отбыл на португальском пароходе «Серпа Пинто» к месту назначения.

* * *

Обосновавшись в Мадриде, Касанова осенью 1943 года направил условное письмо в Нью-Йорк, означавшее: «Благополучно прибыл на место, приступил к выполнению задания». Однако дальнейшие события показали, что почтовый канал на США не был надежным. Часть писем не дошла до адресата. Было процензурировано «проверочное» послание «Диего» в Нью-Йорк на бланке чилийского посольства. Не помог даже специальный штамп на конверте, относящий его к разряду дипломатических отправлений. Оно было вскрыто американскими контролерами и демонстративно проверено на наличие тайнописи. Сомнений не оставалось: корреспонденция из Испании считалась в США потенциально опасной и вся без исключения проверялась «черным кабинетом» почтового ведомства. Поэтому Касанова стал писать в Сантьяго на адрес журнала, который издавал его отец. Из редакции письма через посредника поступали к «Алексу».

Несколько своих сообщений Кристиан посвятил «Голубой дивизии», понимая, что эта информация может пригодиться Москве. «Диего» завел «полезное знакомство» в Бюро информации для добровольцев, желающих отправиться на Восточный фронт (улица Эспаньолето, 13). Хватило нескольких совместных походов

в ресторан, чтобы расположить «Эрнана» из бюро настолько, что он стал делиться сведениями о «Голубой дивизии», а после ее роспуска — об «Испанском легионе», в котором насчитывалось не менее 1800 человек. Помимо этого легиона в частях вермахта воевало не менее трех *тысяч* испанцев. Вербовка людей в Испании велась немцами при полном попустительстве властей. Добровольцы проходили через руки капитана флота Ленца из контрразведывательной службы. После проверки испанцев направляли в город Себастьян, откуда перевозили через границу. На французской стороне добровольцы попадали под опеку лейтенанта Репперта и через сборный пункт в городе Гофе выезжали отдельными командами в Кенигсберг, где испанцев обкатывали на курсах боевой подготовки и посылали на передовую. И горе дезертирам! Вначале их направляли в концлагеря, а потом высылали в Испанию. «Трусов» ожидали годы тюремного заключения. По мере приближения конца войны раздоры между немцами и испанцами возникали все чаще. С особой ожесточенностью немецкие власти боролись со «спекуляцией» продуктами питания, которые получали из своей страны испанские военнослужащие. В свою очередь, в Испании росло недовольство тем, что германские «закупочные» комиссии вывозили из страны продовольствие, и это — при массово голодающем населении!

Война спецслужб в Испании не затихала ни на день. Наибольшее влияние имело посольство рейха, персонал которого по численности превышал всех «союзников», находившихся в стране. За явными и тайными сторонами жизни в Испании следили тысячи тренированных глаз. Все прослушивалось. Все комментировалось. Любые нестандартные поступки, реплики или фразы привлекали внимание. Когда Касанова переехал из американского «общежития» в мадридскую квартиру на улице Альфонсо XII, то для «психологического воздействия» на возможных визитеров из полиции повесил в гостиной фотографию, свидетельствующую о его «благонадежности». Она была сделана на одном из приемов: сдвинув бокалы с шампанским, в объектив улыбаются Анна Сангронис, Хуан Пабло Лохендио, Кармен — дочь генералиссимуса и он — Кристиан.

Выполняя задание, «Диего» приобрел друзей в немецкой колонии в Испании, которая насчитывала около 12 тысяч человек. В резидентуре гестапо действовало около 50 сотрудников, которые занимались выявлением «пораженцев» и предателей. Тем не менее многие немцы были уверены, что поражение неминуемо и считали, что заключение компромиссного мира — единственное спасение. Однако мнения по послевоенному

устройству расходились. Одни говорили, что «коммунизм должен существовать в качестве противовеса, чтобы Германия могла со временем восстановить свою мощь и не допустить своего уничтожения плутократическими государствами». Позиция других была радикально иной: «Надо добиваться соглашения с Америкой и Англией, чтобы перекрыть пути для экспансии коммунизма». Были и такие, кто мечтал о своевременном бегстве подальше от Европы, предпочтительно — в богатую Южную Америку. Именно на этой почве Касанова развивал «полезные отношения» с потенциальными «дезертирами» рейха.

«Диего» не упускал возможности «пообщаться» с латиноамериканскими студентами и учеными, которые во все большем количестве появлялись в Мадриде, прервав свои занятия в Ибероамериканском институте в Берлине. Пережитые ими бомбежки не прошли бесследно, о своих нацистских «симпатиях» они старались не вспоминать. Беглецы из рейха сходились в одном: Гитлер не пойдет на капитуляцию, будет сражаться до последнего солдата…

«Самым большим сюрпризом для меня была встреча с Эдуардо Пекчио, — сказал мне во время разговора Кристиан. — Перед отъездом из Сантьяго я видел его в редакции “Эль Сигло”. Каким же было мое удивление, когда я встретился с ним в Лиссабоне, куда я выезжал по коммерческим делам. Мы столкнулись в ресторане отеля. Пекчио был в смокинге, говорил со своими спутниками по-французски и почти не уделил мне внимания. Потом мы снова встретились с ним, на этот раз в Мадриде. И позже провернули несколько совместных коммерческих дел. Так что мне не надо было складывать два и два, чтобы понять ситуацию. Впрочем, и он мне не задавал наводящих вопросов»[73].

«После Испании вы встречались с “Антонио” и “Педро”? — спросил я Касанову.

«Нет, “Антонио” я больше не видел. О нем ничего не знаю. Растворился в неизвестности. А “Педро” я случайно встретил в Сантьяго, на бульваре Аумада в сентябре 1945 года. Я приехал в Чили за инструкциями, ведь советский связник, о котором мне говорили в Нью-Йорке, на контакт со мной так и не вышел. “Педро” явно торопился, был чем-то озабочен, но, увидев меня, обрадовался и пригласил выпить чашечку кофе. В то время я был на распутье. У меня была возможность вернуться в Испанию, на этот раз на дипломатическую работу, или остепениться, обзавестись семьей. Девушка, за которой я ухаживал, была из влиятельной состоятельной семьи. Я надеялся, что “Педро” разрешит мои сомнения. Если бы он сказал: “Ты должен ехать в

Испанию”, я бы это сделал не задумываясь. Бросил бы все в Сантьяго и уехал. Но “Педро” сказал: “Женись. Это пригодится для нашей будущей работы”».

«Пригодилось?»

«Нет. Наша семейная жизнь не удалась, а “Педро” пропал, как и “Антонио”, навсегда. Человек в белом костюме так и не вернулся».

Глава XXV.
УГРОЗА ПРОВАЛА

В период правления в Аргентине генерала Рамона Кастильо местным нацистам жилось вольготно. Кастильо возглавил страну после того, как Роберто Ортис, политик умеренного плана, оставил свой пост из-за прогрессирующей болезни глаз. В президентское кресло он так и не вернулся[74]. «Нейтралитет» Кастильо подпитывался германофильскими настроениями в вооруженных силах, уверенностью военной касты в том, что вермахт победит на всех фронтах.

К тому же аргентинская элита, в которую входили крупные землевладельцы и скотоводы, не испытывала теплых чувств в отношении североамериканского империализма. Претензии США на установление политико-экономического контроля над Южной Америкой вызывали раздражение аргентинского правящего класса, считавшего, что экспансия «северного колосса» угрожает их жизненным интересам. Правительство Кастильо укрепляло репрессивный аппарат, чтобы нейтрализовать «внутренних союзников» США, к которым оно относило партии, организации и группировки либерального и коммунистического толка. В результате такой «нейтрализации» были арестованы многие руководители и активисты компартии Аргентины. В том числе — Викторио Кодовилья и Хосе Реаль.

Репрессии не уменьшились после переворота 4 июня 1943 года, когда к власти пришла «Группа объединенных офицеров». Новое правительство возглавил генерал Педро Рамирес. «Артур» колесил по городу, встречаясь с теми членами своей сети, которые могли пролить свет на будущий политический курс правительства ГОУ. Выводы были неутешительными: перемен не ожидается! Это всего лишь новое проявление властных амбиций военной касты. Переворот организован последователями нацизма, фашизма и фалангизма Франко. Возрастающая агрессивность аргентинского режима проявилась в его попытках привести к власти в Боливии «дружественный режим». Аргентина под руководством ГОУ торопилась укрепить свои позиции на континенте.

Во внутренней политике вновь началось «закручивание гаек». К деятельности даже лояльных политических партий власти стали относиться с подозрением. Военные правители не исключали, что в стране зреет глубоко законспирированный заговор, организуемый посольством США.

Именно в это время «Артур» совершил поступок, который мог серьезно навредить резидентуре.

На второй день после военного переворота в шесть часов утра на квартире Иосифа раздался «ошибочный» звонок из прачечной, а в восемь — в сквере напротив театра Колон Григулевич встретился с Армандо Кантони. Таким встревоженным Иосиф его никогда еще не видел.

«Мне сообщили из Санта-Росы, что фашисты ГОУ вот-вот расправятся с товарищем “Мединой”, — сказал Кантони. — Партия не в состоянии освободить его собственными силами. Нужна поддержка!»

Товарищ «Медина» — Викторио Кодовилья — находился в столице провинции Л а Пампа с февраля 1943 года «под домашним арестом». Охранял его один полицейский. Режим «содержания» — в «одиночной камере» городской гостиницы — был сравнительно либеральным: все-таки видный политический деятель! Но фашисты, захватившие власть в стране, не собирались миндальничать ни с Викторио, ни с другими членами партии.

Иосиф знал, что должен ответить Кантони категоричным «нет». Резидентура имеет свои задачи и не должна вмешиваться во внутренние конфликты страны. И все же он сказал совершенно другое:

«Можешь положиться на меня».

Два года назад, когда началась война и требовалось срочно сформировать сеть, о помощи просил он. Теперь товарищи нуждались в его поддержке. Разве откажешь?

Григулевич немедленно выехал в городок Санта-Роса, который находился в 600 километрах от Буэнос-Айреса. За рулем находился «Чато». Вскоре в город прибыло еще два автомобиля с испанцами, которых Мануэль Деликадо отрядит для участия в операции. Револьверы, предусмотрительно приобретенные «Артуром» для «экстренных нужд» резидентуры, «приехали» в Санта-Росу в тайнике автомашины «Чато». После боевой акции товарища «Медину» надлежало переправить в окрестности города Мендоса, то есть поближе к чилийской границе.

План спасения Кодовильи был импровизацией, успех операции был сомнителен из-за незнания местных условий, но Григулевич был настроен решительно: обещал — выполняй! Чтобы сориентироваться в обстановке, Иосиф снял номер в той же гостинице, в которой должен был находиться Викторио. Однако утром у хозяина гостиницы удалось выведать, что Кодовилью только что вывезли под сильной охраной в «неизвестном направлении».

Эта ситуация неопределенности была для Иосифа тяжким испытанием: неужели товарищ «Медина» убит?

Вернувшись в Буэнос-Айрес, Иосиф узнал через «Отто», что власти ГОУ решили переправить Кодовилью подальше от цивилизации — на дальний юг Аргентины — в тюрьму городка Рио-Гальегос.

* * *

В ходе контрольных бесед с «проверяющим» Центра в начале 1945 года Григулевич не проронил ни слова о поездке в Санта-Росу. Понимал свой промах: бросил дела по резидентуре, помчался совершать подвиги!

В декабре 1943-го — январе 1944 года режим запретил деятельность политических партий, закрыл многие газеты, симпатизировавшие союзникам: «Эль Мундо», «Ла Вангуардиа», «Ла Ора». Возобновилась охота «Сексьон эспесиаль» за деятелями компартии. Их без суда и следствия отправляли в концентрационные лагеря в Неукен и Рио-Гальегос. Была приостановлена деятельность организации «Свободная Франция». Для создания видимости «беспристрастности» были распущены некоторые националистические организации, осуждены арестованные с поличным нацистские агенты. Влиятельной политической фигурой стал полковник Хуан Перон, поклонник Бенито Муссолини. «Деполитизация профсоюзов, достижение социальной гармонии между хозяевами и рабочими, повышение роли государства в построении идеального общества» — все это в устах Перона звучало многообещающе. Подобных речей «в исполнении» военных в Аргентине еще не слышали. Оппозиция на время словно онемела. Потом раздалась критика: «Перон — это ловкач, последователь Макиавелли, последняя ставка военной элиты, которая старается удержаться у власти».

На разгульную ночную жизнь Буэнос-Айреса тоже были наложены ограничения. Режим решил бороться за соблюдение религиозных и моральных норм. Владельцы кинозалов, театров и кабаре были уведомлены: никаких представлений, могущих негативно сказаться на нравственности граждан! Погасли зазывные огни над дансингами — *«taxi-dance»* — в припортовой зоне. А ведь еще совсем недавно их были сотни с интригующими названиями.

В конце февраля 1944 года в Аргентине вновь сменилась власть. У государственного руля встал очередной поклонник нацистов — генерал Эдельмиро Фаррель. Но у него выхода не

было. Под давлением США и союзников Аргентине пришлось «вступить в войну» с Германией, которая была объявлена 27 марта 1945 года, за несколько недель до падения гитлеровского режима. Предварительно немецкую сторону предупредили, что шаг этот вынужденный и что Аргентина после войны будет оставаться для нацистов надежным убежищем. И в самом деле, со второй половины 40-х годов в Аргентину стали прибывать по «тайным тропам» сотни гитлеровских преступников. Операция осуществлялась людьми Гиммлера и реакционными кругами Ватикана и впоследствии стала известна под названием «Одесса»…

* * *

Где-то с середины 1943 года члены разведывательной сети «Артура» все чаще фиксировали растущее внимание к себе со стороны «конкурентов» и полицейских органов. Первый серьезный сигнал поступил из Чили. Один из контактов «Алекса» занимал ответственную должность в Кабинете идентификации криминальной полиции. В его функции входила выдача документов (метрик, брачных свидетельств, удостоверений личности, паспортов). Чилиец вовремя предупредил «Алекса» о том, что контрразведывательный Департамент-50 вышел на его почтовый ящик — Елену Флорес. Ее адрес иногда использовал «Артур». Елену посетили агенты, но хозяйка, которую оповестили об опасности, держалась стойко и ничего «полезного» гостям не сообщила.

* * *

Чилийский филиал привлек внимание спецслужб еще в одном случае. «Виновником» этого стал кубинский посол в Чили Энрике Писси де Поррас. В качестве полезного контакта его рекомендовал «Алексу» в конце 1943 года редактор газеты «Эль Сигло» Рикардо Фонсека. Кубинец представлял правительство Фульхенсио Батисты, который в ту эпоху считался убежденным демократом и был главной опорой Вашингтона в Карибском регионе. До прихода в дипломатию Писси долгие годы работал журналистом, был цепким и наблюдательным человеком и потому быстро «раскусил» «Алекса», посчитав, что своей коммерсантской деятельностью тот прикрывает «секретную работу» в Коминтерне.

Кубинский посол был убежденным сторонником Объединенных наций, восхищался стойкостью Красной Армии и охотно, «на дружеской основе», выполнял просьбы Леополь-до. Его доверие к кубинскому послу было столь велико, что, получив задание «Артура» о подборе человека для отправки в Турцию, «Алекс» решил, что лучше Писси никто с этой сложной миссией не справится.

Получить это назначение можно было только с помощью Батисты. Поэтому Писси направил президенту подробное письмо о «несколько неожиданной» просьбе «коммунистического представителя» в Сантьяго и выразил готовность поехать в Анкару. Во время очередной встречи с послом США на Кубе Браденом Батиста упомянул о «ходатайстве» коммунистов. В тот же день посол пересказал разговор с Батистой резиденту Гувера в Гаване. О странном обращении Писси де Порраса через день стало известно в Вашингтоне, откуда в резидентуру ФБР в Сантьяго-де-Чили было направлено задание: установить «эмиссара Коминтерна» и приступить к его оперативному изучению.

Ответа в отношении командировки в Анкару Писси так и не получил. К счастью для «Алекса», вскоре на Кубе изменилась власть, посол подал в отставку и выехал на родину.

На этом и завершилась «турецкая операция» «Алекса». Свои контакты с посольством Кубы он тем не менее не прервал, организуя через «соотечественников» получение товарных партий табака и рома «баккарди». О спекулятивных сделках кубинских дипломатов в Сантьяго знали многие, но они честно делились доходами с чилийскими таможенниками, и потому выгодный бизнес процветал до конца войны.

* * *

«Артур» не оставил без внимания тревожные сигналы. Тщательная проверка показала, что это не было результатом предательства. Все объяснялось прозаичнее: при подборе агентуры американцы планомерно «прочесывали» коммунистические партии и связанные с ними организации, в которых «Артур» и «Алекс» в основном черпали кадры для своей сети. Поэтому время от времени американские разведчики «цепляли» их людей. Особенно часто это происходило в Чили, и потому Иосиф рекомендовал Леопольдо свернуть «уязвимые» с точки зрения безопасности дела. В первую очередь это касалось «Рынка»: «Фабрика паспортов» требовала больших денежных

затрат, из-за которых резидентура стала снова обрастать долгами. «Артур» предложил своему помощнику обратиться к Гало Гонсалесу. Может быть, партия возьмет «Рынок» на свое содержание. С ответом Гало не задержался: деньги у партии были.

* * *

Как говорилось выше, компартия Чили по рекомендации «Артура» организовала контрразведывательную «группу Кирберга». Иосиф настаивал на том, чтобы ее деятельность строилась на строго конспиративной основе. Однако американцы узнали о существовании этого аппарата и обратились к Контрерасу Лабарке с традиционной просьбой о «подключении» ее к «совместной работе» по нацистам.

Разведывательные группы, возглавляемые Кирбергом, Фрадесом, Солимано и другими, стали получать задания американской спецслужбы. Работа, по чилийским понятиям, хорошо оплачивалась, возмещались все оперативные расходы. Проявленная инициатива поощрялась денежными премиями. Связной КПЧ Герман Амиот регулярно встречался с представителями спецслужбы США, координируя осуществление операций, которых становилось все больше. Во время визитов на территорию посольства и консульства США он не раз сталкивался с товарищами по партии, которые не имели полномочий на контакты с американскими дипломатами. К «сигналам» Амиота Контрерас Лабарка относился спокойно: мало ли по каким частным делам члены партии ходят в посольство. Однако Гало фиксировал в своих бумагах имена партийцев, которые излишне «увлеклись» американцами. Сведения о них «Алекс» переправлял «Артуру». Среди «увлеченных» значился и Энрике Кирберг.

Его «тайная деятельность» в общей сложности длилась около двух лет. Позднее Энрике иногда вспоминал о ней в тесной компании друзей. Он гордился «личным вкладом» в разгром фашизма, хотя в биографической книге коснулся этой темы скупо:

«Работа, которую мне дали, имела отношение к войне. Американцы располагали контрразведывательным аппаратом, созданным для того, чтобы вести наблюдение за немцами по всему миру. Из Чили осуществлялись поставки меди, селитры, пшеницы, и потому страна представляла для них интерес. Партия тоже занималась подобной работой, и волей неволей у нее случались “пересечения” с американцами. Вот мне и поручили

организовать аппарат в Чили. Помогали мне два или три испанца-иммигранта с большим опытом в этой области. Мы занимались слежкой, готовили сводки, вели наблюдение за важными центрами (немецкой активности), но никогда не применяли оружие. Поселился я на нелегальной квартире, адрес которой был засекречен. Формально я перестал быть активным членом партии. Мне дали своего рода “вольную”, чтобы я (для прикрытия) мог полностью посвятить себя учебе. Так я поступил в Школу промышленных инженеров»[75].

В январе 1943 года «Артур» в разговоре с Гало поставил вопрос ребром: пора реорганизовать разведывательный аппарат партии. Связи с американцами надо раз и навсегда прекратить. В список тех, кого надлежало «отрезать», Иосиф включил имена Кирберга, Фрадеса, Солимано и некоторых других. Иосиф сказал Гало: «Если эти товарищи предпочли американцев, пусть с ними и остаются. Но распахивать настежь партийные двери для ФБР недопустимо!»

Решение КПЧ о реорганизации разведаппарата было исполнено только в апреле 1943 года. Для «Алекса» «засвеченные» члены сети были хуже прокаженных. Никакого контакта с ними! Но в Сантьяго таких встреч избежать было трудно. В 40-е годы чилийская столица была слишком маленькой.

Вскоре Центр снова напомнил «Артуру», что американцы продолжают операцию «Фридман». Агенты ФБР делали это втайне, поскольку так и не получили разрешения аргентинских властей на ведение самостоятельной оперативной работы в стране. Они опрашивали «под благовидным предлогом» всех Фридманов, которые обретались в Буэнос-Айресе. К этому времени «почтовый ящик № 1», по совету «Артура», сменил место жительства. Фридман женился и уехал с молодой супругой в провинцию Сан-Хуан. Иосиф вздохнул с облегчением: аргентинец знал его с 1935 года, знал о его работе в «Красной помощи» и о многом другом. В альбомах Фридмана были фотографии, сделанные во время совместных поездок в Эль-Тигре и на пляж Бристоль в городе Мар-дель-Плата.

Гуверовская операция проводилась с размахом, к ней были подключены многие оперативные контакты ФБР, в том числе в ДАИА. Флора Тофф рассказала Иосифу о подобном визите и даже вытащила из сумочки фотографию человека, которого американцы считали Фридманом. Это был не Маурисио. Американцы не сомневались, что поиски рано или поздно приведут к резиденту советской разведки в Аргентине.

Иосиф знал и о том, что американцы ведут массированный контроль почтового канала. Одно из нью-йоркских писем

поступило с признаками проверки специальными химическими реактивами. Жидкости наносились контролерами «черных кабинетов» с помощью кисточки на поверхность бумаги тонкими диагональными линиями. Это «полосатое» письмо пришло по назначению по недосмотру: химическая реакция на тайнопись наступила с запозданием. Но подлинным сигналом тревоги стало письмо от Тересы Проэнсы, пришедшее на почтовый ящик Фридмана, когда он еще действовал. Она сообщала о предстоящем приезде в Буэнос-Айрес сотрудника американской разведки и по поручению мексиканской компартии просила организовать ему встречу с аргентинскими товарищами, чтобы обсудить вопросы совместной борьбы с нацистами. Иосиф помнил по работе в Гаване и Мехико эту женщину с мужскими повадками. Как ни ломал голову Иосиф, но так и недодумался, от кого именно Тереса[76] могла получить адрес «ящика» в Буэнос-Айресе. Очевидным было одно: американцы ищут подходы к его резидентуре!

А потом грянули события, поставившие точку на разведывательной работе «Артура» в Аргентине…

* * *

Боевая активность «поджигателей» завершилась в середине 1944 года. Начальство «Артура» в Москве решило, что необходимости в содержании столь опасного хозяйства больше не было. По предложению «Артура», Д-группа и лаборатория были переданы «на баланс» КПА. В воскресенье 29 октября того же года Антонио Гонсалес, Феликс Вержбицкий и Павел Борисюк встретились на конспиративной квартире в проезде Деламбре, чтобы подготовить переброску «зажигалок» на новое место. Партия намеревалась использовать эти снаряды для вооруженной борьбы против военного правительства.

Упаковкой «зажигалок» и горючих материалов подпольщики занимались до позднего вечера. Борисюк и Гонсалес покинули лабораторию, чтобы помочь хозяину в приготовлении ужина, а Вержбицкий задержался. Тут и случилась беда: Вержбицкий задел тяжелый разводной ключ, он упал на металлические тиски, и во все стороны брызнули искры. Зажигательная смесь мгновенно вспыхнула, раздался взрыв. Ослепительная вспышка пламени ударила в лицо Вержбиц-кому. Взрывная волна бросила его на деревянную перегородку, она развалилась на части. Во все стороны полетели фрагменты стекла, керамики, дерева. Казалось, что вот-вот обрушатся стены, настолько мощным был взрыв.

Металлический каркас постройки опасно накренился, но все-таки устоял. Первым на помощь к Вержбицкому бросился Борисюк. Он пробирался через густой, выбивающий слезы дым, натыкался на обломки перегородки и мебели, в кромешной пыли пытался отыскать под ними товарища.

Феликса нашли в дальнем углу: на лице клочья кожи и кровавые подтеки, изодранная одежда дымилась от действия едких реактивов. Вержбицкий был еще в сознании и слабеющим голосом твердил Гонсалесу и Борисюку одно и то же:

«Сообщите обо всем “Бланко” и Реалю! Уходите как можно скорее! Я справлюсь…»

Через двадцать минут на место происшествия прибыла полиция. Вержбицкого отправили под усиленным конвоем в госпиталь Салабери. Врачам пришлось ампутировать ему левую руку выше локтя и удалить то, что осталось от левого глаза. Был поврежден и правый глаз, причем настолько, что Феликс в свои 36 лет полностью ослеп. «Бланко» позвонил на домашний телефон «Артура», условной фразой вызвал его на внеочередную встречу. Сообщение о катастрофе на «фабрике бомб» «Артур» выслушал с каменным выражением лица. Затем спросил:

«Реаль знает?»

«Он узнал раньше всех. Через “Отто”».

«Артур» озабоченно нахмурился:

«Надо полагать, он примет необходимые меры. Но нам от этого не легче. Будем консервировать сеть. Никакой активной работы. “Сексьон Эспесиаль” вплотную возьмется за партию, могут зацепить и нас…»

В архиве полиции имелась карточка на Вержбицкого как на коммунистического агитатора. Следователи «Сексьон Эспесиаль» были уверены, что «фабрика» принадлежит КПА и что Кодовилья готовит революцию по образцу той, что организовали в России большевики Ленина. В благонамеренной прессе писали о захвате «взрывника» как о крупном успехе по раскрытию «красного заговора». Полиция распространила коммюнике, в котором подробно расписала содержание «плана КПА» по дестабилизации обстановки в столице к концу ноября 1944 года. По этой версии, в ходе всеобщей забастовки, назначенной на 30-е число, «заговорщики» должны были сорвать занятия в учебных заведениях, организовать беспорядки в пролетарских районах, создать обстановку насилия и террора с помощью боевиков — коммунистов, вооруженных стрелковым оружием и зажигательными бомбами.

По сведениям полиции, КПА успела провести ряд подобных акций: террорист Маурисио Глезер вступил в перестрелку с

агентами «Сексьон Эспесиаль» и был убит; группа коммунистических экстремистов подложила в трамвай 332-го маршрута зажигательное устройство. Такие же акции замышлялись на других линиях. Полиция все чаще арестовывала злоумышленников. По мнению директора полиции, своевременный захват «зажигательных бомб» в проезде Деламбре предупредил массовые поджоги в Буэнос-Айресе. В коммюнике было отмечено, что часть «зажигалок компартии» была построена по принципу ручных фанат. Из этого делался вывод, что они предназначались для использования в уличных боях[77].

* * *

«Артур» получил от Реаля информацию о «Бесерро». Около двух недель Вержбицкий находился в госпитале под строжайшим надзором полиции. Затем его перевезли в тюремный лазарет, где начались допросы.

Вержбицкий отрицал все, хотя инкриминирующих улик было более чем достаточно. На вопросы об источнике поступления взрывчатки и зажигательной смеси отвечал одно и то же: «Это провокация или злая шутка. Я собирался отправить пакеты с молочным порошком в Варшаву. Кто-то подменил их». В те дни в Буэнос-Айресе действительно проходила кампания солидарности с освобожденной Польшей, но для полиции это объяснение было смехотворным. Чтобы вывезти с «фабрики» готовую взрывчатую смесь, заготовки для сборки мин и реактивы, потребовались две грузовые машины. Поэтому в «Сексьон Эспесиаль» были настроены решительно: если не найти сообщников Вержбицкого, они снова начнут действовать. «Бесерро» бросили в камеру с отпетыми преступниками, ожидавшими отправки в Ушуайю, аргентинскую Сибирь. Но и это не сломило Вержбицкого.

Иосиф был уверен, что «Бесерро» выдержит любые пытки. Он хорошо узнал этого человека и не раз говорил «Бланко», что псевдоним «Бесерро» не соответствует характеру Феликса: «Бычок» — это же смешно! Он заслужил другой псевдоним — «Кремень»! Нет, «Артура» беспокоили не сомнения в стойкости Вержбицкого. От Реаля «Артур» узнал, что, покидая «фабрику бомб», Антонио Гонсалес из-за пережитого шока забыл пиджак с личными документами и фотографиями. На одной из них весело улыбались в объектив три семейные пары: Вержбицкие, Борисюки и Гонсалесы. После интенсивных поисков полиции удалось установить местонахождение Борисюка и арестовать его. Он испытал все ужасы «хождения по полицейским мукам». Держался

безупречно, пытки переносил стойко, даже артистично, изображая в кульминационные моменты глубокие обмороки и сердечные приступы. «Подсадных уток» выявлял быстро и в «спонтанных признаниях» так обильно фантазировал, что следователи начали сомневаться в его умственной полноценности. Борисюк прошел через все стадии допросов с пристрастием и был освобожден!

Другие члены Д-группы успели «залечь» на конспиративных квартирах, и полиция не смогла выйти на них.

Для Вержбицкого потянулись месяцы юридических тяжб, адвокатского крючкотворства и профсоюзных протестов. Он отказывался от дачи показаний, ссылаясь на физическую недееспособность, вызванную тяжелой травмой головы. Тактика затяжек особенно нервировала следователей, от них требовали конкретных «результатов», информацию о готовящихся атаках. И все упиралось в искалеченного, ослепшего, исхудавшего человека. Дело затягивалось. Физическое состояние «бомбиста» было столь плачевным, что в КПА решили пустить в ход проверенное оружие: адвоката-крючкотвора, услугами которого иногда пользовался профсоюз котельщиков. Адвокату предложили за «содействие» в освобождении «незаконно арестованного» повышенный гонорар. Были также выделены средства на «дополнительные расходы» в судейских коридорах.

В феврале 1945 года «Артур» с облегчением узнал, что Вержбицкий был освобожден под залог. После этого адвокат стал ходатайствовать об окончательном закрытии судебного дела. Однако угроза внесудебной расправы с Феликсом сохранялась, поэтому в КПА приняли решение о нелегальной переправке Вержбицкого с женой и детьми-близнецами в Уругвай.

* * *

Катастрофа на «фабрике бомб» трагическим образом обернулась для Антонио Гонсалеса и его жены. Они не были уверены в том, что Вержбицкий не проговорится. Они не были уверены и в том, что не проговорятся сами, если будут арестованы. Спешно уничтожили компрометирующие документы и чертежи взрывных устройств, которые хранились в домашнем тайнике под паркетом. Антонио считал, что по ассортименту химических реактивов, обнаруженных на «фабрике», полиция отыщет поставщиков и через них — его с Бертой. Бегство в Уругвай — вот единственный выход, который оставался для них. Тем не менее сесть на пароход «Сьюдад Монтевидео», чтобы пересечь Рио-де-ла-Плата и оказаться в безопасности, они не

решились. Слишком очевидным для полиции был этот вариант побега.

Более надежным казался окружной путь через Консепсьон-де-Уругвай, с использованием лодочного варианта «Пиранья», подготовленного «Артуром». Через день после взрыва на «фабрике бомб» они выехали в Консепсьон на рейсовом автобусе. Приехав в город, устроились в небольшой гостинице у речного дебаркадера. После обеда Антонио намеревался отправиться на розыски лодочника. Он увидел в окно двух мужчин в штатском, которые вошли в гостиницу, затем услышал, что они стали методично обходить номера, проверяя документы постояльцев. Возможно, это был рутинный досмотр (рядом граница). Обычная профилактическая проверка для выявления контрабандистов и уголовных преступников, перемещавшихся между Уругваем и Аргентиной для запутывания следов. Но страх беглецов перед полицейскими застенками и пытками был слишком велик. Когда постучали в их дверь, они обнялись, сказали друг другу прощальные слова и выпили яд…

В декабре 1944 года в Буэнос-Айресе разразилось еще одно «чрезвычайное происшествие»: схватили Виктора Дефрутоса! Он находился в городе более полугода, и Григулевич несколько раз привлекал его для проведения занятий по теории и практике саботажа с некоторыми членами Д-группы на конспиративной квартире в районе Сан-Тельмо.

Иосиф знал, что Дефрутос перебрался в Буэнос-Айрес не по своей воле. Поведение «Лео» вызвало серьезные нарекания у руководства компартии Чили. Претензий ему никто открыто не высказал, но для товарищей не было секретом пристрастие Виктора к пирушкам и женщинам, небрежное отношение к партийным деньгам. От него хотели избавиться, но так, чтобы не доводить напряженную ситуацию до откровенно конфликтной. Решение нашлось. В Чили приехал ТСодовилья, который в результате континентальной кампании солидарности был освобожден из патагонской тюрьмы. Товарищ «Медина» тут же приступил к работе по подготовке свержения военной диктатуры в Аргентине. В преддверии грядущих событий он решил усилить парторганизацию в Буэнос-Айресе испытанными кадрами. В их число был включен Дефрутос.

В первые дни декабря 1944 года, накануне празднования Дня резервиста, оппозиционная организация «Патриа Либре», в которую входили радикалы, социалисты, коммунисты и демократы, решила провести пропагандистскую акцию, направленную против режима ГОУ. Ее поручили организовать «Лео»: захватить небольшой самолет и разбросать над центром

столицы листовки и брошюры антифашистского содержания в самый разгар торжественной церемонии, на которой ожидалось присутствие военной верхушки.

Помимо Дефрутоса в группу входили аргентинские коммунисты Абель Альварес, Хуан Ибаньес, который еще до войны учился в школе пилотов во Франции, и Хосе Кесада — член соцпартии Испании, участник гражданской войны. Главные события развернулись утром 10 декабря в аэроклубе Генерального управления гражданской авиации, в местечке Лаферрер, расположенном неподалеку от столицы. Группа захвата прибыла к назначенному месту на автомашине. Сторож не обратил внимания на гостей, и они беспрепятственно проехали к ангару с учебным самолетом «Флит». Под дулами револьверов перепуганные механики подготовили аппарат к взлету. После этого четверка разделилась: Дефрутос и Альварес заспешили в Буэнос-Айрес, чтобы присутствовать на «авиашоу», двое других заняли места пилотов и стали выруливать на взлетную полосу.

Вся операция заняла не более четверти часа, и казалось, что она «обречена» на успех. Но случилось непредвиденное. После разбега самолет прошел на бреющем полете до конца взлетной полосы и неожиданно плюхнулся на землю, уткнувшись пропеллером в землю. Летчикам далеко уйти не удалось. В ходе допросов полиция установила, что заговор носит международный характер и вполне возможно, что во главе его стоят американцы — сотрудники Гувера из ФБР. Во время допросов среди прочих контактов летчики назвали имя Виктора Дефрутоса.

Вскоре его арестовали. Полиция полагала, что через Дефрутоса удастся выйти на руководящий центр «Патриа Либре» в Буэнос-Айресе, выяснить планы заговорщиков, источники финансирования «подрывной деятельности». Дефрутоса перевезли в Ла-Плату и поместили в камеру Департамента по кражам и бандитизму. Затем его передали в распоряжение полиции общественного порядка. Но пытали его сотрудники «Сексьон Эспесиаль». 14 дней и ночей Виктора Дефрутоса подвергали пыткам электрошоком, после допросов швыряли раздетым на цементный пол холодного карцера, не давали ни пищи, ни воды. Почти два месяца держали его без связи с внешним миром и только после начавшейся в прессе шумихи к нему допустили врача. Он констатировал следы зверских избиений, окровавленные шрамы, паралич левой руки…

Дефрутос сломался, когда понял: если он не заговорит, в живых не оставят. В застенках ГОУ не миндальничали: издевательствам подвергались захваченные с поличным сотрудники американской разведки, не церемонились с агентами

абвера и СД, тем более не было пощады коммунистам.

Через «Отто» добыли подробную сводку показаний Дефрутоса и доставили ее Кодовилье. В доверительной беседе с Григулевичем он посетовал, что Виктор выложил почти все, что касалось партии. Однако о своей коминтерновской миссии и связях с «Артуром» Дефрутос не сказал ни слова, понимая, что малейший намек на связи с Москвой еще больше осложнит его положение.

* * *

«Артур» запросил разрешение Центра на переезд в Монтевидео. Разрешение было получено быстро: в Москве понимали опасность создавшейся ситуации.

Иосиф приехал в порт на Южную пристань, когда начало темнеть. Выкурил сигарету, наблюдая за прибывающими пассажирами, потом поднялся на борт «перевозчика» «Сьюдад Монтевидео». Вскоре убрали сходни. Сирена оповестила об отходе. Буэнос-Айрес, залитый электрическими огнями, медленно уплывал в сторону, расстилая перед пароходом широкую световую дорожку на неспокойной речной волне. Иосиф вспомнил об отце, которого так и не повидал перед отъездом. Он с горечью подумал, что Румальдо настолько немощен, что без посторонней помощи не сможет приехать в Уругвай, чтобы проститься, если Москва решит направить его в другую страну или на другой континент. Иосиф знал, что подобные варианты прорабатываются. Вероятнее всего, проститься с отцом не удастся. После трагической гибели Антонио и его жены в Консепсьоне туда лучше не соваться. Чтобы отвлечься от грустных мыслей, Иосиф произнес-пропел вполголоса:

«В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине…»

Налетел свежий ветер, который загнал пассажиров в каюты. Иосиф устроился во втором классе. По прежнему опыту он знал, что экономить не стоит: каморки третьего класса, расположенные в близком соседстве с пароходной топкой, — настоящие душегубки.

Утром пароход причалил к пристани, неподалеку от которой высилась башня уругвайской таможни. Двери в Аргентину для «Артура» захлопнулись навсегда…

Глава XXVI.
УРУГВАЙСКИЕ «КАНИКУЛЫ»

Беглецы из Аргентины группировались в Монтевидео вокруг газеты «Пуэбло Архентино», которой руководил Родольфо Гиольди (в офисах небоскреба «Сальво»). Другим излюбленным местом беженцев для проведения дружеских и деловых встреч было кафе «Сорокабана». Однако «Артур» выбрал для разговора с Гиольди менее заметное кафе на улице Саранди, чтобы расспросить его о приближающемся восстании в Аргентине, о котором всё с большей уверенностью говорили эмигранты.

«Не строй иллюзий, — посоветовал Гиольди. — Военные контролируют ситуацию. У них, как у Гитлера, есть свое секретное оружие — военный министр, полковник Хуан Перон. Это талантливый демагог, умеющий обращаться с массами. Среди рабочих у него много сторонников. Деньги на подкуп народа у правительства тоже есть. Из тактических соображений Перон с блеском играет либерала. Попомни мои слова: вскоре объявят амнистию, разрешат — в известных пределах — свободу слова, назначат дату президентских выборов. Постараются заключить мировую с американцами. О нацистских увлечениях наших аргентинских вояк в Вашингтоне быстро забудут. У США на горизонте новое соперничество — с Советским Союзом. Опасно отталкивать Аргентину: а если она подружится с Москвой?»

Контрразведывательный режим в Уругвае стал значительно мягче. Все понимали, что до разгрома гитлеровской Германии оставались считаные месяцы. Среди испанской эмиграции царило праздничное настроение: казалось, на далекой родине вот-вот вспыхнет восстание, ненавистный Франко падет и республиканцы смогут вернуться домой. «Артур» встретился с Деликадо, с другими испанскими товарищами и поддался всеобщей эйфории: в Испании ожидаются крупные события. Вот где будет по-настоящему жарко! Вот где потребуются опытные разведчики! Надо обязательно поговорить по этому вопросу с товарищем Рябовым из советского посольства.

* * *

История знакомства Григулевича с Рябовым, он же — «Рене», такова.

Во второй половине мая 1944 года в недавно открытое

советское консульство в Монтевидео пришел невысокий плотный мужчина в потертом костюме и представился:

«Я — Айзик Боткин. Мне нужно поговорить с кем-либо из “ближних соседей”. Можете пригласить?»

Дежурный по консульству никакого понятия не имел ни о Боткине, ни о конспирации и тем более о «ближних соседях». Сладко зевнув, он сказал:

«У нас не приемный день. Приходите завтра. Работа с посетителями начнется в десять ноль-ноль…»

О странном визитере дежурный все-таки сообщил консулу Валентину Рябову, «по совместительству» — резиденту советской разведки в Уругвае, который подписывал шифровки псевдонимом «Рене»[78]. Он незамедлительно проинформировал Москву о «Боткине», и ему ответили, что это, скорее всего, нелегальный резидент «Артур». Рябову сообщили условия связи с ним. Через неделю встреча двух тридцатилетних резидентов — легального и нелегального — состоялась. Рябов представлял Центр и потому выступал по отношению к «Артуру» начальником…

В прошлом Валентин Рябов работал в Эстонии (1939— 1940 годы), потом — в Дании (первые месяцы 1941 года), участвовал в обороне Москвы, несколько лет прослужил в центральном аппарате разведки. О своей командировке в Уругвай узнал за считаные дни до отъезда: в дальний поход пришлось собираться в пожарном порядке. Первые месяцы в уругвайской столице были непростыми: испанского языка Рябов не знал, а работы «по крыше» ему навалили по горло. В резидентуре был всего один сотрудник — сам резидент. Как говорится, и швец, и жнец и на дуде игрец. Под дудой, ясное дело, надо понимать обязанности шифровальщика.

Первые три месяца, когда посольство временно располагалось в «Парк-отеле», консульская нагрузка была терпимой. Но когда оно переехало на бульвар Испания, жизнь резидента «Рене» стала кошмаром: нескончаемые очереди соотечественников, жаждущих вернуться на родину, с утра выстраивались у дверей консульства. Это были русские, белорусы, украинцы, другие братья-славяне, имевшие право на получение советского паспорта. «Район обслуживания» Рябова не ограничивался Уругваем, а включал Бразилию, Парагвай, Аргентину. Ежедневно в консульство привозили на грузовике мешки писем с прошениями.

Рябову была также поручена работа по проведению мероприятий культурно-просветительского характера, направленных на ознакомление уругвайцев с «советским образом жизни». Огромную нагрузку приходилось нести и по наведению

«мостов» с русскоязычными общинами.

Посол Орлов выслушивал мольбы Рябова о выделении помощника, разводил руками и говорил:

«Народу нет. Поэтому терпи, батенька Валентин Васильевич, терпи и радуйся общему патриотическому подъему. Это — славянский отклик на героические победы Красной Армии».

К необычайной активности советского дипломата с возрастающим подозрением присматривались уругвайские власти, да и не только они. Не является ли Рябов тайным координатором по созданию мощного панславянского движения в Южной Америке?..

* * *

Подтвердив личность «Артура», Центр прислал подробный вопросник. В Москве хотели составить исчерпывающее представление о проведенной «Артуром» работе, агентурном аппарате, его информационных возможностях, постановке дела по поддержанию режима конспирации и безопасности в созданной им сети.

«Я регулярно отчитывался, — удивился Григулевич, мало знакомый с бюрократической рутиной разведки. — Пусть в Москве поднимут мои доклады: там есть полная картина того, что удалось сделать».

Рябов пожал плечами:

«Таков порядок. Отчетность — святая вещь. Надо подытожить все аспекты твоей работы в Южной Америке».

«Тогда придется собирать архивы. Они разбросаны. Часть здесь — в Монтевидео, часть — в Буэнос-Айресе, кое-что — в Сантьяго. Было бы идеально переправить их сюда, в Монтевидео, под надежный дипломатический кров. Если наша документация попадет к конкурентам, мирового скандала не миновать…»

«Рене» выслушал устный отчет «Артура». В его организации действовало более двух сотен человек, половина из них — в Аргентине. Вербовки, сбор информации, проведение диверсий, слежка за нацистскими спецслужбами и «конкурентами», пропагандистские акции — не слишком ли много для одного человека?!

Не сдержав эмоций, Рябов воскликнул:

«А ты здесь не скучал. Вкалывал, как стахановец-многостаночник!»

Сравнение рассмешило Григулевича. Именно так, «стахановец»!

С этого и началась «отчетная страда» «Артура». Раз в неделю он приходил на конспиративную квартиру в столичном районе Поситос и стремительным почерком покрывал десятки листов бумаги, восстанавливая шаг за шагом этапы своей разведывательной эпопеи в Южной Америке. Иногда ему самому казалось, что все это совершил другой человек. По большому счету, он переиграл немецких, английских, американских разведчиков. Оставаясь в тени, он знал почти все об их деятельности на континенте. А их усилия локализовать его через двойных агентов, болтунов в компартиях и фальшивых испанских «друзей» ни к чему не привели. И еще Иосиф думал о том, что «война разведок» на континенте велась большей частью любителями. В разведки противоборствующих сторон были рекрутированы сотни человек, и профессионалов среди них было немного. Все учились разведывательному делу «на ходу»…

* * *

На очередной встрече Рябов сказал Иосифу: «Ко мне на прием пришел немец. Говорит, что может помочь в разоблачении “пятой колонны”. Всучил мне вырезки со своими статьями, какие-то документы со свастиками, кучу брошюр. Его имя…»

«Энрике Юргес, — подхватил Иосиф. — Знакомый персонаж! Профессиональный разоблачитель нацистов. Этим он зарабатывал на жизнь, получая гонорары от англичан и американцев. Что ему сейчас нужно?»

«Говорит, что может быть полезным нашим оккупационным властям в опознании и поимке нацистских преступников в Германии. Просит содействия в выезде в Европу».

«Юргес — жулик и мошенник, — рассмеялся Иосиф. — Держись от него подальше. Мне довелось сталкиваться с ним, правда, не напрямую, а через Армандо Кантони»…

Как-то Юргес предпринял попытку «продать» свои разоблачения в КПА. Трудно сказать, кто вручил ему адрес «технического кабинета» партии. Но однажды Юргес пришел к Кантони и заявил, что может написать разоблачительную статью о нацистском подполье в Аргентине. На любую интересующую партию тему.

«Не торопись отказываться, — посоветовал Григулевич. — Я видел его имя в газетах. Может быть, будет полезен как пропагандист. Пусть напишет статью о тайном вывозе стратегического сырья из аргентинских портов в Германию, назовет организаторов этих поставок, их адреса, приведет данные

об их доходах, покровителях в правительстве. Посмотрим, такой ли он осведомленный человек, как говорит».

Через несколько дней Кантони запросил срочную встречу.

«Я видел Юргеса. Он показал мне статью. Три листа машинописного текста через два интервала».

«Интересная статья?»

«Трудно сказать. Мне кажется, что все это я читал раньше. В разных местах. Компиляция, скорее всего. И буйная фантазия».

«Надо было взять для партийных изданий».

«Просит денег».

«Много?»

«Моя двухмесячная зарплата секретаря».

«Готов пожертвовать?»

«Лучше я сам напишу. Бесплатно…»

* * *

Профессиональный мошенник Генрих (Энрике) Юргес прибыл к берегам Южной Америки в 1933 году, «спасаясь от убийц Геринга». По словам Юргеса, нацисты боялись его разоблачений: он как бывший штурмовик знал имена нацистов, принимавших участие в поджоге Рейхстага, и всю интригу с подставой Ван дер Люббе в качестве главного исполнителя.

Сначала Юргес поселился в чилийском порту Вальпараисо, в гостинице «Герцог», владельцем которой был немец. Через день-другой Юргес стал замечать, что отношение к нему в немецкой общине улучшилось: преобладало восторженное подобострастие. Как он и рассчитывал, горничные обнаружили в платяном шкафу униформу «комиссара» штурмовиков и распустили слух: из Германии прибыл большой начальник! С этого все и началось. Обслуживание заметно улучшилось, любое слово Юргеса ловили на лету. Авторитетные члены общины дали в его честь роскошный обед. Воспользовавшись благами, на которые расщедрились немецкая буржуазия, бюргеры и интеллигенция из славного порта Вальпараисо, Юргес отбыл в город Темуко на юге Чили, где на взятые в кредит деньги купил участок земли, завел домашний скот, приобрел широкополую шляпу чилийского ковбоя-уасо и пончо.

Идиллия сельского труда для Юргеса длилась недолго: засада на ночной дороге, выстрелы. Юргес заявил, что нацисты взяли его след и пытались убить. Он «ответил на вызов вызовом»: взялся за разоблачение нацистов. Первым и, пожалуй, самым громким его делом стало «раскрытие заговора», направленного на

отторжение Патагонии от Аргентины. Как по мановению ока, появился «подлинный» германский документ о планах захвата. Его факсимиле в марте 1939 года опубликовали многие газеты Буэнос-Айреса. Это было «донесение» в колониально-политическое управление НСДАП, подписанное заместителем «ландсгруппенляйтера» НСДАП в Аргентине Альфредом Мюллером.

«Заговорщиков» арестовали. Были проведены многочисленные обыски. В газетах «Памперо» и «Ла Плата Цайтунг» появились статьи, в которых Юргеса клеймили «продажным борзописцем». В аргентинские газеты была направлена официальная информация посольства Германии о том, что Юргес — матерый уголовник и мошенник, которого на родине собирались судить за серьезные преступления. Тем не менее выдумкам Юргеса в Аргентине поверили. Когда в парламенте была создана Комиссия по расследованию антиаргентинской деятельности, в числе первых свидетелей был приглашен именно Юргес[79].

Покушения на него не прекращались. Возник даже слух о том, что Юргес сам организует покушения. Для саморекламы. В Темуко пуля убийцы только «скользнула» по его плечу. Позднее, в Буэнос-Айресе, убийцы тоже не смогли расправиться с ним. Его пытались отравить, заколоть кинжалом, сбросить с двадцатого этажа столичного небоскреба «Каванаг» — Юргес был как заколдованный.

В конце 1943 года Юргеса посадили в тюрьму «Вилья-Девото», а затем вместе с сотнями других «неугодных и потенциально опасных» переправили в Патагонию — в тюрьму Неукен. Заключение не было долгим. Немца депортировали в Уругвай, где он продолжил свои «разоблачения». Однажды Юргеса вызвал шеф полиции Монтевидео Хуан Карлос Гомес Фолье и тихим, почти ласковым голосом пригрозил:

«Мое терпение на исходе. Если ты не прекратишь строчить в газеты, будоражить публику и бегать в американское посольство со своими выдумками о нацистах, берегись! Я найду способ заткнуть тебе рот!»

После этого случая Юргес решил срочно перебраться на европейский континент. И обратился в советское консульство. Разумеется, «Рене» отказался от услуг Юргеса, сославшись на то, что в бюджете консульства нет средств на переброску иностранцев в Европу, даже если они горят праведным желанием помогать Советскому Союзу. А Григулевич подготовил для резидентуры очередную справку под названием «О провокаторах, мошенниках и мистификаторах, предлагающих разведывательные

“услуги” в Аргентине, Уругвае и Чили». Справка «Рене» пригодилась: мошенники в консульство наведывались часто.

* * *

С первой встречи между «Артуром» и «Рене» установились товарищеские отношения. Легальный резидент сам был завален работой по горло и хорошо понимал, какие неимоверные нагрузки пришлось перенести «Артуру» за минувшие годы. При такой усталости, и физической и душевной, не всегда объективная критика из Москвы воспринималась Иосифом болезненно. Иногда между строк шифровок прочитывались предвзятость, а то и недоверие. Сказывалось, конечно, то, что разведка жила по законам военного времени. В 1944 году началась кампания по очистке аппарата от сомнительных лиц, двойных агентов и «липачей», преувеличивающих, а то и просто выдумывающих свои разведывательные успехи.

«Рене» предполагал, что жесткие формулировки исходят от полковника Алексея Траура, начальника 3-го отдела 1-го управления НКГБ, который курировал страны Латинской Америки. Хлопот у него хватало, опытных сотрудников в отделе было наперечет, ведь главные силы разведки были сосредоточены на немецком направлении. «Рене» тоже доставалось от Траура. Куратору казалось, что резидент находится «под влиянием» «Артура». И потому проводил «воспитательную» работу: «Не будьте у него техническим связным, не воспринимайте все в сногсшибательно-фантастическом ореоле, в каком он показывает свои достижения. Он слишком разбрасывался, занимался сразу всеми латиноамериканскими странами, широко привлекал членов братских организаций, часто дублировал работу компартий, брался за проведение диверсий, будучи к этому не подготовлен…»

«Рене» не оспаривал этих мнений — Центр всегда прав! — но последовательно, даже в предвидении суровой реакции, — старался смягчать их разъяснениями, дополнительными фактами и сведениями, которые нередко помогали разряжать ситуацию, корректировать ту или иную необоснованную оценку действий «Артура». «Рене» правильно уловил главную черту характера своего подопечного: при всем своем опыте «Артур» был увлекающимся человеком, которого только подстегивала сложность поставленной перед ним задачи! Он без колебаний брался за трудновыполнимые дела, продумывая эффективные и по-своему эффектные варианты их исполнения. Эти дела с самого

начала отпугнули бы людей расчетливых и осторожных, не желающих рисковать и подставлять себя уничижительной критике.

Рябов мог бы охарактеризовать суть характера Григулевича одним словом — пассионарный, то есть пламенный, горящий за дело, идущий вперед, несмотря ни на что. Но тогда это слово почти не употреблялось.

* * *

Тесно общаясь с Григулевичем, Рябов пришел к мнению, что Иосифу требуется повысить политический уровень. Общая его эрудиция сомнений у резидента не вызывала. Он с восторгом отзывался о всесторонних, почти академических знаниях своего подопечного, а в отношении его политической грамотности некоторые сомнения все-таки были. Понятно почему: в специфических условиях нелегальной работы интерес к трудам классиков марксизма-ленинизма был бы равносилен самоубийству. Однако в дни уругвайских «каникул» «Артур», по мнению «Рене», был просто обязан пополнить багаж политических знаний.

Так и повелось: после подготовки очередной партии отчетов на конспиративной квартире «Артур» брался за комплекты партийных журналов «Большевик», «Мировое хозяйство и мировая политика» и других и погружался в их чтение. По просьбе «Рене» он написал аналитический материал на тему «Аргентина как центр международных противоречий в Южной Америке». На работу ушло три месяца. Когда Рябов прочитал исследование, он пришел в восторг. Это же готовая книга! Не всегда можно согласиться с парадоксальными выводами «Артура», с его языком и стилем. Но материал получился документированным, актуальным и увлекательным! Иосиф использовал в работе множество источников, критически перерабатывая их, связывая единой концепцией. У «Рене» не было сомнений: со временем Иосиф может стать крупным ученым.

* * *

Узнав о предстоящем приезде в Монтевидео «контролера» из Москвы, «Рене» вздохнул с облегчением. Ему надоело отбиваться в одиночку от нареканий Центра. «Артуру» будет полезно «из первых рук» узнать о новых требованиях «конторы» к решению

разведывательных вопросов. По прежним делам ему часто давали «карт-бланш», и он привык к вольготной жизни без какого-либо контроля сверху. Пусть теперь «Тагор» приучает «Артура» к дисциплине и ставит его в соответствующие рамки.

«Тагор» — Иосиф Львович Коген, 34 лет, опытный сотрудник разведки, которого отправили в инспекционную поездку по странам Латинской Америки. Поехал Коген под прикрытием дипломатического курьера. Путешествие выдалось не из легких. Достаточно сказать, что в Мехико он стал свидетелем трагической гибели советского посла Уманского, который должен был лететь в Коста-Рику для вручения верительных грамот. Самолет, в который сел Уманский и группа дипломатов, сразу после взлета рухнул на землю и сгорел дотла.

Прибытие «Тагора» в Монтевидео совпало с разгаром курортного сезона, когда на белоснежных пляжах нежилась под лучами яркого солнца беспечная армия отдыхающих. К тому же 10 февраля начался традиционный карнавал. Полиция, если она и следила за советским посольством в праздничные дни, вряд ли проявляла рвение. Лучших условий для проведения инспекции было трудно придумать.

«Тагор» встречался с «Артуром» на явочной квартире «Арго» — итальянца со звучным именем Марчелло, который к тому времени переехал из района Поситос в пригород Карраско. Новое место было более конспиративным: небольшой уединенный дом с тремя комнатами находился в двухстах метрах от пляжа. Посетители явки выдавали себя за курортников, ищущих пристанище на неделю-другую. Марчелло зарабатывал на жизнь коммивояжером в издательстве «Джексон», которое занималось выпуском (по выражению «Артура») «мебельной литературы» — дорогостоящих энциклопедий и альбомов. Жена и дочь «Арго» считали, что посетители причастны к партийной работе хозяина дома, и непременно заваривали для них «йерба-мате» в «гостевых» сосудах. Обе были домоседками, но не по своей вине, а из-за неизлечимых болезней: у сеньоры Флоры был рак в запущенной форме, а дочь Суанита страдала от частичного паралича левой ноги. Сеньора Флора не раз напоминала мужу:

«Пора возвращаться на родину. Не хочу умирать в Уругвае».

Марчелло сердился, говорил, что она преувеличивает, что не надо вбивать себе в голову «дурацкие бредни» о близкой смерти, и откладывал, откладывал отъезд в Италию, в провинциальный городок Монтекатини, который он и Флора покинули в далеком 23-м году…

* * *

На этой же явочной квартире «Тагор» беседовал с основными помощниками «Артура». Из Чили был вызван «Алекс», из Аргентины приехал «Бланко», «Эктор» — из Бразилии. Не был забыт и уругвайский заместитель «Артура» — «Роке». Были проанализированы архивы резидентуры.

Вскоре «Тагор» сделал благоприятный для «Артура» вывод:

«Это преданный разведке человек, у него есть все необходимые для нелегала данные. Кураторы из Нью-Йорка не баловали его вниманием. За последний год оттуда не поступило ни одного письма. Курьеры “Артура” возвращались в Буэнос-Айрес с пустыми руками. Но он продолжал работу. Из опыта разведки известно: самые лучшие агенты терпят неудачу, если ими не руководят. Чем дольше агент находится вне контроля, тем скорее он теряет интерес к работе. С “Артуром” этого не произошло. Он устоял, хотя соблазнов много: разгул мирной жизни, красивые дамы, рестораны, футбол. Впечатляет его политическая подготовка».

«Над этим я поработал, — сказал без лишней скромности «Рене». — Давал ему штудировать журнальные подшивки».

«Так вот в чем дело, — рассмеялся «Тагор». — Я беседовал с ним и удивлялся. У меня было ощущение, что передо мной передовой советский гражданин, регулярно посещающий политинформсщии».

«Не знаю, понравится ли ваш панегирик в Центре, — усмехнулся «Рене». — Меня “Артуром” постоянно попрекают. Идеализируешь, мол, этого человека, подпал под его караимское обаяние».

«Нет, Валентин, здесь я с тобой не согласен. Работа у нас острая, враг всегда рядом. Лучше переборщить с недоверием, чем проявлять благодушие. Знаешь, от чего надо избавляться “Артуру”? Свою личную порядочность и честность он нередко переносит на других. При всем своем опыте “Артур” слишком доверчив».

«Рене» возразил:

«Основных помощников он выбрал безошибочно. Нет ни перебежчиков, ни предателей».

«Тагор» покачал головой:

«“Артур” проводил операции, на которые профессионалы не пошли бы ни при каких условиях. Самый свежий случай — переброска оперативного архива. “Артур” здорово рисковал!»

* * *

Внешне комбинация, задуманная «Артуром», была незамысловатой. С известным аргентинским врачом и политиком Эмилио Тройсе Григулевича познакомили в 30-е годы, в первый аргентинский период. В конце 1944 года Тройсе жил в Монтевидео на положении изгнанника. По подсказке «Артура» (со всеми приличествовавшими делу объяснениями) Тройсе обратился к уругвайскому дипломату Лукасу Раветго, работавшему в Буэнос-Айресе, с просьбой о содействии в пересылке его, Тройсе, «личного архива» дипломатической вализой. Документы, дескать, могут быть конфискованы военными властями. Лукас с уважением относился к Тройсе и в помощи не отказал. В аппарате МИДа Уругвая работал Гидо — брат Лукаса. Он получил «дипломатический груз» из Аргентины и в тот же день отвез его на квартиру Тройсе. К вечеру архив был вручен его подлинному хозяину — «Артуру».

«Тагор» развел руками:

* * *

«Не знаю, какими словами можно квалифицировать эту операцию: рискованная? Сумасбродная? Гениальная?»

«У “Артура” все получилось, — усмехнулся «Рене». — Я считаю эту операцию гениальной. Лично меня в нем подкупает честность. Отчеты, которые он представил по Д-работе, по разведывательной сети, по финансовым расходам, — все сходится. Самым красноречивым приложением к отчету “Артура” по финансам был его внешний вид: поношенный костюм, довольно-таки истощенный вид. Мотом его не назовешь. Кстати, он недавно принес на явку чемодан книг, просил их передать в качестве подарка молодым разведчикам, которые находятся на подготовке. Понимает, что такая литература в Москве — дефицит. Книги подобраны со знанием: политика, экономика, культура. Надо бы отвезти их в Москву».

«Отвезу, что поделаешь, — вздохнул «Тагор». — Дипломатический курьер обязан возить любые грузы…»

* * *

В этот период Григулевич помогал резидентуре в информационной работе, облегчая тяжкую участь «Рене», служебные нагрузки которого превысили все допустимые нормы.

На встречах с «Рене» Иосиф с жаром обсуждал вопрос о своей

новой миссии. Было ясно, что без серьезного дела он скучал. «Рене» не сомневался, что в будущую командировку «Артур» поедет с паспортом латиноамериканца. За время жизни в различных странах Латинской Америки он великолепно усвоил «туземные» (любимое словечко Иосифа) нравы и обычаи, легко находил общий язык с местными жителями. По внешнему виду он походил на типичного креола: брюнет, слегка вьющиеся волосы, традиционная полоска усов.

Иосиф заявлял о своей готовности поехать в Испанию, потому что именно там — самый боевой участок. Он напоминал «Рене» о том, что на Иберийском полуострове у него есть связи среди товарищей, находящихся в глубоком подполье. Но именно это Москва считала главным препятствием.

«Если Испания отпадает, я не отказался бы от южноамериканских вариантов, — писал Григулевич своим кураторам в Центре. — В качестве стартовой площадки можно было бы использовать Перу, Эквадор, Колумбию, Венесуэлу или Боливию. Для разведки это “terra incognita”. Детальное изучение этих стран, с точки зрения англо-американского соперничества на континенте, необходимо. Вот где я пригодился бы лучше всего»…

Григулевич чуть-чуть лукавил. Конечно, как Центр решит, так и будет. Но Иосиф стремился в страны, которые нередко называют «боливарианскими», и по другой причине. Он всерьез увлекся изучением освободительной эпопеи Симона Боливара и его соратников. Подыскивал книги на эту тему, залпом их прочитывал, делал выписки, намечал для себя направления дальнейших исследований, составил примерное оглавление будущей рукописи о Либертадоре. Однажды ему даже приснился дом, в котором родился Боливар и в котором Иосиф никогда не был. Только видел на иллюстрациях. Но в странной реальности сновидения он свободно прошел по коридорам, комнатам и внутренним дворикам этого дома, постоял у фамильных портретов, всмотрелся в рельефные изображения родового герба и словно наяву увидел юного Боливара, собирающегося на прогулку со своим учителем Симоном Родригесом. В руках альбомы, футляр с карандашами, сумка с водой и провизией… После «оживленного обмена мнениями» Центр решительно высказался в пользу бразильского варианта. «Артур» поедет туда на год-полтора, не больше. Пора готовить легенду прикрытия для будущих миссий. Главная цель операции — подготовка вывода Григулевича в Европу. В Бразилии он прежде бывал — в Рио, Сан-Пауло, Порто-Алегре, португальским владел на хорошем уровне и, слава богу, товарищеских связей с бразильскими «земляками» не поддерживал. В Москве рассчитывали, что в Бразилии «Артур»

избавится от прежней практики «гибридного» нелегала, каким он был в Аргентине: наполовину разведчик — наполовину коминтерновец…

* * *

Иосиф пытался сопротивляться, аргументируя это тем, что Рио — курорт. Почему все-таки не в Испанию, где вот-вот начнет рушиться режим Франко?

Но разве с Центром поспоришь? Пришлось смириться. Впрочем, Рио не был таким уж безоблачным, безопасным курортом.

После провала авантюры Коминтерна по организации социалистической революции в Бразилии в 1934 году советская разведка как бы забыла о существовании этой страны. Репрессии против коммунистов были беспрецедентными. Все имевшиеся в Бразилии контакты оказались потерянными. Доносительство стало образом жизни. В стране правил президент Варгас, маскируя свою «диктаторскую подкладку» демократической фразеологией, почерпнутой из речей Рузвельта…

* * *

В те же дни в Монтевидео приехала Лаура. До парохода ее проводил «Бланко», который был назначен Центром новым руководителем резидентуры в Аргентине. Тогда же Григулевич впервые поднял вопрос об оформлении советского гражданства для себя и Лауры. «Надеюсь, — сказал он «Ре-не» с хитрецой, — что личное знакомство с консулом позволит нам сделать это вне очереди».

«Личное знакомство» не помогло. Если верить публикациям, гражданство супругам Григулевич было предоставлено только в 1949 году.

* * *

Первые месяцы 45-го года были для Иосифа и Лауры относительно спокойным временем. Они несколько раз съездили в курортный городок Атлантида, чтобы побродить по песку, посидеть на берегу океана, выпить бутылочку вина, помечтать о будущем. Это были замечательные дни! Над Европой веяли

мирные ветры, гитлеровский режим агонизировал. В информационных сводках о продвижении советских войск звучали названия пригородов и улиц германской столицы.

Сообщение о падении Берлина и красных флагах на Рейхстаге пришло в Уругвай 2 мая и было встречено с ликованием. В Монтевидео на бульвары и площади стихийно выплеснулись толпы горожан. Праздник победы, разве усидишь дома! Иосиф и Лаура очутились в возбужденной наэлектризованной толпе, которая заполонила авениду 18 июля. Они шли в сторону площади Независимости, всматриваясь в радостные лица, улыбаясь всем подряд.

И тут кто-то негодующе закричал:

«Почему нет советского флага?!»

Другой, не менее возмущенный голос поддержал его:

«Это провокация! Долой нацистов!»

«В чем дело? Что случилось?» — встревожилась Лаура.

Иосиф молча показал ей на флаги стран победителей, вывешенные на балконе здания, где располагалась редакция газеты «Эль Диа». Отсутствовал только один — кумачовый стяг Советского Союза. Обстановка стала накаляться. Несколько человек — импровизированная делегация «от народа» — исчезла в дверях редакции. Вскоре они были силой выдворены из здания сотрудниками «Эдь Диа». У некоторых на лицах были видны кровоподтеки.

«Там засели фашисты!» — закричал кто-то из пострадавших.

И это переполнило чашу терпения манифестантов. В окна редакции полетели камни и бутылки. Студенты выворачивали из тротуаров плитки и превращали их в метательные снаряды. Иосиф схватил жену за руку. Они стали выбираться из разъяренной толпы, которую атаковали конные наряды полиции. Беспорядочные удары резиновыми палками, выстрелы в воздух, клубы слезоточивого газа. На помощь полицейским пришли пожарные: мощные струи воды сбивали людей на землю. В ответ древки плакатов превратились в копья, засверкали ножи, замелькали металлические прутья. Такого сопротивления стражи порядка не ожидали: пролилась кровь. Пронзительно ржали раненые кони. Над толпой летели бутылки: на этот раз с зажигательной смесью. Посыпались стекла разбитых витрин, начались грабежи. Пострадали кондитерский магазин «Американа», книжная лавка «Оливера», парикмахерская «Астро», обменный пункт «Со ренти и Монтесано», кинотеатр «Виктори» и десятка три других коммерческих заведений.

На следующий день депутаты и буржуазная печать дружно обвиняли коммунистов. Полицейский начальник Гомес Фолье в

своем отчете поддержал эту версию, отметив, что «взрыв насилия был неминуем, потому что заинтересованные в нем силы нашли бы другой предлог». Газета «Эль Диа» — первопричина трагических событий — заявила, что беспорядки были организованы «коммунистическими экстремистами, для которых важны только те законы, которые принимает их тоталитарный хозяин в Москве».

«Эта газета ничем не отличается от “Памперо”, — сказал Иосиф. — Все знают, что Советский Союз вынес на своих плечах основную тяжесть войны, потерял миллионы солдат на фронтах, но эти сучьи дети по идейным, видите ли, соображениям не хотят приветствовать СССР в качестве победителя…»

* * *

В этот же день, 2 мая Леопольдо Ареналь пришел на железнодорожную станцию в Вальпараисо, чтобы встретить Гладис. По совету «Тагора» он воздерживался от поездок в Сантьяго, чтобы лишний раз «не мозолить» глаза полицейским и гуверовским агентам. Когда на перроне появилась Гладис и стала оглядываться по сторонам, Леопольдо заспешил ей навстречу. При встречах с ней он испытывал чувство вины, зная, что неумолимо приближается день, когда ему придется покинуть Чили. И там, в Мексике, куда он должен вернуться, чтобы встретиться со своей первой семьей и детьми, ей не будет места.

Леопольдо и Гладис направились в кафе «Рикет». Заведение отличалось тем, что имело два отдельных входа и два зала. В них, по сложившейся в годы войны «традиции», раздельно поглощали сладости члены немецкой колонии и стран союзной коалиции (и сочувствующие каждой стороне чилийцы). В стене, которая отгораживала один зал от другого, была дверь, но она, по негласному соглашению, никогда не отворялась. Леопольд и Гладис устроились в «зале союзников». В тот самый момент, когда перед ними поставили блюдца с пирожными, чей-то ликующий голос выкрикнул: «Немцы капитулировали! Гитлеру — капут! Это — победа!» И тут кто-то из англичан решил поставить «победную точку» в затянувшемся противостоянии в кафе «Рикет». Он бросился к двери в «немецкий зал», распахнул ее настежь и запустил со своей тарелки в сторону «врага» недоеденный кусок торта. Его примеру последовали другие, используя в качестве боевых снарядов изысканную кондитерскую продукцию. Леопольд поддался общему порыву, схватил блюдце с пирожным, чтобы поддержать атаку «союзников». Немцы в долгу не остались,

открыв встречный огонь кусками торта «Сельва негра», «плетенками» яблочных пирогов и шариками мороженого. Перестрелка продолжалась до тех пор, пока не был израсходован весь дневной «боезапас» кафе «Рикет».

Для Леопольдо эта «перестрелка» была, пожалуй, последней операцией против нацистов на чилийской земле. Ему предстояло свернуть коммерческие дела фирмы «Оркред», расплатиться с долгами и подготовить отъезд в Мексику, не привлекая к себе внимания полиции и «конкурентов».

* * *

В июле 1945 года Григулевич вылетел из Монтевидео в Сантьяго для свертывания дел и оформления новой «книжки». Вопрос о замене старого паспорта был более чем актуален. Иосиф считал, что в Аргентине он серьезных «хвостов» не оставил. Но за минувшие годы в недрах полиции всякое могло произойти. Поговаривали о неминуемой реформе полицейских органов, слиянии столичных и федеральных архивов, улучшении координации работы спецслужб и прочих неприятных для нелегалов вещах. От старого паспорта надо было избавляться. Он стал опасен.

Тень самолета вначале скользила по тускло-оранжевой поверхности реки Ла-Плата, потом за иллюминатором появилась бесконечная пампа. Ее оживляли оазисы рощ, изредка мелькали спичечные коробки станций, а иногда, словно перечеркивая небо, возникали серые столбы дыма: это горела трава. Ее выжигали, чтобы земля была плодороднее.

Устроившись удобнее в кресле самолета, Иосиф погрузился в чтение газет, которые купил в Монтевидео. Посол США Спруилл Браден, кажется, всерьез взялся за демократизацию Аргентины. То и дело указывает военному режиму на «непорядки» в стране, на отсутствие свобод, на цензуру печати. Совсем недипломатично выглядели речи, с которыми Браден выступал перед публикой во время поездок в аргентинскую «глубинку». Обличительные выпады американского посла с жаром приветствовала оппозиция, которая воспринимала его как политического лидера, присланного Государственным департаментом. В общественных местах Браден то и дело «срывал аплодисменты» аргентинцев. Их можно понять: любые союзники хороши, лишь бы ненавистный режим пал! Но президенту Фарреллу, без всякого сомнения, подобные экскурсы американца во внутренние дела Аргентины не нравились. «Сильный человек» режима Хуан Перон тоже не

склонил голову перед Браденом.

Григулевич думал о том, что на континенте завязываются новые узлы противоречий и новые конфликты. Теперь Соединенные Штаты претендуют на роль единоличного хозяина в мире. «PAX AMERICANA» — вот она, постепенно вызревающая угроза для Советского Союза. А борьба с нацизмом уже утратила остроту. Казалось бы, только вчера поступил к нему «Приказ № 1». И вот — все в прошлом. Как быстро пролетели эти годы!

Через много лет после работы в странах «Южного конуса» Иосиф Григулевич так оценивал те события:

«В Буэнос-Айресе свободно действовали дипломатические и торговые представительства фашистских держав и их резидентуры, которые опирались на фанатично настроенных выходцев из Германии и Италии. Особенно сильными были позиции немцев. В Буэнос-Айресе обосновались филиалы крупнейших германских фирм — Круппа, Сименс-Шукерта, Маннесмана, Байера и других, а также представительства немецких банков. Выходцы из Германии занимали командные должности в госаппарате, промышленности, торговле, армии и полиции. Немецкая резидентура имела хорошую базу для вербовочной работы.

Конечно, в тот период американская и английская разведки не пользовались покровительством аргентинских властей, но база у них была не менее солидной, чем у немцев. “Конкуренты” использовали свои многочисленные торговые, промышленные, финансовые и прочие фирмы и предприятия, и это позволяло им приобретать агентуру во всех слоях аргентинского общества. Разведчики США и Англии получали всяческую поддержку со стороны своих посольств в Буэнос-Айресе.

Мы были лишены многих “привилегий”, которыми располагали наши противники и союзники того времени, но солидарность, поддержка и помощь антифашистов всегда были на стороне советской резидентуры. Вот почему наша разведка представляла значительную силу и успешно выполняла задания Центра в столь удаленном географическом регионе…»[80]

Глава XXVII.
КАК СТАТЬ КОСТАРИКАНЦЕМ

Подробности этой операции по «документированию» Григулевича долго оставались тайной за семью замками. Действительно, многие «григоведы» гадали о том, каким образом появился у него подлинный паспорт гражданина Коста-Рики и как он ухитрился стать незаконнорожденным сыном почтенного костариканца из города Алахуэла, который умер в 1935 году. Обладание этим документом обеспечило Григулевичу относительно спокойную жизнь «в образе» костариканца до декабря 1953 года. Если бы не указание Центра о «завершении» дипломатической карьеры и возвращении в Москву, кто знает, как долго вращался бы резидент «Макс» в высоких дипломатических сферах Италии и западноевропейских стран, снабжая Кремль секретной информацией из сейфов НАТО и посольств.

Приблизиться к разгадке тайны коста-риканского паспорта помогла книга Хосе Мигеля Вараса «Шлепанцы Сталина»[81]. Чилийский журналист и писатель все долгие годы диктатуры генерала Пиночета провел в Советском Союзе, работая в латиноамериканской редакции «Радио Москвы». Часть его наблюдений и была запечатлена в этой объективной, предельно искренней книге, достоверно отражающей драматическую эпоху «кануна развала Красного континента».

Одна из глав под названием «Формирование академика» посвящена Григулевичу, с которым Варас дружил и у которого неоднократно бывал в гостях. Пытливый чилиец, общаясь с Иосифом, невольно ставил перед собой те же самые вопросы: «Кто вы, доктор Григулевич? Почему в вас больше латиноамериканского, чем русского? Почему вы так досконально знаете Латинскую Америку? Какова ваша реальная, а не мистифицированная жизненная траектория?»

Вот что пишет в связи с этим Варас:

«Его центральноамериканский паспорт, приобретенный в Чили, распахнул ему двери в деятельность иного типа, весьма прибыльную, полностью неожиданную для него… Он вошел в мир коммерции и дипломатии. Сотрудники коста-риканского посольства в Риме воспринимали его как молодого “искателя удовольствий” из хорошей семьи. Не без изумления для себя, Иосиф открыл, что фамилия, вписанная в его паспорт, легко открывает ему двери “соотечественников”».

Мне показалось странным, что Варас написал «центральноамериканский паспорт», а не «костариканский». Почему-то он не захотел упоминать о Коста-Рике. Однако адрес «приобретения» Григом коста-риканского паспорта Хосе Мигель указал конкретный — Чили.

Григулевич впервые появился в Риме «в роли» костариканца в 1948 году. Логично было предположить, что костариканский паспорт на имя Теодоро Боннефила Кастро «возник» в период его активной работы в странах «Южного конуса». В Национальной библиотеке Чили я отыскал несколько тонких брошюр под названием «Список консульских работников» с 1940 по 1947 год, который издавался чилийским внешнеполитическим ведомством. На страничке, отведенной Коста-Рике, неизменно значилось:

«Генеральный консул — Алехандро Ореамуно Борбон».

Только он мог выдать Григулевичу коста-риканский паспорт.

Что за человек был Ореамуно Борбон, доверчивый консул красивой центральноамериканской страны?

Собрать биографический материал о консуле оказалось на редкость трудно. Пришлось обзванивать в Сантьяго всех Ореамуно, расспрашивать, наводить справки. И вот что удалось установить: до того как появиться в Чили, Ореамуно Борбон сделал блестящую карьеру в Национальной армии Коста-Рики. Был личным помощником президента Просперо Фернандеса. Но шумная любовная история прервала карьеру и вынудила отправиться в добровольное изгнание. После долгих странствий он оказался в Чили и со временем был назначен генеральным консулом Коста-Рики. Долгие годы дон Алехандро был дуайеном консульского корпуса. Правительство Чили наградило его орденом Б. О. Хиггинса в степени командор. Однако, пребывая на вершине почета и уважения, дон Алехандро скучал по родине, с которой его разлучила жестокая судьба. Вот почему с такой легкостью он поверил «лирической истории» Грига: незаконнорожденный сын богатого костариканца вынужден жить далеко от родины, чтобы не позорить честь семьи. А тут еще на этого несчастливца навалилась новая беда: во время землетрясения пропали все его документы.

Придумать легенду, которая тронула бы сердце старика, помог Григулевичу один из его друзей. Вот что пишет об этом Варас:

«С помощью друга из Центральной Америки, вечного студента, который жил в Чили, Григулевич провернул хитроумную комбинацию. Они нанесли визит генеральному консулу той страны, родом из которой был друг Григулевича, доброжелательному старому сеньору. Студент часто помогал ему,

приводя в порядок его корреспонденцию и библиотеку. Он представил Иосифа как своего родственника, который с раннего детства жил в Европе, а потом прибыл в Чили с небольшим капиталом, чтобы наладить в городе Консепсьон текстильную фабрику. Там, однако, из-за землетрясения в январе 1939 года он потерял все: дом, в котором жил, имущество, личные документы. И положение стало отчаянным. Как жить без паспорта?»

История, в которой все было выдумано от начала до конца, кроме землетрясения, взволновала доброго старика, и он тут же решил помочь «невезучему соотечественнику».

А вот как эту же историю изложил Юрий Папоров:

«11 декабря 1944 года между СССР и Чили были установлены дипломатические отношения, в Сантьяго прибыло посольство… И “Артур” отправился туда, чтобы передать свою агентуру на связь с разведчиками, прикрытыми посольством. Среди помощников “Артура” был один интеллектуал-костариканец под псевдонимом “Амиго”. Прежде чем передать его на связь, “Артур” сказал “Амиго” о том, что хотел бы получить надежный паспорт… “Амиго” заявил, что посол Коста-Рики — его приятель, только желательно придумать правдоподобную историю. И сам же ее придумал. Перед послом “Артур” предстал как незаконнорожденный сын вполне реального человека…»[82]

* * *

Надо отметить, что исследователи-«григоведы» не раз предпринимали попытки обнаружить следы «возникновения» дипломата Теодора Б. Кастро в архивах Коста-Рики. Пыльные полки с документами 30—50-х годов были просмотрены самым тщательным образом, увы, без существенных результатов. Среди этих исследователей нельзя не упомянуть коста-риканскую писательницу Маржори Росс. Еще в середине 90-х она опубликовала в одной из газет Сан-Хосе статью под названием «Шпион, который выдавал себя за тико»[83].

В этой публикации писательница не без огорчения отметила, что «ангелом-хранителем» Григулевича является пироман, потому что большая часть материалов, посвященных деятельности Теодоро Б. Кастро, погибла во время пожара в здании МИДа Коста-Рики. Росс разыскала соотечественников, с которыми коста-риканский посол общался в Риме. В «коллективной памяти» опрошенных костариканцев Григ сохранился как человек «добродушный, хитрый, проницательный, загадочный». Кто-то считал его выходцем из Бразилии, кто-то полагал, что Теодоро

родился в Уругвае. Были и такие, кто принимал его за полноценного «тико». По мнению Росс, Григулевич был человеком с авантюрной складкой, неординарным, внутренне свободным, щедро одаренным от природы, в котором восхищает то, что он сумел, несмотря на невероятные жизненные препятствия, полностью реализовать себя.

В ноябре 2004 года в столице Коста-Рики состоялось «lanzamiento», — то есть представление читателям новой книги Маржори Росс «Секретное очарование КГБ: пять жизней Иосифа Григулевича»[84]. В архивах различных стран, подшивках старых газет и в малоизвестных публикациях Росс более десяти лет искала информацию о советском разведчике-«костариканце». Нет сомнения, что писательницу в первую очередь интересовал вопрос о личности «студента» или «интеллектуала», который помог Григулевичу в получении подлинного паспорта Коста-Рики. В своей книге Росс назвала имя этого человека: по ее мнению, им был известный костариканский писатель Хоакин Гутьеррес Мангель, который в годы Второй мировой войны жил в Чили и иногда помогал Ореамуно Борбону в консульской работе. Росс не сомневается, что Гутьеррес был «агентом КГБ», что именно он разработал для Григулевича «легенду», с которой тот обратился к генеральному консулу. Это, пожалуй, главная сенсация, ради которой была написана вся книга. Писательница не сомневается, что Гутьерресу принадлежит и «авторство» имени Теодоро Боннефил Кастро. Дедушку Гутьерреса звали Теодоро, бабушку — Боннефил. Фамилия Кастро была выбрана в силу ее распространенности[85].

* * *

О принадлежности Григулевича к советской разведке в странах Южной Америки знали немногие: «Алекс», «Бланко», Кодовилья, Реаль, Гало, конечно, Лаура, возможно, еще два-три человека. Для всех остальных «Антонио» был уполномоченным Коминтерна по специальной работе. Если Хоакин Гутьеррес помог Григулевичу в оформлении «книжки», то, без всякого сомнения, как «эмиссару Коминтерна», который организовывал борьбу с нацистам на континенте и нуждался в безупречных документах, чтобы покинуть Южную Америку после выполнения миссии. Член компартии Гутьеррес не мог поступить иначе.

Хоакин Гутьеррес родился в 1918 году в богатой, по костариканским понятиям, помещичьей семье. Первые жизненные впечатления — банановые плантации, тропическая сельва, синева

Карибского моря. С юных лет он проявлял интерес к острым социальным проблемам, увлекся марксистской литературой и в 1935 году вступил в коммунистическую партию Коста-Рики. Через год уехал в Соединенные Штаты изучать экономику, но серьезные академические материи его не увлекли. Гораздо больше внимания Хоакин посвящал работе в антифашистских организациях и участию в турнирах, организуемых «Шахматным клубом Маршалла» в Нью-Йорке.

Следующую вылазку за границу Хоакин совершил в 1939 году: в Буэнос-Айрес, на Всемирную шахматную олимпиаду. В Европе разразилась война, и расчеты костариканца на премиальную поездку во Францию провалились. Хоакин решил отправиться в Чили, где к власти пришла коалиция Народного фронта, в которую входили социалисты, радикалы и коммунисты. Так в редакции газеты чилийских коммунистов «Эль Сигло» появился Гутьеррес: высокий, веселый, обаятельный. Его поэтические творения были доброжелательно встречены чилийскими критиками, зубастость которых нередко испытывал на себе сам Пабло Неруда. Несмотря на похвалы, Хоакин отложил поэзию в сторону, — в Чили поэтов было столько, что удивить кого-либо талантливыми стихами было трудно, — тем более что на хлеб ими не заработаешь. Пришлось погружаться в прозу жизни. Костариканец в совершенстве владел английским языком, и это помогло в поиске работы. После небольшого испытательного срока Гутьерреса взяли переводчиком в агентство Рейтер.

Однажды поздней ночью, когда Хоакин сидел над очередным переводом, в агентство пришло сообщение о нападении Германии на Советский Союз. Утром он уже принимал участие в антифашистском митинге и первым бросил клич о сборе средств на нужды Красной Армии. («Неужели мы, литературная богема, не соберем нужные деньги на покупку хотя бы одного боевого самолета для Советского Союза»?) В 1942 году Гутьеррес вернулся в Коста-Рику. Его жена Елена Хеорхе де Нассимьенто ожидала ребенка. Надо было думать о том, как прокормить семью, и Хоакин устроился на работу в компанию «Мартин Вундерлич», которая в спешном порядке, по заказу американцев, прокладывала Панамериканское шоссе. В начале 1945 года супруги Гутьеррес вновь оказались в Сантьяго-де-Чили. К этому периоду его жизни и относится эпизод с «книжкой» для Григулевича.

Наверное, в XX веке Хоакин был самым непоседливым «тико», куда только не заносила его судьба: он побывал даже в Китае, где ему поручили работу по переводу трудов Мао на испанский язык.

В 1962 году Гутьеррес отправился в Москву в качестве корреспондента чилийской газеты «Эль Сигло». В этот период (до 1967 года) Иосиф Григулевич был в числе самых близких друзей Хоакина. Откровенные, далеко за полночь, беседы помогли костариканцу объективно взглянуть на жизнь в Советском Союзе, понять его болевые точки. Репортажи костариканца вошли позднее в сборник «Хроники другого мира».

Хоакин опубликовал еще одну книгу с анализом советской действительности — «СССР такой, какой он есть». Содержание ее не назовешь апологией. Хоакин не мог кривить душой, когда видел в советской повседневности факты вопиющего отклонения от общепринятых норм морали, идеологическое лицемерие верхов и пренебрежительное отношение к коммунистическим идеалам значительной части «рабоче-крестьянских низов». Как и Григулевич, Гутьеррес не был диссидентом, даже «внутренним». Он верил, что все трудности преодолимы, что через болезненные процессы трансформации и самоочищения компартия СССР сможет вернуться к первоначальному проекту «общества справедливости».

Гутьеррес и потом несколько раз бывал в Москве. В 1987 году он участвовал в работе форума «Интеллектуалы за мир». В книге Родольфо Ариаса Формосо с материалами к биографии писателя есть фотография 1990 года: Хоакин Гутьеррес на фоне кремлевских стен и мавзолея. Ранняя зима, обнаженная седая голова писателя, напряженный обеспокоенный взгляд из-под таких же седых бровей. Видимо, не то он ожидал увидеть в «перестраивающемся» Советском Союзе.

Писатель относился к тем людям, которые по своему складу не способны к перемене убеждений, даже если «исторические условия» стали «не теми». На вопрос, как он стал коммунистом, писатель отвечал так.

«Я думаю, что я был им всегда. Получилось так, что с самых молодых лет я был близок к партии. Во времена гражданской войны в Испании и фашизма не было никакой другой разумной альтернативы, и потому все крупные интеллектуалы были левыми… Меня с детского возраста восхищал Сандино. Его стяг был красно-черным. Красным был вымпел Дон Кихота, красным — флаг Спартака и таким же — флаг Максима Горького, под которым он мечтал и под которым сейчас покоится. Я всегда шел по жизни под одним и тем же флагом..»

Политические убеждения Гутьерреса не определяли содержание его литературных трудов. В них он, как и всякий подлинный писатель, отражал всю полноту жизни через магический кристалл таланта, пренебрегая идеологическими

схемами. Его романы «Мангровая чаща», «Порт Лимон», «Взглянем друг на друга, Федерико» и другие передают разноголосицу времени, людей и событий. Его короткий роман для детей «Кокори» стал визитной карточкой коста-риканской литературы для всего мира. В Коста-Рике это произведение включено в обязательную школьную программу. Классиков надо изучать. И почитать. Еще при жизни писателя в мемориальном саду у стен Национального театра был установлен его бронзовый бюст.

Генерального консула Ореамуно Борбона Гутьеррес пережил почти на полстолетия. Умер он 16 октября 2000 года. В книге воспоминаний «Голубые дни», изданной за год до смерти, Хоакин написал: «Надеюсь, что красное знамя останется до моего собственного реквиема, первым и единственным знаменем моей жизни…»[86]

Итак, Ореамуно Борбон вручил паспорт улыбающемуся «Теодоро». Через две недели Григулевич с «железной книжкой» гражданина Коста-Рики отправился в Бразилию. Прямого авиарейса из Сантьяго-де-Чили в Рио-де-Жанейро не было, и «Артур» выстроил для себя такой маршрут: до Ан-тофагасты самолетом, затем поездом — до Ла-Паса, оттуда снова самолетом — в Сан-Пауло, и потом — в Рио по железной дороге.

Глава XXVIII.
В СОЛНЕЧНОМ РИО

Прикрытие в Рио-де-Жанейро Иосиф Григулевич, следуя рекомендациям Центра, создал «неброское». Это был книжный магазин, доходов от которого вполне хватало на жизнь преуспевающего буржуа. Два продавца и экспедитор, доставлявший книги из типографий, — вот и весь персонал магазина. Сам «хозяин» вел внешне размеренный образ жизни человека, занятого устройством собственного благополучия. До прибытия в страну представителя Центра «Артуру» было запрещено ведение агентурной работы.

Григулевич был предельно осторожен. Он знал, что правительство тратит огромные суммы на работу контрразведки и полиции. До войны их инструктировали немцы и итальянцы, потом — американцы. Полиция умело разлагала политические группировки оппозиции. Использовались подкуп, угрозы, шантаж, применение грубого насилия, истязания, взятие заложников из членов семьи — «типичные методы гестапо на уровне тропического воображения», так позднее написал об этом Григулевич. Бразилия в те годы «славилась» засильем провокаторов и предателей. О размахе этого явления свидетельствовал, в частности, шаг, на который решился руководитель КПБ Престес: он объявил амнистию мелким доносчикам, если они придут в компартию с повинной. Их было так много, что вне партии они были опаснее, чем внутри, где их можно было контролировать.

* * *

В Бразилии «Артуру» явно не хватало живой оперативной работы. Он не мог неделями и месяцами сидеть просто так, без дела, ожидая, когда его наконец «загрузят». Чтобы заполнить паузу в разведывательной работе, он начал писать книгу о Бразилии (в духе известного произведения Стефана Цвейга). И название подобрал лестное для бразильцев: «Бразилия — страна будущего». Может быть, пригодится для подкрепления «крыши», думал «Артур». Он даже «присмотрел» кандидата для написания предисловия: эксминистра иностранных дел Освальдо Аранхе! В Рио владельцы книжных магазинов, как правило, являются писателями или поэтами. Так что издание собственной книги не

помешает. Это позволит ему войти в круги интеллектуалов, кружки любителей истории и литературы, в которых не редкость высокопоставленные дипломаты и военные.

В середине декабря 1945 года Иосиф неожиданно для «Рене» приехал в Монтевидео и взялся за подготовку отчета о своей легализации и работе в Бразилии. Только перечисление полезных связей (потенциальных «стажеров») в Рио заняло у Григулевича десять страниц. А еще — данные о подготовленных конспиративных квартирах, обзоры о внутренней ситуации в Бразилии, о расстановке политических сил, характеристики на ведущих политиков, детальная информация о деятельности в стране агентов португальского диктатора Салазара.

* * *

Самовольство «Артура» Москве не понравилось.

Полковник Траур, куратор Центра по странам Латинской Америки, направил в Монтевидео телеграмму:

«За какими такими инструкциями “Артур” приехал в Уругвай? С чьего разрешения? Когда он прекратит самочинные действия? Пусть объяснит свои поступки!»

«Рене» протянул «Артуру» послание из Москвы:

«Читай внимательно».

Иосиф насторожился:

«Неприятности?»

«Ты читай, читай…»

Разнос был действительно суровый. Граур отличался тяжелым, почти деспотичным нравом и в таких серьезных вопросах, как соблюдение конспирации, беспрекословное исполнение указаний Центра, дисциплина, ответственность, — поблажек не давал. И он был прав, поскольку «Артур» после работы в Испании, Мексике и особенно Аргентине мог попасть в поле зрения иностранных разведок. Слова Траура походили на ультиматум:

«Наступило время избавиться от прежних романтических привычек. Терпеливое ожидание приезда наших товарищей в Бразилию — тоже работа. Разведчик по сути своей должен быть терпелив».

Были и другие, не менее суровые слова критики.

Первая реакция «Артура» на послание Москвы была очевидной: он буквально опустил руки. Потом, собравшись, Иосиф в свойственной ему манере — быстро, словно считывая возникающие в подсознании фразы, — набросал ответное письмо,

которое завершил словами: «Благодарю Вас за откровенность. Надеюсь, Вашего доверия в мою способность работать успешно я полностью не утратил».

«Рене» понимал, что «Артуру» было тяжело избавляться от привычек прошлого. Новые времена в разведке требовали профессионализма, тесного контакта с Центром, строжайшего отношения к конспирации. За годы войны контрразведывательные службы повысили свою эффективность, в том числе в странах Латинской Америки. Поэтому все значимые шаги разведчиков подлежали предварительному обсуждению и согласованию. Эпоха импровизаций и «карт-бланшей» завершилась! Если «Артур» не поймет этого, его карьера в разведке завершена. В таком, примерно, ключе «Рене» разъяснил другу суть послания Траура.

«Дожидайся прибытия легального резидента в Рио, — внушал «Рене». — Устраивайся, улучшай свое прикрытие, не думай, что твоя бездеятельность будет восприниматься Центром критически. На данном этапе таковы правила игры и нарушать их не следует».

* * *

В эти декабрьские дни Иосиф и Лаура в очередной раз «оформили» свои супружеские отношения в одном из загсов Монтевидео. Мексиканское свидетельство о браке на подлинную фамилию Лауры «устарело» из-за ее перехода на уругвайский паспорт, выписанный на имя Инелии Идалины де Пуэрто-Ньевес. Изменилось имя ее мужа, который стал костариканцем Теодоро Б. Кастро. «Внеочередную» медовую неделю они провели в Пунта-дель-Эсте, отправившись туда на рейсовом автобусе. В курортных городках было полно отдыхающих, в основном аргентинцев, реже — чилийцев и боливийцев. Во все времена, даже в годы войны, есть в мире особая порода людей, имеющая возможность беспечно жить, сытно питаться, комфортно отдыхать и в эгоистичном упоении не думать о судьбах человечества. «Баловни судьбы, — думал «Артур», — коттеджи в Пунта-дель-Эсте, бронзовый загар на Плайя-Брава, коктейли в “Бар-дель-Медано”, развлекательные голливудские фильмы с Элис Фэй и Богартом. Как может нравиться людям такая пустая, бездумная жизнь?»

Иосиф вернулся в Рио в середине января 1946 года. Ехал он не один: Лаура была рядом. За время его отсутствия магазин работал без прибыли. Григулевич провел ревизию и заменил экспедитора. Тот оказался жуликом: воровал книги и сбывал их на стороне.

В списке увлечений бразильцев футбол всегда занимал твердое первое место. «Амурные дела», без всякого сомнения, шли следом. Бразильцы — пылкая, страстная, влюбчивая нация! Но тяга к чтению неизменно оставалась на третьем месте. Особенно быстро раскупались романы и беллетризированные биографии великих людей прошлого. Самым модным романистом был Жоржи Амаду, который прославился биографией Карл оса Престеса «Рыцарь надежды». Моментально разлетались словари бразильских идиоматических оборотов. Удивительно, но тиражи исследований по социологии тоже стремительно расходились. Динамичный, растущий народ ощущал все большую необходимость в самопознании, в самооценке внутренних процессов, во взвешенных прогнозах: что там — впереди?

«Артур» был уверен, что его труд — «Бразилия — страна будущего» — не останется незамеченным, и потому поздними вечерами работал над рукописью. Он завел досье газетных вырезок, часами просиживал в читальных залах. К сожалению, в Национальной библиотеке на авениде Рио-Бранко много времени уходило на поиск нужной литературы. В фонде хранилось не менее полумиллиона экземпляров книг, но каталог был составлен отвратительно. К тому же отсутствовали самые элементарные труды по современной истории Бразилии. Больше Иосифу нравилась библиотека МИДа Бразилии. Там ему хорошо работалось. Всегда можно было обменяться мнениями со «знающими людьми» Итамарати — дипломатического ведомства — о последних событиях в мире и странах Западного полушария. Среди бразильских дипломатов очень немногих можно было отнести к друзьям Соединенных Штатов.

* * *

О приезде в Рио-де-Жанейро советского посольства Григулевич узнал из радиосводки новостей. Потом каждый день он с нетерпением ожидал сообщений о том, что советские дипломаты переехали из отеля в собственное здание. Когда это случилось, Иосиф, выждав неделю, отправился в посольство. Легальный резидент «Нил» знал о пребывании «Артура» в Рио.

Перед «Нилом» стояли сложные задачи, и он очень надеялся на помощь опытного нелегала. Бразилия была для Москвы «неизвестным континентом». О стране, которая обозначалась кодовым словом «Кофейная», там хотели знать как можно больше: о внешнеполитическом курсе правительства Варгаса, об англо-американском соперничестве в стране, о кандидатах в

президенты — бывшем военном министре Дутре и бывшем главе гражданской авиации генерале Эдуардо Гомесе. О степени их ориентации на Соединенные Штаты. Об отношении к развитию связей с Советским Союзом. Особое внимание резидент должен был обратить на связи партии «интегралистов» с аргентинской «военной ложей» ГОУ.

Послом в Бразилию был назначен Яков Суриц. «Нил» относился к нему с предубеждением. В Москве перед отъездом в Рио он наслушался историй о былой близости Сурица к бухаринцам, зиновьевцам и троцкистам. Позже резиденту очень не нравились критические высказывания посла в адрес руководства МИДа СССР. Он считал, что ловкий интриган Суриц пытается подстроить ему ловушку. Жизнь в Бразилии не обещала быть легкой и по другим причинам.

Резидент «Нил» не ошибался, рассчитывая на всестороннюю помощь «Артура». Информация от него поступала точная и своевременная, хотя обнадеживающих сведений она содержала мало. Реакционное правительство Бразилии, не успев установить дипломатические отношения с Советским Союзом, намеревалось… прервать их под любым подходящим предлогом. На мир постепенно накатывалась очередная война — «холодная», оружием которой являлись клевета, измена, предательство, провокация.

«Артур» любил проводить встречи с агентурой в музеях, считая их наиболее безопасными и конспиративными местами в Рио. Бразильские «стажеры» не отличались пунктуальностью, и «Артур» считал, что вынужденное ожидание хорошо компенсировалось созерцанием экспонатов в Историческом музее на площади Марешаль Анкора или Национальном музее в Кинга де Боа Виста. Иногда встречи назначались в Музее изобразительных искусств, и потому «Артур» досконально ознакомился с его экспозицией: *от* живописи колониальных времен до таких современных художников, как Партинари и Селар. Много позже блестящей эрудиции «Артура» удивлялись специалисты, посвятившие изучению бразильского искусства долгие годы.

* * *

Григулевичу довелось наблюдать за развитием «классической» провокации против консула Рябова. Роковую роль в этом деле сыграл «Краткий курс истории ВКП(б)». Произошло это так…

В июле 1946 года «Рене» получил из Москвы срочную шифровку. Ему предлагалось отправиться в Рио-де-Жанейро, встретиться с руководством компартии и договориться об издании в Бразилии «Краткого курса» на португальском языке. Между строк ясно прочитывалось: это поручение ЦК ВКП(б), а инициатива исходит от бразильской компартии.

Прибыв в Бразилию, «Рене» выяснил, что книжные магазины завалены марксистской литературой и что торговали ею без цензурных ограничений. При желании можно было приобрести и «Капитал», и «Краткий курс» по доступной цене. «Рене» так и не понял, зачем бразильским товарищам потребовалось еще одно издание «Курса»: то ли они были заинтересованы в получении финансовой дотации из Москвы, то ли просто хотели в очередной раз продемонстрировать свою идеологическую лояльность.

«Рене» вернулся в Монтевидео, отписался по итогам командировки и шмрузился в рабочую рутину. Ровно через неделю разразилась гроза. Рябову позвонил знакомый корреспондент и сообщил, что в его офис поступила по телеграфу следующая информация из Рио-де-Жанейро:

«Начальник полиции Рио-де-Жанейро Перейра де Лира выступил с разоблачениями в отношении подрывной коммунистической деятельности в Бразилии. Он рассказал о некоем советском дипломате, который посетил Порто-Алегре, замаскировавшись под моряка. Миссия его заключалась в координации подпольной деятельности коммунистов. По словам Перейры, этим дипломатом был Валентин Рябов, личность которого хорошо известна в политических кругах Монтевидео. Установлено, что Рябов в сентябре прошлого года сошел на берег в Порто-Алегре с фальшивыми уругвайскими документами для проведения указанной работы. Последний раз он посетил Рио 23 июля с. г., в тот самый день, когда полиция предпринимала меры для предотвращения (коммунистического) переворота».

Так начался скандал вокруг «моряка Рябова», за которым из своего нелегального укрытия с сочувствием наблюдал Григулевич. Полицейский начальник Рио славился своим «пещерным антикоммунизмом» и часто выступал в жанре «черной пропаганды», используя плохо переваренную полицейскую информацию и подсказки американских друзей. Клевету пришлось опровергать и самому Рябову, и послу Горелкину, который был крайне раздосадован мнимым «проколом» разведчика.

Оправдывался «Рене» и перед Центром. Он действительно побывал в Порто-Алегре в начале 1944 года, когда направлялся к месту работы в Уругвай. В этом бразильском порту, в ожидании

парохода на Монтевидео, он восстановил связи с активистами ВОКСа, получил материалы невинного содержания о деятельности славянской колонии в Бразилии и, конечно, не скрывал своих встреч с местными руководителями бразильской компартии, которые хотели поприветствовать представителя великого Советского Союза.

Позднее «Рене» не раз вспоминал о бразильском скандале. Сомнений у него не было: поводом к полицейской провокации послужила его активная работа с соотечественниками:

«Из-за отсутствия нашего представительства в Бразилии в то время мне пришлось обслуживать по консульской линии всех наших сограждан в регионе. За моей подписью в Бразилию шли сотни писем с анкетами по гражданству, формулярами и рекомендациями. Ничего “противозаконного” в этом не было. Однако проверка этой переписки на предмет криминала доставляла, видимо, много хлопот бразильским спецслужбам. Вот мне и стали вменять в вину “вербовку” бразильцев в советское гражданство!»

Инцидент привлек к Рябову излишнее внимание уругвайских властей и прессы, и потому через некоторое время он был переведен в Аргентину, где открывалось советское посольство…

* * *

Командировка «Артура» в Латинскую Америку завершилась в ноябре 1947 года. Семья Кастро покинула Рио-де-Жанейро вскоре после разрыва советско-бразильских отношений. «Артур» закрыл книжный магазин. Он поместил несколько объявлений об оптовой распродаже книг в газетах, чтобы оставить след, который позже можно будет легко проверить. Ну а соседи Теодоро и Инелии Идалины считали, что обаятельные супруги уезжают в Европу из-за пережитой ими семейной трагедии: скоропостижно скончался их полугодовалый сын Хосе. У него было больное сердце. Там, вдали от Бразилии, они постараются найти покой, если это будет возможно.

* * *

Москва встретила семью Григулевичей пургой и морозом. Поселили Григулевичей в служебной квартире в центре столицы. «Московская пауза» в разведывательной работе Григулевича длилась около полутора лет. Иосиф и Лаура испытали все тяготы

скудной послевоенной жизни. Иосиф вглядывался в усталые лица москвичей, их поношенную одежду, жалкие авоськи с продуктами и чувствовал себя неловко, замечая недоброжелательные взгляды. Его принимали за сытого преуспевающего иностранца.

Не слишком понятно складывались его дела с курирующим отделом разведки. Пришлось писать подробные отчеты за весь период пребывания в Южной Америке с декабря 1940 года. Скорее всего, это была очередная проверка. Нет ли разночтений в том, что писал Григулевич раньше и что пишет сейчас? Потом начались «собеседования» с начальниками разного ранга и уровня.

В эти зимние дни в кабинете Павла Судоплатова на Лубянке Григулевич после многих лет разлуки вновь встретился с «Томом» — Наумом Эйтингоном. О прошлом почти не говорили, возможно, потому, что в кабинете не было еще одного человека: Рамона Меркадера, который отбывал свой двадцатилетний срок в «Черном замке» — тюрьме Лекумберри.

Из беседы Григулевич понял, что «зубры» разведки не напрасно присматриваются к нему. С 1946 года генерал-лейтенант Судоплатов возглавлял службу «ДР» (диверсия и террор), которая проводила специальную работу за рубежом против врагов Советского государства. К началу 1948 года работа по этой линии велась с серьезными перебоями. Министр МГБ Абакумов предпочитал не рисковать и отменял «акции» одну за другой, часто по рекомендации Сталина. Сотрудники службы «ДР» находились «в простое», и, по свидетельству Эйтингона, «приходилось выдумывать работу, чтобы занять их делом». По мнению Григулевича, тогдашняя «безработица» в рядах «ДР» «спасла» его от включения в состав группы[87].

В период московской «передышки» Иосиф написал о Бразилии разрозненные заметки, своего рода страноведческие зарисовки. Вот фрагменты из них.

* * *

О взяточниках:

«Бразилия — это страна древнекитайского бюрократизма. Любое ходатайство приобретает там сумасбродные размеры. Учреждения часто дублируют друг друга, в госаппарате царит сплошной хаос.

За 15 лет диктатуры Варгаса появилось такое количество противоречивых декретов и законов, что, в итоге, все можно, но все запрещено, и чиновник выступает в роли могучего демиурга,

от прихоти которого зависит судьба любого дела. Поэтому никто не стесняется взяточничества. Следует давать взятку не только для совершения какой-либо нелегальной операции, но и для успешного продвижения самого законного вопроса. Не подмажешь, не поедешь! К Бразилии можно применить стихи Пушкина:

“Там все продажно: законы, правота,
и консул и трибун, и честь и красота”.

Когда я въезжал в Бразилию по железной дороге из Уругвая, начальник таможни, внушающий уважение своими сединами, спросил меня:

“Что в чемоданах?”

Я ответил, что личные вещи.

Чиновник не открыл ни одного чемодана, и весь багаж пропустил без осмотра. Я поблагодарил его. После этого нам пришлось около часа ожидать поезд. Моя жена посоветовала дать этому чиновнику на чай за его любезность, но мне было неудобно — у человека такая почтенная благородная внешность, что мне казалось: это будет оскорбительно. Словно угадав мои сомнения, ко мне подошел его помощник и шепнул:

“Сеньор, если вы хотите дать 'gorgeta' (на чай) начальнику, то не стесняйтесь…”

А тот стоял в стороне и приветливо мне улыбался. Тогда я вынул 50 крузейро, свернул их в ладони трубочкой, подошел к нему и, протягивая деньги, сказал:

“Разрешите поблагодарить за вашу любезность”.

Деньги растворились в ладони начальника таможни, и он тут же заверил, что будет рад и впредь услужить мне…

Для получения официального медицинского свидетельства в Рио мне потребовалось бы несколько месяцев, так как на их выдаче работает всего три врача, а просителей — сотни. Чиновник из МВД предложил мне раздобыть свидетельство через неделю, за мзду в тысячу крузейро (50 долларов). А вот портье санитарного департамента запросил вдвое меньше и обещал сделать справку за три дня! Конечно, я сговорился с портье…

Для получения свидетельства из Министерства финансов об уплате налогов (оно необходимо для выездной визы) обычно затрачивается до полумесяца. Дав взятку, я получил свидетельство на следующий день. Для получения выездной визы я сунул взятку полицейскому чиновнику и вместо трех дней затратил пятнадцать минут на всю процедуру. И так далее, *ad infinito».*

О специфике жизни в Бразилии:

«Бандитизм — характерное и весьма сложное явление

провинциальной жизни. Вооруженные банды *cangaceiro* — грабителей и профессиональных разбойников — особенно многочисленны на Северо-Западе. Обычно им покровительствует местный политический воротила *{coronet)* или какой-либо влиятельный фазендеро, на имущество которого бандиты обязались не посягать в обмен за укрывательство. Даже из Рио в Сан-Пауло редко кто решается ехать автомобилем в одиночку, тем более без оружия.

Из всех эмиграции в Бразилии наиболее заметна итальянская. Без всякого сомнения, больше всего итальянцев в Сан-Пауло. Они вездесущи — от сельскохозяйственных рабочих до буржуазных слоев. Во втором поколении от итальянца остается только фамилия, любовь к макаронам и музыке. Но в третьем даже это исчезает. Так перерабатывает Бразилия другие нации.

В стране, несмотря на весь прогресс, распространены такие страшные болезни, как чахотка, сифилис и проказа. Имеется около 100 000 официальных прокаженных, а сколько их не зарегистрировано? Сифилис — это национальная болезнь, и о ней говорят также спокойно и открыто, как мы о насморке. Не удивительно, что аптечное дело имеет колоссальные доходы. Чего-чего, а в Рио аптек хоть завались, и все они торгуют, как балаганы во время ярмарки. Я еще не встречал такого бразильца, который не делал бы себе инъекций от какой-либо болезни. В аптеках почти всегда наталкиваешься на очереди страдальцев, дожидающихся “укольчика”. И врачи пользуются этой слабостью, прописывая инъекции даже тогда, когда они не нужны.

Газеты в Рио расхватываются, как горячий хлеб. Спрос превосходит предложение. Выходят они неритмично, в разное время, и тираж их ограничен из-за нехватки бумаги. Добыть газету — это самая настоящая мука, приходится вставать в 6—7 часов утра и мучиться в очереди. Это единственное место, где взятка не поможет.

Национальным блюдом считается фейжоада. Ее подают в большинстве ресторанов (обычно по субботам и понедельникам). Состоит она из кусков свиной головы, сваренных с черными бобами, рисом, фарофой (маниоковой мукой) и еще какой-то приправой из тропических растений. После первой фейжоады с непривычки обычно заболевают, но огорчаться из-за этого не стоит. “Крещение” фейжоадой — необходимое условие погружения в бразильскую жизнь, особенно для разведчика, чтобы не терял бдительности».

Глава XXIX. КОМАНДИРОВКА В ИТАЛИЮ

Два документа из архива КПСС:

«Москва, 15 октября 1948 г.

Заявление Иосифа Ромуальдовича Григулевича.

Я работаю в органах советской разведки 12 последних лет. В прошлом неоднократно ставил перед моим руководством вопрос о вступлении в партию. Однако длительное пребывание за границей на положении нелегала, а затем война, в годы которой я работал за кордоном, не позволили разрешить этот первостепенный для моей жизни вопрос. Хотя за эти годы я не числился членом партии, но фактически всегда считал себя большевиком, смотрел на мою работу с партийной точки зрения и относился к ней как к ответственному партийному заданию.

Прошу принять меня в ряды ВКП (большевиков)…»

«ЦК ВКП(б), тов. Маленкову Г. М.

Тов. Григулевич Иосиф Ромуальдович обратился в парторганизацию Комитета информации с просьбой принять его кандидатом в члены ВКП(б).

Тов. Григулевич И.Р., 1913 г. р., ур. Литвы. По национальности караим, гражданин СССР. Начиная с 1928 г. он вел активную политическую работу сначала в комсомоле Литвы и Польши, затем в компартиях Франции и Аргентины.

Будучи в 1936 г. в Испании привлечен к работе советской разведки, т. Григулевич с тех пор выполняет наши разведывательные задания за границей. За время работы в разведке т. Григулевич зарекомендовал себя преданным СССР и партии товарищем, смелым и решительным разведчиком. В ближайшее время он вновь будет направлен за границу с разведывательными заданиями. В силу того, что т. Григулевич в течение последних лет постоянно находился в конспиративных условиях и был связан с весьма ограниченным кругом советских товарищей, просим Вас разрешить рассмотреть вопрос о приеме т. Григулевича кандидатом в члены ВКП(б) на парткоме Комитета информации, минуя первичную парторганизацию, и на общих основаниях, а не как выходца из братской компартии.

(П. Федотов) (М. Лявин)

… май 1949 года».

* * *

На годы, проведенные в Италии, пришелся пик разведывательной карьеры Иосифа Григулевича. Его работу на Апеннинском полуострове не раз называли «высшим пилотажем нелегала». Приобретение костариканского гражданства было блестящей оперативной импровизацией Григулевича. У суперагента советской разведки было несколько вариантов перевоплощения: он мог получить «книжки» чилийца, уругвайца, аргентинца, а при желании — боливийца или эквадорца. Но судьба предопределила, что он стал костариканским послом в Италии, ни разу не побывав в самой Коста-Рике.

Григулевич (новый псевдоним «Макс») отправился в Италию с паспортом на имя Теодоро Боннефила Кастро в середине 1949 года и вместе с ним — его неизменная спутница Лаура под именем Инелии Идалины (псевдоним «Луиза»).

Въехали они в страну по туристическим визам и поселились в скромной гостинице неподалеку от центра Рима. Предстояло создать прикрытие, обеспечивающее финансовую независимость и свободу действий. В те годы латиноамериканцы, которые пытались завести свое дело в Европе, были редкостью. Наоборот, европейцы стремились в далекие сытные страны «нового» мира. Свой переезд из Бразилии в Италию супруги Кастро объясняли сугубо личными обстоятельствами — смертью сына. Связей в стране у них не было. Поэтому проблему легализации пришлось решать «с нуля». В Центре рассчитывали на разведывательный опыт «Макса», его уникальную способность находить выход из любых затруднительных ситуаций.

Вскоре после прибытия в Рим супружеская пара нанесла визиты в консульства Коста-Рики и Уругвая. Уругвайский консул оказался человеком внимательным и контактным. Через свои связи в полиции он «пробил» для латиноамериканской четы разрешение на постоянное проживание в стране. Потом оформил Теодоро Кастро на работу в консульство в качестве секретаря, но, конечно, номинально. У консула был свой меркантильный интерес. Он знал, что предприимчивый костариканец собирается открывать свое коммерческое дело, и рассчитывал на паевое участие в его бизнесе. Консул особым чутьем чувствовал: у этого человека дела пойдут успешно.

* * *

Крыша коммерсанта! В то время она надежнее всего

обеспечивала свободу передвижения по Европе. «Холодная война» была в разгаре, государства ужесточили эмиграционное законодательство, пограничники и органы правопорядка отлавливали нежелательных иностранцев. А к этой категории относились многие: коммунисты, нелегально пробирающиеся в СССР и страны за «железным занавесом», пособники нацизма, профессиональные преступники, деклассированные элементы, авантюристы — искатели приключений.

Чем мог торговать коммерсант из Центральной Америки в Европе, чтобы «быть в образе» и не слишком привлекать внимание? Чем-нибудь традиционным, например бананами, кофе, какао.

«Макс» остановился на кофе. С бананами слишком много возни — скоропортящийся товар! А вот торговля кофе — в самый раз. Небольшие партии «золотых зерен» из Коста-Рики и других стран Центральной Америки претензий у конкурентов не вызовут, но рентабельными будут: продукция экзотического происхождения всегда идет хорошо. В Италии после дефицитов военной поры можно было рассчитывать на то, что мешки с ароматными зернами не залежатся.

С этого и началась операция по налаживанию крыши в Италии. Вначале «Макс» отыскал поставщиков из Центральной Америки, потом «организовал» пробную партию кофе. Первыми компаньонами стали уругвайский консул (через подставное лицо) и итальянец — бывший военный, ветеран войн в Эфиопии и Греции. Неудачный поход воинства Муссолини на землю Эллады оставил майора без левой руки, что в условиях экономического кризиса обрекало его на безработицу и социальную деградацию. Предложение «Макса» войти «в долю» майор воспринял как спасение.

Через майора зарегистрировали фирму в местных органах, подыскали помещение для конторы, арендовали склады, наняли технический персонал, организовали автомобильный «парк»: легковая автомашина для директора Теодоро Б. Кастро, трофейный немецкий грузовик для переброски товара из портовых городов в различные пункты на территории страны. Для придания большего размаха делу «Макс» периодически приглашал из Уругвая в качестве контрагента одного из бывших членов своей разведывательной организации «Шербо», владельца экспортно-импортной фирмы. «Коммерческо-методическая» помощь уругвайца была полезной. Он помог «Максу» с приобретением клиентуры не только в Италии, но и во Франции. Были заключены прибыльные сделки, на счет в банке потекли деньги, хотя и не столь большие, как мечталось советскому

нелегалу. Он помнил, как его предупреждали в Москве: «Наша служба не такая богатая, чтобы сорить деньгами. Средства на обзаведение тебе дадим. Но потом, кровь из носу, переходи на самообеспечение».

В номенклатуру товаров, которыми торговала фирма Кастро, помимо кофе входили швейные машинки, химические продукты, автопокрышки, рыбные и мясные консервы. Сфера действия фирмы распространилась на несколько стран, и «Макс» старался сдерживать коммерческую «экспансию», убеждая совладельцев в том, что рост объема импортно-экспортных операций будет съедать прибыль, не оставляя средств на жизнь. Жить плохо совладельцы не хотели и соглашались с директором.

* * *

Связь с Центром была на первых порах нерегулярной. «Максу» дали возможность окрепнуть «экономически», обзавестись полезными контактами, вжиться в итальянскую среду. Встречи с курьерами проводились в Вене и Париже.

* * *

По просьбе «Макса» часть его заработка пересылалась отцу. Резидент в Буэнос-Айресе организовал вручение денежных переводов через «Бланко». Несколько раз тот ездил в Консепсьон-де-Уругвай, чтобы навестить старика. Ромуальдо был тяжело болен. Врачи предполагали, что у него запущенная язвенная болезнь или рак почек. В начале апреля 1950 года состояние Ромуальдо резко ухудшилось. Вмешательство хирургов не помогло, — метастазы расползлись по внутренним органам. Отец Григулевича умер 20 августа в городской больнице, не приходя в сознание. Похоронили его в колумбарии на муниципальном кладбище. Ниша была оплачена безымянным переводом из Италии на срок до 2000 года…

* * *

В октябре 1950 года в Италию приехала группа политических деятелей из Коста-Рики. Некоторых из них привела в Рим не политика, а коммерческий интерес. Состоятельные люди, владельцы кофейных плантаций и товарных запасов «золотого

зерна» подыскивали в Италии надежного коммерсанта. Среди приезжих особым апломбом и гордой статью выделялся бывший президент Коста-Рики Хосе Фигерес, Дон Пепе, авторитетная для костариканцев фигура. Его сопровождали экс-министр Франсиско Орлич и Даниэль Одубер, костариканский посол во Франции. Почетные консулы Коста-Рики, — а их было в Италии около десятка! — встретили влиятельных гостей хлебосольно: приемы, банкеты, званые обеды. И вот кто-то из консулов вспомнил о Теодоро Б. Кастро. Ведь он — именно тот человек, которого ищут Фигерес и его спутники. Преуспевающий коммерсант, к тому же — соотечественник! Для него в кофейном бизнесе секретов нет!

Телефонный звонок, прозвучавший в офисе, был для Григулевича неожиданностью. Времени на консультации с Центром не было, и он, не без некоторых колебаний, решил рискнуть:

«На костариканской “родине” я никогда не был, мое знание этой страны основывалось на популярных путеводителях и информации, почерпнутой из бесед с двумя-тремя “соотечественниками”. Существовала опасность, что я покажусь Фигересу подозрительным и меня начнут проверять. С другой стороны, вечно бегать от контактов подобного рода было бы несерьезно и, тем более, подозрительно. Я решил поехать на встречу…»

По легенде Кастро имел склонность к экстравагантным поступкам, «раскованному образу» жизни и — одновременно — интерес к научной деятельности. Кастро и впрямь поразил костариканцев своей эрудированностью, гибкостью мышления, взвешенностью оценок. Узнав подробности «биографии» «Макса», Фигерес воскликнул: «А мы с вами дальние родственники! Именно так! Ваш покойный отец приходился племянником мужу тетки моей матери! Как сложна и запутанна наша жизнь: только сейчас я узнал о вашем существовании. Где вы пропадали все это время?»

Теодоро Кастро сделал драматическую паузу и «признался»:

«Я — незаконнорожденный сын. Это всегда вызывает проблемы в семьях. Я не хотел подводить отца…»

В беседах тет-а-тет с Орличем Фигерес удивлялся тому, что о Теодоро так мало известно на родине, ведь это — «незаурядный, масштабно мыслящий человек, которому всегда найдется место на ответственных государственных постах» Костариканцев поражало, что их соотечественник, ни разу не бывавший на родине, так хорошо знает ее историю, географию, культуру, так проницательно комментирует внутриполитические события (с обязательными «комплиментами» в адрес Дона Пеле). Позже

Орлич расскажет Григулевичу, что Фигерес «на всякий случай» наводил справки о нем в Италии, Бразилии и Уругвае, но ничего компрометирующего в прошлом своего «торгового представителя» не нашел. А торговым представителем Фигереса Кастро стал после двухмесячного, почти ежедневного общения, совместных поездок по Италии, изучения конъюнктуры итальянского рынка кофе, дегустации местных вин и бесконечных разговоров о политике Отношения «Макса» с экс-президентом приобрели близкий, почти дружеский характер. «Дальние родственники» даже перешли на «ты».

Итак, Теодоро Б. Кастро стал соучредителем торговой фирмы, занимающейся реализацией в Европе костариканского кофе. Фигерес был хитрым, далеко не сентиментальным человеком, но в Теодоро поверил и распорядился направлять в его адрес мешки с кофе «под честное слово», без расписок и лишних формальностей. С помощью Кастро Фигерес распродал имевшиеся у него кофейные резервы, присылая ежемесячно по 300—350 мешков стоимостью до 50 тысяч долларов за партию. Костариканский кофе постепенно вошел в Италии в моду. Десятки и сотни аппаратов «кафе-эспрессо» заправлялись ароматным молотым порошком. Рекламный девиз, придуманный «Максом», звучал так: «Кофе из Коста-Рики обогатит твои мечты». А мечтать хотелось: Италия постепенно оправлялась после войны, зажиточных людей становилось больше, и чашечка кофе из далекой Коста-Рики напоминала, что «все возвращается на круги своя»…

Довольно быстро Григулевич стал специалистом в кофейной теме. Один из ветеранов советской разведки вспоминал, что однажды Иосиф принял участие в импровизированном конкурсе бывших нелегалов «на скоростное» написание трактата на тему «Кофе». Победителем конкурса, естественно, оказался Григулевич. Импровизированное «жюри» признало сочинение Грига «лучшим очерком о кофе в советской литературе»[88].

* * *

В отчеты, направляемые в Москву, нелегальный резидент изредка включал «исторически-аналитические комментарии» о процессах в Коста-Рике, чтобы курирующий сотрудник лучше ориентировался в проблемах «не приоритетной» для интересов Советского Союза страны. Политическая лексика того времени была конфронтационной, категоричной, в духе «холодной войны». Так, «Макс» характеризовал Коста-Рику как «искусственно

созданную страну, которой США пожаловали роль нации». По мнению нелегала, «империализм проявил определенное джентльменство к Коста-Рике потому, что она является в основном “белой страной”, в которой почти нет метисов: у власти находятся потомки испанских пришельцев».

«Макс» критически отзывался о Фигересе, называя его властолюбцем, который жесткой рукой управлял страной после победы в гражданской войне 1948 года. Воевали с одной стороны правительственные войска, с другой — повстанцы Фигереса. «Правительство Теодоро Пикадо пыталось мобилизовать свою армию против мятежа, но случаи измены, дурного планирования операций, почти карнавальная путаница между теми и другими открыли дорогу сторонникам Фигереса на Сан-Хосе. Это была война в истинно костариканском стиле, где обе стороны пытались предотвратить прямое столкновение. Были сделаны миллионы выстрелов, но потерь оказалось немного[89], — писал Григулевич. — Министр обороны Рене Пикадо — родной брат президента — бежал из страны, продав все оружие противнику. Плохо обученная правительственная армия, состоявшая из членов “Вангуардия Популар” (компартии) и голодных крестьян, не смогла оказать сопротивления силам вторжения, в которые входили владельцы кофейных плантаций, надсмотрщики и управляющие, студенты и интеллигенты, добровольцы-авантюристы из других стран Центральной Америки. Их поддерживало посольство США, Карибский легион и правительство Гватемалы. Вторжение рекламировалось американскими газетными агентствами как “священная война против коммунизма”».

Дона Пепе нередко называли «революционным прагматиком». Его резко критиковали и справа («Он же явный коммунист!») и слева («Фигерес — явный нацист!»). Для финансирования своей революции он не гнушался брать деньги у самых консервативных слоев Коста-Рики и не отказывался от военной помощи Соединенных Штатов. Тесные отношения Дон Пепе поддерживал и с командованием Карибского легиона, созданного для того, чтобы «вести борьбу» с диктаторскими режимами в Центральной Америке.

После двух лет правления Фигереса президентскую ленту возложили на грудь Отилио Улате. Дон Пепе ушел в тень, планируя, впрочем, возвращение к власти: в этот раз через демократические выборы. О перипетиях внутриполитической жизни в Коста-Рике «Макс» узнавал от «соотечественников», прибывавших в Италию все в больших количествах. Очень много для понимания процессов в Коста-Рике Григулевич вынес из бесед

с писателем Хоакином Гарсией Монхе, редактором журнала «Репертorио Американо». По мнению писателя, режим Отилио Улате почти не отличается от «действующих» латиноамериканских диктатур в Чили, Колумбии и Доминиканской республике: демократия ограничивается, коррупция разъедает государственный аппарат, реакционные католические лидеры с полуфашистским направлением мыслей определяют общую атмосферу в стране. Мракобесие — в моде, страна словно возвратилась к средним векам. Армия была распущена Фигересом, зато появились более многочисленная Национальная гвардия с офицерами, обученными американцами в зоне Панамского канала, и тайная полиция, руководимая «советниками» из ФБР. Улате установил тотальный контроль над страной: тайные агенты проникают всюду, пресса контролируется, людей выбрасывают с работы при малейшем подозрении. Но Улате, по словам Гарсии Монхе, тоже контролируется людьми Фигереса, которые хозяйничают в конгрессе, в правительстве, в экономике. Даже личный секретарь президента — человек Фигереса!

О кризисной ситуации в Коста-Рике говорили и другие гости хлебосольного коммерсанта Теодоро Б. Кастро. Экономика страны — в глубоком застое. Крестьяне снова возвращаются в полурабское состояние. Уклонение от уплаты налогов стало всеобщей практикой. Владельцы кофейных плантаций хранят деньги «под подушкой» или в зарубежных банках. В казне нет средств на содержание правительства. Большое недовольство костариканцев вызвало решение Улате о возврате немецким владельцам с нацистским прошлым большей части их земель, конфискованных в годы Второй мировой войны. Многие в стране рассматривают это как попытку сблизиться с боннским правительством. Чтобы пополнить казну, Улате передал «Юнайтед фрут компани» большие земельные участки на западном побережье страны, разрешил компании «Стандарт ойл» проводить поиски нефти на границе с Панамой. Народ все больше охватывают антиамериканские настроения. Война в Корее у костариканцев не пользуется поддержкой. Добровольцев в армию США среди них не нашлось…

* * *

Кофе любили и в Ватикане. Кастро передал мешок отборного зерна для личного стола Пия XII. Подарок не остался незамеченным. На костариканца обратил внимание принц

Джулио Пачелли, нунций Коста-Рики при Святом престоле, а по родственной линии — племянник папы. В первой же беседе Кастро и Пачелли нашли точку соприкосновения: коммерция! Пачелли был алчен и пользовался своим дипломатическим статусом для осуществления различных финансовых махинаций. С его помощью «Макс» продал Ватикану первую партию кофе по льготной цене (с солидным наваром для Пачелли) и затем стал постоянным поставщиком папского престола.

Так, шаг за шагом советский резидент осваивался в Ватикане. Быть принятым папой римским считается особой честью в католических кругах Запада. За годы своего пребывания в Италии Кастро 15 раз лобызал перстень на сухонькой руке Пия XII. Наверное, не было в Ватикане структур, в которых не появились бы у «Макса» устойчивые контакты. Даже в полицейской службе Ватикана — конгрегации «Святого отдела» — Кастро считали «своим» человеком. Шеф этой службы, кардинал Боргончини Дука, был в восторге от степени проникновения «светского человека» в глубины католической доктрины и преподнес Теодоро Кастро свое «Исследование относительно точной даты рождения Христа».

Нарушая хронологию повествования, скажем, что Кастро лишь однажды был удостоен беседы наедине с Пием XII. Это произошло после возвращения его из Парижа, где он участвовал — в качестве дипломата Коста-Рики — в работе VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Папа римский обратился к Кастро с просьбой прокомментировать итоги столь представительного форума. Григулевич вспоминал позднее:

«Я ответил ему следующим образом. Русские ведут себя очень уверенно и пользуются успехом у многих делегаций, поскольку выступают против неприкрытого колониализма западных держав. В частности, они разоблачают имперскую политику англичан на Ближнем Востоке, которая неизменно пользуется поддержкой Вашингтона. Парадоксально, но две ведущие западные страны все больше дискредитируют себя среди малых наций и народов! Советский Союз при любой возможности заявляет о своем стремлении к миру, а западные государства используют воинственную лексику, угрожая вооруженным противостоянием “красному блоку”. Создается впечатление, что Запад смертельно боится русских. Как следствие, общественное мнение склоняется в пользу СССР…»

Выслушав речь Теодоро Кастро, папа римский сокрушенно покачал головой:

«Печальные новости, сын мой. Положение складывается серьезное. Наша беда не в недостатке силы, а в моральном

кризисе, который переживает западная цивилизация. Новая мировая война может принести только беду и никакого утешения страждущему человечеству…»

Однако это были только слова. Пий XII без колебаний включился в «холодную войну», призывал к «крестовому походу» против коммунизма. Как писал позднее Григулевич, папа «мучительно переживал тот факт, что в годы войны в рядах Сопротивления установились дружественные связи между коммунистами и католиками, которые продолжали свое сотрудничество в правительствах национального единства после разгрома фашизма. В сближении католиков и коммунистов, в их стремлении вместе бороться за мир и социальный прогресс, за преобразование общества на более справедливых социальных основах Пий XII видел угрозу влиянию католической церкви»[90].

В своей монографии «Папство. Век XX» Григулевич, характеризуя Пия XII, воспользовался оценками лиц, лично знавших папу римского. Конечно, Иосиф соотносил их со своими наблюдениями с «натуры», и потому «мозаичный портрет» оказался предельно объективным. Резидент «Макс» не без уважения относился к интеллекту Пия XII. И был в этом не одинок. Достаточно сказать, что английский писатель Грэм Грин считал папу одним из наиболее просвещенных умов западного мира в XX столетии. Близкие к Пию XII люди единодушно называли его знатоком классической музыки и литературы, талантливым дипломатом-миротворцем. Он обладал высокой работоспособностью. Его помощники изнемогали от множества срочных дел, которыми заваливал их папа. Подлежащие рассмотрению дела привозили на утренние доклады на двух или трех тележках. Свои выступления Пий XII готовил сам и нередко лично печатал их на портативной машинке. Готовя свои доклады, Пий XII знакомился с литературой по той или иной теме, подбирал нужные ему факты и компоновал текст, включая в него подходящие цитаты из Библии. Свои проповеди и энциклики папа римский заучивал наизусть. Когда он говорил, одухотворенное его лицо, достойное кисти Эль Греко, вызывало священный трепет у присутствующих. Литературно-религиозное наследие Пия XII превышает 20 томов!

Пий XII был умерен в еде, не употреблял спиртное, не курил. Он почти не улыбался и тем более избегал смеяться при публике. Любимым его занятием в редкие минуты досуга были одинокие прогулки по дорожкам загородной резиденции Кастель Гандольфо. Папа римский не любил советов, в какой бы форме они ему ни высказывались. Это воспринималось им как высшая форма бестактности. Лицо Пия XII становилось непроницаемым,

почти враждебным. Человек, допустивший подобный промах, как правило, вычеркивался из списков лиц, имеющих право на аудиенции. По мнению Григулевича, каких-либо пороков или слабостей за Пием XII не водилось, если не считать его глубокой привязанности к своей экономке — немецкой монахине Паскуалине Ленерт. Он познакомился с ней в начале 1917 года в одном из швейцарских санаториев. Монахиня работала медсестрой. С избранием Эудженио Пачелли папой Паскуалина поселилась вместе с ним в его покоях.

* * *

Но вернемся к Фигересу.

Отношения «Макса» с ним достигли такой степени доверительности, что экс-президент Коста-Рики предложил своему «коммерческому партнеру» стать его политическим представителем в Европе. Фигерес намеревался вернуться к власти путем демократических выборов. В 1948 году он занял пост президента в результате кровопролитной революции, во многом благодаря американской помощи. Но времена изменились, и демократически избранные президенты котировались в США чуть больше, чем диктаторы.

Из всех возможных «разработчиков» политической предвыборной программы Фигерес предпочел Кастро. И «кофейный бизнесмен» написал ее, руководствуясь тезисами, полученными от Дона Пепе: «Долой империализм, в том числе американский! Долой коммунизм любого типа, в том числе московский! “Да” проведению всесторонних социальных реформ!» Эти четкие пункты были по душе простым костариканцам. Опираться на свои силы, довольствоваться тем, что есть, не встревать в чужие споры — это мудрая национальная традиция. А реформы нужны, чтобы «выпустить пар из котла» и ослабить классовую напряженность, порождающую «гидру коммунизма». Программа, подготовленная Кастро, Фигересу понравилась, и она была одобрена в несколько «откорректированном виде» на съезде Партии национального освобождения.

«Моя программа привела Фигереса к власти в 1953 году, — говорил Григулевич. — А он отплатил мне черной неблагодарностью. Пост вице-президента я так и не получил!»

В то время дипломатические отношения между Италией и Коста-Рикой поддерживались в неполном объеме. Итальянский посол в Сан-Хосе был, а вот интересы Коста-Рики в Италии были представлены на уровне консула. Чтобы упрочить свое положение

в Риме, Григулевич с санкции Центра предпринял шаги по переходу на дипломатическую службу Коста-Рики. Впервые на такую возможность намекнул Теодоро сам Фигерес: он хотел отблагодарить своего римского друга за оказанные услуги. Перспектива использования «костариканской дипломатической крыши» приятно будоражила Григулевича. Он был так уверен в назначении, что за несколько месяцев до него сшил себе фрак. В разговорах с Лаурой на эту тему часто шутил, «признавался», что согласился на пост исключительно из карьерных соображений, поскольку личность президента Улате симпатий у него не вызывала. Мнение свое Иосиф основывал на оценках знакомых костариканцев: Улате — человек со слабым характером, очень внушаем и к должности президента подготовлен плохо. К тому же ходят упорные слухи, что Улате «обожает красивых юношей». Конечно, вполне может быть, что политические противники пытались таким образом скомпрометировать президента. Но слухи на пустом месте не рождаются…

До 1950 года Коста-Рика имела в Европе только одно полноценное посольство — во Франции. В других странах действовали генеральные, почетные и просто консулы, жившие «за свой счет». В казне небольшого государства не было средств на содержание дипломатов за границей. В начале 1951 года МИД Коста-Рики учредил еще одно посольство — в Испании, причем посол Антонио Фасио «совместительствовал» в этом же качестве в Англии и Италии. В июне 1951 года Фасио вручил верительные грамоты чрезвычайного и полномочного посла президенту Италии Луиджи Эйна-уди. Фасио представил Теодоро Б. Кастро президенту и направил вербальную ноту в МИД о его назначении исполняющим обязанности поверенного в делах. Вскоре Кастро получил из Сан-Хосе дипломатический паспорт первого секретаря и на его автомашину прикрепили дипломатический номер. В официальном справочнике МИДа Италии о членах дипкорпуса, который обновлялся каждые полгода, появилось имя Теодоро Б. Кастро.

* * *

Во второй половине 1951 года «Макс» с помощью Центра провел большую работу по созданию опорных точек разведки в Западной Европе. Одна из них была открыта в Швейцарии, куда, по рекомендации Григулевича, был переброшен из Буэнос-Айреса «Бланко». Маневр этот был своевременным: военная контрразведка Перона настойчиво искала членов «советской

разведывательной сети» и ее неуловимого «хефе», считая, что он продолжает действовать в Аргентине.

Между тем Кастро с подачи Фигереса становился все более популярной личностью в Коста-Рике. «Соотечественники», находившиеся проездом в Италии, считали своим долгом познакомиться с человеком, о котором с восторгом отзывался сам Дон Пепе. В числе наиболее уважаемых Кастро костариканцев был архиепископ Виктор Мануэль Санабрия. Отношение к нему на родине было, как сейчас говорят, неоднозначным. Многие приходские священники, иезуиты и члены религиозных орденов считали его «пособником» коммунистов, «сумасшедшим», «недопустимо радикальным» пастырем.

Санабрия выступал за перемены в церкви, поощрял сотрудничество католического профсоюзного движения с левыми партиями. Своей примирительной проповедью Санабрия освящал прогрессивные социальные реформы в стране. При его непосредственном участии была осуществлена земельная реформа, поставлена под государственный контроль аристократия кофейных плантаций, вводились ограничения на некогда безраздельную власть «Юнайтед фрут компани».

Во время пребывания Санабрии в Риме Кастро старался быть рядом с ним. Архиепископ с горечью рассказывал о спорах, которые вызывала его религиозно-реформаторская деятельность в высших сферах Ватикана. Для Кастро это было откровением: в Ватикане становилось все неспокойнее, эта, казавшаяся монолитной и непробиваемо реакционной религия искала пути к модернизации, усовершенствованию, большей смычки с реалиями мира. Для Кастро было очевидным: эти процессы необходимо изучать.

* * *

«Макс» арендовал под представительство Коста-Рики первый этаж роскошного пятиэтажного дома 24 на площади Саллустио. Можно себе представить, с каким скрипом согласился Центр на эти траты. Но в Сан-Хосе «патриотический порыв» Кастро оценили благосклонно: этот человек не жалел личных средств, чтобы достойно представлять свою страну! Президент Коста-Рики Отилио Улате в теплом письме поблагодарил «Макса» за самоотверженное исполнение гражданского долга.

Вскоре в МИД Коста-Рики одна за другой полетели дипломатические депеши из Рима, подписанные именем и. о. временного поверенного. Усилия Кастро нужно было поощрить, и

специальным правительственным декретом ему было назначено жалованье в 150 долларов в месяц. Даже президент Коста-Рики получал всего на 60 долларов больше. Нужно сказать, что дипломатический статус лишил Кастро права заниматься коммерцией. Он прекратил свое участие в фирмах, которые с таким трудом создавал. Не отказался Кастро только от негласного контроля над фирмой в Милане. Еще бы, с ней плодотворно сотрудничала фирма «Карибе Коста-Рика Лимитада», которую основал Даниэль Одубер. Управляющим фирмой являлся Франсиско Орлич.

В переписке с Сан-Хосе Кастро при любой возможности напоминал о своих амбициях. Разве он не заслуживает повышения в дипломатическом чине? Разве не крепнут костариканско-итальянские связи благодаря его, Кастро, усилиям? Разве не делает он все возможное для сближения с Югославией, которая готова закупать все излишки произведенного в Коста-Рике кофе?

Чтобы «пробить» назначение «Макса» на пост посланника в Италии, Центр направил в Коста-Рику Лауру. Личная поездка Григулевича в Сан-Хосе была признана нецелесообразной, поскольку могла привлечь внимание агентов ЦРУ, которые все активнее внедрялись в страны Центральной Америки. Причиной была Гватемала: прогрессивное правительство Якобо Арбенса создавало условия для аграрной реформы, экспроприации банановых плантаций «Юнайтед фрут». Формальное обоснование для поездки Лауры было «серьезным»: присмотреть земельный участок, на котором будет возведен дом. Не всегда же семья Теодоро Б. Кастро будет скитаться на чужбине.

В Сан-Хосе Лаура, изображая состоятельную даму, остановилась в фешенебельном «Гранд-отеле» на Театральной площади. С первым визитом она отправилась к Офелии, супруге нового министра иностранных дел Коста-Рики Фернандо Лары Бустаманте. Не так давно семья министра находилась в Риме и была принята четой Кастро по самому высокому разряду. «Работа», проведенная «Луизой» в Риме с Офелией и женами других костариканских «ответработников», не оказалась напрасной. Не лишними были и роскошные подарки, привезенные из Италии.

В марте 1952 года Лауру принял президент Улате. Потом последовали встречи Лауры с министром иностранных дел Ларой Бустаманте и другими высокопоставленными лицами — Франсиско Орличем, Одубером и, конечно, Фигересом. Вскоре президент Улате подписал необходимый декрет, а в МИДе подготовили верительные грамоты и дипломатический паспорт №

2026 на имя Теодоро Б. Кастро. Если бы знал Улате, антикоммунист до мозга костей, что его дипломатический «выдвиженец» в Италии является одним из асов советской разведки! Улате любил повторять: «Борьба против коммунизма является наиболее важным делом как в Коста-Рике, так и в других странах». Это Улате предложил построить на тихоокеанском побережье страны базы для вооруженных сил ООН (читай, США), участвующих в корейской войне: «Нам надо думать о будущем и быть готовым к любым ситуациям». Когда же его спросили, подразумевал ли он под этим мировую войну, Улате уточнил: «Я имею в виду войну против России».

Лаура направила полученные документы авиапочтой в Рим, а сама надолго задержалась в Сан-Хосе: ее свалила желтая лихорадка…

* * *

«Макс» вручил грамоты президенту Италии Луиджи Эй-науди 14 мая 1952 года. В соответствии с ритуалом новому послу Теодоро Б. Кастро были оказаны военные почести. У входа во дворец Киринале его встретил почетный караул. В самом дворце «коста-риканского посла» приветствовали рослые кирасиры в живописных мундирах эпохи Наполеоновских войн. Преодолев анфиладу пышных салонов, Кастро был с подчеркнутой теплотой встречен президентом. Кастро вручил ему верительные грамоты, и тот распечатал их и, по своему обычаю, старательно ознакомился с их содержанием. Затем итальянский президент пригласил улыбающегося посла в соседний салон для беседы, в ходе которой затронул тему итальянских иммигрантов в Коста-Рике. Все ли делается для их адаптации в стране, обеспечиваются ли они работой, не возникает ли из-за этого трений с коренными обитателями? Кастро не слишком владел темой, но поспешил успокоить собеседника на этот счет. Итальянцы чувствуют себя в Коста-Рике как дома!

В заключение — официальное фото на память. Потом президент и посол обменялись подарками. Кастро преподнес Эйнауди роскошный кофейный набор, а тот — фотоаппарат в кожаном футляре с дарственной гравировкой. Сейчас он хранится в персональной витрине Григулевича в Музее СВР.

Итак, ряды чрезвычайных посланников и полномочных министров в Риме пополнились новым членом! Одновременно у «Макса» прибавилось работы «по крыше». Внешнеполитическое ведомство Коста-Рики старалось на всю катушку использовать

новоиспеченного посланника в Риме. «Максу» пришлось участвовать в сессиях ФАО, Международной конференции по хлопку, Международном католическом конгрессе по проблемам мира и т. д. Кастро был неизменным участником европейских ярмарок и выставок, где по его инициативе все чаще появлялись стенды с сельскохозяйственной продукцией Коста-Рики. Выделялся сеньор Кастро и своим интересом к научной деятельности. Он читал в Итальянской академии культуры и искусства лекции по истории древних цивилизаций майя и инков, выступал по радио, публиковал в итальянской печати блестящие, преисполненные эрудиции статьи о проблемах Центральной Америки. Нередко его можно было видеть в библиотеке Ватикана. Если бы знали Святые Отцы, какие литературно-научные планы вынашивал усидчивый ученый муж!

Чтобы оставлять посольство в надежных руках на периоды долгих отлучек, в Рим по просьбе «Макса» был переброшен из Уругвая агент «Роке». В годы минувшей войны он был основным помощником Григулевича в Монтевидео. Его постоянное присутствие в посольстве было необходимо и по другой причине: обеспечения безопасности «Макса». За годы оперативной работы Григулевич контактировал с сотнями людей, которые могли что-то знать о его «сомнительном» прошлом, связях с советской разведкой и Коминтерном. «Роке» исполнял роль своеобразного «фильтра» по предварительному изучению посетителей. О каждом из них он докладывал «Максу», и тот решал, давать или не давать аудиенцию. Для некоторых визитеров посол навсегда оставался «неуловимым» и «недосягаемым». Отсюда и возникновение легенды о том, что Теодоро Б. Кастро «манкировал» своими дипломатическими обязанностями, неделями не появлялся в своем кабинете, перекладывая все на плечи сотрудников.

* * *

Послы и посланники из Латинской Америки тесно общались друг с другом, и вскоре «костариканец» был на короткой ноге с каждым. Вот где пригодились энциклопедические познания Григулевича. С мексиканцем Рамоном Бететой он на равных обсуждал тонкости монументальной живописи. С бразильцем Карлосом Альвесом Соусой — проблемы освоения Амазонии. С боливийцем Аугусто Сеспедесом — возможные пути возвращения страны к тихоокеанскому побережью. С перуанцем Раулем Пинто — генеалогию инкских императоров. С парагвайцем Вирхилио Каталди — историю цивилизаторской миссии католических

монашеских орденов. Довольно тесные отношения были у Теодора Боннефила с Анибалом Риосом из Панамы, Амадео Канессой из Сальвадора, Лопесом Родесно из Гондураса.

Успешно развивались отношения с американскими дипломатами. Периодически Кастро вел задушевные беседы с послом США Элсуортом Банкером. В оживленные «обмены мнениями» превращались встречи с разведчиками ЦРУ, которые работали под прикрытием посольства США. «Познавательный» характер носили собеседования с послом ФРГ Клеменсом фон Брентано. Педант и прагматик фон Брентано любил встречи с эмоциональным, любящим крепкую пикантную шутку «костариканцем». И педанты нуждаются в эмоциональной разрядке. Во время визитов к председателю Совета министров Италии де Гаспери, его заместителю и министрам «Максу» удавалось получать важную для советского правительства информацию. Кастро умел расшевелить собеседников. Он очаровывал, «гипнотизировал», мягко втягивал их в дискуссию, в принципиальный спор и в итоге нередко получал доверительную информацию о сложных моментах во взаимоотношениях западноевропейских стран с Вашингтоном, о планах НАТО, о намерениях Рима по развитию отношений с СССР.

Из всех латиноамериканских послов у «Макса» не сложились отношения только с чилийцем Тобиасом Барросом. В годы Второй мировой войны он был послом в Третьем рейхе, дружил с высшими иерархами нацистского режима и был у них в фаворе. Разведчик подозревал его в пособничестве нацистам, создании одной из «нелегальных троп» для бегства гитлеровских преступников в Латинскую Америку. Григулевич не ошибся. Мемуары Барроса, опубликованные много лет спустя, содержали много сочувственных слов о военных, дипломатических и других деятелях рейха, хотя, возможно, автор ставил перед собой только одну цель — быть предельно объективным.

Наиболее представительной фигурой «панамериканской группы представителей» была очаровательная блондинка Клара Буг Люс, сменившая в 1953 году Элсуорта Банкера на посту посла Соединенных Штатов. Она была «царицей бала» на протокольных и иных мероприятиях в Риме. Все знали, что несколько театральных пьес, написанных ею, были поставлены на Бродвее и высоко оценены критикой. Нелицеприятная молва приписывала назначение Бут Люс на высший дипломатический пост в Риме влиянию ее мужа Генри Люса, крупного магната североамериканской прессы, который контролировал журналы «Тайм», «Форчун» и «Лайф». Надо признать, что свои обязанности посла Бут Люс выполняла достойно.

В Госдепартаменте США предпочли бы послать в неспокойную, пронизанную коммунистическими симпатиями Италию опытного карьерного посла, однако «неотразимая блондинка», как выяснилось, обладала железной волей и ни на йоту не отклонялась от стратегической линии США на Апеннинах. Разумеется, иногда она допускала неосторожные высказывания, которые могли быть истолкованы как «вмешательство» во внутренние дела страны, но все это воспринималось почти как должное, американцы вмешивались повсюду. Мир постепенно привыкал к этому…

В книге воспоминаний Барроса, снабженной обильным иллюстративным материалом, есть примечательная фотография с подписью: «1954 год[91]. С очаровательным “послом” США Кларой Бут Люс». На снимке присутствуют Баррос, Клара Бут и… Иосиф Григулевич. Он с еле заметной иронией разглядывает Клару с ее непослушными белокурыми локонами, которые выбиваются из-под кокетливой шляпки, напоминающей ту, в которой бегала по сказочным дорожкам неосторожная Красная Шапочка. Посол Коста-Рики, кажется, не слишком доволен тем, что попал в фотообъектив: повернулся боком, наклонил лицо, оттопырил нижнюю губу, — кто знает, где будет опубликован этот снимок. Как ни маскируйся, а у него узнаваемая внешность: крупная лобастая голова, приметная волнистость волос, намечающийся второй подбородок, полоска ухоженных усов, солидный живот под дорогой тканью двубортного пиджака.

* * *

Ценным источником «Макса» стал отставной американский генерал, крупный бизнесмен, бывший сотрудник военной разведки «Хант». От него, в частности, была получена информация о размещении Соединенными Штатами усовершенствованного атомного оружия на ряде баз в Европе и Азии, о сравнительных американских оценках военных потенциалов СССР и США. Не менее полезным источником был «Нативо» — шифровальщик министерства иностранных дел Италии.

Агента «Хроноса» разведчик приобрел в военной комендатуре Рима. Это был скромный, незаметный служащий. «Макса» он считал французским шпионом. За помесячно выплачиваемое содержание «Хронос» вручал нелегалу документы итальянских военных спецслужб. Схема их получения была, в общем-то, предельно простой. Его двоюродный брат, работавший в одном из

подразделений разведывательной службы вооруженных сил — СИФАР[92], раз в неделю передавал «Хроносу» фотопленки с секретными материалами.

На основе соглашений в рамках НАТО СИФАР должна была координировать работу со специальным центром ЦРУ и получать оттуда руководящие инструкции. Это не нравилось многим итальянским разведчикам. Как выяснил «Макс», в кодовых обозначениях западных спецслужб СИФАР проходила под шифром «Бренно». Техники СИФАР уделяли большое внимание контролю радиотелефонных линий. Почти вся «снятая» информация передавалась в Агентство национальной безопасности США, которое занималось подслушиванием и дешифровкой перехватов.

Не менее пристальный интерес «Макса» вызывал отдел общих и тайных дел МВД Италии. Его возглавлял Джезуаль-до Барлетта, один из бывших главарей ОВРА — охранки Муссолини. Он руководил тайной полицией Италии с 1948 по 1956 год, то есть в самый мрачный период «холодной войны». Под постоянным прицелом Барлетты находились коммунисты, преследование которых поощрялось американскими и английскими спецслужбами. Барлетта тесно сотрудничал с другим «птенцом гнезда Муссолини» — Джузеппе Пьеке, имя которого «Макс» запомнил еще со времен гражданской войны в Испании. Пьеке отличился и в том, что именно он создал органы тайной полиции для кровавого хорватского диктатора Анте Павелича.

Как выяснил «Макс», начальник «пожарной службы» в Риме Пьеке содействовал созданию неофашистских групп, внедрял своих осведомителей в левые организации, вел политическую картотеку на врагов «демократии». Под его негласным началом действовала террористическая организация «Антикоммунистическое движение за преобразование Италии» (МАКРИ), закамуфлированная под религиозное благотворительное общество. Был также создан «антибольшевистский фронт» — вооруженное формирование, в которое вербовались экстремисты с монархическими и фашистскими воззрениями. Боевики «фронта» внедрялись в коммунистическую и социалистическую партии. Они же устраивали налеты и на правоцентристские партии, чтобы приписать их «левым» и спровоцировать репрессии.

Главной задачей спецслужб Италии в тот период было участие в сверхсекретной операции «Размагничивание», которую патронировали американцы. В соответствии с меморандумом Объединенной группы начальников штабов вооруженных сил США от 14 мая 1952 года «ограничение власти коммунистов в

Италии и во Франции является приоритетной целью: она должна быть достигнута любыми средствами». При этом подчеркивалось: «О данном проекте ничего не должны знать ни итальянское, ни французское правительства». Сотрудничество СИФАР — ЦРУ в указанной сфере истолковывалось в спецслужбах настолько вольготно, что микрофоны, установленные итальянскими «водопроводчиками», вскоре появились в кабинетах президентского дворца Квиринала и библиотеке понтифика в Ватикане. «Размагничиватели» решили на всякий случай записывать личные разговоры итальянского президента и самого папы.

К периоду итальянской командировки относится награждение Кастро орденом Мальтийского креста. Сам Григулевич не без гордости рассказывал друзьям об этом эпизоде своей жизни во время товарищеских встреч на квартире, которые обычно приурочивались ко «дню создания разведки», 20 декабря. Ему, конечно, не верили, потому что мальтийских «орденоносцев» в истории России (до демократического переворота) можно было по пальцам сосчитать. Оппоненты посмеивались, когда Григулевич удалялся на минуту-другую в соседнюю комнату (ну, посмотрим-посмотрим, что там придумал этот фантазер), но тут же замолкали, когда Иосиф, важно выпятив грудь, возвращался с Мальтийским крестом на груди.

«Я возведен в рыцарское достоинство, — с деланной серьезностью говорил он гостям. — Так что пользуйтесь возможностью, общайтесь с первым и, наверное, единственным настоящим рыцарем в вашей жизни!»

Один из биографов Григулевича, сравнивая его с вымышленным разведчиком Штирлицем, написал: «Если сравнивать те должности-маски, в которых функционировали на пике своей нелегальной деятельности эти два персонажа, то, согласитесь, штандартенфюрер сильно недотягивает до чрезвычайного и полномочного посла!» По мнению автора, «реальный Мальтийский крест перевешивает все вымышленные награды на груди Штирлица».

С руководителями Суверенного и военного ордена Сан-Хуан из Иерусалима Григулевич сблизился в Риме, где мальтийские рыцари обосновались после Второй мировой войны, чтобы расширить дипломатическое присутствие организации в других странах мира. Кастро сделал все возможное, чтобы представители ордена были приглашены, признаны и обласканы в Коста-Рике, несмотря на все противоречивые слухи, которые ходили о таинственных рыцарях. Для «Макса» общение с членами Мальтийского ордена было своего рода путешествием в историю.

Он знал, что среди рыцарственных кавалеров был российский император Павел Первый, и парадоксальность ситуации с его собственным награждением в очередной раз доказывала Григулевичу: реальная жизнь куда интереснее любых выдумок и фантазий.

* * *

Дипломатическая рутина «Максу» внешне давалась легко. У постороннего наблюдателя могло создаться впечатление, что вся его жизнь прошла на паркете роскошных дворцов. Но это была только видимость. Даже «Макс» с его неисчерпаемой энергетикой переносил нагрузки по разведработе и «крыше» на пределе сил[93]. Здесь бесценную помощь ему оказывала «Луиза». Она была на роли «фигаро» в резидентуре: шифровальщицей, оперативным фотографом, курьером (десятки поездок в Австрию и Швейцарию!). А ведь ей приходилось вести активную «нормальную» жизнь: быть гостеприимной хозяйкой, светской дамой, личным секретарем сеньора.

А вот одна из дилемм, постоянно возникавших у «Макса»: посещать или нет приемы в советском посольстве? А вдруг наткнешься на кого-нибудь из тех, с кем встречался в Литве, Польше, Испании или Советском Союзе? С большим сожалением резидент «Макс» решил «игнорировать» советское посольство, несмотря на получаемые приглашения и рассказы друзей-послов о роскошном угощении на официальных приемах. Для эпохи «холодной войны» его «принципиальная позиция» была более чем похвальной. Надо сказать, что посол М. А. Костылев навел справки о Кастро и убедился, что очень даже хорошо, что этот реакционер, проамериканец и неприкрытый враг Советского Союза демонстративно не приходит на приемы.

Через энное количество лет Костылев по каким-то делам посетил Юрия Жукова, председателя Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами. Костылев забежал на минутку в туалет… и онемел, увидев перед собой невозмутимую физиономию Теодоро Б. Кастро…

Жуков потом не раз со смехом вспоминал вытаращенные глаза Костылева, когда тот влетел в кабинет и с ужасом закричал:

«У тебя, слепец ты эдакий, в комитете окопался матерый агент Ватикана! Срочно звони в КГБ!»

* * *

В августе 1951 года министр иностранных дел Марио Эчанди дал указание о включении Кастро в делегацию, которая прибыла в Европу для участия в VI сессии Генеральной Ассамблеи ООН[94]. Возглавил ее вице-президент страны Альфредо Волио. «Макс» установил с ним дружеские отношения после затяжного пребывания в прославленном парижском ресторане «Максим». Волио был тронут тем, что изысканный ужин в лучших традициях французской кухни сопровождался вином урожая того самого года, когда он появился на свет божий.

Григулевич погрузился в работу Генассамблеи, стараясь не выходить за пределы своих обязанностей «советника». Немалое раздражение вызывали у него фотографы, которые с утра до вечера «увековечивали» события и персонажей VI сессии. Но и ему пришлось выступать публично. В повестку дня среди прочих был включен так называемый «греческий вопрос». В ходе и после гражданской войны в Греции, которая длилась около четырех лет (до 1949 года), не менее 15 тысяч греческих детей было эвакуировано с согласия родителей в страны Восточной Европы. Когда партизанское движение в Греции было разгромлено, прозападное правительство в Афинах стало настаивать на возвращении этих детей, используя все доступные средства: от дезинформации до распространения фальшивок о коммунистической обработке юных «узников», антигуманном обращении с ними и т. п.

По замыслу «кукловодов» из делегации США, одним из выступающих по этому вопросу должен был стать представитель Латинской Америки. В беседе с госсекретарем Дином Ачесоном Альфредо Волио рекомендовал в качестве подходящей кандидатуры Теодоро. «Для тебя это великолепный шанс зарекомендовать себя, — сказал Волио своему «советнику». — Хватит оставаться в тени. Если понравишься американцам, всегда сможешь рассчитывать на местечко в международных организациях».

Ачесон и его сотрудники во время VI сессии старались держать латиноамериканских делегатов на «коротком поводке». Для их обработки использовался обычный арсенал средств: призывы к поддержанию американской солидарности, откровенная лесть, традиционный подкуп «борзыми щенками», приглашения на междусобойчики «отдельных избранных», щедрая раздача обещаний различного рода и т. д. Дин Ачесон нашел время для беседы с Кастро, в ходе которой четко проинструктировал костариканского дипломата, как, сколько и о чем говорить во время выступления.

Кастро выступил с блеском, используя в своей речи

многочисленные цитаты из древнегреческих классиков, Библии, папских энциклик и других авторитетных источников. Он уложился в регламент, произнеся много трогательных слов в защиту детей в послевоенном мире, стараясь избегать только одной конкретной темы — греческих детей. «Это называется плыть между Сциллой и Харибдой, — говорил много лет спустя Григулевич. — Я не мог отказать моему лучшему другу Дину Ачесону, но и забыть о том, что свою зарплату я получаю из кассы Сталина, я тоже не мог».

Красноречие и эрудиция костариканца были замечены, и в кулуарах Генассамблеи о нем заговорили как о «восходящей звезде латиноамериканской дипломатии». Представитель СССР А. Вышинский, выступая по греческому вопросу, тоже упомянул в своей речи костариканского «оппонента»:

«Не скрою, по части красноречия он достиг больших высот. Но как политик он — пустышка. Это просто болтун, и место ему не на этом форуме, а в цирке».

Григулевич встретил Ачесона в коридоре и посетовал на то, что последовал его наставлениям и «подставился» под критику Вышинского, что, мол, негативно скажется на его, Теодора Боннефила, дальнейшей карьере. Клеймо «болтуна и пустышки» не лучшая рекомендация.

Американец снисходительно похлопал костариканца по плечу:

«Дорогой коллега, когда Вышинский кого-то заметит и отругает, то пострадавшему это только придает авторитета. Знаю по себе…»

* * *

Генассамблея в Париже породила много анекдотических ситуаций, участниками которых нередко были американцы. Григулевич не раз вспоминал о «проколах», допущенных ими.

Сенатор О'Коннэли, член политической комиссии сената, особенно «блистал» ограниченностью своих знаний в международных делах. Однажды ему представили министра иностранных дел Чехословакии Масарика. О'Коннэли застыл на минуту, что-то напряженно вспоминая, потом воскликнул:

«Да, да! Именно Масарик! Я знал вашего отца. Боже, каким великим скрипачом он был! А потом, через много лет, он стал президентом вашей страны!»

Собеседник сенатора опешил:

«Извините. Но вы ошибаетесь. Он был не скрипачом, а

великим пианистом. И не в Чехословакии, а в Польше. Его фамилия была не Масарик, а Падеревский. И смею категорически утверждать, что он не был моим отцом».

* * *

По свидетельству Ю. Папорова, в Париже с Григулевичем случился забавный казус, к которому имел отношение Юрий Дашкевич, впоследствии известный латиноамериканист. Формально Дашкевич входил в группу переводчиков советской делегации на Генассамблее, а фактически, будучи майором КГБ, занимался своими оперативными делами, изучая дипломатический персонал иностранных делегаций. В число потенциальных кандидатов на вербовку попал Теодоро Б. Кастро, и Дашкевич, как потом не без сарказма вспоминал Григулевич, «довольно неуклюже» пытался создать ситуацию, которая помогла бы превратить улыбчивого костариканца в агента советской разведки.

* * *

На этой же Генассамблее могла произойти встреча, которая имела бы для «Макса» печальные последствия. Делегацию Израиля возглавлял выходец из Аргентины Моше Тов, боровшийся в 30—40-е годы за создание независимого еврейского государства. В Аргентине он носил имя… Моисей Тофф. Шла «холодная война», политические векторы выстроились в антитезу «восток — запад», и рассчитывать на дружеские отношения полузабытой аргентинской поры было бы слишком самонадеянно.

Иосиф благодарил судьбу, что его «сольное» выступление на VI сессии пришлось на время, когда Моше Тов приболел и отлеживался в отеле. В своих воспоминаниях, изданных в Израиле, Тов упомянет о Генассамблее в Париже и о знакомстве с коста-риканским представителем, который поздно вечером пришел к нему в отель «Ройал Монсо». Этот костариканец собирался выступить в пользу Израиля и хотел уточнить некоторые тезисы, чтобы не ошибиться в аргументации. Визит этот нанес, конечно, не Григулевич, а Альфре-до Волио[95].

Позднее похожая ситуация возникла в Риме. Польским посланником в Италии был человек, который знал Григулевича по работе в революционном кружке в Ковно. «Макс» сообщил о потенциальной опасности в Москву. Прошло несколько недель, и

польский дипломат получил новое — с повышением! — назначение.

Случались ли промахи у «Макса» в Италии?

Без этого не обошлось. Никто не застрахован от промахов, в том числе и нелегалы. Скажем, приходской священник с недоумением комментировал в своем окружении факт отсутствия религиозного рвения у господина Кастро и его супруги. Они не ходят в церковь! Для посла католической страны, имеющего доступ в Ватикан, это непростительно! Странная супружеская чета из Коста-Рики «забыла» крестить недавно родившуюся дочь, ограничилась гражданской регистрацией. Неужели супруги Кастро — атеисты?

Курьезный промах произошел, по рассказам Лауры, на выставке современного искусства. За день до ЧП «Макс» вернулся в Рим из краткосрочной командировки в Вену, где отчитывался по текущим разведывательным делам. На выставке кто-то из знакомых поинтересовался у Кастро, нравится ли ему полотно Шагала, являвшееся «изюминкой» экспозиции. И вот она, сила инерции: Иосиф ответил на вопрос русским словом «нет»! «Мне стало дурно, — вспоминала Лаура. — Что это за профессорская рассеянность! Но Иосиф спохватился, снова сказал “нет” по-русски и уже потом добавил по-итальянски: “Кажется, именно так говорят в стране, откуда родом этот художник”…»

И все-таки хорошо, что он сказал «нет», а не «да». Слово «нет» в русской транскрипции стало в то время почти международным благодаря дискуссиям и голосованию в ООН. Представителям СССР часто приходилось говорить «нет» из-за «машины голосования», организованной американцами из своих многочисленных сателлитов, в том числе из Латинской Америки.

Критическая ситуация возникла однажды у Лауры.

На встрече жен сотрудников латиноамериканских представительств к ней приблизилась дама, оказавшаяся атташе по культуре мексиканского посольства: «Вы мне очень напоминаете одну из моих бывших учениц».

Лаура не потеряла самообладания:

«Я — уругвайка. В Мексике была, но проездом…»

Как тесен мир! Это действительно была одна из школьных учительниц Лауры. Конечно, с тех пор прошло более пятнадцати лет, но Лаура легко узнала свою наставницу. Какое самообладание надо было иметь, чтобы с приветливой улыбкой отрицать почти очевидное:

«Очень сожалею, но вы обознались»…

* * *

Авторы работ о Григулевиче до сих пор спорят о причинах спешного возвращения резидента «Макса» в Москву. Он блестяще выполнял поставленные задачи в сфере своей «разведывательной ответственности». На его оперативном горизонте не было ни облачка: соблюдай «технику безопасности», не высовывайся более того, что соответствует уровню посла небольшой страны, и стриги «разведкупоны». Ценные источники позволяли вовремя узнавать о закулисных маневрах Запада в отношении СССР и его союзников. В Москву почти ежедневно шли шифрованные телеграммы, упреждающий характер которых о действиях проамериканского блока на фронтах «холодной войны» помогал Кремлю ориентироваться в складывающейся обстановке на юге Европы.

И все-таки к концу 1953 года «Макс» получил указание Центра о возвращении.

Существует несколько версий о причинах такого решения.

Первая связана со смертью Сталина. Кончина генералиссимуса сняла «обет молчания» с генерала Орлова, который начал печатать в журнале «Лайф» отрывки из своей книги «Тайная история сталинских преступлений». Первая статья цикла, озаглавленного «Страшные тайны сталинской власти», появилась 6 апреля 1953 года. Сама книга увидела свет осенью того же года. Апрельская публикация как бы дала сигнал о грозящей опасности: трудно было прогнозировать объем и характер разоблачений, на которые пойдет бывший резидент в Испании «Швед». В Центре не исключали, что он может разгласить известные ему имена сотрудников ИНО НКВД, особенно тех, кому поручались ликвидаторские операции за рубежом. Таким образом, вывод «Макса» из Италии был спровоцирован Орловым.

Вторая версия о причинах отзыва «Макса» имеет отношение к плану убийства югославского лидера Иосипа Броз Тито.

«По совместительству» Теодоро Б. Кастро представлял интересы Коста-Рики в Югославии. Во второй половине 1952 года он несколько раз посетил Белград, где установил полезные контакты среди близких к Тито югославских политиков. В одном из отчетов «Макс» сообщил, что существует реальная возможность получения через них аудиенции у югославского лидера. Эта информация заинтересовала Москву, учитывая разгоравшийся «конфликт амбиций» между Сталиным и Тито. В первых числах февраля 1953 года «Макс» был вызван в Вену, где на конспиративной квартире был принят одним из руководящих сотрудников Центра, специально прибывшим в Австрию для проработки вариантов теракта в отношении «Стервятника», то есть Тито.

Результатом этой затяжной беседы стал документ, подготовленный в Москве 20 февраля 1953 года:

«1. Поручить “Максу” добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам “Макс” не будет знать о существе применяемого препарата. В целях сохранения жизни “Максу” будет предварительно привита противочумная сыворотка.

2. В связи с ожидаемой поездкой Тито в Лондон командировать туда “Макса”, который, используя свое официальное положение и хорошие личные отношения с югославским послом в Англии Велебитом, добьется приглашения на прием в югославском посольстве, который, как следует ожидать, Велебит даст в честь Тито.

Теракт произвести путем бесшумного выстрела из замаскированного под предмет личного обихода механизма с одновременным выпуском слезоточивых газов для создания паники среди присутствующих с тем, чтобы создать обстановку, благоприятную для отхода “Макса” и сокрытия следов.

3. Воспользоваться одним из официальных приемов в Белграде, на который приглашаются члены дипломатического корпуса. Теракт произвести таким же путем, как и во втором варианте, поручив его самому “Максу”, который как дипломат, аккредитованный при югославском правительстве, будет приглашен на прием.

Кроме того, поручить “Максу” разработать вариант и подготовить условия вручения через одного из коста-риканских представителей подарка Тито в виде каких-либо драгоценностей в шкатулке, раскрытие которой приведет в действие механизм, выбрасывающий моментально действующее отравляющее вещество.

“Максу” было предложено еще раз подумать и внести предложения, каким образом он мог бы осуществить наиболее действенные мероприятия против Тито. С ним обусловлены способы связи и договорено, что ему будут даны дополнительные указания.

Считали бы целесообразным использовать возможности “Макса” для совершения теракта против Тито. “Макс” по своим личным качествам и опыту работы в разведке подходит для выполнения такого задания.

Просим Вашего согласия».

* * *

Этот документ уникален по авантюрности предлагаемых методов. Они напоминали сюжетные ходы плохих авантюрных романов: смертоносные шкатулки, отравляющие газы, бактерии легочной чумы, бесшумно стреляющие «механизмы». Эдакий гибрид Александра Дюма и Яна Флеминга. Все эти варианты были настолько провальными, что даже при гипотетической готовности «Макса» к самопожертвованию должны были вызвать серьезные сомнения у тех, кто должен был дать «добро» на операцию.

Беседа в Вене оставила у Григулевича тяжелое впечатление. Он знал одно, попытка ликвидации «Стервятника» поставит крест на всех его планах. Другой жизни, о которой он все чаще мечтает, жизни ученого, литератора, публициста, склонившегося над письменным столом, уже не будет. Никогда. Охранка Тито выбьет из него все. А это означает, что без яда не обойтись. Пусть допрашивают бездыханное тело.

Существуют легенды о том, что резидент «Макс» написал даже прощальное письмо, адресованное родным, в котором объясняются причины, побудившие его к совершению террористического акта в отношении Тито. Если операция против югославского лидера прорабатывалась руководством госбезопасности всерьез, а не для ее имитации, чтобы временно «успокоить» Сталина, то можно представить, что чувствовал в те дни и недели Григулевич, настраивая себя на акт самопожертвования. Планируемая операция не давала никакого шанса на спасение. Наверное, Иосиф не раз вспоминал в те дни Рамона Меркадера, обреченного на 20-летнее тюремное заключение. Повторяется та же самая ситуация: Меркадер был последней возможностью разведки, чтобы выполнить поручение Сталина. Сейчас он — Григулевич — является единственно возможным исполнителем: «По своим личным качествам подходит для выполнения подобного задания…»

Какие эти личные качества? Безжалостность? Политический фанатизм? Может быть, абсолютный нигилизм? Пренебрежение к своей и чужой жизни? Душевная опустошенность?

Смерть Сталина в марте 1953 года поставила точку на операции «Стервятник». Григулевичу в очередной раз «повезло», ангел-хранитель не подвел. Аудиенцию у югославского лидера посол Коста-Рики получил 12 мая того же года. В газетах Белграда и Сан-Хосе были опубликованы фотографии, сделанные в ходе этой встречи…

* * *

Третья версия о причинах отзыва Григулевича к нему прямого отношения не имеет. Она связана с действиями Берии по перетряске нелегального аппарата разведки, в ходе которой со всех меридианов и параллелей были «призваны» в Москву сотни агентов, тихо исполнявших свой патриотический долг в самых невероятных местах и под самыми невероятными прикрытиями.

В публикациях российских СМИ промелькнул и такой вариант, объясняющий причину вывода «Макса» в СССР (со ссылкой на высказывание самого Григулевича):

«Меня отозвали потому, что в Центре были люди, которые завидовали моей удачливости».

При этом в публикациях упоминалось, что главным «завистником» был не кто иной, как «Король нелегалов» Александр Коротков[96].

Нет сомнения, что «критика» Грига в адрес Короткова — злостная выдумка недобросовестных сочинителей. В семье Григулевичей всегда с уважением отзывались об Александре Михайловиче. Это свидетельство Надежды Иосифовны Григулевич. Без всякого преувеличения, Григулевич вовремя оставил пост посла Коста-Рики. За долгие годы разведывательной работы он стал слишком заметен. Беда могла нагрянуть неожиданно, главным образом — из прошлого. Многие знали его под иными именами и псевдонимами. Любая фотография «посла Коста-Рики» в колонках светской жизни могла привести к роковым последствиям.

Неприятности вызревают медленно, но если обрушиваются, трудно выбраться из-под лавины живым. Даже в МИДе Коста-Рики с первых шагов дипломатической «карьеры» Кастро против него стали плести заговоры: замминистра, ответственный секретарь и все более многочисленная стайка претендентов на завидный пост в Риме.

* * *

Предлог для ухода с дипломатической службы «Максу» предоставил сам Фигерес. В соответствии с прогнозами он победил на президентских выборах в мае 1953 года и, как это часто бывает у политиков, становящихся вершителями национальных судеб, забыл о тех обещаниях, которые давал «Максу». Послом для особых поручений в Италии и Франции Фигерес назначил Даниэля Одубера. «Макс» был настолько

«поражен» черной неблагодарностью Фигереса, с такой «болью» говорил об этом, что в костариканской колонии в Италии ему сочувствовали все без исключения. В начале декабря 1953 года «Макс» направил в Сан-Хосе телеграмму с просьбой о предоставлении ему длительного отпуска. Недели через две он подал в отставку, мотивируя это необходимостью лечения жены в Швейцарии. После сложных родов она чувствовала себя неважно. Имя для дочери придумал Иосиф: «Она появилась на свет в Риме, мы будем звать ее Романеллой в память об Италии». Но у черноглазой «римлянки» было и другое имя, главное, которое было «зарезервировано» до возвращения в Москву — Надежда. В память о матери Иосифа Ромуальдовича.

Все последующие действия «Макса» были направлены на то, чтобы отъезд Кастро и его семьи не выглядел побегом. «Макс» разыгрывал смертельную «обиду» на президента и своих бывших «клиентов» на родине. Много времени заняли хлопоты по ликвидации имущества: как-никак, значительная часть его приобреталась на казенные средства. «Запасным игроком» в посольстве оставался «Роке». Он должен был продолжить работу «Макса» в Италии и контролировать дальнейшее развитие событий.

Слухи о судьбе четы Кастро в Риме и Сан-Хосе ходили противоречивые: одни говорили, что они поселились на севере Чили (мол, сухой воздух Атакамы был «полезен» Инелии Идалине), другие утверждали, что Теодоро вернулся в Бразилию, чтобы заняться прежним делом — книжной торговлей. Третьи утверждали, что он попался на крупной контрабанде кофе в Югославии и был вынужден «потихоньку» уйти в отставку. Четвертые выдвинули более трагическую версию: вся семья погибла от рук уголовников в Швейцарии или Западной Германии. Самые проницательные, их было немного, не исключали вероятности ухода Кастро за «железный занавес».

Глава XXX.
ТЕПЛЫЕ ОБЪЯТИЯ МОСКВЫ

Семья Григулевичей приехала в Москву в декабре 1953 года.

Их ожидала новая жизнь, о сложности которой они уже имели представление по периоду подготовки к итальянской командировке в 1947—1948 годах. В «постсталинской» Москве было тревожно. Расстрел Берии и его ближайших сотрудников, обвиненных в измене родине и «работе» на целый «букет» иностранных разведок, потряс Григулевича: ведь это были его прямые начальники! Шифровки, которые он направлял из Италии, докладывались в первую очередь этим людям!

Пугающим был неоспоримый факт, что Берия и его «предательская свора» своей судьбой продемонстрировали печальную закономерность. Точно так же были ликвидированы Ягода и Ежов и их «команды». Они тоже были «вредителями и предателями». Неужели так глубоко укоренилась измена в святая святых советского общества — органах государственной безопасности? Или это все-таки были политические расправы?

Не думать об этом Григулевич не мог.

Он был уязвим как нежелательный свидетель. А от таких избавляются. От тяжких раздумий отвлекали бытовые проблемы, которые легко решались в Италии, но в Советском Союзе были чем-то вроде нескончаемого бега с препятствиями. Может быть, к счастью для Григулевича. Надо было думать о крыше над головой, о том, как одеть и прокормить семью. Ведь из Италии, по словам Надежды Григулевич, дочери разведчика, они привезли только носильные вещи, книги и незатейливую кухонную утварь, которая по своему внешнему виду никак не соответствовала прежнему «дипломатическому уровню» главы семьи. По сути, все надо было начинать с нуля. Бывший нелегал «Макс» был переведен в резерв нелегальной разведки, но перспектива его направления в очередную миссию становилась все более призрачной. Сталинские кадры усиленно изгонялись из органов безопасности и разведки. Мимикрирующее в духе «новых веяний» партийное руководство им не доверяло. По всем параметрам «Макс» относился к категории «сталинистов».

Поселилась семья Григулевичей в небольшой, — но своей, наконец-то своей! — квартире в доме напротив кинотеатра «Ленинград» на площади Назыма Хикмета. После настойчивых просьб Григулевича ему помогли с поступлением на курсы в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Вот и вся «знаменитая»

помощь органов в «организации научной карьеры» Григулевича, о которой с таким «разоблачительным» рвением писали в желтой российской прессе его недруги.

После учебы Григулевича направили на работу во Всесоюзное общество по культурным связям с зарубежными странами. Один из его друзей написал об этом этапе: «Такая жизнь с пребыванием “от” и “до” на рабочем месте решительно не соответствовала ни темпераменту, ни способностям, ни амбициям Григулевича. Она не давала ни интеллектуального, ни морального, ни материального удовлетворения»[97].

Накопленные знания, уникальная информация, которую он приобрел во время странствий, привычка к предельным умственным нагрузкам — все это требовало применения и литературного воплощения. Так началась научно-писательская биография Иосифа Григулевича: днем — исполнение служебных обязанностей, ночами — творческая страда за непритязательным столом, который был приобретен на небольшие рублевые премиальные после завершения командировки. Для первой научной работы Иосиф выбрал актуальную для того времени тему. Реакционный католицизм вел неустанные атаки на Советский Союз. Григулевич, изучавший *modus operandi* Ватикана изнутри, пытался не только раскрыть тайные маневры его высших иерархов, но и рассказать о том, как реагирует католическая церковь на вызовы времени, как борется за сохранение своего влияния на верующих, порой солидаризируясь с их стремлением к безопасному и социально справедливому миру.

Лаура во всем помогала мужу, стараясь адаптироваться к сложной московской жизни. С первой же разрешенной «оказией» она послала в Мехико весточку своим родным: «Мы поселились в Москве. Думаю, это надолго. Наши поездки по миру завершились». В середине марта 1955 года написал своей теще и сам Григулевич. Конспирация оставалась в силе, и подпись его под лапидарным текстом весьма неразборчива, что-то вроде Богумила:

«Моя любимая мама!

Хочу от всего сердца поблагодарить Вас за замечательные подарки, которые Вы столь любезно послали мне. Я буду беречь их как самое драгоценное воспоминание. Я никогда не был в Вашей стране, но очень люблю ее и надеюсь, что когда-нибудь смогу посетить ее и познакомиться с нею, как и с Вашей семьей. Если это не удастся, то надеюсь, что Вы навестите нас. Дома мы говорим на испанском языке, и дочка обязательно выучит его. Лаура и я очень любим друг друга. Она мне готовит мексиканские блюда и часто рассказывает о вас. Так что я

чувствую себя полноправным членом Вашей семьи. Посылаем Вам и всем родственникам наши самые теплые приветы».

В 1956 году Григулевич был исключен из резерва нелегальной разведки. Под эпохой зарубежных операций, путешествий и авантюр была подведена итоговая черта. Его привлекали к работе по некоторым делам, связанным с Латинской Америкой, приглашали для консультаций, выступлений перед молодыми сотрудниками, но не более того. Лаура вела индивидуальные занятия по «специализации нелегалов», делилась своим разведывательным опытом с их женами…

* * *

Устроив свои дела в Москве, Григулевич съездил в Вильнюс, отыскал могилу матери на караимском кладбище. Печальное свидание после двадцати с лишним лет странствий. В следующий приезд в Литву Иосиф поставил на могиле памятник, и потом — при любой возможности приезжал навестить мать. Предлогов для поездок было много: встречи с соучениками по гимназиям в Паневежисе и Вильно, друзьями по подполью, сокамерниками по тюрьме Лукишки, а еще решение издательских вопросов. Многие книги Григулевича были переведены на литовский язык.

По странному влечению души, которое он истолковал как «зов предков», Иосиф познакомился с Серая Бей Шапшалом, тюркологом-востоковедом, работавшим в Институте истории и права Литовской Академии наук. Он был гахамом, духовным главой караимов. С первой же беседы между ними возникла взаимная симпатия, может быть, потому, что судьба Шапшала была не менее сложной и извилистой, чем у Григулевича. Достаточно упомянуть, что Шапшал еще до Первой мировой войны по заданию российской внешней разведки работал в Тегеране. Место воспитателя престолонаследника позволяло ему добывать важную информацию о германских и британских интригах, направленных против интересов России в Персии. Иосиф искренне переживал, когда в 1961 году узнал о смерти Шапшала, интеллект и знания которого высоко ценил, как и его вклад в «стратегию и тактику выживания» караимского народа в кровавых мясорубках XX столетия…

* * *

Монография «Ватикан: религия, финансы и политика» была опубликована Григулевичем в 1957 году под псевдонимом И. Лаврецкий, избранным в память о матери. Книга стала убедительной «заявкой» бывшего нелегала на независимое место в ученом мире. Большая часть фактического материала, использованного в этой работе, была введена в научный оборот впервые. Общая концепция книги, выверенная логика мысли, четкий язык, отсутствие начетничества — все это стало откровением не только для историков, но и для массового читателя. Через год эта работа была с блеском защищена Григулевичем в качестве кандидатской диссертации «на общих основаниях». Поэтому неосновательны утверждения о том, что научные степени «присваивались» Григулевичу по указанию КГБ или партийных органов, что он «возник в исторической науке так же внезапно, как Минерва из головы Юпитера».

В середине 50-х годов «начинающий исследователь», которому перевалило за 40 лет, все более активно совершает литературно-научные экскурсы в проблематику Латинской Америки. И. Григ — так он подписывал свои первые «латиноамериканские» статьи. Их охотно печатали толстые авторитетные журналы, в том числе «Вопросы истории». В 1956 году в этом журнале была опубликована коллективная статья под названием «Об освободительной войне испанских колоний в Америке (1810—1826)», подписанная В. Ермолаевым, М. Альперовичем, С. Семеновым и И. Григулевичем. Она стала этапной для развития латиноамериканистики в Советском Союзе, поскольку в ней содержался критический анализ оценок К. Маркса роли и места Симона Боливара в войне за освобождение от испанского колониального ига. Мнение Маркса о Либертадоре строилось на неполных источниках. Но оспорить его в СССР долгое время никто не решался. И вот — коллективная статья! По мнению специалистов, она до сих пор сохраняет свою ценность, потому что «скорректировала» прежде неприкасаемого «классика», нацеливала на преодоление догматизма и начетничества в исторической науке.

Ученые, занимавшиеся проблемами Латинской Америки, тогда не имели своего центра и работали в различных исследовательских центрах и вузах. «С появлением Григулевича в латиноамериканистике подуло свежим ветром, — вспоминает один из его друзей. — Он с ходу взялся за поиски талантливых молодых ученых, создание неформальных творческих коллективов, публикацию тематических сборников по различным аспектам жизни Латинской Америки. От него всегда веяло оптимизмом. Он умел воодушевить, подбодрить, “пробить” тот

или иной, казавшийся невероятным проект в “инстанциях”. В научных кругах за ним закрепилась кличка “Танкист”. Наверное, потому, что в “атаки” на партийную и научную бюрократию он часто шел впереди, прикрывая собой, как броней, отстающую “пехоту”».

В июне 1960 года Григулевич перешел на работу в Институт этнографии АН СССР в сектор Америки, Австралии и Океании на должность старшего научного сотрудника.

Престижные издания все чаще заказывали ему статьи о Латинской Америке, что вызывало ревность тогдашних признанных знатоков далекого континента. Авторская плодовитость Григулевича казалась невероятной тем ученым мужам, которые «служили, тянули лямку, делали карьеру» в науке. Можно сказать, что Латинская Америка всегда оставалась главной творческой «любовью» Грига. Его сокровенной мечтой было создание Института Латинской Америки в структуре Академии наук. Известно, что он рассчитывал возглавить его. По свидетельству ученого Э. Дабагяна, Григулевич «писал бесчисленные реляции и ходатайства в высокие инстанции, обосновывая необходимость создания подобного специализированного учреждения, учитывая международную конъюнктуру того времени. Мечта эта сбылась лишь наполовину. Институт был учрежден в 1961 году. Правда, директором Григулевич не стал».

«С подачи» всемогущего М. Суслова Григулевича решительно отодвинули в сторону. Слова Суслова апелляции не подлежали: «О роли товарища Григулевича в организации покушения на Троцкого сейчас знает ограниченный круг лиц. Но предположим, что об этом станет широко известно из-за чьей-то оплошности или предательства. Бывший сотрудник НКВД, да еще с таким прошлым, возглавляет академический институт! Этим воспользуются наши недруги, об этом будет кричать буржуазная пропаганда. Нам надо предвидеть подобные ситуации. А товарищу Григулевичу целесообразнее оставаться на прежнем, не столь заметном месте в системе АН СССР…»

Григулевичу пришлось смириться. Но он не опустил руки, продолжал фанатично работать, уделяя сну по пять-шесть часов в сутки. Ему этого вполне хватало, чтобы восстановить силы для нового «безразмерного» рабочего дня. Прежде он никогда серьезно не занимался этнографией. Однако творческих амбиций ему было не занимать. Вскоре он на равных говорил со специалистами, посвятившими изучению этнологии всю жизнь. В 1969—1970 годах Григулевич организовал и возглавил сектор по изучению зарубежной этнологии (с 1982 года — сектор

религиеведения и зарубежной этнологии). Он проделал огромный объем работы по развитию «своего» научного направления. Десятки сборников и авторских монографий, не потерявших теоретической ценности до наших дней, — результат титанических усилий Григулевича и созданного им научного коллектива единомышленников. Впервые в таком объеме и с такой методической тщательностью были проанализированы основные школы, концепции, направления и «отклонения» в этнологической науке за рубежом.

Существенный вклад внес Григулевич в разработку столь болезненной для современной истории проблемы, как теория и социальная практика расизма. Исходил он из трех незыблемых для него принципов: нет шовинизму, нет расизму, нет фашизму. Григулевич писал статьи и книги на эти темы, был ответственным редактором научных сборников по этой проблематике. По его инициативе с 1971 года стал выходить ежегодник «Расы и народы». В нем сотрудничали ведущие историки, экономисты, социологи и общественные деятели, в том числе и из зарубежных стран. Коллективный анализ способствовал объективному обсуждению острых вопросов, ситуаций, процессов.

В 1982 году вышел в свет первый выпуск ежегодника «Религии мира», основанного Григулевичем. Тогда же стала своего рода «энциклопедическим бестселлером» десятитомная серия «Религия в XX веке», изданием которой руководил неутомимый Григ. На его «атлантовых плечах» держалась и бесперебойно функционировала Иностранная редакция Секции общественных наук Президиума АН СССР (созданная по инициативе Григулевича). И вновь ответственная редакторская работа: журнал «Общественные записки» издавался на основных мировых языках и параллельно к нему — десять серий сборников по разным направлениям обществоведения.

Это были запредельные нагрузки. А если вспомнить, что Григулевич входил в редколлегии многих «толстых» журналов и ученые советы, принимал активное участие в деятельности Советского комитета защиты мира, был членом правления многочисленных обществ дружбы и к тому же находил время для подготовки и участия в конференциях, симпозиумах и конгрессах…

И плюс к этому собственная многосторонняя научно-литературная работа. Книги Григулевича, какими бы они тиражами ни выходили, раскупались мгновенно. Его читатели знали, что Лаврецкий мыслит широко, неординарно, блестяще владеет темой, на которую пишет. Но с каждым новым успехом у Грига появлялись завистники из научной и окололитературной

среды. Как пишет один из биографов Григулевича, «разного рода недоброжелатели, пораженные (и уязвленные) его авторской плодовитостью, “вбросили” слушок, мыслишку, сутью которой было — “не может быть”: “Не может быть, чтобы он сам все это написал, на него работают 'научно-литературные поденщики'“».

Что ж, сомневающиеся, при желании, могут удостовериться в авторстве Григулевича, обратившись в архив Академии наук, куда были переданы все его рукописи. Именно рукописи! По воспоминаниям дочери, писал Григулевич только от руки, считая, что пишущая машинка отвлекает от творческого процесса. Он часто переписывал-перебеливал свои труды, приводя в пример Льва Толстого. Другим его кумиром был протопоп Аввакум: «Вот с кого надо брать пример. В любых условиях мог работать, даже в земляной яме-тюрьме ухитрялся это делать».

* * *

К «католическому циклу» Григулевича специалисты относят такие блестящие работы, как «Тень Ватикана над Латинской Америкой», «Кардиналы идут в ад», «Инквизиция», «Крест и меч», «“Мятежная” церковь в Латинской Америке», «Папство. Век XX». Можно без преувеличения сказать, что советский читатель черпал свои знания о католицизме в основном из книг Григулевича. Он так талантливо и всеобъемлюще монополизировал тему, что другим ученым отыскать «свой угол» было почти невозможно. К слову сказать, «диссиденты» закатного пятнадцатилетия советской эпохи считали «культовой» книгу Грига «Инквизиция». У них «католическая охранка» ассоциировалась с «охранкой советской» — всемогущим КГБ.

«Докторской» работой Григулевича стала монография «Культурная революция на Кубе» (1965). Это многоплановый «полифонический» труд, в котором были исследованы изменения, которые произошли в кубинской культуре после революции «барбудос» 1959 года: ликвидация неграмотности, образовательная реформа, подготовка кадров для национальной экономики, формирование социалистической интеллигенции, отделение церкви от государства и школы от церкви, ликвидация расовой дискриминации. Эта книга «сделала имя» Григу на Острове свободы, где он стал желанным гостем. И в этом не было спекулятивного конъюнктурного интереса. Григулевич упрямо верил в торжество социализма в мировом масштабе и искренне радовался, что «самый передовой общественный строй» в интерпретации Фиделя Кастро появился и в Западном

полушарии, застал врасплох империалистического «монстра» — США.

Григулевич несколько раз брался за кубинские темы, написал документальные романы-биографии, посвященные Хосе Марти и Эрнесто Че Геваре. Для сбора материалов о героическом партизане он не раз выезжал на остров. Кубинцы организовали ему встречи с родителями и боевыми соратниками Че и Тани-партизанки, открыли доступ в архивы и подарили полное собрание сочинений Гевары, которое было издано для узкого круга лиц «для служебного пользования».

Литературная работа была для Григулевича своеобразной сублимацией ностальгического желания вернуться в прошлое. Мексика довольно часто возникает на страницах его «католического цикла» и, конечно, беллетризированных биографий, посвященных Панчо Вилье, Бенито Хуаресу и Давиду Альфаро Сикейросу. В портретную галерею «кисти» Григулевича вошли такие прославленные латиноамериканцы, как Франсиско де Миранда, Симон Боливар, Аугусто Сесар Сандино, Карл ос Фонсека Амадор, Сальвадор Альенде. Книги и статьи «портретного» цикла, созданные Григом уже достаточно давно, в главном сохраняют актуальность для современного читателя. Они не только достоверно воссоздают образы выдающихся патриотов и борцов за независимость и прогресс народов Латинской Америки, но и красочно воспроизводят исторические, социальные и культурные реалии минувшего времени, «среду обитания», атмосферу времени, в которой жили, страдали, терпели поражения, побеждали и умирали исторические личности.

Произведения Григулевича были переведены на многие языки мира и прежде всего на испанский. Можно сказать, что своими книгами он навсегда вернулся в Латинскую Америку. Во время хождений «по следам резидента “Артура”» автор не раз «встречался» с Григулевичем в Сантьяго-де-Чили, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Ла-Пасе, Сан-Хосе, Мехико и других городах. Книги Григулевича-Лаврецкого хранятся в национальных, муниципальных и университетских библиотеках; в любом солидном букинистическом магазине, даже на обычных книжных развалах при желании можно отыскать его работы.

Научные заслуги Григулевича были признаны за рубежом: он стал почетным членом Ассоциации писателей Колумбии и членом-корреспондентом Института мирандистских исследований в Каракасе, был награжден венесуэльским орденом Франциско де Миранды, золотой медалью перуанского Института проблем человека, высшими кубинскими орденами и медалями. Неутомимую деятельность вел Григулевич в сфере культурных

связей: являлся вице-президентом Общества советско-кубинской дружбы, Общества дружбы с Венесуэлой, членом Советского комитета защиты мира и Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки…

* * *

Образ типичного советского академика почти всегда ассоциируется с «заслуженным достатком», многокомнатной квартирой, полированной мебелью, кожаными креслами, дорогим антикварианом, заказными портретами модных художников, личной автомашиной, поездками на престижные курорты. Ничего подобного в быту члена-корреспондента Григулевича не было, хотя его заработки по тем временам были высокими. Основной доход давали гонорары за издания и переиздания книг, в том числе за рубежом. Деньги никогда не были для Григулевича альфой и омегой существования. Может быть, поэтому он сравнительно легко расставался с ними, давая взаймы, если даже предчувствовал, что долг не будет возвращен.

Близко знавшие его люди удивлялись неприхотливости, аскетичности и равнодушию, с которой Иосиф и Лаура относились к материальной стороне жизни. Они довольствовались стандартной «пролетарской» мебелью и «непрестижным» телевизором советского производства. В квартире было тесно от книг, которые, как вспоминал один из друзей, «все более и более агрессивно заполняли жилое пространство, вытесняя и людей, и вещи, и, казалось, самый воздух. Особенно плотно книги громоздились на рабочем столе Грига и вокруг него — на полу, стульях и табуретках. Они были высшей ценностью в семье». Книги приобретались по академической «квоте», выискивались в букинистических магазинах, поступали по почте от научных коллег Григулевича со всего мира, выписывались по абонементу в Ленин-ке или Иностранке.

В редкие свободные минуты «отставной резидент» был не чужд обычным радостям жизни. Семейный очаг Григулевичей славился гостеприимством и хлебосольством. Коллеги-разведчики и коллеги-ученые, побывавшие в доме у Грига по тому или иному праздничному случаю, единодушно вспоминают, что пиршественный стол был почти всегда уставлен вкусными яствами, изысканными винами и дефицитными водками. Лаура радушно и ненавязчиво потчевала гостей, курсируя между кухней и столовой, снисходительно поглядывая на своего мужа,

увлеченного беседой.

По воспоминаниям друзей, Лаура была человеком поразительно сдержанным, скупым в оценках, не склонным к преувеличениям и витаниям в облаках. Кто-то из московских знакомых сравнил ее с классическим маркесовским персонажем «главной женщины в доме», которая по характеру даст фору любому мужику, но при этом выглядит очень женственной. Поклонников у нее было много, и она до преклонных лет пользовалась успехом, не прилагая к этому абсолютно никаких усилий. По словам Надежды Григулевич, «мама всегда оставалась человеком, которого сломить было невозможно даже при самых враждебных обстоятельствах». Это подтверждают и служебные характеристики Лауры — «Луизы», в которых неизменно присутствовала оценка-вывод: «При необходимости может успешно руководить нелегальной резидентурой».

Кое-кто из сочинителей-журналистов для пущей живописности рассказывал об изысканном оформлении пиршественного стола, роскошном фарфоре, серебряных приборах с вензелем «И. Г.», безупречном смокинге и подчеркнуто «дипломатических» манерах хозяина во время «подачи блюд». Но это чистой воды выдумки и фантазии. Застолья «у Грига» были прежде всего предлогом для встреч в товарищеском кругу, воспоминаний, дружеского трепа, розыгрышей и мистификаций, на которые Иосиф был большой мастер. «Отдельно взятые эпизоды» своей авантюрной жизни он рассказывал на подобных «посиделках» по многу раз, и неизменно это были несколько иные истории, с несколько иными героями и несколько иным подтекстом. Своеобразная смесь магического реализма и сюжетного приема из японского кинофильма «Расемон».

Григулевич любил грубоватый мужской юмор, анекдоты с «перчиком», бывал откровенно субъективным в оценке событий и личностей. При всем своем «дипломатизме» и умении обойти острые углы Григ иногда шел на открытый конфликт, невзирая при этом на чины и ранги. Он ненавидел лень, ложь и разгильдяйство во всех проявлениях. Особое возмущение у него вызывали «политические церберы», те, кто «по мандату партии» определял идеологическую зрелость научных и писательских трудов. С особым трудом «пробивал» Григулевич через цензуру биографию Эрнесто Че Гевары. Партийным бюрократам инстинктивно «не нравился» партизанский вождь, который отвергал идеологические догмы и критиковал опасную дремоту правящей верхушки «страны развитого социализма». Нет, компаньеро Че явно не вызывал симпатий у геронтократов в Кремле. Несмотря на это, книга была издана. В этом Григулевичу

помогли связи в «партийных кругах» — но не в Москве, а на Острове свободы. Стоило кубинским товарищам проявить заинтересованность в «вопросе», как дело, пусть медленно, со скрипом, но сдвинулось с мертвой точки.

На политические темы Иосиф предпочитал не говорить, потому что никогда не испытывал позывов к диссидентству. Однако свое отношение к проблемам, переживаемым Советским Союзом, особенно в эпоху «позднего Брежнева», выражал откровенно. Друг Григулевича приводит такой случай: «Помню, при очередной нашей радости от получения праздничного “заказа”, он, грустновато улыбаясь, произнес: “Н-да, если килограмм полукопченой колбасы и пакет гречки — и это в Москве! — можно добыть только таким образом, — плохи дела”». Когда в начале 1980-х в «определенных кругах» стала входить в моду Джуна, а вслед за ней другие экстрасенсы, Иосиф Ромуальдович поставил свой диагноз: «Это — вернейший симптом загнивания. Так было в начале века, когда царизм шел к концу. Вспомните Распутина и прочих».

* * *

Пользовался ли он навыками разведчика в своей «гражданской жизни»? Постоянно, иначе он не был бы «Танкистом». Об одном таком случае вспоминал Херонимо Каррера, известный венесуэльский публицист. В начале 80-х годов в Праге проходил Всемирный конгресс сторонников мира. Каррера и члены делегации Венесуэлы обратили внимание на то, что среди советских делегатов нет Григулевича, который ранее неизменно участвовал в подобных форумах. Не успели они обменяться сожалениями по этому поводу, как у входа во Дворец культуры, где проходил конгресс, появился Григулевич. Венесуэльцы считали русского автора великолепных книг о Боливаре и Миранде почти «своим» и стали наперебой приглашать его на заседание. Он не без сожаления ответил, что у него нет пропуска на конгресс, поскольку он приехал в Прагу по другому поводу и оказался у дворца только для того, чтобы встретиться кое с кем из латиноамериканских друзей и заказать им статьи для журнала «Общественные записки». Вопрос был тут же решен: Каррера «занял» документ у своего соотечественника Энрике Васкеса Фермина, который был как две капли воды похож на Григулевича. «По характеру Иосиф был типичным латиноамериканцем, — вспоминал Каррера, — долго упрашивать его не пришлось. Он взял пропуск и с невозмутимым лицом и

уверенной походкой партийного начальника направился к дверям. Чехословацкие охранники внимательно “сверили” фотографию с “оригиналом” и ничего не заподозрили».

В России разведывательные навыки требовались Григулевичу куда чаще. Прежде всего для проникновения за официальные двери, обитые дорогой кожей, чтобы на личной основе «пробить» очередной научный проект, не находивший поддержки у бюрократов. Как правило, это удавалось, хотя потом Григулевичу приходилось бессонными ночами «корректировать» научно-исследовательские опусы ответственных лиц, желавших «остепениться». Свою внешность преуспевающего иностранца Григулевич нередко использовал, чтобы пройти в гостиницы системы «Интуриста» для покупки зарубежных газет. Делал он это с высочайшим артистизмом. А сколько усилий стоило Григулевичу «обезопасить» защиту диссертаций подопечных аспирантов! Сколько матерых «оппонентов» было обезоружено энергетическим полем его обаяния и не раз проверенной в прошлом тактикой выявления у противника наиболее «уязвимых мест»!

Ездить на черноморские и балтийские курорты Григулевич не любил. Возраст и приобретенные недуги все больше давали о себе знать, вносили неизбежные коррективы в его динамичный, безжалостный к самому себе образ жизни. Для «поправки здоровья» он предпочитал подмосковный санаторий «Узкое», куда привозил очередную начатую рукопись, нужные архивные материалы и коробки с книгами. Трехнедельная лечебная путевка предоставляла ему благословенную возможность для творческой работы. В перерывах Григулевич неторопливо прогуливался, слегка прихрамывая, по аллеям санатория — невысокий, грузный, широкоплечий, с крупной головой мыслителя, обдумывая очередные страницы труда или только что прочитанную книгу.

По привычке он тщательно следил за всем, что происходило в США и странах к югу от Рио-Гранде. Конечно, Григ мечтал снова побывать в тех странах Америки, где прошли его молодые боевые годы. Но об этом и речи быть не могло, потому что «компетентные органы» не без основания считали, что бывший резидент — вероятный объект для провокаций со стороны западных спецслужб. Куба и страны народной демократии — таковы были позволенные заграничные маршруты Григулевича-академика.

Он перерабатывал горы книг, журналов и газет, поступавших к нему по разным каналам из-за рубежа, и хорошо знал о судьбе людей, с которыми «ходил в разведку» в 30— 50-е годы. О многих из них часто писали. Еще бы, это были видные дипломаты,

ученые, политики, писатели, искусствоведы, художники, а иногда сотрудники спецслужб, достигшие солидных постов. Григулевич радовался успехам своих далеких друзей и заочно соревновался с ними. Его кредо звучало вопиюще эгоистически по меркам советского времени: «Главное — личный успех, максимальная самореализация — императив!» Под занавес своего земного пути Иосиф Григулевич добился всего, почти всего, что планировал «на вторую половину жизни» в те морозные декабрьские дни 1953 года, когда «прошлое» — завершилось, а московское «будущее» только-только началось.

Со своим прежним начальником Наумом Эйтингоном, который был осужден за «связь с бандой Берии» и просидел во владимирской тюрьме двенадцать лет (1953—1964), Григулевич встречался крайне редко и всегда случайно. На улице, в коридорах какого-либо издательства или в букинистическом магазине. Эйтингон при жизни так и не добился реабилитации и вполне справедливо чувствовал себя человеком ущемленным. Система, для процветания которой он принес столько жертв, предательски отторгла его, превратила в изгоя. Эйтингон никогда не козырял своими достижениями в разведке. Но в ее архивах есть сотни дел с материалами успешно проведенных операций. Именно он завербовал легендарного Рихарда Зорге и долгое время работал с ним. А как не вспомнить о «раннем» Абеле, о создании особого диверсионного отряда Дмитрия Медведева, получении из гитлеровского Генштаба сведений об операциях «Средняя Волга» и «Кремль», безошибочных ходах в «атомной разведке»…

После освобождения из тюрьмы Эйтингон не без труда устроился переводчиком в издательство «Международная книга», где нередко поражал своих коллег мастерством переводов, глубиной проникновения в смысловую суть иностранного текста. Со временем Эйтингон «вырос» до редактора. Жил в обычной однокомнатной квартире среди старой и скромной мебели. В последние годы жизни Эйтингон получал рядовую пенсию и донашивал одежду, купленную сразу после войны. С Григулевичем он говорил о чем угодно, но не о своих нерешенных проблемах. Слишком велик был контраст в их положении. Человек, которого он знал под псевдонимами «Юзик» и «Фелипе», стал преуспевающим ученым, автором «бестселлеров» престижной серии «ЖЗЛ». Вот оно — везение! Вечный счастливчик! С бдительным ангелом-хранителем за спиной! Нет, не мог Эйтингон при встречах с бывшим подчиненным жаловаться на жизненные неудачи. Григулевич понимал это и мучился от того, что ничем не может помочь «Тому» —

постаревшему, с запавшими глазами, в которых угадывалось глубоко запрятанное страдание[98].

* * *

Иосиф считал Леопольдо Ареналя одним из самых близких друзей и отзывался о нем с неизменным уважением.

Перед тем как покинуть Сантьяго-де-Чили, Ареналь, по согласованию с Центром, ликвидировал фирму «Оркред», возвратил деньги пайщикам и развелся с Гладис, объяснив этот шаг получением «нового задания». Она была потрясена известием, но драматических сцен устраивать не стала. В марте 1946 года Леопольдо перебрался в Перу и — с остановками в разных странах — в начале апреля добрался до Мехико.

Леопольдо женился в третий раз, на американке. В январе 1965 года он приехал вместе с ней в Сантьяго-де-Чили. Остановился в доме сестры Берты, которая уже была замужем за бывшим сенатором Сальвадором Окампо. Леопольдо «как бы невзначай» повидался со многими участниками своей сети, и в этих встречах «двадцать лет спустя» ощущалась его острая тоска по прошлому.

Его брат Луис стал довольно известным художником-графиком.

* * *

«Бланко» после многолетнего пребывания в Западной Европе приехал на постоянное жительство в Советский Союз. Орден Красной Звезды и другие награды — свидетельство его успешной работы в странах со «сложной контрразведывательной обстановкой». Были и неудачи. Ему пришлось отсидеть несколько лет в тюрьме одной из западноевропейских стран. Вернувшись, «Бланко» и члены его семьи приняли советское гражданство. После обвала социализма в России под его обломками было погребено многое, но не твердые убеждения этих аргентинцев. И это понятно, они работали на Советский Союз не за деньги, а за великую идею. Жаль, что страна так подвела их. Из-за жарких споров о роли Сталина в истории Григулевич надолго поссорился с «Бланко». Он был убежденным сталинистом, и аргументы Хрущева, высказанные на XX съезде КПСС, его не убедили: «Они слишком тенденциозны, не учитывают исторической обстановки того времени и откровенно мстительны». Иосиф не соглашался с

ним, говорил, что необходимость реформ в стране давно назрела и что в идейной закоснелости и окостенелости партии созревала серьезная угроза для всего «социалистического проекта» в целом.

Последние годы жизни «Бланко» и его жена провели в одном из подмосковных пансионатов СВР.

* * *

Драматично сложилась судьба Хуана Хосе Реаля. В мае 1952 года Реаль предпринял шаги по «дискредитации» (лексика того времени!) Конфедерации трудящихся Латинской Америки, которая, по его словам, стала пассивной и архаичной организацией. Он же допустил «элементы братания» с перонистским Профсоюзным объединением трудящихся Латинской Америки. «Вопрос о Реале» был поставлен на обсуждение в ЦК. Реаль «признался» во фракционной деятельности и в «проповеди» политики буржуазного национализма. Мнение КПА было таково: Хуан Хосе Реаль на предательство не пойдет. Но если Реаль будет настаивать на своем раскольничестве, горе ему: партия сумеет покарать за измену! На всякий случай Москва предупредила людей, входивших в сеть «Артура», о сложившейся ситуации. Однако никто из них не пострадал. Сам опальный руководитель стремился уверить советских товарищей в честности своих планов и намерений. Сообщал по своим каналам: «Все, что говорят обо мне, — выдумки и клевета!»

В чем-то похожая ситуация сложилась с Армандо Кантони. Только его обвинили в симпатиях к Перону. Он был подвергнут политическому «остракизму» и, по свидетельству родных, так никогда и не был «прощен» партией.

Викторио Кодовилья последние месяцы своей жизни провел в Москве, где лечился, потому что был тяжело болен. После смерти погребен на Новодевичьем кладбище.

Рикардо Велес вернулся к своим литературным и творческим делам после окончания войны в 1945 году. К тому времени к нему стала проявлять интерес американская контрразведка. Его лечащий врач в Нью-Йорке «по секрету» рассказал Рикардо о визитах сотрудников ФБР, которые дотошно расспрашивали о поведении и политических воззрениях Велеса. Надо сказать, что Рикардо был под присмотром и у аргентинской полиции. С 1938 года «Сексьон Эспесиаль» завел на него дело, отслеживая его работу в газете КПА «Ла Ора». Особое раздражение агентов полиции вызывало то, что Велес демонстративно посещал приемы

и мероприятия, организуемые представительствами СССР и стран народной демократии в 1947—1950 годах. Он не раз подвергался арестам и профилактическим «посадкам» в тюрьму Вилья Девото. Велес не изменил своих политических взглядов и веры в Советский Союз до своих последних дней.

* * *

А что стало с Дефрутосом, которого аргентинская охранка подвергла столь жестоким пыткам?

Освободили его из застенков «Сексьон Эспесиаль» в июне 1945 года по амнистии президента Аргентины Хуана Перона. Виктор уехал в Уругвай и попытался устроиться на работу в отделение ТАСС в Монтевидео. Выглядел он понурым, изможденным, в глазах его не было прежнего огонька. Из-за отсутствия половины зубов говорил невнятно, требовалось усилие, чтобы его понять. От былого щегольства не осталось и следа, хотя брюки были выглажены, а ботинки начищены.

После наведения соответствующих справок о личности просителя заведующий бюро ТАСС сухо, ничего не объясняя, отказал Дефрутосу. Тот пронзительно взглянул и, перед тем как затворить за собой дверь, прошепелявил по-русски:

«Да здравствует пролетарская солидарность!»

Об этом инциденте с возмущением рассказывал сам корреспондент ТАСС.

Больше Дефрутос в «поле зрения» советских учреждений в Южной Америке не появлялся.

* * *

Как сложилась судьба членов Д-группы?

После тех драматических событий прошло более пятидесяти лет. Сейчас никого из участников отважных диверсионных операций в Буэнос-Айресе нет в живых. Феликс Вержбицкий, благодаря помощи адвокатов КПА, сумел вместе с семьей перебраться из Буэнос-Айреса в Монтевидео. После прибытия в уругвайскую столицу он стал предпринимать шаги для принятия советского гражданства и переезда в Советский Союз. Однако некая черствая рука начертала на его прошении: «В порядке общей очереди». Мол, былые подвиги — не предлог для льготного въезда. Все надо делать в рамках Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1945 года. Очередь оказалась длинной. В

апреле 1946 года в советское посольство в Монтевидео обратилась компартия Уругвая. Затем — в лице Хосе Реаля — компартия Аргентины. Все с той же просьбой: отправить Вержбицкого в Советский Союз. К этому времени Вержбицкий полностью ослеп, не работал, семья его сильно нуждалась. Судебный процесс в Буэнос-Айресе был не прекращен, а только отложен.

В 1956 году Вержбицкие покинули Южную Америку. Поселились они под Москвой, в Люберцах. Феликс Клементьевич получил работу в обществе слепых. Верная спутница его жизни — Мария Григорьевна — стала работать швеей на галантерейном предприятии. Их дети — Луис и Анжелика — получили высшее образование. Пусть и с запозданием, но в марте 1968 года бесстрашный «Бесерро» был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени: «За мужество и самоотверженность, проявленные в борьбе против фашистской Германии в период Второй мировой войны». Скончался Феликс Вержбицкий 25 апреля 1986 года.

Павел Степанович Борисюк с женой Марией в 1957 году вернулись на родную Волынщину. До ухода на пенсию в 1970 году он работал в городе Ковеле на предприятии пищевой промышленности. Скончался он в 1986 году.

«Грегорио» — Григорий Иванович Фурдас — возвратился с дочерью Марией-Луизой на родину — во Львов — в 1954 году. Работал на автозаводе в цехе по окраске автобусов. Умер в 1990 году.

Глава XXXI.
ЛЕГЕНДЫ НЕ УМИРАЮТ

С 1985 года здоровье Григулевича начало сдавать. Сердечные приступы вынудили Иосифа принимать таблетки, перейти на диетическое питание, умерить привычный жизненный ритм. Ему все чаще приходилось ложиться в больницу, подвергаться долгим лечебным процедурам, а затем «укреплять силы» в санатории АН СССР «Узкое».

Разрушительное воздействие болезни было все заметнее, но диагнозы противоречили друг другу. Григулевич терпеливо следовал предписаниям «светил», поглощал неимоверное количество пилюль, но видимого улучшения не наступало. Однажды в порыве ярости он сгреб пузырьки со снадобьями и таблетками и вышвырнул их в окно.

Вспоминает Надежда Григулевич:

«Отец по жизни был потрясающе крепким и физически выносливым человеком, который никогда не болел, даже в самые сильные эпидемии гриппа. Это вообще характерно для караимов, которые на протяжении столетий вели здоровый образ жизни, не пьянствовали, не предавались каким-либо излишествам. Тех, кто болел, отец искренне считал симулянтами. Можно представить, как непросто было в этой ситуации моей маме, которая с детства страдала мигренями и другими хроническими заболеваниями. Общеизвестно, что мужчины не любят и не умеют болеть. А те, которые всю жизнь отличались великолепным здоровьем, — особенно. Поэтому, когда отец начал прихварывать, он воспринял это как катастрофу. Он раздражался, ходил по врачам в надежде на быструю помощь, ложился в больницы, после которых, как правило, ему становилось только хуже. Это был очень тяжелый период в его и нашей жизни. Особенно трагически он воспринимал свою неспособность работать творчески в прежнем напряженном режиме».

После того как Григулевич начал падать на улице без видимых причин, а порой и терять ориентацию, он перешел на режим домашнего затворничества. Целыми днями Григ проводил перед письменным столом, стараясь завершить очередную статью, и не мог: онемевшая рука не поспевала за полетом мысли. Григ пытался делать «щадящую гимнастику», совершал прогулки по длинному коридору между кабинетом и ванной комнатой, опираясь на палочку. «В последние месяцы жизни Григ действительно тяжело болел, — вспоминает дочь Надежда. — Он

был прикован к постели, хотя и не парализован полностью…»

* * *

В одной из статей, посвященных Григулевичу, было отмечено, что его хоронили как рядового научного сотрудника, с дежурными формальностями и штампованными прощальными словами. На дворе стоял 1988 «перестроечный» год. Искреннее всего оплакивали кончину Григулевича в латиноамериканской общине в Москве. В день его смерти прочувствованный некролог прозвучал в очередной передаче «Радио Москвы» на Латинскую Америку. Написан он был чилийским журналистом и писателем Хосе Мигелем Варасом:

«Печальная весть: в Москве скончался Иосиф Григулевич, автор десятков книг о крупных исторических деятелях нашего континента, о католической церкви и ее истории. Коренастый, смуглый, с большой квадратной головой, узкими темными глазами и щеточкой седых усов, Хосе Григулевич мог вполне сойти, и так было не раз, за мексиканского генерала или же колумбийского адвоката. Неистощимый рассказчик, эрудит по части плутовской латиноамериканской истории и глубоких аспектов прошлого наших стран, он трудился денно и нощно, сдавая одну за другой свои новые книги в печать, руководя журналом “Общественные науки”, участвуя в заседаниях Академии наук СССР, членом-корреспондентом которой был. В нем не было той сухости, что подчас отличает историка, изучающего прошлое с помощью документов, архивов и старинных изданий. Он и там открывал биение жизни, за пожелтевшим листком видел людей из крови и плоти. В душе Григулевича всегда горело пламя революционера-интернационалиста, и он вдохновенно и действенно участвовал в движениях солидарности с Кубой, Никарагуа, Чили и Сальвадором».

По оценке Вараса, никто из советских авторов не писал с таким пониманием дела о Латинской Америке, как Григулевич. Он освещал эту тему с разных сторон и был разнообразен в жанрах. За кажущейся легкостью повествования, увлекающей искренним восхищением подвигами героев, — всегда присутствовала точность научного анализа. Автор сводил их с недоступных пьедесталов, чтобы отбросить в сторону бронзу и выявить реальную человеческую суть. По свидетельству Вараса, для чилийцев в изгнании подлинным праздником стала публикация в 1978 году новой книги Григулевича — биографии

Сальвадора Альенде. Незадолго до смерти Григ испытал не меньшую радость, получив экземпляр этой же биографии, изданной подпольно в Чили.

Во время одного из своих визитов Варас спросил Григулевича, почему он так привязан к проблемам Латинской Америки. Ответ был предельно искренним: «Когда я впервые приехал на континент, а это было почти полвека тому назад, я знал очень мало о его истории, жизни и людях. Но с первого же момента меня раз и навсегда пленили красота и богатство этой земли. Я был потрясен фантазией и воображением ее обитателей, великолепием древних культур, духом рыцарства у мужчин и красотой женщин, масштабностью исторических деятелей Латинской Америки и ее великих революций. Я стал глубже знакомиться с ее историей, и меня захватил процесс борьбы за независимость континента, эта величайшая битва, которая вовсе не ограничилась пятнадцатью годами главных сражений. Она зрела в течение XVIII века, захватила XIX век и продолжается по сей день, хотя и против другой империи. Завоевав с такой отвагой, с таким самопожертвованием независимость, проведя колоссальные реформы, построив свои национальные государства, латиноамериканские народы завоевали все права на цивилизованную жизнь, на прогресс, на социализм…»

* * *

Несколькими годами позже, вернувшись в Чили, Варас написал большой очерк о неординарной жизни Григулевича, его воззрениях на социализм и геронтократических лидеров «последнего призыва», политических взглядах и парадоксальных высказываниях о современности. «Шлепанцы Сталина» — правдивая книга об эпохе гибели «реального социализма», ухода в небытие «Красного» континента, воображаемой «Коммунистической Атлантиды» человечества, где должна была воцариться мечта об абсолютной социальной справедливости. Особенно драматичны страницы, посвященные болезни и последним месяцам жизни Григулевича. Не лучшим «фоном» для борьбы с болезнью были «обновленческие процессы» в Советском Союзе и особенно первый этап перестройки. Иосиф не верил в эффективность «спущенных сверху» проектов «улучшения социализма». Варас процитировал такие слова Григулевича: «Сейчас есть много “теоретиков”, которые говорят о том, что триумф социализма в Советском Союзе стал необратимым после победы в Великой Отечественной войне. Хрущев обещал догнать

и перегнать Соединенные Штаты в производстве на душу населения за 15 лет. Другие “теоретики” старались не забегать вперед и говорили, что триумф далеко не полный и окончательный. Брежнев, к примеру, вещал о процессе приближения к коммунизму, но не более того. И кажется мне, что мы все больше отдаляемся от этой цели, хотя страна производит стали, железа, угля и нефти больше, чем десять или двадцать лет назад. Судя по всему, эти достижения в наше время многого не значат. И когда нам говорят о чем-то как “необратимом”, то делают это те, кто не знает истории. Это, безусловно, правда, что когда происходят откаты, они происходят не в исходные пункты. История не является движением по кругу, а по спирали. Но говорить о том, что система сама по себе “непоколебима”, это всего лишь успокоительная формула умственной лени…»

В одно из последних посещений квартиры на Ломоносовском проспекте Варас, прощаясь, пожал руку Григулевича и неожиданно почувствовал ответное пожатие. «Я наклонился, чтобы увидеть его лицо вблизи, — написал чилиец в своей книге, — и вдруг увидел его широко раскрытые глаза. В них сверкал привычный свет. Я пораженно застыл, тронутый до глубины души, но наш контакт длился считаные секунды. Его рука бессильно выскользнула. Он вздохнул и закрыл глаза».

В свой последний визит к Григулевичам Варас увидел, как из квартиры к лифту то и дело, как муравьи, сновали грузчики со связками книг. Лаура кивнула головой в их сторону:

«Вот, видишь: уносят книги Иосифа».

«Уносят? Куда»?

«Я позвонила в Институт этнографии, а они оповестили другие институты. Хранить все эти книги не имеет никакого смысла».

«Но как же Хосе?»

Лаура посмотрела на Вараса с болью, уменьшить которую было невозможно:

«Он уже никогда не сможет читать…»

* * *

Огромная библиотека Григулевича действительно «разлетелась» по разным адресам, включая Ленинку, Иностранку, а также библиотеку Службы внешней разведки. Однако книги, написанные Григулевичем, журналы с его статьями, записные книжки, ученые и некоторые боевые награды, личные вещи бережно хранятся в семье. Надежда Иосифовна мечтает о том дне,

когда будут преодолены все препятствия и в Москве будет создан музей разведчика, куда можно было бы передать эти реликвии. К сожалению, добиться в столице необходимых «квадратных метров» на подобные цели невероятно трудно. Увы, только и остается, что ждать…

* * *

Умер Иосиф Григулевич 2 июня 1988 года. Прах его покоится на Донском кладбище в Москве. Колумбарий, мраморная доска, тишина…

Но не забвение…

* * *

Постепенная «реабилитация» Григулевича началась не так давно. Вначале были робкие «позитивные» выступления по телевидению, публикации в прессе, «примирительные» упоминания в книгах о деятельности советской разведки.

В мае 2003 года в Московском Доме дружбы прошла конференция, посвященная 90-летию со дня его рождения: «И. Р. Григулевич: ученый? Разведчик? Писатель?» «Талантливый человек — талантлив во всех своих проявлениях» — таким был лейтмотив выступлений участников конференции: латиноамериканских дипломатов, ученых из Российской академии наук и представителей Службы внешней разведки РФ. По словам ветерана СВР Вадима Кирпиченко, Иосифа Григулевича можно назвать идеальным разведчиком, который неоднократно доказывал, что и один в поле воин. Он обладал всеми необходимыми для этого качествами: самообладанием, изобретательностью, энциклопедическими знаниями, политическим чутьем и способностью мгновенно осваивать новые профессии.

Известный латиноамериканист Карен Хачатуров назвал Григулевича необыкновенным человеком, который поражал своим аналитическим умом, невероятным художественным воображением, проницательностью, добротой, щедростью. По мнению Хачатурова, Григулевич — одна из тех знаковых фигур, которые определяли историю нашего государства. Такой человек составил бы гордость любой нации, любой страны, и жизнь его — тема не для одного романа. Ему была свойственна большая внутренняя свобода, несмотря на строгие, жестокие времена и

всевозможные ограничения идеологического характера. Эта внутренняя свобода отражалась в произведениях Григулевича. Именно поэтому все написанное им в 50—70-е годы читается как написанное сегодня. У него были противники — узколобые вульгаризаторы марксистских идей. Кто помнит о них сейчас? Иосиф Григулевич тоже был марксистом, но прежде всего — ученым и пытливым исследователем. Он был человеком универсальных знаний, но сердце его было отдано Латинской Америке. Его могут назвать своим учителем все российские латиноамериканисты, для которых он первым проложил дорогу в Российскую академию наук.

* * *

После ухода Григулевича появляются все новые легенды и истории, связанные с его именем. Вот только две из них.

В Буэнос-Айресе встретились два человека: резидент советской легальной разведки «Вертер» и бывший агент «Крон», выведенный из сети несколько лет назад. Время неумолимо, и даже самые надежные агенты уходят «на заслуженный отдых».

«Я пишу завещание, — сказал «Крон». — Детей и родственников у меня нет, а филантропические фонды полны отпетых мошенников. Хочу оставить все, что нажито, вашему сотруднику».

Резидент постарался ничем не выдать своего изумления:

«Большое наследство?»

«Если посчитать все движимое и недвижимое имущество, счета в банках, антиквариат, — потянет на пятнадцать миллионов долларов».

«И кого ты избрал своим наследником?»

«Я хотел бы завещать все “Антонио”…»

Резидент знал, что под этим псевдонимом работал в Аргентине Иосиф Григулевич. Давно это было, миновало более двадцати пяти лет, «Крон» был на связи у многих оперработников, но остановил он свой выбор на «Антонио».

«Почему именно “Антонио”?»

«Я начинал с ним. Для меня та давняя работа — лучшие годы жизни, и я уверен в одном, “Антонио” сумеет правильно распорядиться наследством…»

Резидент сообщил об этом разговоре в Москву. Попросил инструкций. Ответ пришел с задержкой, но был категоричен:

«Въезд “Артура” в Аргентину закрыт по известным вам причинам. Рекомендуйте “Крону” передать имущество компартии

Аргентины…»

* * *

«Артур», консервируя свою сеть в Буэнос-Айресе, дал «вечный пароль» одному из своих агентов. Назовем его «Нико». Тот должен был выходить на встречи на каштановую аллею у памятника Х. дважды в год с журналом «Тайм» под мышкой. Так случилось, что об агенте надолго забыли и вспомнили, когда выяснилось, что только через него можно решить сложную разведывательную задачу. В одном из кабинетов ПГУ долго обсуждали проблему выхода на «Нико».

Кто-то сказал:

«А если использовать условия связи, назначенные “Артуром”?»

Предложение вызвало дружный смех.

Тем не менее сотрудник «Карел», которому поручили провести встречу, отправился в Буэнос-Айрес. Никаких иллюзий на тему «вечной явки» он не испытывал, но все-таки поехал к обусловленному «Артуром» месту встречи.

«Карел» еще издали увидел пожилого мужчину в белых спортивных брюках и голубой тенниске, с журналом под мышкой. На мгновение «Карелу» показалось, что у него галлюцинации. *Он* приблизился к старику, бросил взгляд на журнал — это был номер «Тайма». И тогда «Карел» рискнул сказать слова пароля:

«Довезет ли меня сорок четвертый трамвай до фонтана Лолы Моры?»

Мужчина застыл как вкопанный, журнал упал на асфальт.

«Вам надо сесть на девятнадцатый маршрут».

Пароль и отзыв прозвучали комично: в Буэнос-Айресе трамвайные линии были давно демонтированы.

Они обнялись, и «Нико» сказал подрагивающим от волнения голосом, в котором смешались в одно — упрек, легкая ирония и — одновременно — прощение:

«Самое главное, что именно на эту встречу никто из нас не опоздал…»

ПОСТСКРИПТУМ

В начале 80-х годов молодому сотруднику ПГУ поручили взять у Григулевича интервью для служебного журнала. Маститый разведчик и ученый рассказывал о непростых перипетиях своей жизни, иногда, для разрядки, шутил, вспоминал забавные истории, связанные с его заграничными миссиями. Завершая беседу, интервьюер задал последний вопрос:

«Что движет разведчиком в его рискованной, часто неблагодарной работе?»

Легкий на слово, Григулевич вдруг замолчал. Казалось, ему никак не дается та единственно четкая формула ответа, которая не только соответствовала бы его собственному жизненному опыту, но и была безукоризненно честной с точки зрения тех, кому довелось работать в разведке. Но вот Григулевич покачал головой, словно завершая свой внутренний и, по-видимому, непростой диалог, подошел к распахнутой балконной двери и, глядя на весеннее московское небо, сказал:

«Разведчиком движут иллюзии, мой друг, прежде всего — иллюзии…»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Р. ГРИГУЛЕВИЧА

1913 год, 5 мая — Юозас Григулявичус (литовский вариант имени и фамилии) родился в семье Ромуальда Григулевича и Надежды Лаврецкой в городе Вильно Российской империи.

1926 — Григулевич, будучи учащимся гимназии в городе Паневежис (Литва), включился в подпольную комсомольскую работу.

1931, декабрь — арест в Вильно за пропагандистскую деятельность.

1933, апрель — скоропостижная смерть матери.

Май — судебный процесс по делу нелегальной организации КП Западной Белоруссии, в которую входил И. Григулевич.

Август — высылка Григулевича из Польши.

Октябрь — приезд в Париж. Поступление на учебу в Высшую школу социальных наук при университете Сорбонны.

1934, август — по линии Коминтерна направлен в Буэнос-Айрес.

1935— под псевдонимом «Мигель» работает в МОПР Аргентины.

1936, июль — арест за участие в «политической сходке» на квартире видного «попутчика» СССР А. Бунхе.

Октябрь — приезд в Испанию, где шла гражданская война. Привлечен к работе представительства НКВД под псевдонимом «Юзик».

1937, май — участвует в подавлении мятежа «пятой колонны» в Барселоне.

Июнь — оказывает помощь в разгроме троцкистской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ).

Октябрь — первый приезд в Москву, учеба на спецкурсах НКВД.

1938, апрель — выехал в Соединенные Штаты под псевдонимом «Фелипе».

Май — поездка в Мексику для внедрения в окружение Л. Троцкого.

Декабрь — знакомство с мексиканцем Леопольдо Ареналем, ставшим его главным помощником по разведывательной работе в странах Латинской Америки.

1939 — организация наблюдения за Л.Троцким, привлечение к операции художника Д. Сикейроса. Знакомство с комсомольской активисткой Лаурой Агилар Араухо, будущей

женой Григулевича.

Ноябрь — вызов в Москву для «контрольного отчета» о ходе операции по Троцкому.

1940, февраль — возвращение в Мексику.

24 мая — нападение группы Сикейроса на «крепость» Троцкого в Койоакане.

Июль — выезд в США.

20 августа — убийство Л. Троцкого боевиком НКВД Р. Меркадером («Раймондом»).

24 декабря — возвращение в Аргентину.

1941, 6 июня — указом Президиума Верховного Совета Григулевич награжден орденом Красной Звезды.

Июнь — Григулевич назначен резидентом в Южной Америке под псевдонимом «Артур». Создание «красной сети» в Аргентине, Чили, Уругвае и Бразилии. Формирование диверсионной группы в Аргентине («Д-группа»).

1942, март — поездка в Чильян (Чили) к Сикейросу на открытие фрески «Смерть оккупантам!».

Июнь — приезд Лауры в Буэнос-Айрес (под псевдонимом «Луиза»).

1943 — резидентура «Артура» подвергается большому давлению со стороны полицейских органов и спецслужб. Григулевич предпринимает меры по реорганизации разведсети.

1944, июль — передача «Д-группы» и мастерской по изготовлению зажигалок «на баланс» КПА. Постепенное свертывание работы резидентуры в Аргентине.

29 октября — арест основных участников «Д-группы». Срочный отъезд «Артура» в Монтевидео. Переброска архива резидентуры из Аргентины в Уругвай.

1945, август—сентябрь — получение новых документов прикрытия для Иосифа и Лауры. Отъезд Григулевича в Бразилию под именем Теодоро Б. Кастро, гражданина Коста-Рики.

1946 — бразильский этап подготовки для заброски в Европу.

1947, ноябрь — переезд Иосифа и Лауры из Рио-де-Жанейро в Москву после разрыва советско-бразильских отношений.

1948 — учеба на курсах нелегалов в Москве. Подготовка легенды для работы в Европе. Хлопоты о получении гражданства СССР и вступлении в партию.

1949 — в качестве резидента (псевдоним «Макс») командируется в Италию.

1950 — налаживание импортно-экспортной «крыши» в Италии.

20 августа — смерть отца Григулевича в городе Консепсьон-де-Уругвай (Аргентина).

1951 — активная дипломатическая и разведывательная работа в Италии.

1952, 14 мая — посол Коста-Рики Теодоро Б. Кастро вручил верительные грамоты президенту Италии. По совместительству он представлял Коста-Рику и в Югославии.

1953, февраль — на конспиративной квартире в Вене эмиссар Берии предложил «Максу» организовать покушение на югославского лидера И. Б. Тито.

Ноябрь — «Макс» получил указание Центра о возвращении в Москву.

1954—1955— учеба в Высшей партийной школе.

1956— Григулевич выведен из резерва нелегальной разведки. Работа во Всесоюзном обществе по культурным связям с зарубежными странами.

1957 — выход первой научной монографии «Ватикан. Религия, финансы и политика», которую И. Григулевич защитил как кандидатскую диссертацию.

1960 — переход на работу в Институт этнографии АН СССР (сектор Америки, Австралии и Океании) в должности старшего научного сотрудника.

1961 — участие в создании Института Латинской Америки.

1965 — защита докторской диссертации по теме «Культурная революция на Кубе».

1988, 2 июня — смерть Иосифа Ромуальдовича Григулевича. Прах его покоится на Донском кладбище в Москве.

СПИСОК КНИГ, НАПИСАННЫХ И. Р. ГРИГУЛЕВИЧЕМ [99]

Боги в тропиках

Религиозные культы Антильских островов. М.: Наука, 1967.

Боливар

М: Молодая гвардия, 1960; ЖЗЛ. Вып. 7 (295);

М.: Молодая гвардия, 1966; ЖЗЛ. Вып. 7 (295);

М.: Молодая гвардия, 1981; ЖЗЛ. Вып. 7 (295).

Борцы за свободу Латинской Америки

[Пер. на исп.] М.: Прогресс, б. г. Ватикан. Религия, финансы и политика

М.: Господитиздат, 1957.

Дорогами Сандино

М.: Молодая гвардия, 1984.

Идейное наследие Сандино (Сб. документов и материалов). [Пер. с исп.]. Под ред. И. Р. Григулевича и др.; Вступ. ст. И. Р. Григулевича, М. Ф. Кудачкина

М.: Прогресс, 1982;

М.: Прогресс, 1985.

Инквизиция

М.. Политиздат, 1985;

М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2002.

История инквизиции

М.: Прогресс, 1980.

Кардиналы идут в ад

М.: Госполитиздат, 1961.

Католицизм и свободомыслие Латинской Америки в XVI—XX вв.: Документы и материалы

М.: Наука, 1980.

Колонизаторы уходят — миссионеры остаются

М. Издательство АН СССР, 1963.

Крест и меч: Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв.

М.: Наука, 1977.

Культурная революция на Кубе

М.: Наука, 1965.

Латинская Америка: церковь и революционное движение, 1960 — нач. 80-х гг.

М.: Наука, 1988.

Миранда

М.: Молодая гвардия, 1965; ЖЗЛ. Вып. 20 (414).

[Пер. на исп.]
Prol. de Regulo Burelli Rivas.
Caracas: Ed. de la contraloria, 1974.

«Мятежная» церковь в Латинской Америке
М.: Наука, 1972.

Очерки истории Кубы (совместно с О. Т. Дарусенковым, А. М. Зориной и др.). Предисл. Р. Кастро Рус
М.: Наука, 1978.

Панчо-Вилья
М.: Молодая гвардия, 1962, ЖЗЛ. Вып. 11 (339);
[Пер. на исп.] М.: Прогресс, б. г. [1991].

Папство. Век XX
М.: Политиздат, 1978;
М.: Политиздат, 1981;
М.: Прогресс, 1982;
[Пер.] Вильнюс: Минтис, 1982;
[Пер.] [Авт. предисл. Х. Мохр] М.: Прогресс, 1984;
[Пер. на венг.] Будапешт: Изд-во им. Кошута; Ужгород: Карпати, 1986;
[Пер.] Рига: Авотс, 1986;
[Пер.] Киев: Политиздат Украины, 1988;
М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2003.

Пророки «новой истины». Очерки о культах и суевериях соврем, капиталист, мира
М.: Политиздат, 1983.

Сальвадор Альенде
М.: Молодая гвардия, 1974; ЖЗЛ. Вып. 11 (543);
М.: Молодая гвардия, 1975; ЖЗЛ. Вып. 11 (543).

Сикейрос
М.: Искусство, 1980.

Симон Боливар. С предисл. П. Неруды
М.: Соцэкгиз,1958;
М.: Прогресс, 1982.

Тень Ватикана над Латинской Америкой
М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Фостер [под псевдонимом И. Р. Григорьев]
М.: Молодая гвардия, 1974; ЖЗЛ. Вып. 15 (556).

Франсиско де Миранда и борьба за независимость Испанской Америки
М.: Наука, 1976.

Хосе Марта — предвестник кубинской революции
М.: Наука, 1979.

Хуарес
М.: Молодая гвардия, 1969; ЖЗЛ. Вып. 10 (470).

Эрнесто Че Гевара

М.: Молодая гвардия, 1972; ЖЗЛ. Вып. 5 (512);

М.: Молодая гвардия, 1973; ЖЗЛ. Вып. 5 (512);

М.: Молодая гвардия, 1978; ЖЗЛ. Вып. 5 (512);

[Пер.]. Алма-Ата: Казахстан, 1981;

Таллин: Ээсти раамат, 1983;

[Пер.] М.: Прогресс, б. г.;

М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2002.

Эрнесто Че Гевара и революционный процесс в Латинской Америке

М.: Наука, 1984.

Церковь и олигархия в Латинской Америке, 1810—1959

М.: Наука, 1981.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вильнюсское подполье. Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920—1934). Вильнюс: Вага, 1966.

Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. М.: Новости, 1992.

Воробьев Л. Адрес диверсии — Буэнос-Айрес. М.: Отечество, 1993.

Гончаров В. М. Камарада Викторио (о Викторио Кодовилье). М.: Изд-во политической литературы, 1980.

Григулевич И. Р. Сикейрос. М.: Искусство, 1980.

Никандров Н. Сикейрос в Чильяне // Латинская Америка. 2000. №7-8.

Никандров Н. Рядовой Коминтерна по кличке «Мигель». Из биографии И. Р. Григулевича // Латинская Америка. 1999. № 1.

Никандров Н. Григулевич в Испании: встреча с НКВД // Латинская Америка. 2004. № 5.

Особое задание. Сборник чекистских рассказов. М.: Московский рабочий, 1977.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933—1941 гг. М.: Международные отношения, 1997.

Напоров Ю.Н. Академик нелегальных наук. СПб.: Изд. дом «Нева», 2004.

Революционное движение в Вильнюсском крае. 1920—1940. Документы и материалы. Вильнюс: Минтис, 1978.

Ригер М. Шпионаж в Испании. Троцкисты на службе у Франко. М., 1937.

Степаков В.Н.. Павел Судоплатов — гений террора. СПб.: Изд. дом «Нева», 2003.

Campa V. Mitestimonio. Memorias de un comunista mexicano. Ed. de Cultura Popular, S.A., D. F., 1985.

Cifuentes S. L. Kirberg. Testigo y Actor del Siglo XX. Santiago de Chile, 1993.

Delano L. E. Galo Gonzalez y la construccion del Partido. Santiago de Chile, 1968.

Don Whitehead. Historia del F.B.I. Buenos Aires: Sopena Argentina S.A., 1959.

Gall O. Trotsky en Mexico. Mexico: Era, 1991.

Gilbert I. El oro de Moscu. Buenos Aires: Planeta, 1994.

Grigulevich I. A la memoria de David Alfaro Siqueiros // America Latina. 1974. № 1.

Katamidze S. KGB. Leales camaradas, asesinos implacables. LIBSA, 2004.

Novaparte P. La mano roja. Secretos de las tacticas comunistas en America. Chile, 1963.

Ravines E. La Gran Estafa. La Penetracion del Kremlin en Iberoamerica. Diana: Mexico, 1981.

Ross M. El secreto encanto de la KGB: las cinco vidas de Iosif Grigulevich. Norma, 2004.

Salazar S., Gorkin /. Asi asesinaron a Trotski. Edit, del Pacifico: Santiago de Chile, 1950.

Varas J. M. Las pantuflas de Stalin. CESOC ed. Chile-America, 1990.

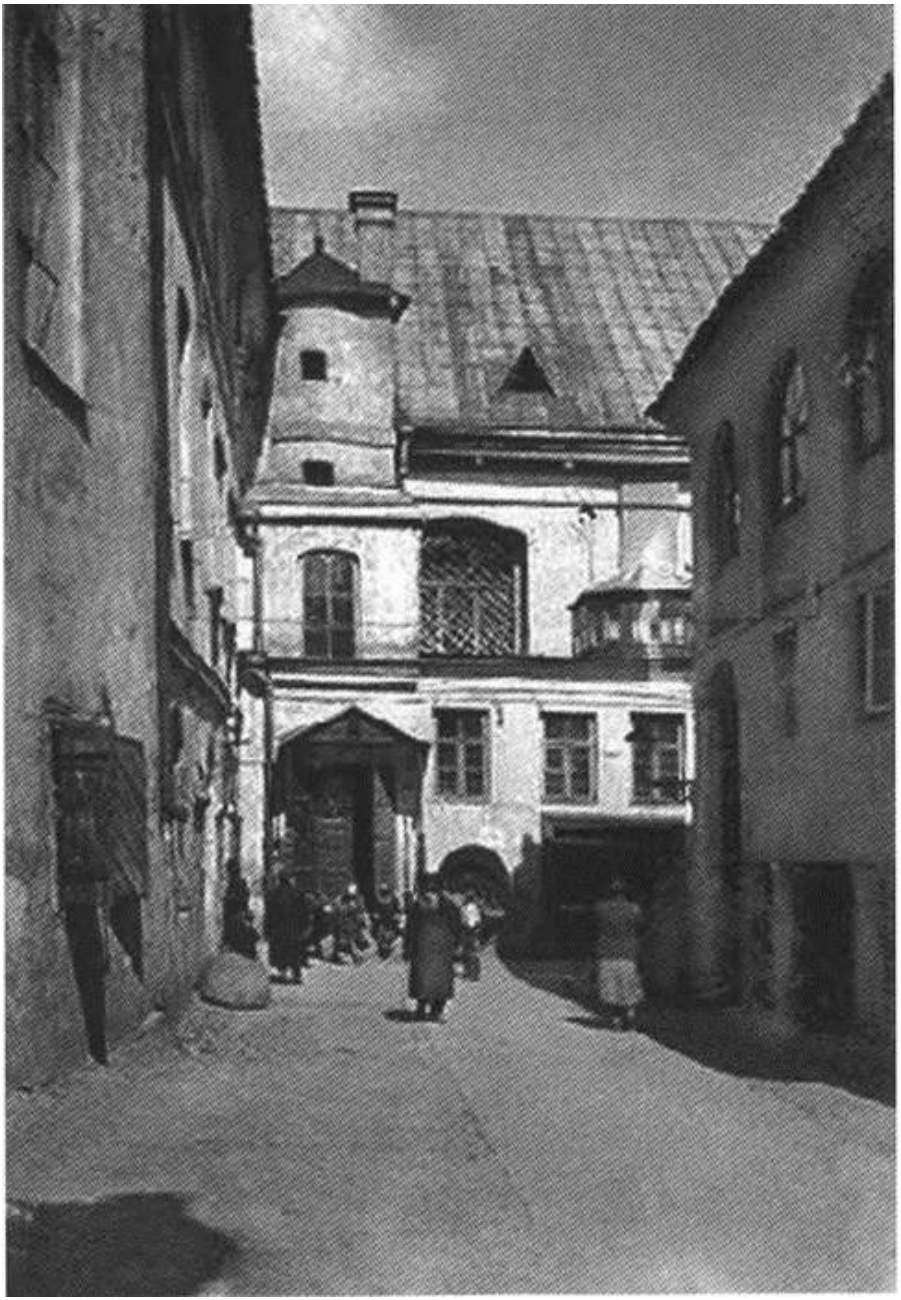
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Семья Григуленичей пока вместе. В центре — родители: Надежда и Ромуальд, слева — Иосиф, справа — Андрей (Яков). 1914.

Иосиф в возрасте шести лет. 1919.

Мама, Надежда Яковлевна Григулевич-Лаврецкая. 1927.

Паневежис. Открытка 1910-х годов.



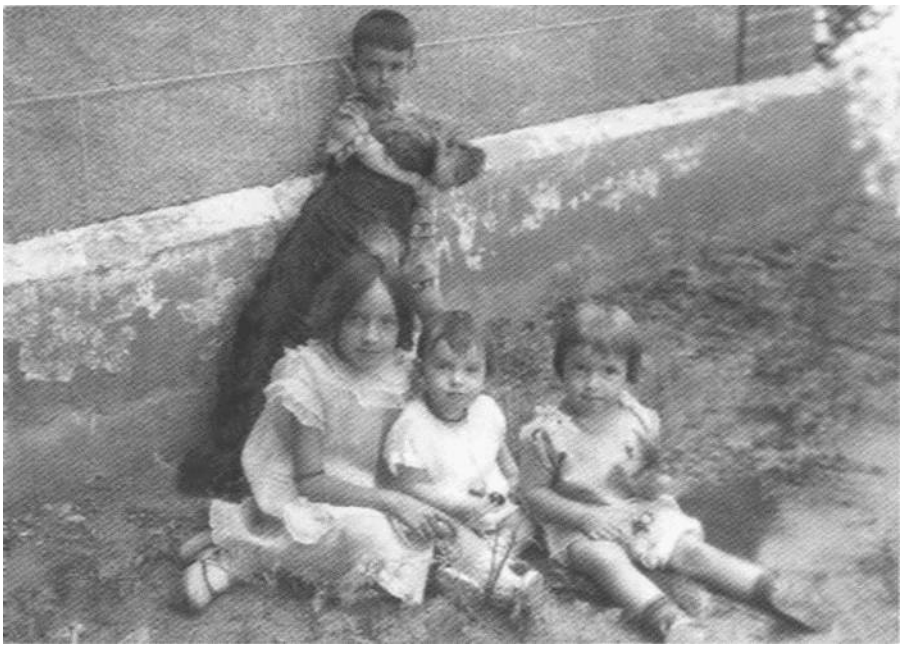
Вильна. Открытка 1910—1920-х гг.

Мать и сын. Паневежис, 1928,

Караимы Паневежиса. Крайний справа — духовный глава общины Симон Фиркович, крайний слева — брат отца Семен Григулевич. 1935.

Бульвар Ла Флорида в Буэнос-Айресе. 1936.

В этом доме в городке Ла-Кларита в 1930-е годы находилась аптека Ромуальда Григулевича. Современное фото.

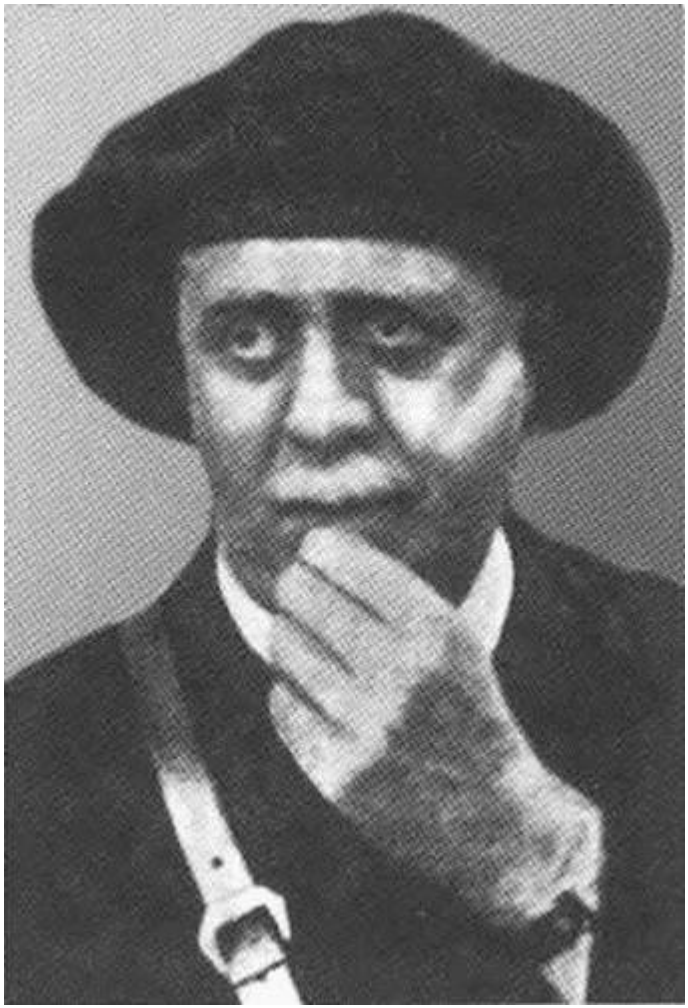


Будущая жена Иосифа Лаура (крайняя слева) с сестрами и братом. Мексика, 1925.

Леопольде Ареналь, друг и помощник Григулевича в годы работы в Латинской Америке.

Избранница Иосифа на всю жизнь — Лаура Агилар Араухо.

Н. М. Белкин, привлекший в Испании Иосифа Григулевича к работе в разведке. 1935.



Андре Марти, руководитель Интернациональной бригады в Испании.

El compañero

ARMANDO CANTONI

es miembro de esta COMISION EJECUTIVA.

Encarecemos a todos nuestros Comités Provinciales, Secciones y afiliados, como asimismo a las autoridades civiles y militares, no pongan impedimento a las misiones que este compañero realice.

Madrid 12 de Agosto de 1938,

El Secretario General,

Firma del interesado

Santiago Carrillo

JUVENTUDES SOCIALISTAS UNIFICADAS COMISION EJECUTIVA ESPAÑA (SELLO)

Служебное удостоверение интербригадовца Армандо Кантона 1938.

Военизированный отряд ПОУМ на улице Барселоны.

Иосиф («Юзик») в Испании. Начало 1937 г.

В Испании. Слева направо — И. Григулевич, кинооператор Р. Кармен, разведчики Л. Василевский (Тарасов) и Г. Сыроежкин. Начало 1937 г.

Фрида Кало и Диего Ривера.

Л.Д. Троцкий в поисках редкого экземпляра агавы для своего сада. 1940

Портрет Троцкого (среди рабочих с красным флагом) рядом с Ф. Энгельсом и К. Марксом. Фреска Диего Риверы «Человек на перепутье». (Фрагмент.) 1934.

Наум Эйтингон, руководитель группы «охотников» за Троцким.

Рамон Меркадер, убивший Троцкого. Париж, 1939.

Мексиканские интеллигенты-коммунисты. В центре во втором ряду— художники Д. Сикейрос и Х. Ороско, справа — Анхелика Ареналь; внизу в центре— Луис Ареналь, справа — Антонио Пухоль. Середина 1930-х гг.

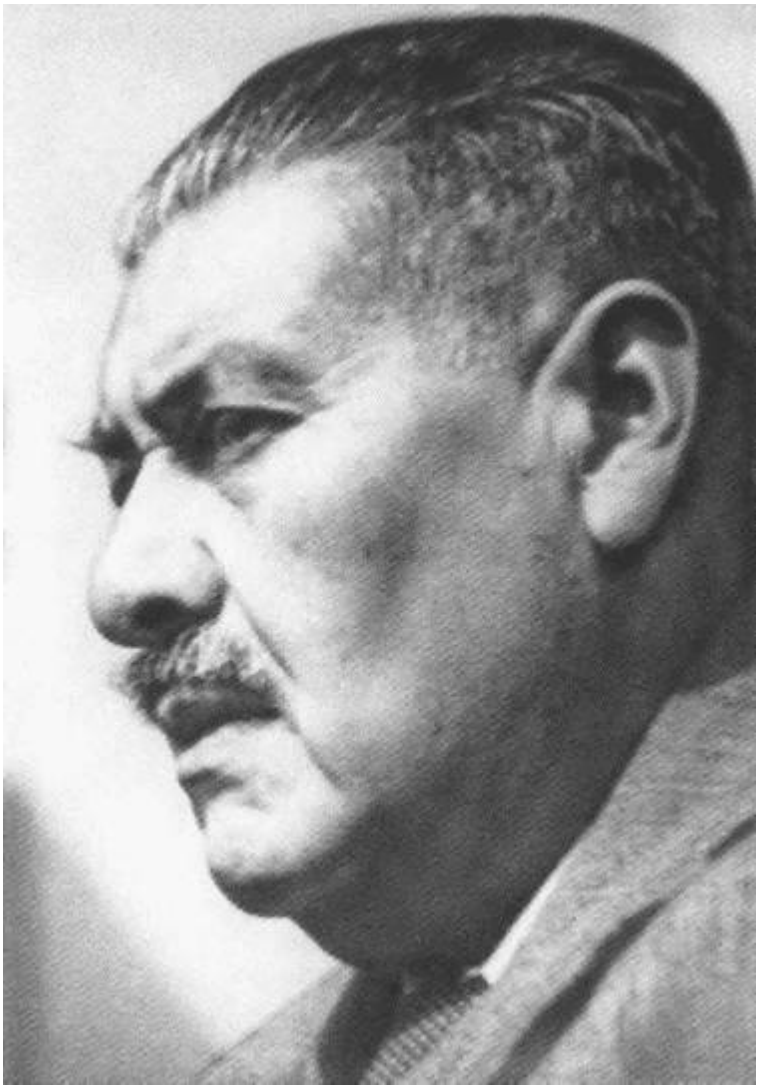
Жена. Лаура Агилар Араухо. Буэнос-Айрес, 1943.

Викторио Кодовилья, руководитель компартии Аргентины. 1950.

У этого памятника в Буэнос-Айресе резидент «Артур» проводил встречи со связниками.

Э. фон Термам — посол Третьего рейха в Аргентине.

Порт Буэнос-Айреса, где люди Григулевича подбрасывали зажигательные снаряды в трюмы германских судов. 1942.

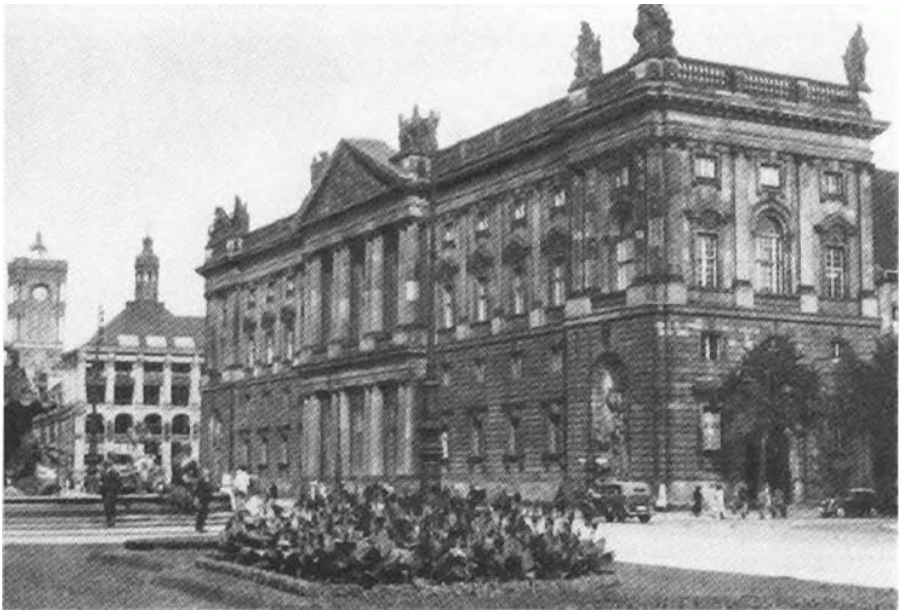


Гало Гонсалес. Один из руководителей чилийских коммунистов. 1940-е гг.

Центр Сантьяго-де-Чили. Справа — президентский дворец Ла Монеда. 1940-е гг.

Сенаторы-коммунисты А. Пайроа и Э. Лаферте направляются в парламент, чтобы проголосовать за разрыв дипломатических отношений с Германией. Февраль 1943 г.

Немецкий авантюрна Энрикс (Генрих) Юргес, автор фальшивок о «заговорах» папистов в Латинской Америке.

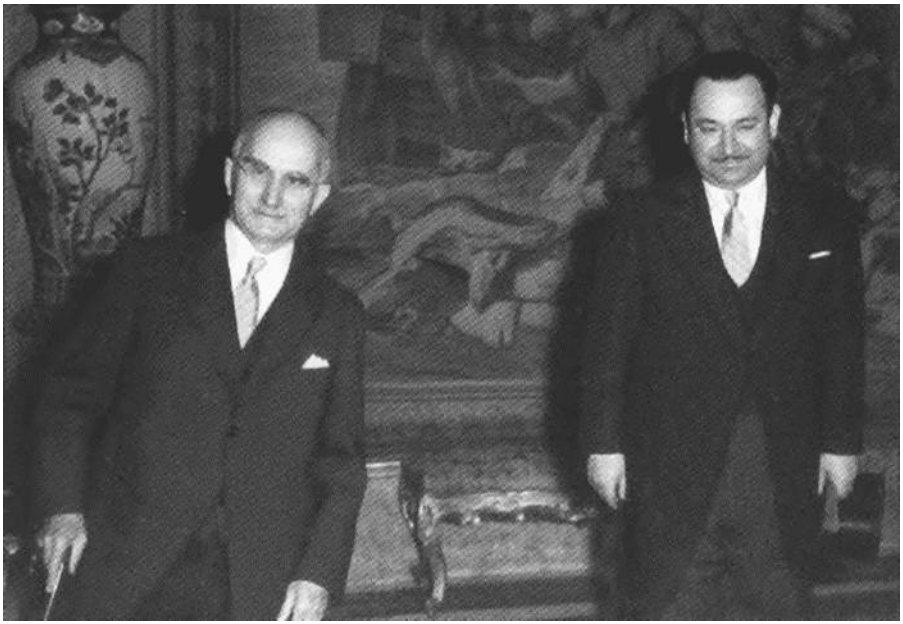


Иберо-американский институт в Берлине, возглавлявшийся Вильгельмом Фаунелем, центр шпионской работы рейха на Латинскую Америку.

«Артур» и «Луиза» в Бразилии. 1946.

Авенида Риу Бранку в Рио-де-Жанейро. 1940-е гг.

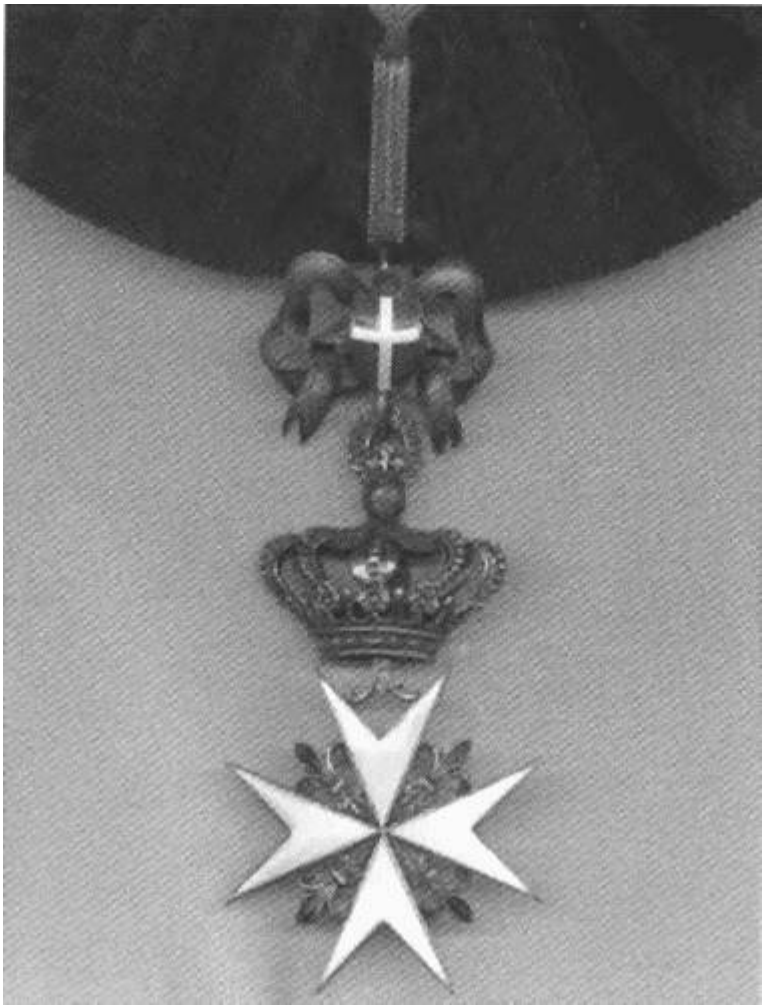
Иосиф Григулевич — пробная съемка, для использования в роли латиноамериканского бизнесмена-плейбоя. 1948.



Посол Коста-Рики на приеме у президента Италии Луиджи Эйнауди. 14 мая 1953 г.

Посольство Коста-Рики в Риме.

Хоакин Гутьеррес, коста-риканский писатель и журналист, и его жена-чилийка Елена Хеорхе де Нассимьенто. Начало 1950-х гг.



Крест Мальтийского ордена — награда коста-риканскому послу Теодоро Б. Кастро (советскому резиденту Иосифу Григулевичу).

Прием в Кремле югославской правительственной делегации. Слева направо — И. Б. Тито, И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. Я. Вышинский. 1946,

ПРАВДА 3

Титовцы — прислужники империализма

Рудольф СЛАНСКИЙ

Генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии

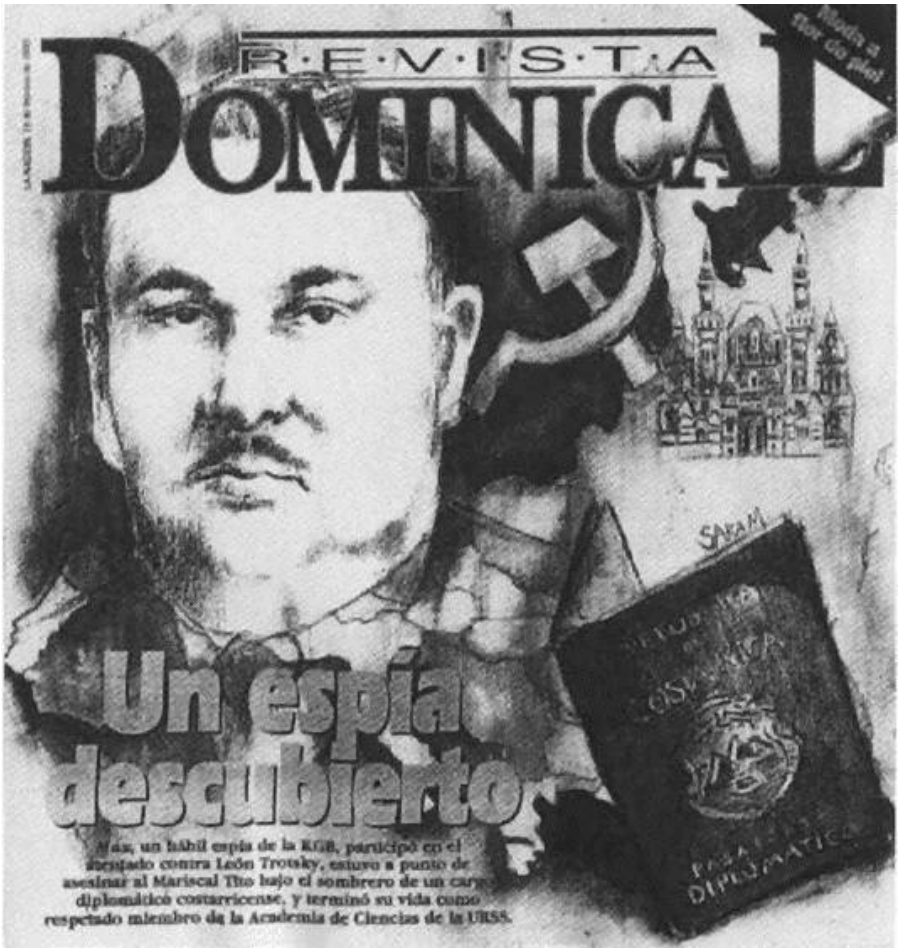
Одна из публикаций советской прессы после разрыва отношений с Югославией. Газета «Правда», 1949.

Карикатура па И. Б. Тито. Кукрыниксы, 1949.

Президент Югославии Тито принимает посла Коста-Рики Теодоро Б. Кастро (И. Григулевича). 13 марта 1953 г.

Вспоминая совместную работу. В гостях у друга — сотрудника разведки П. Г. Громушкина. 1978.

Григулевич рассказывает…



Одна из публикаций коста-риканской прессы о загадке посла Т. Б. Кастро. Специальный выпуск газеты «Ла Насьон», 19 февраля 1995 г.

С сотрудниками сектора зарубежной этнологии и религиеведения у Института этнографии АН СССР (И. Григулевич — четвертый справа).

Институт Латинской Америки АН, создававшийся при активном участии И. Р. Григулевича. Здесь ему не довелось работать. Современное фото.

Подписывая очередную книгу.

С кубинской делегацией. В центре — балерина Алисия Алонсо и Валентина Терешкова,

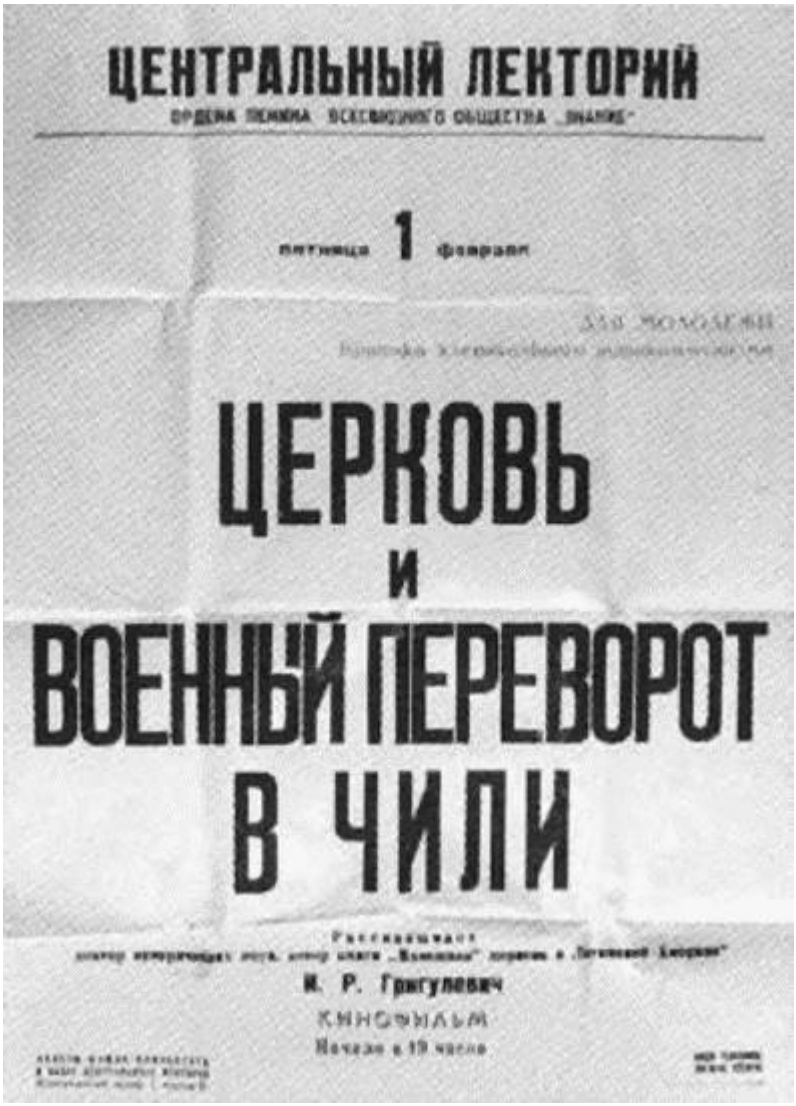
Некоторые из многочисленных книг профессора Григулевича.

Звезда и орден Франсиско до Миранды.

Посол Венесуэлы в Москве Р. Бурелли Ривас награждает И. Р. Григулевича орденом Франсиско де Миранды за особые заслуги перед наукой. 1974.

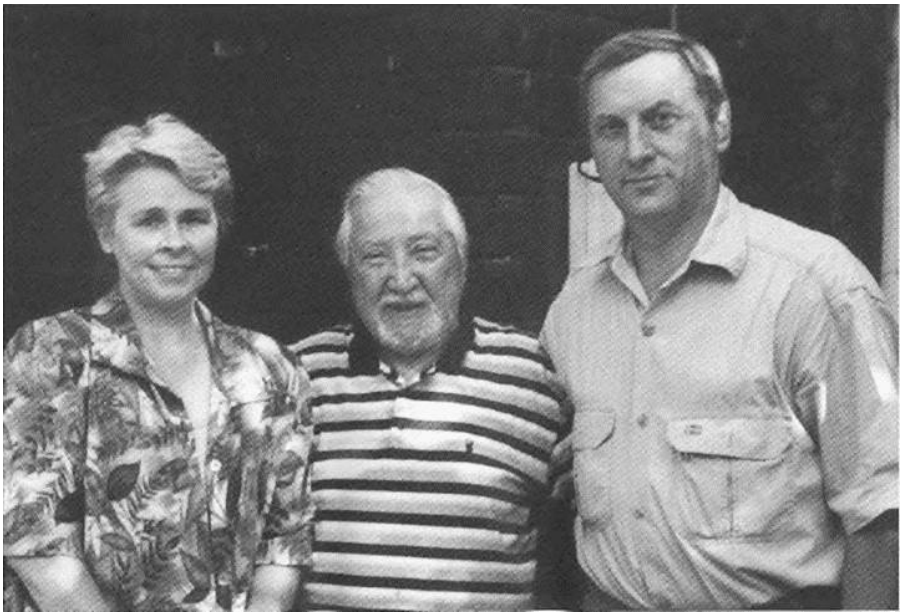
И. Григулевич и балерина О. Лепешинская в Доме дружбы с зарубежными странами. Середина 1960-х гг.

И. Григулевич и композитор Л. Хачатурян среди сотрудников и гостей ВОКСа.



Афиша одной из лекций И. Григулевича. 1974.

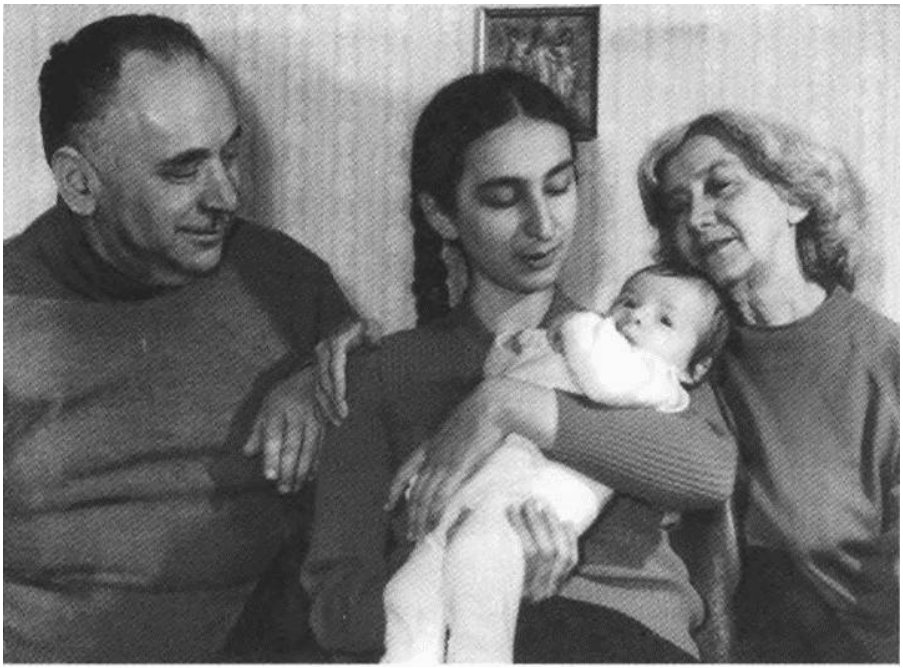
И. Р. Григулевич на пороге шестидесятилетия.



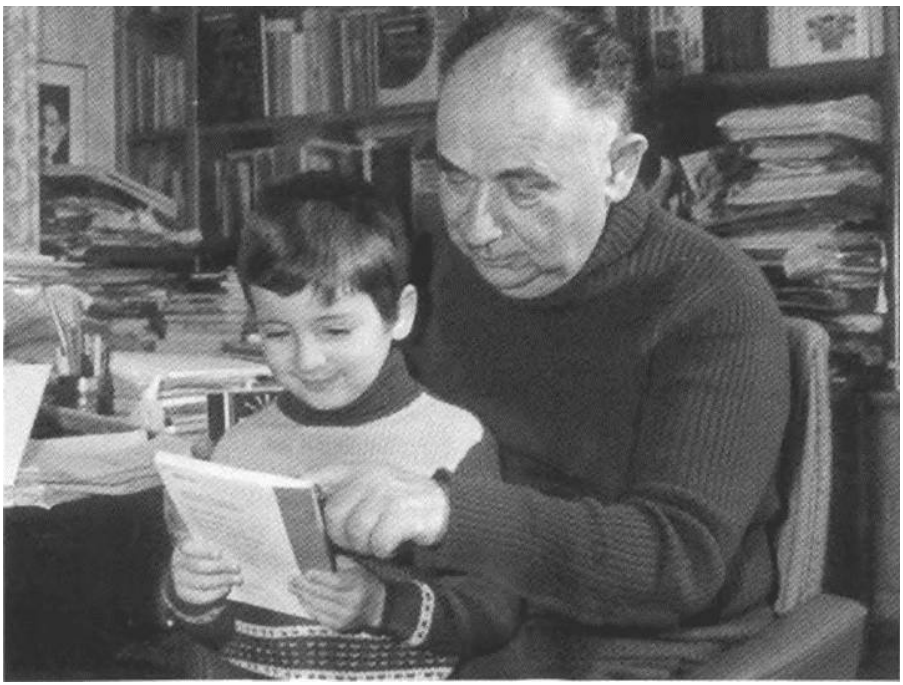
Луис Корвалан (в центре) делится с российскими журналистами воспоминаниями об Иосифе Григулевиче. Современное фото.

Лаура с дочерью Налей. Москва, 1954 г.

Дочь Надежда. 1967



Иосиф Григулевич в семейном кругу. В центре — дочь Надежда с сыном Максимом, справа — Лаура. 1975.



И. Р. Григулевич с внуком Максимом Линником. 1980.

Иосиф Григулевич, разведчик и ученый, выступает перед будущими сотрудниками разведки.

notes

Примечания

1

Павел Анатольевич Судоплатов — выдающийся советский разведчик (1907—1981). Родился в Мелитополе в мещанской семье. В 1921 году был направлен на работу в Особый отдел 44-й дивизии. Участвовал в борьбе с бандитизмом на Украине. С 1931 года переведен в ИНО ОГПУ. С 1934 года — на нелегальной работе в Финляндии, Германии и других странах. В 1941 году назначен зам. начальника 1-го Управления НКВД (разведки). На счету Судоплатова немало спецопераций, которые до сих пор засекречены. По обвинению в «пособничестве Берии» был осужден на 15 лет лишения свободы, которые полностью отсидел. Посмертно реабилитирован в 1992 году.

2

Наум Исаакович Эйтингон (1899—1975) родился в Могилеве в семье конторщика бумажной фабрики. Учился в Могилеве ком коммерческом училище. В 1917 году вступил в партию эсеров, но довольно быстро разочаровался в «романтике террора» и в конце 1919 года стал членом РКП(б). На чекистскую стезю Эйтингон вступил в мае 1920 года, участвуя в борьбе с бандформированиями на территории Гомельщины и в Других «горячих точках» страны. Весной 1923 года его откомандировали в Москву в распоряжение Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ. Эйтингон совмещал «курирование» нескольких зарубежных резидентур с учебой на восточном факультете Военной академии Генштаба. В 1925 году был направлен на нелегальную работу в Китай. Затем последовали не менее сложные миссии в Турции, Франции, Бельгии, США, Иране, Германии, информация о которых до сих пор закрыта.

З

Викторио Кодовилья (1894, Италия — 1970, Москва) — деятель аргентинского и международного рабочего движения. В 1912 году в связи с преследованиями за революционную работу эмигрировал в Аргентину. Один из основателей КПА. Был организатором выступлений трудящихся Аргентины в защиту Советской республики. В 1926—1928 годах — представитель КПА в Исполкоме Коминтерна, затем — до 1930 года — секретарь Южноамериканского бюро Коминтерна. С 1941 года — бессменный лидер КПА.

Советская этнография. 1989. № 1. 18

5

См. также: *Katamidze S.* KGB. Leales camaradas, asesinos implacables. LIBSA, 2004. P. 80.

6

Здесь и далее в тексте некоторые фамилии и псевдонимы изменены.

7

В странах Латинской Америки МОПР нередко называли «Красной помощью», «Socorro Rojo» по-испански

8

Teitelboim V. Un muchacho del siglo veinte. Ed. Sudamencana Chilena, 1997. P. 246-247.

9

Л. К. Престес (1898—1990) — профессиональный революционер, руководитель вооруженного восстания в Бразилии в конце 1935 года, организованного Коминтерном. Возглавлял БКП. *Р. Гиольди* (1897— 1985) — деятель рабочего и коммунистического движения Аргентины, один из основателей (1918) и руководителей КПА. С 1928 по 1943 год являлся членом Исполкома Коминтерна, часто формально, так как подолгу находился в тюрьмах Бразилии и Аргентины. Видный теоретик марксизма.

10

La Delegacion de Asociaciones Israelitas Aiˆgentinas (DAIA) — Представительство еврейских ассоциаций в Аргентине.

11

Botana H. I. Memoria tras los dientes del perro. Buenos Aires, 1977. P. 163-167.

12

La Nation. 1936. 21 июля.

13

Особое задание. Сборник чекистских рассказов. М.: Московский рабочий, 1977.

14

Название города, в котором формировались части Интербригады.

15

Здесь Григулевич сознательно исказил дату и причину отъезда из Испании.

16

Существует мнение, что под видом эмиссара Коминтерна скрывался И. Григулевич, но эта версия требует дополнительного исследования.

17

Campa V. Mi testimonio. Memorias de un comunista mexicano. Mexico: D.F., 1985. P. 161-162.

То есть Лубянки, НКВД.

19

Леопольдо Ареналь родился в 1911 году в городе Агуаскальентес (Мексика). В 1932 году вступил в молодежную организацию МКП, стал редактором газеты «Спартак». В 1935 году перешел на освобожденную партийную работу.

20

П. Пастельняк — кадровый работник разведки, обеспечивавший, как бы сейчас сказали, всю оперативную логистику «Тома» и «Фелипе», в том числе связь с Москвой. Ему передали на связь нескольких агентов и содержателей конспиративных квартир в Соединенных Штатах для укрытия, в случае необходимости, основных участников операции «Утка».

21

Исхак Абдулович Ахмеров (1901—1975) принадлежал к блестящей плеяде советских разведчиков 30—40-х годов. На работу в органы государственной безопасности был принят в 1930 году. Впервые на нелегальную работу в США выехал в 1935 году.

22

Яков Наумович Голос (Рейзен), «Звук», родился в 1889 году в Екатеринославле в семье рабочего. Являлся профессиональным революционером. В 1906-м бежал из сибирской каторги через Китай и Японию в США, где натурализовался в 1915 году. В середине 20-х жил и работал в СССР. Вернувшись в США, создал разветвленную разведывательную организацию. Прикрытием для работы «Звука» служило туристическое бюро «Ворлд туэрист инк». Умер Я. Голос в ноябре 1943 года.

23

«Венона» — название сверхсекретной операции спецслужб США по расшифровке дипломатических и разведывательных кодов СССР, начатой в 1943 году В 90-х годах многие материалы этой операции были преданы гласности

24

Каридад дель Рио родилась в 1892 году в Сантьяго-де-Куба. Ее отец был губернатором провинции и вошел в историю острова тем, что первым дал вольную черным рабам. В начале XX века семья переехала в Испанию. Каридад отдали в привилегированную школу «Саградо Корасон де Хесус». Потом — замужество. Она стала добропорядочной матерью, исправно рожала детей: четырех сыновей — Пабло, Рамона, Хорхе, Луиса и дочь Монсеррат. Однако в начале 20-х Каридад Меркадер увлеклась политикой — безоглядно, самоотверженно — и сблизилась с анархистами, богемой, бунтующими интеллектуалами. Где-то в 1934— 1935 годах она вступила в компартию Франции. В 1936-м Каридад была привлечена к сотрудничеству с НКВД.

25

Узнав из утренних радиосообщений о нападении на Троцкого, Ривера срочно выехал в США. Он знал, что попадет в число подозреваемых. И не только из-за Альмасана, но и раздутой прессой «любовной истории» между Троцким и Фридой. Некоторые сообщения о покушении начинались словами: «Ривера из-за ревности пытался убить Троцкого».

26

Накануне отъезда в Мехико «Амур» получил инструкции: с первого дня пребывания в «крепости» вести наблюдение за Троцким и своевременно выявлять «его заговорщицкие действия против Советского Союза и Сталина».

27

Леопольдо Ареналь несколько лет проработал в США механиком, хорошо говорил по-английски.

К таким посмертным «жертвам» секты «Череп и кости» относят, в частности, панамского президента Омара Торрихоса. Его могила была тоже профанирована.

29

Тир — кодированное название Нью-Йорка

Здесь и далее использованы архивные материалы ФБР, опубликованные в Интернете.

31

В данном случае агент Х. сообщил в ФБР неточную информацию. Причиной ошибки было невероятное сходство братьев Ареналь. Типографию для МКП приобретал Леопольдо, а не Луис. «Порочащий слух» о растрате партийных средств распространялся им сознательно, как часть легенды, которая мотивировала «разрыв» с компартией и возможность последующего «перехода» в лагерь троцкистов. Лидеры МКП знали о «переходе» Леопольдо на «другую работу».

32

По кодированной переписке НКВД «южносельский» означало «южноамериканский».

33

Имеются в виду сестры и братья Лауры. В семье Араухо было 12 детей.

34

Посольство СССР обосновалось в Мехико во второй половине 1943 года.

35

А. Купер начал сотрудничать с советской разведкой в годы гражданской войны в Испании. Родился он в Женеве, в испанской семье с «еврейскими корнями», которая затем перебралась в испанский портовый город Виго.

36

Посол К. Уманский погиб в авиакатастрофе в декабре 1944 года, направляясь в Коста-Рику для вручения верительных грамот. Подлинная причина аварии до сих пор не установлена.

37

Марта Брунет Каравес родилась в городе Чильяне в 1897 году. Первые рассказы опубликовала в городской газете «Ла Дискусьон». Находилась на консульской и дипломатической работе в Аргентине, Бразилии, Уругвае. В 1953 году была избрана президентом Ассоциации писателей Чили. В 1962-м — президентом Пен-клуба страны. В 1961 году ей была присвоена Национальная премия Чили по литературе. К концу жизни практически ослепла, несмотря на многочисленные операции. Умерла в 1967 году в Монтевидео от сердечного приступа.

38

Получили свои кодовые имена и другие страны в Латинской Америке: Чили — «Прибрежная», Гватемала — «Метисы», Панама — «Бананы», Гондурас — «Лесники», Коста-Рика — «Выходцы» и т. д.

39

С началом Великой Отечественной войны дело «Пшеничная» заметно трансформировалось. Достаточно отметить, что в нем, благодаря усилиям одного из членов Кембриджской пятерки, появились сводки радиообменов между нацистской агентурой в Аргентине и абверовским центром в Гамбурге, перехваченных английской разведкой. Кроме того, в Москве, благодаря другому члену «пятерки», регулярно читали дипломатическую переписку посла Великобритании в Буэнос-Айресе Келли с Форин-офисом.

40

Паспорт Леопольдо Ареналя был сделан на имя Франсиско Хосе Гильена и Фернандеса.

41

Подробно об Августе Гуральском (А. Я. Хейфеце) см.: *Хейфец Л. С.* Латинская Америка в орбите Коминтерна (Опыт биографического словаря). М., 2000. С. 60-61.

42

См.: *Ravines E.* La Gran estafa. La Penetracion del Kremlin en Iberoamerica. Mexico: Ed. Diana, 1981.

43

Н. М. Белкин родился в 1893 году в городе Жлобин (Белоруссия). К разведработе был привлечен за границей во время командировки по линии НКИД и НКВД на Ближний, Восток (Аравия) в 1924 году. В 1929 году был назначен резидентом в Йемене, в начале 30-х годов работал в Персии. В 1933—1934 годах находился на нелегальной работе в Болгарии и Югославии. После Уругвая в 1935 году Белкин был командирован в Берлин. С сентября 1936-го по август 1938 года был заместителем резидента НКВД в Испании Александра Орлова («Шведа»). Служебная близость к Орлову сыграла негативную роль в дальнейшей карьере Белкина. В 1938 году Белкина уволили из разведки. Только в ноябре 1941 года его по ходатайству Судоплатова восстановили на работе и по линии 4-го Управления направили в Иран. В мае 1942 года Белкин умер от тифа в Тебризе.

44

А. Х. Артузов (настоящая фамилия Фраучи) (1891 —1937) — сотрудник ВЧК с 1918 года. С 1931 по 1935 год — начальник ИНО ОГПУ. По совместительству — зам. начальника Разведуправления РККА. В 1937 году в связи с так называемым «заговором генералов» был репрессирован. Реабилитирован посмертно.

45

Мануэль Деликадо Муньос (1901—1980) вступил в КПИ в 1926 году, во время 2-й Республики являлся членом Политбюро партии. В годы гражданской войны работал в Мадриде в Генеральном управлении по сельскому хозяйству. После поражения республики перебрался вначале во Францию, затем в страны Южной Америки (Чили, Аргентина, Уругвай). В Испанию вернулся в 1976 году. Являлся членом Исполкома КПИ до IX съезда, на котором был избран президентом Центральной комиссии по гарантиям и контролю.

46

La Comision Investigadora de Actividades Antiargentinas была создана в рамках палаты депутатов Национального конгресса Аргентины 20 июня 1941 года. В ее состав вошли депутаты Рауль Дамонте Таборда, Хуан А. Солари, Адольфо Ланус, Фернандо Прат, Сильвано Сантандер, Хосе Агирре Камара и Гильермо О'Рейли.

Корпус мины со съемной верхней крышкой изготавливался из латуни. Монтировался снаряд таким образом на дно латунного корпуса устанавливался запал, в верхней его части закреплялся матерчатый колпачок с воспламеняющимся веществом. Затем весь объем «фляжки» заполнялся зажигательной смесью и корпус закрывался крышкой Сочетанием свинцовой и пластиковой пробок достигалось нужное «замедление» При транспортировке мины «доставщик» должен был помнить крышку необходимо держать в положении «верх», в любом другом — неизбежно начиналась реакция. Для того чтобы не было роковых оплошностей, верхняя часть снаряда закрашивалась красным цветом

48

Видный деятель КПЧ, некоторое время был ее генеральным секретарем.

49

Карлос Контрерас Лабарка — генеральный секретарь КПЧ в 1931—1946 годах.

Позже Равинес признался в своих мемуарах «Обман в Иберoамерике», что начал «терять веру» в коммунизм еще в Испании, которую раздирала гражданская война. В Москве, откуда ему чудом удалось выбраться в самый разгар сталинских чисток 1937 года, это убеждение окончательно окрепло. «Прозрев», Равинес не торопился рвать с партией: надо было обеспечить себе запасную крышу, безбедное существование, «иммунитет» от полицейского преследования…

51

В начале 1945 года «Артур» написал в Центр о желательности отправки Пухоля в Мексику — с оплатой проезда. Однако Москва не согласилась «Пусть добирается самостоятельно Денег не давать — пропьет»

52

В октябре 1944 года паспортная «мастерская» была передана в распоряжение КПЧ. Под опекой партии «Рынок» существовал еще долго, изготавливая чилийские и испанские документы «безукоризненного качества». Марио Ауэса Абукалил тогда же отошел от всех дел, связанных с партийным заданием.

Christian Casanova Subercaseaux, «Natalie y El Hombre vestido de bianco». Ed. Rumbos, Santiago de Chile, 1990.

54

На адрес этого журнала по улице Нью-Йорк, 52, Кристиан из Испании направлял письма с сообщениями для «Педро».

55

См. о нем также: Ross Maijorie El secreto encanto de la KGB: las cinco vidas de Iosif Grigulevich. Ed. Norma, 2004.

56

По мнению перуанского политика и журналиста Мануэля Сеоане, именно через регулярное употребление «йерба-мате» шла постепенная ассимиляция иммигрантов в Аргентине и их «трансформация» в аргентинцев. Ритуал обязательного потребления «йерба-мате» неизбежно приводил к окончательной адаптации пришельца к местным порядкам, традициям и обычаям. См. статью «Национальная миссия нашей йербы-мате»// *Manuel Seoane.* Rumbo Argentine Santiago de Chile, 1935.

В одной из статей, посвященных деятельности диверсионной группы, Л. Воробьев приводит пример с гипсовым бюстиком В. И. Ленина на квартире «Грегорио». Несмотря на приказ избавиться от «компромата», он не смог уничтожить этот бюстик. И тут — полицейский налет. Выход из критической ситуации нашла Мария, жена «Грегорио». Она шумно возмутилась грубостью полицейских, стала скандалить, выхватила из посудного шкафа тарелку, а заодно и бюст, и со всей силой метнула их в стену. Посыпались осколки, улика перестала существовать. Разумеется, строптивых супругов забрали на несколько дней в полицию за попытку «сопротивления».

58

Фабрика «Industrias de Aceites y Ferreteria, S.A.» принадлежала тайному «финансисту» КПЧ Хосе Барчи Ребутти.

59

«Sociedad Manufacturera y Distnbuidora Orcred Limitada» с первоначальным капиталом в 100 тысяч песо. Затем капитал фирмы вырос до 500 тысяч песо (20 тысяч долларов).

60

Квартира Мигеля Кончи использовалась «Алексом» для конспиративных встреч. В 1943—1944 годах Конча учился в мексиканском рабочем университете и близко сошелся с Ломбарде Толедано, председателем Конфедерации трудящихся Латинской Америки. Мигель Конча стал министром сельского хозяйства в первом кабинете президента Габриэля Гонсалеса Виделы.

Впрочем, чилийская писательница Исидора Агирре вспоминала, что ее отец, инженер Фернандо Агирре Эррасурис, вручил Сикейросу значительную сумму, когда тот пожаловался, что «истратил все свои сбережения и потому не может вернуться на родину». В благодарность художник написал портрет жены Фернандо — красавицы Марии Туппер.

62

По словам Роблеса Гальдамеса, финансистами партии были также богатый аптекарь Умберто Андраде и фабрикант Джузеппе (Хосе) Барчи Именно Барчи купил на свое имя здание, в котором располагалась тогда штаб-квартира КПЧ «Алекс» иногда обращался к Андраде и Барчи за финансовой помощью/

Григулевич И. Р. Сикейрос. М., 1980. С. 101-106. 248

В «Биографическом словаре Чили» о нем сказано: «Родился в Сантьяго в 1905 году. Образование: Германский лицей и Католический университет, ряд учебных заведений в Париже. Декан архитектурного факультета в указанном университете, позднее его ректор. В 1952 году возглавлял национальную делегацию на X Панамериканском конгрессе в Мехико. Совладелец фирмы “Артеага и Ларраин”. Член Клуба “Унион”».

65

Nuevo Zig-Zag. I953. 4 июля. 256

66

Акилес Аумада Фриас большую часть своей жизни прослужил в Корпусе карабинеров. Президент Х. Риос назначил его на пост директора криминальной полиции для усиления своего контроля.

Наиболее ценным приобретением гуверовцев стал Этторе Виола, бывший депутат итальянского парламента, разделявший в начале политической карьеры социалистические идеи «раннего Муссолини». Виола был «приобщен» к работе в организации «Италия Либре» в середине 1942 года. Сделано это было на конгрессе «свободных итальянцев» в Монтевидео, через Серафина Ромуальди, делегата нью-йоркского общества Мазини. Виола, как и другие «прозорливые» деятели «Италия Либре», понимал, что после падения Муссолини позиция Вашингтона будет решающей в деле возрождения страны и формирования послевоенного правительства.

68

Виктор Дефрутос родился в 1906 году в Росарио (провинция Санта-Фе), в семье испанского рабочего, приехавшего на заработки в Аргентину В 1933 году Виктор переехал в Испанию Был секретарем райкома КПИ в Мадриде, с началом гражданской войны перешел на «руководящую военную работу», командовал 10-й дивизией После поражения Испанской республики выехал в Советский Союз и был направлен на учебу в политшколу Коминтерна.

Ненужность миссии Дефрутоса впоследствии проявилась в судьбе радиостанции в 750 ватт — любимого детища Дефрутоса. Аппарат, который смонтировал в Сантьяго радист Виктор, так и не пригодился. В КПЧ не хотели прямых радиопереговоров с Москвой, подставлять себя под удар в случае провала, опасались возможных обвинений в том, что партия, несмотря на роспуск Коминтерна, все еще «зависима» от ВКП(б).

Whitehead D. Histona del F.B.I. Buenos Aires: Ed. Sopena Argentina S.A. 1959. P. 263-264.

Существует легенда о том, что Григулевич лично (!) закладывал зажигательные и взрывные устройства в трюмы. Это не соответствует действительности. Руководство Д-группой он осуществлял через «Бланков и с ее членами из соображений конспирации и безопасности прямых контактов не поддерживал.

Испанское написание — *Grupo Obra de Unification.*

73

В начале 1945 года Э. Пекчио вернулся в Венесуэлу. Несколько его писем из Португалии и Испании в Нью-Йорк были перехвачены контрразведкой США. По этой причине в Москве решили, чтобы не подвергать его опасности, связь с ним прекратить.

Президент Ортис умер 15 июля 1942 года.

75

Cifuentes L. S. Kirberg. Testigo y Actor del Siglo XX. Santiago, 1993. P. 37. В период диктатуры Пиночета американские власти предоставили Кирбергу политическое убежище в США, несмотря на его членство в КПЧ. Судя по всему, «ведомство Гувера» не забыло о помощи, которую оказывал Кирберг в борьбе с нацистами.

76

Имя Тересы Проэнсы фигурирует в материалах расследования убийства Дж. Ф. Кеннеди, поскольку в период ее работы в посольстве Кубы в Мехико она встречалась с Ли Харви Освальдом по визовым вопросам. В начале 60-х годов Т. Проэнса была арестована кубинской контрразведкой и осуждена на несколько лет тюрьмы за «связь с ЦРУ».

La Nacion. 1944. 1 января.

Годы его жизни: 1913—1974. О В. В. Рябове: *Папоров Ю.* Академик нелегальных наук. СПб., 2004.

79

Председатель комиссии радикал Рауль Дамонте Таборда подозревался в работе на американское посольство (позже когда получили подтверждение, были обнародованы «рабочие» псевдонимы парламентария — «Ньютон» и «Миф»).

Воробьев Л. И. Вдали от линии фронта. Документальный очерк о боевых действиях советской нелегальной разведывательной службы в Аргентине в 1942—1944 годах. М., 1971.

Varas J. M. Las pantuflas de Stalin. CESOC ed. ChileAmerica, 1990.

Папоров Ю Академик нелегальных наук. СПб, 2004. С 111.

Тико — то есть костариканец.

Ross M. El secreto encanto de la KGB: las cinco vidas de Iosif Grigulevich. Ed. Norma, 2004. В коста-риканских рецензиях на книгу о Григулевиче отмечалось, в частности, что это объективное свидетельство о человеке выдающихся личных качеств, который входит в список великих агентов, прославивших советские специальные службы.

85

Существует мнение, что Григулевич «сократил» имя Боннефил до буквы Б., потому что у многих костариканцев оно неизменно ассоциировалось с семьей Хоакина Гутьерреса.

Gutierrez M.J. Los azules dias Ed de la Universidad de Costa Rica, 1999 P 102

87

В сентябре 1950 года на основании специального постановления Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ вместо отжившей свое службы «ДР» было создано Бюро № 1 во главе с П. Судоплатовым, которое по заданиям руководства СССР занималось ликвидацией враждебных партии и государству элементов за рубежом

88

Латинская Америка 1993 № 3 С 65

В этом с Григулевичем трудно согласиться: в ходе боевых действий за 44 дня с обеих сторон погибло около двух тысяч человек.

Григулевич И. Р. Папство. Век XX. М, 1978. С. 258.

91

Т. Баррос ошибся, датируя снимок. Без всякого сомнения, он был сделан не позднее ноября L953 года. В это время резидент «Макс» готовился к отъезду из Италии.

92

СИФАР была создана в сентябре 1949 года. Первым ее начальником стал бригадный генерал Джованни Карло Ре.

Одна из таких нагрузок: пост исполнительного секретаря зонального интеграционного объединения стран Центральной Америки. Теодоро Б. Кастро был избран на эту должность коллегами-послами в 1952 году. Подобные группы были созданы во всех крупных столицах Европы.

Теодоро Б. Кастро пробыл в Париже всю вторую половину августа 1951 года.

Tov M.A. El Murmullo de Israel. Jerusalem, 1983. P. 181—182.

96

Александр Михайлович Коротков (1909—1961) был принят на работу в органы государственной безопасности в 1928 году. В совершенстве владея немецким и французским языками, неоднократно выезжал за рубеж в качестве разведчика-нелегала. Руководил группой немецких подпольщиков-антифашистов, известной под названием «Красная капелла». Долгие годы возглавлял оперативное управление, занимавшееся подготовкой нелегалов.

Здесь и далее использованы некоторые факты из статьи С. Я. Козлова «Две жизни И. Р. Григулевича (к 90-летию со дня рождения)».

Скончался Эйтингон в 1981 году Только через десять лет Главная военная прокуратура России вынесла заключение, что в действиях Эйтингона за все годы службы не выявлено фактов, которые могли быть инкриминированы ему как преступные

Составлен Ю. П. Скоробогатовой.